

ВЕСНА ГЕЛЛИКОНИИ

**БРАЙАН
ОДДИСС**

ВЕСНА ГЕЛЛИКОНИИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**БРАЙАН
ОДДИСС**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

BRIAN
ALDISS

Heliconia Spring

БРАЙАН

ОЛДИСС

Весна Гелликони

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕРМАК

Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

О-53

Серия основана в 1999 году

Brian Aldiss
HELLICONIA SPRING
1982

Перевод с английского О. Колесникова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Curtis Brown c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 25.08.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 7000 экз. Заказ № 1699.

Олдисс Б.

О-53 Весна Гелликонии: Фантаст. роман / Б. Олдисс; Пер. с англ. О. Колесникова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 509, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-020157-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0680-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Перед вами — одно из лучших творений Олдисса. «Космическая сага», сравнимая по масштабу, увлекательности и эпизму лишь с «Дюной» Фрэнка Герберта.

Сага о планете Гелликония, на которой каждый «великий год» — это время жизни сотен поколений. О планете, солнце которой снова и снова оборачивается вокруг более яркой звезды, неся с каждым оборотом коренные перемены климата и экологии.

Это мир, прописанный до мельчайшей детали — от военного искусства до дипломатии, от науки — до философии.

Добро пожаловать в Гелликонию!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Brian Aldiss, 1982

© Перевод. О. Колесников, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

Вступление

Мой друг-издатель пытался уговорить меня написать книгу, которую я писать совсем не хотел. Пытаясь избавиться от навязчивых уговоров, я ответил ему письмом, предлагая написать для него нечто другое. То, что зрело у меня в голове, представляло собой планету, очень похожую на Землю, но с гораздо большей протяженностью года. Мне надоели наши быстротечные 365 дней.

«Назовем эту планету, допустим, Гелликония», — написал я под влиянием секундного порыва.

Так родилось имя. *Гелликония!* Из названия выросла книга.

За прошедшие годы наука породила множество удивительных концепций. Но еще богаче разнообразием Научная Фантастика. В ней мы становимся свидетелями бурных процессов, чрезвычайно отдаленных от нашей солнечной системы в пространстве и времени. Космологи, когда говорят о каком-то новом понятии или явлении, часто используют выражение: «Звучит как научная фантастика». Совершенно верное замечание, отражающее связь между наукой и литературой.

Эту связь точно определить невозможно, ибо наука неустанно проникает в нашу жизнь, к тому же и ученые, и писатели — люди весьма капризного и переменчивого нрава. Однако несомненно, что научная фантастика играет важную предсказательную и описательную роль. Она пытается идти впереди науки, стараясь предвидеть будущее развитие или отклонение, изменение курса; с другой стороны,

научная фантастика литературно драматизирует новые достижения науки, придавая голым (и зачастую сухим) фактам вид, более привлекательный для широких читательских масс.

Пример первого метода (под названием «Поживем-увидим») — роман Грегори Бенфорда «Ландшафт времени», в котором автор оперирует сложными понятиями теории времени, лишь совсем недавно ставшими предметом дискуссий научного сообщества.

Пример второго метода («Пищеварительного тракта») — роман Герберта Уэллса «Машина времени», в котором Уэллс показывает нам, помимо всего прочего, возможность гибели солнечной системы — что было в момент написания романа Уэллсом довольно свежей идеей.

В «Гелликонии» применен именно метод «Пищеварительного тракта». В 1970 году, в пору, когда эта книга еще представляла собой строительную площадку, фундамент, открытый враждебным небесам, Джеймс Лавлок написал и опубликовал небольшую книгу под названием «Гайя: Новый взгляд на жизнь на Земле». Название Гайя было предложено одним из друзей Лавлока (которого я тоже имею честь именовать своим другом), писателем Уильямом Голдингом. Гайя — богиня Земли в древнегреческой мифологии; Лавлок измыслил и изложил более современную версию сего могущественного персонажа. Лавлок отметил, что продолжающаяся жизнь на Земле уже сама по себе — чудо. Жизнь продолжает существовать, несмотря на поразительно узкий диапазон приемлемых для нее химических и физических параметров — причем эти параметры подвержены отклонениям.

Как же случилось, что температура атмосферы нашей Земли не поднялась в далекие времена до недопустимо высокого уровня, как случилось на «сестре» Венере; как же вышло, что соленость океанов не поднялась до уровня чистого яда, как в Мертвом Море; почему атмосферный кислород не весь оказался связанным в форме оксидов, а водород не улетучился из верхних слоев атмосферы? Ответ Лавло-

ка, известный как «гипотеза Гайя», сводится к тому, что все на Земле — это биомасса, представляющая собой саморегулирующееся единство, живое, но, понятно, лишенное сознания. Гайя — это не какой-то конкретный центр, не премьер-министр или парламент, не *Отец*, и даже не греческая Богиня; деятельность ее осуществляется в виде никем не регулируемой совокупности процессов, сформировавшейся за миллионы лет. Скрытый смысл сводится к тому, что совместными усилиями бактерии и иные силы построили и укрепили живой мир, который мы видим вокруг нас и который наилучшим образом соответствует существованию самих этих мельчайших сил, причем в процессе жизнедеятельности этого мира человечество играет лишь незначительную роль.

Я проникся доводами Лавлока, предложенными им в этой его первой книге, точно так же, как когда-то раньше был пленен романом Томаса Харди.

Характерно, что Лавлок является независимым биологом довольно старомодного типа, не прибегающим к поддержке какого-либо университета или института. Гипотеза Лавлока основана на собственной методике наблюдений и исследований, что было фирменным знаком работ Чарльза Дарвина. Дарвин видел суть там, где наш взгляд лишь скользил по поверхности. Лавлок особо отметил, что то, что он называет «мудростью города», фактически есть центр проблем человеческих взаимоотношений, аналогично тому, как в обыденных людских делах мудрость означает способность воздавать должное грузу взаимоотношений с окружающим живым и неподвижным миром.

Он пишет: «Я делаю вывод на основании личного опыта, когда указываю, что те из нас, кто предпочел отправиться странствовать на кораблях в далекие страны, ничтожества по сравнению с теми, кто избрал уделом работу в городских учреждениях».

Из собственного опыта, своих путешествий и пристальных наблюдений Лавлок сумел выстроить глобальную теорию. Меня она привела в восторг. Имеется ли в теории

Лавлока *зерно истины* или нет, может быть доказано только на основании обширного анализа, но мое внимание привлек в ней тезис, несущий с собой новое понимание. Лавлок писал в период «холодной войны», в ту пору, когда все мы жили под угрозой ядерного пожара и всеобщей катастрофы, вслед за которой неминуемо наступает ядерная зима. Приход ядерной зимы означал собой осквернение и гибель природы и всего живого, насилие и убийство Гайи.

Вот такие передовые идеи бродили в моей голове, когда я засел за семилетний труд написания «Гелликонии». В своей книге я надеялся придать более широкий размах гипотезе Лавлока и драматизировать ее.

Под обложкой этой книги научно-фантастический роман. Речь в нем идет об обычных смертных людях, существующих в обычном, подверженном ошибкам мире, таких же, как мы с вами — и рядом с этими людьми существуют чужаки, подобные тем, какие есть и внутри каждого из нас. Хотя с виду мои слова могут показаться неправдой, но я не собирался вкладывать в эту вводную часть заметный научный смысл. Научно-фантастическая литература является прежде всего литературой фантастической, а не научной, и обязана подчиняться многим обычным литературным правилам, иметь меру воображения — ведь доказательств того, существует ли жизнь где-нибудь еще в галактике, по сию пору нет.

Глубоко заинтересовавшись взаимным влиянием деловых отношений, экономики, идеологии и религии, я написал роман «Жизнь на Западе», глубоко затрагивающий данные тематики, по отношению к которым я, тем не менее, оставался сторонним наблюдателем. Почувствовав, что этот роман воспринят с достаточным интересом, я загорелся надеждой написать нечто подобное большего масштаба.

Таким образом, сначала была изобретена аллегория, в которой три главных способа власти воплощены тремя

континентами Гелликонии. На мое счастье, эта схема вскорости ушла сама собой — но после того как большая вода схлынула, три континента остались — Кампаннлат, Геспагорат и Сиборнел.

К этому времени на поверхность поднялись творческие инстинкты, отодвинув на задний план инстинкт логического рассуждения. Противоречивые побуждения, которыми наполнен наш разум, как представляется, способны принимать самые удивительные сочетания. Население целой планеты вдруг проявилось из тьмы небытия, шурша своими странными одеждами. Удивительный процесс созидания, действующий словно бы независимо от автора, представляет собой одно из высших наслаждений писательского ремесла.

Таким образом, мне предстояло выдумать историю. Даже три истории.

У меня уже были основные идеи, когда я понял, что намереваюсь вывести на страницах довольно большое количество действующих лиц.

То, чего мне никак не удавалось сначала вообразить, это как *должна выглядеть растительность Гелликонии*.

Я был в тупике. Мои три главных советчика, Том Шиппи, Иэн Николсон и Питер Каттермоул, потрудились на славу, набив мне голову филологическими и космологическими сведениями. И все равно никакими усилиями не вырисовывалось в сознании, каким должно было быть дерево Гелликонии. Если смогу вообразить дерево, говорил я себе, то тут же смогу нарисовать, отталкиваясь от этого, всю двойственную биологическую систему, которую я — мы — задумали изобразить.

Однажды в 1980 году я отправился из Оксфорда в Лондон, чтобы принять участие в очередном заседании Британской ассоциации научной фантастики. Время близилось к вечеру, когда поезд подъехал к электростанции вблизи Дидкода. Проезжая здесь с женой, мы часто любовались градириями электростанции; разве не были они прекрасны, в определенном смысле и с определенного расстояния?

Разве нет своеобразной красоты в промышленном пейзаже? Джон Китс наверняка сумел бы найти в этой картине свою «вечную отраду».

В тот вечер солнце уже почти зашло за горизонт и освещало градирни сзади. Из их жерл к подсвеченному остатками заката небу поднимались огромные клубы пара. Градирни и пар составляли единое целое, темные на светлом фоне.

Да! Вот передо мной деревья Гелликонии!

Градирни, эти цилиндрические конструкции с узкими, словно перетянутыми корсетами, викторианскими талиями, были стволами. Вздвигающиеся, плывущие и растворяющиеся в воздухе клубы пара — раскидистой листвой. Такая листва появляется на стволах только в определенное время года.

Это было мгновение необходимого мне озарения. С того момента я и начал писать этот научно-фантастический роман. Среди множества персонажей, с которыми мне пришлось иметь дело, наиболее симпатичной мне была Шей Тал, сумевшая доказать силу науки на Рыбьем озере; красавица-королева Лета, МирдемИнгалла; молодой Лутерин; а в особенности ледяной капитан Мунтрас, занятый делом, которое когда-то было в чести и на нашей Земле, в эпоху до холодильников, доставляющий на продажу то, что одни проклинаят, а другие славят.

Целая череда образов развернулась из одного названия — Гелликония, подобно тому, как вся вселенная некогда образовалась из единого первородного атома. Принцип тот же самый. Во второй книге это отражено особенно ясно. Закончившийся поражением поход через леса Рандонана, леса великих дождей, в единое мгновение взметнувшихся в небеса, через то, что ныне представляется вечным, а раньше, несколько поколений назад, было лишь горстью орехов и семян.

После того как был написан и опубликован третий том, мой пышущий энтузиазмом друг-издатель Том Марчлер как-то пригласил меня выпить и спросил:

- В двух словах, о чем твоя «Гелликония»?
Я смог только пожать плечами.
— О переменах погоды... — наконец ответил я.

Большая часть романов о современности как правило отягощена ностальгией. Возможно, что одна из причин того, почему некоторые избегают фантастики, как и любви к ней другой части читателей, связана с тем, что фантастические романы целиком свободны от яда этого вечного желания оглянуться назад. Фантастика — это всегда взгляд в будущее, даже тогда, когда фантастика несет с собой предчувствие плохого.

Фантастическая литература являет собой дальнейшее расширение каких-либо тенденций текущей эпохи. Она занимает диапазон от дешевых романов в бумажных обложках до почетного места среди иных, более высоких форм культуры, иногда признанная, иногда нет, от поп-культуры до роскошных опер. Любопытно, что действие большинства научно-фантастических романов происходит вне пределов Земли, где-то весьма и весьма далеко. Часто острые жалы критики вонзаются в тела несуществующих мистерий.

Вот перед вами еще одна история, основное действие которой происходит за тысячи световых лет от Земли. Тем не менее содержание ее лежит к земным проблемам значительно ближе.

Специально для издания трех романов под одной обложкой я написал несколько приложений. В приложениях представлены главные направления развития сценического действия, как это принято для настоящей драмы. Драма будет прочитана и, надеюсь, доставит удовольствие; приложения же удовлетворят дополнительное любопытство.

Брайан Б. Олдисс, 1996

Мой дорогой Клив,

Вот эта книга перед тобой. Семь лет минуло с тех пор, как я впервые задумал этот роман. Эта книга, из трех романов, опубликована как раз в тот год, когда мы оба разменяли новый десяток лет, и твой возраст составил ровно половину моего.

Как-то раз, прогуливаясь по садику Зилари и размышляя над тем, какую фразу или оборот лучше применить здесь или там, я вдруг спросил себя, почему отдельные люди, составляющие в целом человечество, так долго и так тесно общаются друг с другом — и все равно разобщены? Возможно, этот фактор изоляционизма имеет нечто общее с тем, что заставляет нас, как вид, существовать отдельно от всей природы? Возможно, что мать-Земля, с которой ты столкнешься на страницах этого романа, не так уж хороша и весьма далека от идеала. Но как всякая настоящая мать, она обременена своими заботами — конечно, космического масштаба.

Так что вина в этом не только наша, но и Земли тоже. Мы должны принять неполноту совершенства в общем порядке вещей, как принимается существование желто-полосатой мухи. Последовательность времени, в течение которого происходят события всего описанного драматического действия, по выражению Дж. Т. Фрезера, может именоваться «чередой неразрешенных конфликтов». Мы должны принять происходящее с невозмутимостью Лукреция и питать ярость только к тому, к чему традиционно следует ее питать, а именно, к безумию изготовления и применения ядерного оружия.

Подобные темы обычно не затрагиваются литературой. Но я, как ты можешь видеть, чувствовал необходимость совместить и вкратце выразить эту идею.

Мой труд завершен. Стройная беспорядочность существования Гелликонии наконец перед тобой, и я надеюсь, что результат доставит тебе удовольствие.

*Твой любящий
Отец*

*Боард Хилл
Оксфорд*

ВЕСНА

ГЕЛЛИКОНИИ

Почему в памяти народов так мало великих свершений, почему так мало сохранилось памятников знаменательным деяниям? Дело, я думаю, в том, что *этот мир создан совсем недавно*; он просуществовал недолгий период времени и не имеет древней истории.

Именно поэтому некоторые виды искусств все еще совершенствуются — процесс их развития пока не завершен. Да, не много времени прошло с тех пор, как человек начал изучать природу, и именно потому я оказываюсь первым, кто описывает такое состояние мироздания.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей. 55 г. до н. э.

1

1904

2

1905

3

1906

4

5

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

Прелюдия: Юлий

Вот как Юлий, сын Алехо, пришел в страну под названием Олдорандо, где его потомки стали процветать в те более хорошие дни, которые вскоре наступили.

Юлию сравнялось семь лет, и он уже был практически взрослый мужчина. Он сидел, согнувшись, под кожаным пологом вместе со своим отцом, устремив взор в пустынный простор земли, которая даже тогда называлась Кампаннат. Юноша стряхнул с себя легкую дремоту, после того как отец ткнул его локтем в бок и хрипло произнес:

— Буря затихает.

Сильный ветер с запада дул уже три дня, неся с собой снег и льдинки с Перевала. Он заполнял весь мир воющим свистом, подобно громopodobному голосу, которого не мог понять человек, и превратил весь мир в серо-белый мрак. Выступ, под которым был устроен полог, плохо защищал от сильных порывов ветра. Отцу и сыну ничего не оставалось, как лежать, закутавшись в шкуры, дремать, изредка отправляя в рот куски копченой рыбы, и слушать, как над их головами неистовствует стихия.

По мере того как ветер стихал, усиливался снегопад. Снег падал густыми хлопьями, извиваясь, подобно парящему перу, над безрадостной пустыней. Хотя Фреир стоял высоко в небе, — ведь охотники находились в пределах тропиков, — оно казалось застывшим. Над их головами переливалось всеми красками позолоченной шали сияние, концы которого, казалось, касались земли, тогда как его складки поднимались все выше и выше, исчезая в свинцовом зените небосвода. Сияние давало мало света, не говоря уже о тепле.

Отец и сын поднялись, повинаясь инстинкту, потянулись, топая ногами и энергично хлопая себя по крепким туловищам. Никто не проронил ни слова. Говорить было не о чем. Буря закончилась. Теперь оставалось только ждать. Они знали, что йелки скоро появятся. Им уже недолго предстояло нести эту вахту.

Хотя местность была пересеченной, снег и лед придавали ей весьма невыразительный вид. Позади находилось возвышение, покрытое, как и все здесь, белым саваном. Только на севере проглядывала темно-серая мрачная полоса, где небо, все в кровоподтеках, сливалось с морем. Взоры мужчин были все время устремлены на восток. Когда они немного согрелись, то вновь уселись на шкуры, погружившись в томительное ожидание.

Алехо сел, положил свой локоть, облаченный в мех, на камень, и засунул большой палец глубоко в рот под левую щеку. Тем самым он поддерживал вес своего черепа, упиравшись пальцем в скульную кость и защищая глаза согнутыми пальцами в перчатках.

Сын его отличался меньшим терпением. Ему не лежало на шкурах, сметанных на скорую руку. Ни он, ни его отец не были рождены для этого вида охоты. Охота на медведя — другое дело. На медведя охотились еще их отцы, там, на Перевале. Однако сильный морозный ветер, продувавший в затянувшийся период бурь все проходы на Перевале, выгнал их вместе с больной Онессой на эти равнины с их более мягким климатом. Вот почему Юлий был так беспокоен, так возбужден.

Его больная мать и сестра находились всего в нескольких милях от них. Его дяди, вооруженные копьями из слоновой кости, отправились на санях к замерзшему морю. Юлию очень хотелось знать, как они пережили эту многодневную бурю. Может быть как раз сейчас они пируют, собравшись вокруг бронзового котла, в котором варится рыба или куски тюленьего мяса. При мысли о мясе, таком шершавом на языке, во рту у него навернулась слюна. Сглотнув ее, он ощутил мясной привкус, а в животе, в голодном желудке, заурчало.

— Смотри! — локоть отца коснулся его руки.

Высокая, цвета железа, стена быстро поднималась к небу, отчего все покрылось тенью, превратившись в какое-то пятно без очертаний. Ниже под обрывом, где они расположились, лежала в тисках льда великая река Варк — Юлий слышал, что ее так называли. Лед, покрывающий ее, был настолько глубок, что вряд ли кто-нибудь догадался бы, что это река. Стоя по колени в сугробе, они услышали слабый звон под ногами. Алехо остановился, уперся концом копья в лед, а другой конец приложил к уху. Он долго прислушивался к темному потоку воды где-то у себя под ногами. Противоположный берег реки неясно вырисовывался своими холмами, кое-где помеченными темными пятнами деревьев, полузасыпанных снегом. А дальше тянулась безжизненная белая равнина, вплоть до линии коричневого цвета, которую можно было бы различить под мрачной шалью далекого неба на востоке.

Юлий, не мигая, пристально вглядывался в эту линию. Конечно, отец был прав. Он знал все. Сердце Юлия наполнилось гордостью — ведь он был сыном Алехо. Шли йелки.

Через несколько минут уже можно было различить первый ряд животных, движущихся плотным фронтом, поднимая снежную пыль своими точеными копытами. Они двигались, наклонив головы, а сзади них бесконечным потоком шли подобные им. Юлию показалось, что животные их заметили и шли прямо на них. Он с беспокойством взглянул на Алехо, который предостерегающе поднял палку.

— Спокойно.

По телу Юлия пробежала дрожь. Приближалась пища, которой хватит, чтобы накормить каждого во всех тех племенах, на которые снисходил свет Фрейра и Беталикса и которым улыбался Вутра.

Животные приближались со скоростью быстро идущего человека. Юлий пытался определить размеры этого огромного стада. Уже половина видимого пространства была заполнена движущимися животными, рыжевато-коричневые

шкуры которых все появлялись и появлялись на восточном горизонте. Что таилось там? Какие тайны, какие ужасы? И все же, страшнее, чем Перевал, там ничего не могло быть. Ничто не могло быть страшнее Перевала, с его обжигающим холодом и с тем огромным красным зевом, который Юлий однажды увидел через разорванные мчащиеся облака. Из этого зева на дымящиеся склоны холмов изрыгалась лава.

Уже можно было увидеть, что живая масса животных состояла не только из йелков, хотя те составляли большую часть. Среди движущегося стада возвышались подобно валунам на равнине более крупные особи. Они походили на йелков своими удлинненными черепами, над которыми возвышались угрожающие точеные изогнутые рога, такими же косматыми гривами, лежащими поверх толстой свалывшейся шкуры, теми же горбами, расположенными ближе к заду. Но эти животные были в полтора раза крупнее йелков, окружавших их со всех сторон. Это были гигантские бийелки, грозные животные, способные нести на своей спине одновременно двух мужчин... Так, по крайней мере, утверждали дяди Юлия.

В стаде были и другие животные. Это гуннаду, шеи которых поднимались тут и там по краям стада. Масса йелков тупо шла вперед, а гуннаду возбужденно сновали вдоль ее флангов, и их маленькие головки подпрыгивали на конце длинной шеи. Самой замечательной особенностью у них были гигантские уши, которые беспрепятственно поворачивались в разные стороны, чтобы уловить признаки неожиданной опасности. Это были первые двуногие животные, которых видел Юлий. Их длинное косматое тело держалось на двух мощных ногах. Гуннаду двигались вдвое быстрее, чем йелки и бийелки, они покрывали вдвое большее расстояние, чем эти гиганты, но все же каждое животное занимало в стаде именно то место, которое было обусловлено давно сложившимися взаимоотношениями.

Тяжелый гул с приближением стада нарастал. С того места, где лежали Юлий с отцом, можно было различить

три вида животных только потому, что охотники знали, что они там должны быть. В слабом свете все животные сливались в темную колеблющуюся массу с неясными очертаниями. Черное облако двигалось быстрее стада и теперь уже полностью заволокло весь Беталикс так, что смелые охотники много дней не смогут увидеть его. Колеблющийся ковер животных катился по равнине, индивидуальные перемещения в стаде были различимы не более чем подводные течения в бурной реке.

Туман сгустился над стадом, еще плотнее окутав его. От животных исходил запах пота, тепло, над ними роились тучи насекомых, способных существовать только вблизи теплых живых тел.

У Юлия участилось дыхание. Он увидел, что первые ряды уже ступили на берега заснеженного Варка. Они были совсем рядом — и подходили еще ближе. Весь мир превратился в одно огромное, пышущее жаром животное. Он выжидательно взглянул на отца. Хотя Алехо заметил взгляд сына, он остался таким же — внимательно смотрящим вперед прищуренными от холода глазами под набрякшими от мороза веками. Зубы его хищно блестели.

— Спокойно, — приказал он.

Живая масса накатилась на скованные льдом берега реки, которая там, внизу, несла свои воды. Несколько животных, чем-то напоминающих фавнов, упали отдохнуть, зайдя за деревья, чтобы те закрыли их от непрерывного живого потока.

Уже можно было разглядеть отдельных животных. Они шли с низко опущенными головами. Ярко блестели белки глаз. Из пасти стекала зеленая струйка слюны. Пар, вырывающийся из их ноздрей, оседал кристалликами на шкурах. Многие животные были совершенно измучены. Шкура их была покрыта грязью, экскрементами, свисала клочьями. У некоторых были кровавые раны — результаты ссор и драк со своими собратьями.

Самыми первыми шли бийелки, окруженные своими меньшими собратьями. Могучие лопатки мерно двигались

под серо-коричневой шкурой. Они косили глазами на тех, кто падал, поскользнувшись на льду. Казалось, что они ощущают впереди неизбежную опасность, угрожающую им, но понимают ее неотвратимость и идут к ней.

Масса животных начала пересекать реку, утапывая снег копытами. Они двигались вместе с шумом, который создавали стук копыт, фыркание, мычание, кашель, лязг рогов и хлопанье ушей, отгоняющих надоедливых мух и комаров.

Три бийелка одновременно вступили на открытое пространство льда. Раздался резкий звук, и глыбы ломающегося льда толщиной в метр вздыбились перед падающими животными. Йелков охватила паника. Те, которые уже были на льду, бросились в разные стороны. Многие спотыкались, падали и были раздавлены сзади идущими. Лед продолжал трескаться. Серая вода с остервенением рванулась вверх, как бы радуясь своему освобождению. Животные медленно погружались в воду, разверзнув в жутком мычании пасти.

Но уже ничто не могло остановить тех, кто напирал сзади. Они представляли собою природную силу, как и сама река. Под их непрерывным потоком исчезали их сородичи, заполняя трещины во льду, перекидывая мост из своих тел, по которому на другой берег выползали идущие следом.

Юлий поднялся на колени, держа в руке копьё. Глаза его горели. Но отец схватил его за руку и резко дернул назад.

— Смотри, дурак, там фагоры, — сказал он, бросив на сына яростный презрительный взгляд, и ткнул копьём вперед, в направлении опасности.

Дрожа всем телом, Юлий рухнул на землю, испуганный гневом отца не меньше, чем мыслью о фагорах.

Стадо йелков, качаясь, шло по обе стороны прикрывавшей охотников скалы, превращая в пыль ее подножие. Под их напором, казалось, закачался сам выступ. Туча мух и жалящих насекомых, круживших над их изгибающимися

спинами, обволокла Юлия и Алехо. Юлий пытался рассмотреть фагоров через этот клубящийся туман, но безуспешно.

Впереди ничего не было видно, кроме косматой лавины, движимой силой, неподвластной человеческому разуму. Она покрыла собой замерзшую реку, ее берега, она заполонила все пространство до далекого горизонта. Шло стадо в сотни тысяч животных, и клубящееся облако мошкар было его дыханием.

Алехо движением косматых бровей указал сыну, куда надо смотреть. Два огромных бийелка топали по направлению к ним. Вот уже их массивные тела, покрытые шерстью, оказались почти вровень с выступом. Когда Юлий смог отогнать от своих глаз мошкару, его взору представились четыре фагора, сидевшие по два на каждом бийелке.

Он удивился, как умудрялся не замечать их раньше. Хотя они и слились в одно целое с гигантскими животными, тем не менее они имели вид всех тех, кто ехал верхом, а не шел пешком. Они восседали на плечах бийелков, обратив свои задумчивые бычьи морды в сторону возвышенности, куда сейчас двигалось стадо. Их глаза злобно мерцали из-под загнутых рогов. Неповоротливые головы вращались на толстых шеях, росших из мощного туловища, сплошь покрытого длинной белой шерстью. За исключением их розовато-алых глаз, они были совершенно белы и сидели на шагающих бийелках, как будто были их частью. За ними раскачивались во все стороны сумки из сыромятной кожи, где находились дубинки и прочее оружие.

Сейчас, когда он осознал опасность, Юлий заметил и других фагоров. Верхом ехали только привилегированные. Рядовые члены сообщества шли пешком, принаравливаясь к шагу животных. Юлий с напряженным вниманием следил за процессией, боясь даже отогнать от лица наседающую мошкару. Вот буквально в нескольких метрах от него прошли четыре фагора. Он без труда смог пронзить их вожака копьем, всадив его между лопаток, если бы это приказал Алехо.

Юлий с особым интересом рассматривал проплывающие перед его глазами рога. Хотя в тусклом свете они казались гладкими, тем не менее он знал, что внутренний и внешний края каждого рога были остры от основания до самого кончика.

Он страстно хотел иметь один из таких рогов. Рога мертвых фагоров применялись в качестве грозного оружия в диких закоулках Перевала. И именно за эти рога ученые люди в далеких городах, укрытых от бурь и ветров в укромных местах, именовали фагоров анципиталами — то есть существами с двумя острыми выступами.

Идущее впереди двурогое бесстрашно двигалось вперед. Походка у него выглядела неестественной из-за отсутствия обычного коленного сустава. Он шагал механически, как вероятно уже шагал многие мили. Расстояние не было для него препятствием.

Его длинный череп резко выступал вперед типичным для фагора образом. На каждой руке висело по кожаному ремню, к которым были прикреплены рога, обращенные остриями наружу, причем концы их были обиты металлом. При их помощи фагор мог отогнать любое слишком наседающее на него животное. Другого оружия при нем не было, но к спине ближайшего йелка был привязан узел со skarбом, в котором также находились копье и охотничий гарпун.

За вожаком следовали еще две особи мужского пола, а затем фагорша. Она была меньше ростом. На поясе у нее болталась сумка. Розоватые груди раскачивались, едва прикрытые длинными белыми волосами. На плече сидел малыш, неловко уцепившись за мех на шее матери и склонив свою голову на ее. Самка шла автоматически, будто во сне. Трудно было даже предположить, какой путь они проделали за многие дни.

По краям движущейся массы сновали другие фагоры. Животные не обращали на них никакого внимания. Они просто терпели, как терпели мух, потому что не было возможности избавиться от них.

Топот копыт перемежался тяжелым дыханием, шумным фырканием, звуками освобождающихся газов. Впрочем, возник еще один звук. Фагор, идущий во главе небольшой группы, издавал нечто вроде жужжания, вибрируя при этом своим языком. Возможно, он хотел подбодрить тех троих, что шли за ним. Этот звук вселил ужас в Юлия. Затем звук пропал, и вместе с ним фагор. Поток животных продолжался, и в этом потоке бесстрашно вышагивали другие фагоры.

Юлий и его отец, затаившись, ждали того часа, когда настанет пора наносить удары, чтобы добыть мяса, в котором они отчаянно нуждались.

Перед закатом солнца снова подул ветер, поднявшийся, как и прежде, с покрытых снегом вершин Перевала, прямо в морды движущимся животным. Фагоры шли, наклонив головы и прищулив глаза. С уголков рта стекала слюна, которая, мгновенно застыв, ложилась хлопьями на груди.

Небо было свинцовым. Вутра, бог неба, убрал свои световые мантии, и его царство покрылось мраком. Пожалуй, он выиграл еще одну битву.

Фреир показал свой лик сквозь темную завесу только тогда, когда коснулся горизонта. Ватные одеяла облаков сбились в кучу, и Фреир, который тлел в золоте золы, уверенно засверкал над пустыней — небольшой, но ярко светящийся, хотя диск его был в три раза меньше, чем размер его звезды-спутника Беталикса, тем не менее свет, исходящий от Фрейра, был сильнее, интенсивнее.

Вскоре Фреир погрузился за край земли и исчез.

Наступил сумеречный день, именно такой, какие обладали зимой и летом. Именно такие дни отличали эти времена года от более жестоких сезонов. Небо было залито полусветом. Только в канун нового года Фреир и Беталикс вместе поднимались и вместе садились. А сейчас они вели одинокий образ жизни, часто скрываясь за облаками, этим клубящимся дымом войны, которую постоянно вел Вутра.

То, как день переходил в сумерки, служило Юлию приметам, по которым он судил о погоде. Скоро порыви-

стый ветер принесет на своем дыхании снег. Он вспомнил напев, который нередко звучал в старом Олонеце. В нем пелось о волшебстве и прошедших делах, о красных развалинах и большом бедствии, о прекрасных женщинах и могучих великанах, о роскошной пище и вчерашнем дне, канувшем в небытие. Этот напев часто звучал под низкими сводами темных пещер на Перевале:

*Вутра в большой тревоге
Уложит Фреир на дроги
И кинет нас ему в ноги.*

Как бы в ответ на изменившийся свет по всей массе йелков пробежал озноб, и они остановились. С ревом и мычанием они укладывались на вытоптанную землю, поджимая под себя ноги. Для огромных бийелков подобная поза была недоступна, и они засыпали стоя, прикрыв глаза ушами. Фагоры стали собираться в группы, но некоторые просто бросались на землю и засыпали, положив голову на круп лежащего йелка.

Все спало. Два человека на выступе натянули на головы шкуры и, уткнув лица в локти согнутых рук, погрузились в сновидения. Все спало, кроме ненасытного облака насекомых.

Все, что могло видеть сны, продиралось сквозь тягучие кошмары, которые принес с собой сумеречный день.

В целом вся картина, где не было четкой границы между светом и тенью и где, казалось, все вопило от боли, больше походила на первобытный хаос, чем на стройное мироздание.

Всеобщая неподвижность едва нарушалась медленным разворачиванием утренней зари. С моря появился одинокий чилдрим, который проплыл совсем низко над распростертой массой живых существ. С виду он казался лишь огромным крылом, светящимся подобно уголькам угасающего костра. Когда он проходил над йелками, они вздрагивали во сне. Чилдрим медленно пролетел над скалой, на которой

лежали две человеческие фигурки, и Юлий и отец также вздрагивали и подсакивали во сне, мучимые страшными сновидениями. Затем привидение исчезло, продолжая свой одинокий путь на юг, в страну гор, оставляя после себя шлейф красных искр, которые постепенно гасли одна за другой.

Вскоре животные проснулись и стали подниматься на ноги. С их ушей, искушенных мошкаррой, текла кровь. Все снова пришло в движение. Две человеческие фигурки проснулись и провожали взглядом движущееся скопление живых существ.

На протяжении всего последующего дня великое перемещение продолжалось. Разгулявшаяся стихия покрыла животных сплошной коркой снега. К вечеру, когда ветер погнал по небу разодранные облака, а холод стал невыносимым, Алехо увидел замыкающие ряды животных.

Строй замыкающих рядов не был так плотен, как передние шеренги стада. Отставшие животные растянулись на несколько миль. Среди них многие хромали, жалобно чихали. Сзади и по краям сновали длинные пушистые существа, почти касаясь животом земли и выжидая момент, чтобы перекусить у животного жилу возле копыта, после чего жертва, рухнув на землю, оставалась неподвижной и беспомощной.

Мимо выступа проходили последние фагоры. То ли из-за боязни хищников с отвисшими животами, то ли желая поскорее пройти это вытоптанное пространство, фагоры не обращали внимания на отставших животных.

Наконец Алехо поднялся и знаком приказал сыну сделать то же самое. Они стояли, крепко держа в руках копыта, а затем соскользнули на ровную землю.

— Отлично, — сказал Алехо.

Снег был усеян трупами животных, и особенно по берегам Варка. Полынья была забита огромными тушами. Многие из тех животных, что пытались остановиться и были затоптаны, примерзли теперь к земле и превратились в глыбы льда.

Обрадованный возможностью двигаться, Юлий с криками бегал и прыгал по запорошенной снегом земле. Но когда он, перепрыгивая с опасностью для жизни с одной бесформенной глыбы на другую, бросился к замерзшей реке, отец властным окриком призвал его к порядку.

Алехо указал сыну на то место, где подо льдом двигались едва заметные тени, оставляя за собой пузырьки воздуха. После них в мутной среде, в которой они плыли, оставался алый след. Пробуривая слои льда, они упорно шли к тому месту, где лежали застывшие животные, чтобы устроить себе кровавый пир.

По воздуху уже прибывали другие хищники. С востока и угрюмого севера прилетели большие белые птицы, тяжело взмахивая крыльями и размахивая клювами, с помощью которых они долбили лед, чтобы достать замерзшее под ним мясо. Пожирая добычу, они посматривали на охотника и его сына глазами, полными птичьей расчетливости.

Но Алехо не стал терять на них времени. Приказав Юлию следовать за собой, он пошел к тому месту, где стадо наткнулось на поваленные деревья, криками и копьем отпугивая хищников. Здесь можно было легко подступиться к мертвым животным. Хотя они были истоптаны копытами своих собратьев, одна часть тела оставалась в неприкосновенности. Череп. Лезвием ножа Алехо разомкнул мертвые челюсти и ловко отсек толстый язык. По его кистям потекла кровь.

Тем временем Юлий ползал по стволам деревьев, собирая сухие ветки. Ему пришлось ногой отгрести снег от поваленного ствола, чтобы устроить защищенное место для небольшого костра. Обмотав тетиву вокруг заостренной палки, он принялся тянуть ее взад и вперед. Кучка щепок стала тлеть. Юлий осторожно подул. Маленький язычок пламени взметнулся вверх, как это часто бывало на его глазах под магическим дыханием Онессы. Когда костер разгорелся, Юлий поставил на него свой бронзовый котел, набил в него снега и добавил соли. Соль всегда была в кожаном мешочке при нем. Когда отец подошел, держа в руках семь

слизистых языков, все было готово. Языки скользнули в котел.

Четыре языка предназначались Алехо, три для Юлия. Они ели, удовлетворенно чавкая. Юлий все время пытался поймать взгляд отца и улыбкой дать ему понять, как он доволен, но Алехо хмурил брови, разжевывая пищу, и не поднимал глаз от вытоптанной земли.

Впереди было много работы. Еще не кончив есть, Алехо поднялся на ноги и ногой разбросал тлеющие угли. Питающиеся падалью птицы тотчас взвились в воздух, а затем снова уселись продолжать свою трапезу. Юлий вылил остатки из горшка и привязал его к ремню.

Они были на том самом месте, где большое стадо животных достигло западных пределов своей миграции. Здесь, на возвышенности, они обыкновенно искали лишайник под снегом и питались косматым зеленым мхом. Здесь, на низком плато, некоторые животные завершали свой жизненный цикл, производя на свет потомство. Именно к этому плато в миле от них и устремились в сером полумраке отец с сыном. Вдали они увидели группы охотников, направлявшихся туда же. Каждая группа намеренно не обращала внимания на других. Но ни одна из групп, как заметил Юлий, не состояла всего лишь из двух человек. Это было проклятие его семьи — ведь они были уроженцами не Равнины, а Перевала. Для них все доставалось с большим трудом.

Они шли, согнувшись, вверх по склону. Их путь был усеян валунами — следами древнего моря, которое когда-то отступило перед лицом надвигающегося холода, — но об этом они ничего не знали и не хотели знать. Для Алехо и его сына было важно только настоящее.

Стоя на краю плато, они прикрывали глаза ладонью от обжигающего холодом ветра, вглядываясь вдаль. Большая часть стада исчезла. Все, что осталось, так это едкий запах и рой насекомых. Да еще остались те животные, которые должны были дать жизнь потомству.

Среди этих обреченных животных были не только йелки, но и стройные гуннаду и массивные гигантские бийел-

ки. Они лежали неподвижно, занимая огромную площадь, мертвые, или почти мертвые, изредка вздымая бока при вдохе. Охотники пробирались между тушами умирающих животных. Алехо указал рукой в направлении группы сосен, возле которых лежало несколько йелков. Юлий стоял неподвижно и смотрел, как его отец приканчивал беспомощное животное, которое с трудом пробивало себе дорогу в серый мир вечности.

Подобно своим громадным родственникам, бийелкам и гуннаду, йелк был некрогеном: он давал жизнь потомству только через свою смерть. Животные были переменного пола — одна и та же особь могла быть и самцом, и самкой. Природа наградила их примитивными органами размножения, среди которых не нашлось места яичнику и матке, как у млекопитающих. После совокупления изверженная сперма развивалась в теплой внутренности в виде личинкообразных форм, которые развивались, пожирая желудок своей матери.

Наступал момент, когда йелк-личинки достигали главной артерии, и тогда они распространялись, подобно семенам на ветру, по всему телу-хозяину, вызывая его смерть в течение короткого времени. Данное событие всегда имело место в то время, когда большие остатки стада достигали плато на западной границе своей миграции. Так это происходило в течение многих веков, которых никто не мог бы сосчитать.

Как только Алехо и Юлий склонились над животным, его желудок сжался, как пустой мешок. Голова откинулась, и животное испустило дух. Алехо торжественно всадил в тело копьё. Оба встали на колени и ножами вспороли брюхо животного.

Внутри были личинки йелка — размером с ноготь. Их едва видно, но эти личинки чудесны на вкус и очень питательны. Они помогут Онессе избавиться от болезни. Под воздействием морозного воздуха личинки моментально погибали.

Если бы их оставили в покое, личинки йелка жили бы в безопасности внутри шкур своих родителей. В границах

своей маленькой темной вселенной они без всякого колебания пожирали бы друг друга. Много кровавых битв происходило бы в аорте и других артериях. Посредством последовательных метаморфоз, они увеличивались бы в размере, уменьшаясь в количестве. И наконец из горла или из заднего прохода появились бы два или даже три уже активно передвигающихся йелка. Их появление в этом голодном мире совпадало с началом обратной миграции на северо-восток, в сторону Чалца, и они таким образом появлялись как раз вовремя, чтобы избежать смерти под копытами своих сородичей.

Здесь и по всему плато, среди размножающихся и в то же время умирающих животных, стояли толстые каменные колонны. Они были установлены более древней расой людей. На каждом столбе был вырезан простой рисунок — круг или колесо с меньшим кругом внутри. От центрального круга к внешнему отходили две изогнутые спицы. Никто из находившихся на сотворенном морем плато, будь то человек или животное, не обращал на эти разрисованные столбы внимания.

Все внимание Юлия было поглощено добычей. Он отрывал полосы кожи, связывал их в грубое подобие мешка и соскребал туда умирающие личинки йелка. Тем временем его отец разделял тушу. Каждый кусок мертвого тела мог пригодиться. Из самых длинных костей можно соорудить сани, перевязав их полосками кожи. Рога будут служить полозьями. Это значительно облегчит им путь домой, так как повозка будет загружена доверху крупными кусками мяса спинной и задней части и накрыта оставшейся частью кожи.

Они сосредоточенно работали, тяжело дыша от напряжения. Над их головами в струйках пара кишела мошकारа.

Вдруг Алехо громко вскрикнул, упал, затем вскочил и попытался бежать.

Юлий в ужасе оглянулся. Три огромных фагора подкрались из своей засады среди сосен и сейчас стояли над ними. Двое бросились на Алехо и ударами дубинок свалили

его в снег. Другой резко ударил Юлия. Он, вопя, покатился в сторону.

Они совершенно забыли о той опасности, которую представляли фагоры, и поэтому пренебрегли осторожностью. Откатившись в сторону и вскочив на ноги, Юлий ловко уклонился от рассекшей воздух дубинки. Неподдалеку над подыхающими йелками спокойно трудились другие охотники, так же, как это только что делали он и его отец. Они были преисполнены такой решимости закончить работу, соорудить сани и исчезнуть — угроза голодной смерти надвигалась все ближе и ближе, — что не прерывали свою работу, а лишь изредка бросали взгляд на потасовку. Все было бы по другому, если бы они приходились родичами Алехо и Юлию. Но это были жители Равнины, приземистые, недружелюбные люди. Юлий напрасно звал их на помощь. Один из них швырнул окровавленную кость в фагоров, на этом его помощь и кончилась.

Увернувшись от дубинки, Юлий бросился бежать, но поскользнулся и упал. К нему стремительно приближался фагор. Инстинктивно юноша принял оборонительную позу, опираясь на колено. Когда фагор кинулся на него, Юлий резким движением всадил ему кинжал в живот снизу вверх. С удивлением он почувствовал, как его рука глубоко ушла в жесткую шерсть противника, из которой тотчас же рванул густой золотистый поток крови. Но противник сумел ударить его, и Юлий снова покатился, на этот раз сознательно, стараясь убраться подальше от опасности. Укрывшись за спину мертвого йелка, он, тяжело дыша, взглянул на мир, который вдруг стал таким враждебным.

Его противник упал, затем поднялся, прижав к золотому расплывшемуся пятну свои огромные ороговевшие лапы и, пошатываясь, ничего не видя перед собой, закричал: «О-о! О-о! Ооооо!» — затем рухнул на землю и больше не двигался.

Поверженный Алехо лежал, скорчившись, на земле. Фагоры подняли его, и один из них взвалил человека на плечи. Оба оглянулись на своего неподвижного собрата,

взглянули друг на друга, что-то прокричали и двинулись прочь.

Юлий встал. Ноги его в меховых штанах подрагивали. Он не знал, что ему делать. Отрешенно он обошел тело фагора, которого убил — будет о чем похвастаться перед матерью и братьями — и бросился к месту схватки. Он поднял свое копьё и затем, после минутного колебания, забрал также копьё своего отца. После этого отправился вслед за фагорами.

Они устало тащились впереди, и было видно, как им тяжело подниматься вверх по склону со своею ношей. Вскоре они заметили мальчика, следующего за ними, несколько раз оглянулись, пытаясь угрозами и криками отогнать его. По-видимому, они не сочли нужным тратить на него копьё.

Когда к Алехо вернулось сознание, оба фагора остановились, поставили его на ноги и, подбадривая ударами в спину, погнали впереди себя. Свистом Юлий подал знак, что он рядом, но каждый раз, когда отец пытался обернуться, он получал от одного из фагоров такой удар в спину, что едва удерживался на ногах.

Фагоры вскоре поравнялись с компанией своих соплеменников. Это были самка и два самца. Один из самцов был стар и шагал, тяжело опираясь на палку. Он то и дело спотыкался о кучи навоза, оставленные йелками.

Наконец туши животных перестали попадаться, и запах исчез. Они шли по тропинке, ведущей вверх, по которой не проходило стадо. Ветер утих, и на склонах стали появляться нарядные деревца. Тут и там виднелись фигуры фагоров, карабкающихся вверх. Многие из них сгибались под тяжестью трупов йелков. А за ними крался семилетний подросток, старавшийся не упустить из вида своего отца. Сердце его было полно страха.

Воздух был густым и тяжелым, как будто пахло колдовскими зельями. Шаг стал медленным. Кругом были уже листовенницы, и фагоры при подъеме собирались в большие группы. Их грубое пение, издаваемое ороговев-

шими языками, звучало громко, напоминая жужжание, которое временами достигало оглушительного накала, а затем затихало. Юлий был объят ужасом и, стремительно перебегая от дерева к дереву, отставал все больше и больше.

Он не мог понять, почему Алехо не пытается оторваться и убежать вниз по склону. Тогда он смог бы снова взять свое копье, и они вдвоем перебили бы всех этих косматых фагоров. Вместо этого он продолжал оставаться их пленником, и сейчас его более хрупкая фигура затерялась среди толпы рослых фагоров в спустившихся на деревья сумерках.

Гудящая песня резко взметнулась вверх и снова замерла... Впереди мерцал дымчато-зеленый свет, предвещавший что-то новое.

Юлий, крадучись, продвигался вперед, а затем, наклонившись, метнулся к следующему дереву. Впереди маячило подобие здания с приоткрытыми двойными воротами, за которыми был виден слабый свет огня. Фагоры что-то прокричали, и ворота распахнулись шире. Анципиталы толпой повалили внутрь. Стало видно, что свет исходил от головы, которую один из фагоров держал в руке.

— Отец! Отец! — закричал Юлий. — Беги, отец! Я здесь!

Ответа не было. В темноте, которая казалась еще более плотной из-за света факела, невозможно было рассмотреть, был ли Алехо уже за воротами или нет. Несколько фагоров обернулось на крик с равнодушным видом и беззлобно пугнули Юлия.

— Иди, иди, проваливай отсюда! — крикнул один из них по-олонецки. Фагорам нужны были только взрослые мужчины в качестве рабов.

Последняя рослая фигура вошла в здание, и ворота захлопнулись. Юлий с плачем подбежал к ним и стал барабанить по плохо обструганному дереву. За воротами раздался звук задвигаемого засова. Долгое время мальчик оставался неподвижным, упершись лбом в шершавое дерево, отказываясь примириться с тем, что произошло.

Ворота были вделаны в фундамент из грубо обработанных глыб. Зазоры между глыбами плотно заделаны высохшим мхом. Данное строение представляло собою не более чем вход в одну из подземных пещер, в которых, как было известно Юлию, жили фагоры. Они были ленивыми существами и предпочитали, чтобы за них работали люди.

Некоторое время Юлий топтался возле ворот, затем полез вверх по крутому склону и вскоре наткнулся на то, что искал: дымовую трубу. Она, имея внушительный диаметр, была раза в три выше его. Юлий стал легко карабкаться вверх, поскольку труба сужалась кверху, а плохо пригнанные грубые камни, из которых она была сложена, давали возможность упереться ногами. Камни были не так холодны, как можно было ожидать.

Взобравшись наверх, он слишком поспешно высунулся вперед — и тут же отпрянул, потерял опору и упал правым плечом вперед, покотившись по снегу. Из трубы ему в лицо ударила струя горячего зловонного воздуха, смесь дыма от горящего дерева и крепкого духа тел немытых животных. Дымовая труба являлась вентиляционной системой для бесчисленных жилищ фагоров под землей. Юлий понял, что ему не проникнуть этим путем внутрь, и что отец потерян для него безвозвратно.

Удрученный Юлий сидел на снегу. Его ноги покрывали шкуры, зашнурованные до колен. На нем были штаны и куртка из медвежьей шкуры, мехом внутрь, подогнанная его матерью. Кроме того, на нем была парка с капюшоном. Онесса, когда чувствовала себя хорошо, украсила паркю белыми хвостами кроликов — по три хвоста на каждое плечо, и отделала воротник узором из красных и синих бус. Несмотря на это, Юлий представлял собой плачевное зрелище. Парка его была заляпана жиром, мех одежды свалился в грязную массу. Лицо его, обычно светло-желтого или бежевого цвета, было измазано грязными полосами, а волосы маслянисто блестели на висках и воротнике. У него защипало в плоском носу, а рот, широкий чувственный рот, стал непроизвольно кривиться, открывая осколок зуба в

ряду других белоснежных зубов, и он заплакал, в бессильном отчаянии ударяя кулаком по земле.

Затем он поднялся, бесцельно зашагал между одинокими лиственницами, таща за собой копьё отца. Ему ничего не оставалось, как повернуть назад и попытаться найти обратную дорогу к матери, если только он вообще сможет ее найти среди бескрайнего снега.

Он вдруг понял, что голоден.

Придя в отчаяние от одиночества, он яростно забарабанил в закрытые ворота. В ответ не раздалось ни звука. Пошел снег, медленно, но непрерывно. Юноша стоял, подняв кулаки над головой. Затем плюнул, и плевок повис на воротах. Это отцу. Юлий возненавидел его за то, что тот оказался таким слабаком. Он вспомнил все побои, которые ему пришлось вынести от отца. Почему же отец не побил фагоров?

Наконец он с отвращением отвернулся и зашагал сквозь снежную пелену вниз по склону.

Копьё отца он швырнул в кустарник.

Голод оказался сильнее усталости и погнал Юлия вперед, пока он не добрался до берега Варка. Но его надежды были тут же разбиты. Все йелки были съедены. Хищники, хлынувшие со всех сторон, сожрали все без остатка. Возле реки были видны лишь скелеты и груды костей.

Он завопил от отчаяния и ярости.

Река вновь замерзла, и на твердом льду лежал снег. Он расшвырял его ногой. Во льду виднелись туши вмерзших животных. Голова одного свесилась вниз, в мутный поток. Большие рыбы клевали ее глаза.

Орудя копьём, Юлий просверлил отверстие во льду, расширил его и стал ждать, держа копьё наготове. В воде мелькнули плавники. Он нанес удар. Когда он потянул копьё на себя, на острие затрепетала рыба в голубых тонах, разинувшая рот от удивления. Она была размером в две его ладони. Поджаренная на маленьком огне, рыба оказалась удивительно вкусной. Он с удовлетворением отрыгнул, за-

тем, оперевшись на бревна, проспал целый час. После этого он зашагал на юг по тропе, которую почти уничтожили мигрирующие животные.

Фреир и Беталикс сменяли на небе друг друга, а он все шел — единственное движущееся существо в этой снежной пустыне.

— Мать! — крикнул старый Хаселе своей жене, еще не дойдя до своей лачуги. — Мать, взгляни, что я нашел возле Трех Арлекинов.

Его сморщенная от старости жена Лорел, хромая с детства, проковыляла к двери, высунула нос на улицу, где холодный воздух обжигал все живое, и проговорила:

— Плевать на то, что ты нашел. К тебе по делу из Панновала приехали люди.

— Из Панновала? Вот они удивятся, когда увидят, что я нашел у Трех Арлекинов. Иди, помоги мне. Не всю же жизнь тебе сидеть в этой хибаре.

Дом был чрезвычайно примитивен. Он состоял из кругового нагромождения валунов, некоторые из которых были выше человеческого роста, с уложенными по верху досками и бревнами, а сверху все это сооружение покрывали шкуры, уже поросшие дерном. Отверстия между валунами были заделаны мхом и липкой грязью, так что все сооружение напоминало дохлого дикобраза. К основному строению были добавлены пристройки, выполненные в том же духе, что и основное жилище. В хмурое небо поднимались бронзовые трубы, мирно попуская дымком. В некоторых комнатах сушились меха и шкуры, в других они продавались. Хаселе был торговцем и ловцом животных, и зарабатывал достаточно, чтобы к концу жизни обзавестись женой и упряжкой в три собаки.

Дом Хаселе примостился на откосе, который, изгибаясь, тянулся на несколько миль на восток. Откос был усеян валунами, которые служили укрытием для животных. Это было место промысла старого ловца животных, которого

уже не тянуло, как в дни молодости, в глухие места. Некоторым из наиболее внушительных нагромождений из камней он присвоил названия, одним из которых было Три Арлекина. Возле Трех Арлекинов он добывал соль, необходимую для выделки шкур.

Между валунами в огромном количестве лежали более мелкие камни, с восточной стороны каждого из которых образовался конус из снега, размером соответствующий величине камня, с острием, направленным точно в ту сторону, куда дул ветер с далекого Перевала. Все это раньше было морским берегом, берегом давно исчезнувшего моря, которое с севера омывало континент Кампаннлат в далекие благодатные времена.

На восточной стороне Трех Арлекинов росла небольшая чаща колючего кустарника, выбрасывающего иногда под защитой каменной гряды зеленый лист. Старый Хаселе очень ценил эти зеленые листья, поскольку приправлял ими свое варево, и ставил возле кустарника ловушки для покушавшихся на его богатство животных. Юноша, которого он тут нашел, лежал без сознания, запутавшись в колючих ветках. С помощью жены Хаселе поволок его в дымное святилище своей лачуги.

— Он не дикарь, — с восхищением сказала Лорел. — Посмотри, как украшена его парка красными и синими бурами. Прелесть, не правда ли?

— Все это ерунда. Лучше дай ему глоток теплого супа.

Старуха влила в рот юноши ложку супа, поглаживая его горло, пока он не проглотил живительную влагу. Юноша пошевелился, кашлянул, сел прямо и шепотом попросил еще. Кормя его, старуха сочувственно поджала губы при виде опухших щек, глаз и ушей, искусанных в кровь бесчисленными насекомыми. Она прижала юношу к себе, положила руку ему на плечо, покачивая его и вспоминая давно забытое счастье, которому она затруднилась бы дать название.

Виновато оглянувшись, она увидела, что Хаселе уже ушел. Ему не терпелось узнать, по какому делу к нему пришли люди — знатные люди из Панновала.

Старая Лорел со вздохом опустила темную голову юноши и последовала за своим мужем. Он потягивал напитки с двумя здоровенными торговцами. От их одежды шел пар. Лорел потянула Хаселе за рукав.

— Может быть, эти два господина возьмут больного юношу с собой в Панновал? Мы не сможем прокормить его здесь. Мы и так живем впроголодь, а Панновал богатый город, там много еды.

— Оставь нас, мать, мы ведем переговоры, — сказал Хаселе повелительным тоном.

Она, хромая, вышла через заднюю дверь и принялась наблюдать, как их пленник-фагор, позвякивая цепями на руках, привязывал собак к снежной конуре. Затем взгляд ее устремился в серое безрадостное пространство, сливающееся вдаль с таким же серым безрадостным небом. Этот юноша пришел из той безмолвной пустыни. Раз или два в год из ледяного безмолвия приходили люди — поодиночке или парами — на последней стадии истощения. Лорел так никогда и не удавалось понять, откуда же они шли. Она знала лишь то, что за этой пустыней тянутся еще более холодные горы. Один путник бормотал что-то о замерзшем море, которое можно пересечь. Она осенила себя святым кругом над впалыми грудями.

В молодости ее часто влекло в эту даль. Закутавшись, она подолгу стояла на краю откоса, устремив взгляд на север. Над нею, махая крыльями, проносились чилдримы, а она, упав на колени, рисовала в своем воображении святых, которые, налегая на весла, направляли этот плоский круг ее мира к тому месту, где не всегда шел снег и дул ветер. Плача, она шла домой, проклиная надежду, которую принесли ей чилдримы.

Хотя Хаселе выпроводил жену тоном, не допускающим возражений, тем не менее он, как обычно, отметил про себя то, что она сказала. Когда его сделка с двумя господами была заключена и небольшая грудa драгоценных трав, пряностей, шерстяных полотен, муки уравнивала шкуры, которые заберут оба торговца, Хаселе поднял вопрос о том,

что они могли бы взять с собою в цивилизованный мир больного юношу. Он заметил, что на юноше была искусно украшенная парка и поэтому, — это только предположение, джентльмены, — он мог быть важным лицом, или по крайней мере сыном важного лица.

К его удивлению господа заявили, что они с радостью возьмут юношу с собой, но за это хотят получить дополнительную плату в виде шкуры йелка, чтобы возместить непредусмотренные расходы. Хаселе для порядка поломался, но затем согласился. Он не смог бы прокормить юношу, останься тот жив, а если бы несчастный умер, что ж — ему претила сама мысль скармливать человеческие останки собакам, а здешний обычай мумифицировать тело и предавать его земле не был ему мил.

— Договорились, — согласился он и отправился выбирать самую худшую из имевшихся шкур.

Юноша к этому времени совсем пришел в себя. Он с благодарностью принял от Лорел еще супа и разогретую ножку снежного кролика. Когда он услышал шаги, то откинулся на спину и закрыл глаза, сунув руки под паркю.

Торговцы лишь скользнули по нему взглядом и вернулись обратно. Они намеревались погрузить купленное на сани, провести несколько часов с Хаселе и его женой, поспать, а затем отправиться в свое опасное путешествие на юг — в Панновал.

Вскоре в лачуге старого Хаселе стоял гвалт голосов, который затем сменился могучим храпом. Все это время Лорел ухаживала за Юлием: помыла ему лицо, расчесала волосы, беспрестанно прижимая его к своей впалой груди.

На рассвете, когда Беталикс еще стоял низко над горизонтом, Юлий навсегда ушел от нее. Он сделал вид, что потерял сознание, когда важные господа грузили его на сани, щелкали кнутами и напускали на себя суровое выражение, стараясь сбросить с себя груз похмелья. А затем они отправились в путь.

Оба господина, ведущие сложный образ жизни, грабили Хаселе и других ловцов животных до такой степени, до

которой те позволяли себя грабить. Причем они знали, что и их тоже будут надувать и грабить, когда они будут менять полученные шкуры на другие товары. Надувательство, подобно привычке укутываться, чтобы защититься от холода, было одним из способов выживания. Их весьма простой план заключался в том, что как только ветхая хижина Хаселе скроется из виду, они перережут горло этому нежданно-негаданно свалившемуся на них больному, бросят тело в ближайший сугроб, захватив с собой только искусно разукрашенную парку вместе с курткой и штанами.

Они остановили собак. Один из них вынул блестящий кинжал и повернулся к распростертому на санях телу.

В этот момент юноша с воплем взметнулся, накинул покрывавшую его шкуру на голову того, кто хотел убить его, пнул его изо всех сил в живот и побежал зигзагами по снегу, чтобы не стать мишенью для копья.

Когда он почувствовал, что убежал достаточно далеко, он, повернувшись, залег за серым камнем. Осторожно выглянув из-за него, он увидел, что сани уже скрылись из виду. В безмолвной пустыне свистал только ветер. До восхода Фрейра оставалось несколько часов.

Юлия охватил ужас. После того как фагоры увели его отца в подземную берлогу, он бродил неизвестно сколько дней по безжизненной пустыне, отупев от холода и недосыпания, измученный насекомыми. Он совершенно заблудился и был близок к смерти, когда, наконец обессилев, рухнул в кустарник.

Немного отдыха и еды быстро восстановили его силы. Он позволил погрузить себя на сани не потому, что доверял этим двум господам из Панновала — напротив, они не внушали ему никакого доверия, — а по той простой причине, что ему надоела назойливость старухи с ее глупыми ласками и бормотанием.

И вот, после непродолжительного перерыва, он вновь оказался в снежной пустыне, где ветер немилосердно щипал ему уши. Он снова вспомнил о своей матери, Онессе, и о ее болезни. Последний раз, когда он видел ее, она кашля-

ла, и кровь с пеной выступала у нее изо рта. Взгляд, который она обратила на него, когда он уходил с Алехо, был страшен. Только сейчас Юлий понял, что означал этот страшный взгляд: она уже не надеялась его снова увидеть. Не имело смысла искать дорогу назад к матери, раз она к этому времени уже была мертва.

Что же дальше?

Если он хочет выжить, то остается одна надежда.

Поднявшись, он ровной трусцой побежал по следу саней.

Семь больших рогатых собак, известных под названием асокины, тянули сани. Вожак был сука по кличке Грипси, и вся упряжка была известна под именем упряжки Грипси. Каждый час собаки отдыхали в течение десяти минут, во время которых собак иногда кормили тухловатой рыбой из мешка. Когда один из господ лежал на сани, другой тяжело шел рядом с ними.

Юлий старался держаться подальше от саней. Когда сани скрывались из виду, он безошибочно определял их местонахождение по запаху людей и собак. Иногда он приближался, чтобы поизучать, как следует управлять собачьей упряжкой.

После трех дней непрерывного движения, когда асокинам приходилось подолгу отдыхать, они добрались еще до одного охотничьего жилища. Здесь охотник соорудил себе целую крепость, украсив ее стены рогами убитых им животных. Господа надолго задержались в этом месте. Фреир успел зайти, уступив место бледному чахлому Беталиксу, и вновь взойти, а два господина то помирали от пьяного смеха в обществе охотника, то дрыгли, оглашая воздух могучим храпом. Юлий тем временем съел несколько галет, которые нашел в сани, и урывками поспал с подветренной стороны саней, завернувшись в шкуры.

И снова они двинулись в путь.

Еще два привала было сделано до конца этого путешествия, длившегося несколько дней. Упряжка Грипси все

время держала курс на юг. Ветер постепенно ослаблял свою ярость.

Наконец стало ясно, что они приближаются к Панновалу. Сквозь снежную дымку впереди стали проступать очертания каменных глыб.

Еще далее над долиной возвышались горы, склоны которых были покрыты слоем глубокого снега. Немного погодя они уже прокладывали себе путь вдоль подножья гор. Обоим господам приходилось идти рядом с санями и даже толкать их. Затем пошли башни из камня, из которых часовые стали окликать торговцев, спрашивая, кто они. Они окликнули также и Юлия.

— Я иду за своим отцом и дядей, — сказал он.

— Ну, тогда не отставай, а то тебя унесет чилдрим.

— Знаю, знаю. Но отец очень торопится домой, к маме.

И я едва поспеваю.

Взмахом руки ему велели идти дальше, улыбаясь его молодости.

Наконец господа остановились на привал. Раздав собакам рыбу, они, закутавшись в меха и отхлебнув по глотку спиртного, завалились спать в углублении в склоне горы.

Как только Юлий услышал их храп, он подкрался поближе.

С обоими мужчинами требовалось расправиться сразу. Если дело дойдет до драки, то ему не справиться ни с одним из них. Он думал, что лучше: заколоть их кинжалом или разбить головы камнем? И в том, и в другом способе таились свои опасности.

Он оглянулся: не наблюдает ли кто-нибудь за ним. Взяв ремень с саней, он бесшумно обвязал его вокруг правой ноги одного и левой ноги другого. Так что если кто-нибудь из них вздумает вскочить, то другой ему помешает. Господа продолжали храпеть.

Отвязывая ремень от саней, он заметил копыя. Видимо, они предназначались для продажи. Взяв одно из них, он подержал его в руке, но решил, что кидать его неудобно. Однако конец копыя был удивительно остр.

Вернувшись к тому месту, где спали оба господина, он толкнул ногой одного из них. Тот со стоном перевернулся на спину. Подняв копьё, как будто собираясь пронзить рыбу, Юлий вонзил копьё в грудную клетку распростертого перед ним человека, стараясь попасть в сердце. Тело конвульсивно содрогнулось. С жутким выражением на лице, с выкатившимися из орбит глазами господин приподнялся, судорожно ухватился за древко копья, подтянулся на нём, а затем медленно, со вздохом, перешедшим в хрип, откинулся назад. Из его рта потекла кровь со слюной. Его товарищ лишь шевельнулся, что-то пробормотав спросонок.

Копьё было всажено с такой силой, что не только пронзило тело, но и вошло в землю. Юлий прошёл к саням за вторым копьём и проделал эту процедуру со вторым господином. Сани были его. И упряжка тоже.

На виске у Юлия билась жилка. Он сожалел, что эти господа — не фагоры.

Надев упряжь на рычащих и лающих асокинов, Юлий поехал прочь от этого места.

Начинал брезжить рассвет, и склоны гор принимали четкие очертания. Асокины тянули сани по хорошо видимой тропе, которая постепенно расширялась, извиваясь вверх, пока не обогнула выступ скалы. У подножия гор, полукружием закрывая небольшую долину, возвышался грозный замок.

Замок состоял частично из каменных построек, частично был выдолблен в скале. Крыши его строений были широкими и далеко выступали вперед, так что снег на них угрожающе нависал над дорогой, грозя обрушиться на нее лавиной. Проход в замок преграждала деревянная перекладина, охраняемая стражей из четырех человек.

Юлия остановил стражник, меховая одежда которого была украшена начищенным до блеска большим медным значком.

— Кто ты, парень?

— Я с двумя друзьями выменивал шкуры. Мы торговцы — разве вы не видите? Они едут сзади, на других санях.

— Что-то их не видно. — Говорил он с незнакомым акцентом, его олонецкий заметно отличался от того, к которому Юлий привык на Перевале.

— Они вскоре появятся. Неужели вы не узнаете упряжку Грипси? — Юлий щелкнул кнутом.

— Как не узнать. Упряжка известная. Эту суку недаром называли Грипси. — Он посторонился, подняв свою сильную руку.

— Эй, там, пропустите! — прокричал он.

Перекладина была поднята, щелкнул кнут, Юлий прикрикнул на собак, и они двинулись. Лишь вступив в Панновал, юноша позволил себе глубоко вдохнуть.

Впереди возвышался утес, настолько крутой, что на нем не задерживался даже снег. На склоне утеса было высечено огромное изображение Акха Великого. Акха сидел на корточках в традиционной позе, с коленями, упиравшимися в плечи, обхватив колени руками и сложив руки сверху ладонями, на которых находился священный Огонь Жизни. Его огромная голова была увенчана пучком волос. Его нечеловеческое лицо вселяло ужас в души смотрящих на него. Даже его щеки внушали благородный трепет. Тем не менее его большие миндалевидные глаза были исполнены кротости, а в линиях повернутого вверх рта и величественных бровях сквозили одновременно и спокойствие, и жестокость.

Рядом с его левой ногой в скале было отверстие, казавшееся крошечным по сравнению с высеченным истуканом. Но когда сани приблизились к нему, Юлий увидел, что отверстие в три раза превышает рост человека. Внутри виднелись огни и стража в необычных одеяниях, со странно звучащей речью и странными мыслями в головах.

Юлий распрямил свои юные плечи и смело шагнул вперед.

Вот так Юлий пришел в Панновал.

Никогда не забудет он свое вступление в подземный город Панновал, когда он оставил тот мир, над которым

распростерлось небо. Словно в забытии он проехал на санных мимо стражи, мимо рощи чахлах деревьев, и остановился, чтобы мысленным взором окинуть раскинувшееся перед ним пространство под крышей, где так много людей жило долгие дни. Туман вместе с темнотой создали мир без очертаний, в котором формы только угадывались. Была еще ночь. Люди,двигающиеся в полумраке, были укутаны в теплую одежду. За каждым из них тянулся шлейф из тумана, который как ореол также увенчивал их головы. Повсюду была стихия камня, из которого были высечены торговые лавки, дома, загоны для скота, марши лестниц, ибо эта таинственная пещера невообразимых размеров устремлялась, сужаясь, внутрь горы, которую выдалбливали в течение столетий, сооружая небольшие ровные площадки, отделенные друг от друга ступенями и стенами.

Ввиду вынужденной экономии внутренность громадной пещеры освещалась отдельными факелами, чей неровный свет колыхался на вершинах маршей лестниц, а дым их еще более усугублял непроницаемость туманного воздуха.

Под действием воды в течение тысячелетий в скале образовался ряд сообщающихся между собою пещер различного размера, расположенных на разных уровнях. Некоторые из них были оборудованы под жилье.

Новоприбывший дикарь останавливался, будучи не в состоянии продвигаться дальше в этом царстве тьмы, пока не находил себе сопровождающего. Те немногие чужестранцы, которые подобно Юлию попадали в Панновал, сначала оказывались в одной из больших пещер, называемой местными жителями Рынком. Здесь проходила большая часть общественной и деловой жизни Панновала и здесь не требовался искусственный свет, так как глаза быстро приспособлялись к полумраку. Днем это место оглашалось голосами и нестройным стуком молотков. Здесь, на Рынке, Юлию удалось обменять асокинов и сами сани на те вещи, которые будут ему необходимы для новой жизни. Здесь ему придется остаться жить. Больше идти некуда. Постепенно он привык к мраку, дыму, щиплющему глаза, к

покашливанию жителей. Все это он воспринял как должное, вместе с чувством безопасности, которое пришло к нему, когда он попал сюда.

Ему посчастливилось познакомиться с одним славным торговцем по имени Киале, который вместе с женой держал лавку на одной из площадей Рынка. Киале был человек, исполненный печали, с уныло свисающими усами. Он стал оказывать поддержку Юлию по причинам тому неведомым, и оберегал его от мошенников. Он также взял на себя труд познакомить Юлия с новым для него миром.

Шум, отдающийся эхом по всему Рынку, исходил от реки Вакк, которая протекала глубоко в расщелине в конце Рынка. Это был первый samotный поток, который Юлий видел в своей жизни, и поэтому он представлял для него одно из чудес города. Плещущаяся вода наполняла Юлия восторгом, и, будучи анимистом и одухотворяя природу, он рассматривал Вакк как живое существо.

Через Вакк был переброшен мост, так что имелся доступ к отдаленной части Рынка, где крутизна местности заставляла выбивать в скале многочисленные ступени, которые завершались широким балконом, на котором располагалась огромная статуя Акха, высеченная из скалы. Идол, плечи которого выступали из теней, был виден с самых отдаленных концов Рынка. Акха держал в ладонях настоящий огонь, который поддерживал священнослужитель, появляющийся из дверей в животе Акха. Народ преклонял колени перед ликом бога. К нему стекались бесчисленные дары, которые принимались жрецами, бесшумно снующими в своих черно-белых одеяниях среди верующих. Молящиеся простирались ниц у ног божества, и только когда послушник проводил по земле метелочкой из перьев, они могли поднять глаза в немой надежде взглянуть в черные каменные очи, вззирающие на них из паутины тени, а затем удалиться на менее священное место.

Подобный ритуал казался Юлию таинственным. Объяснения Киале еще больше запутали юношу. Никто не в состоянии объяснить свою религию чужестранцу. Тем не

менее у Юлия сложилось впечатление, даже твердое убеждение, что это древнее существо, высеченное из камня, противостояло силам, свирепствующим во внешнем мире, и в частности Вутре, повелителю небес и всех зол, которые исходят оттуда. Акха мало интересовался людьми. Они были слишком ничтожны, чтобы привлечь его внимание. Ему были нужны лишь регулярные приношения, которые придавали ему силу в его борьбе с Вутрой, а многочисленный рой жрецов бога существовал только для того, чтобы неукоснительно исполнять желания Акха в этом отношении, иначе на людское сообщество обрушились бы ужасные беды.

Священнослужители вместе с милицией осуществляли верховную власть в Панновале. Единого правителя не существовало, если не считать самого Акха, который, по всеобщему поверью, рыскал по горам с небесной дубинкой в руке в поисках Вутры или же его грязных приспешников.

Все это вызывало удивление у Юлия. Он знал Вутру. Вутра был великим духом, к которому в минуту опасности обращались с молитвой его родители, Алехо и Онесса. Они представляли себе Вутру как благосклонное божество, несущее свет. И, насколько он помнил, они никогда не упоминали Акха.

Различные переходы, столь же запутанные, как и законы, издаваемые священниками, вели к многочисленным комнатам, примыкающим к Рынку. В некоторые комнаты был открыт доступ простому люду, в некоторые вход был запрещен. Люди с неохотой говорили о запретных местах. Но он вскоре заметил, как туда по крутым ступеням волокли преступников с завязанными за спиной руками. Некоторых в святилище, других — в лагерь для наказаний, Твинк, расположенный за Рынком.

Доводилось Юлию затем попадать и в пещеру внушительных размеров под названием Рек. Здесь тоже находилась огромная статуя Акха, у которого с шеи на цепи висало животное, что означало, что данная пещера была предназначена для проведения учебных боев, выставок, спортивных состязаний и боев гладиаторов. Ее стены были

выкрашены в ярко-красный цвет. Обычно пещера пустовала, и лишь редкие голоса раздавались под ее куполом. Но иногда сюда заходили особо набожные жители, и тогда темнота сводов оглашалась завываниями фанатиков. А в праздничные дни состязаний здесь звучала музыка, и пещера была полна народа.

С Рынка можно было попасть и в другие не менее важные пещеры. На восточной стороне целый ряд небольших площадок или полуэтажей вел между лестничными маршами, украшенными балюстрадой, к обширной жилой пещере, имевшей название Вакк, поскольку здесь на поверхность выходила река, с шумом извергавшая свои бурлящие воды из глубокой расселины. Входная арка была украшена искусной резьбой, где среди волн и звезд переплетались шаровидные тела. Но большая часть этого орнамента была разрушена в незапамятные времена, когда рухнула крыша.

Вакк, наряду с Реком, был самой древней пещерой. Здесь располагались жилые сооружения, созданные сотни лет тому назад. Любому, вступающему на порог пещеры и обзревающему идущую вверх путаницу террас, погруженных в полутьму, Вакк в этом неровном свете казалась каким-то кошмарным видением, где невозможно отличить реальность от тени. Поэтому сердце сына Перевала дрогнуло перед представшей его взору картиной. Только сила бога Акха могла спасти того, чья нога ступала в этом жутком лабиринте теней, подземном некрополисе.

Но Юлий быстро освоился — благодаря гибкости, присущей юности. Он вскоре стал считать Вакк богатым районом города. Попав в компанию таких же подмастерьев, учеников гильдий, он бродил со своими сверстниками по хаотично нагроможденным жилым помещениям, кучами лепившимся на каждом этаже и часто соединенным между собою. В каждой из этих каморок была мебель, высеченная, как пол и стены, из скальной породы. Право прохода через эти кроличьи норы было довольно запутанным, но всегда основывалось на системе гильдий, существовавшей в Вакке. И если кто-либо нарушал его, посягая на чью-то приви-

легию жить в уединении, то такой случай становился предметом разбирательства суда или священников.

В одной из таких нор Туска, добросердечная жена Киа-ле, отвела Юлию комнату. Она не имела крыши, и ее стены изгибались наружу, так что Юлию казалось, что его поместили внутри какого-то гигантского каменного цветка.

В Вакк тоже попадало немного естественного света, но здесь было темнее, чем на Рынке. Воздух был полон сажи от коптивших ламп, но тем не менее духовные лица взымали налог с каждой лампы, которые все имели свои индивидуальные номера, высеченные в глиняном основании. Поэтому лампы старались жечь поменьше. Таинственные туманы, клубившиеся на Рынке, были здесь почти незаметны.

От Вакка прямо к Реку вела галерея. Ниже была расположена пещера с высокими сводами под названием Гройн, где воздух был чист и свеж, но обитатели Вакка смотрели на жителей Гройна как на варваров, в основном потому, что те были членами низших гильдий — мясников, дубильщиков кож, копателями сланца, глины, ископаемого дерева...

В скале, соединяющей Гройн и Рек и напоминающей пчелиные соты, находилась еще одна пещера, полная жилищ и скота. Это была Прейн, которую многие избегали. К моменту появления Юлия она начала гильдией саперов энергично расширяться. Прейн служил приемником для фекальных стоков, которые затем подавались на поля, засеянные культурами, прекрасно растущими в темноте и тепле, созданном гниющей фекальной массой. Фермеры в Прейне вывели новый сорт птиц под названием прит, у которых были светящиеся пятна на крыльях и вокруг глаз. Местные жители держали притов в клетках как домашних животных, хотя они также облагались налогом в пользу бога Акха.

«В Гройне люди грубы, а в Прейне тверды», гласила местная пословица. Но Юлию весь этот народ казался лишенным жизни, за исключением моментов, когда его охватывал азарт игр. Редкими исключениями были те немногие торговцы и охотники, которые жили на Рынке в жилищах, принадлежащих их гильдиям, и имели возможность регу-

лярно выезжать по делам на волю, как те два господина, с которыми жизнь столкнула Юлия.

От всех основных пещер и от более мелких к глухой скале вели многочисленные туннели и тропинки, которые поднимались и опускались. В Панновале ходили легенды о мифических зверях, которые приходили из первобытной тьмы скалы, о похищенных ими людях. Лучше уж сидеть не рыпаясь в Панновале, где Акха присматривал за своим народом недремлющим слепым оком. И, наконец, лучше уж Панновал и все эти налоги, чем холод неудобного внешнего мира.

Все эти легенды хранила в своей памяти гильдия сказителей, члены которой стояли на каждой лестнице или околачивались на террасах, плетя свои фантастические сказания. В этом мире туманного мрака слова были подобны зажженным свечам.

В одну из частей Панновала, о которой в народе говорили только шепотом, путь Юлию был закрыт. Это было Святилище. В эту святая святых можно было попасть по галерее и лестнице из Рынка, но они охранялись милицией. Молва об этом месте была дурная, так что добровольно туда никто не хотел даже приближаться. В Святилище жила милиция, охранявшая закон Панновала, и жрецы, охранявшие его душу.

Все это общественное устройство выглядело настолько великолепным в глазах Юлия, что он долго не мог понять всю его мерзость.

Юлию понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, как жестко регламентируется жизнь этого народа. Местные жители не высказывали какого-либо удивления по поводу той системы, в которой они родились. Но Юлий, привыкший к просторам и естественному закону выживания, был чрезвычайно удивлен тем, что каждое их движение было ограничено рамками закона. И при этом все они считали, что находятся в особо привилегированном положении.

Располагая на вполне законных основаниях запасом шкур, Юлий собирался открыть лавку рядом с лавкой Киа-

ле и начать торговлю. Он, однако, обнаружил, что существует много положений, которые запрещают ему это весьма простое дело. А торговать без лавки он не мог, потому что на это нужно было иметь особое разрешение, которое выдавалось только урожденному члену гильдии разносчиков. Ему нужны были справки о прохождении ученичества в подмастерьях и о членстве в гильдии. Все это могло выдать только духовенство. Кроме того, ему нужно было иметь удостоверение, выдаваемое милицией вместе с характеристикой, и документы о страховке. Точно так же он не мог стать полным владельцем комнаты, которую для него сняла Туска, пока милиция не выдаст ему соответствующие документы. Он не удовлетворял даже самому элементарному требованию: наличию веры в бога Акха и справки о регулярных приношениях богу.

Капитан милиции, перед которым предстал Юлий, изрек:

— Все очень просто, дикарь. Прежде всего тебе следует обратиться к святому лицу.

Разговор происходил в небольшой каменной комнате с балконом, выходящим на одну из террас Рынка. С балкона можно было прекрасно наблюдать за всем происходящим.

Поверх обычных шкур на капитане был накинута черно-белый плащ длиной до пола. На голове у него была бронзовая каска со священным символом Акха — колесом с двумя спицами. Кожаные сапоги доходили до середины икр. За ним стоял фагор с черно-белой лентой, повязанной вокруг волосатого белого лба.

— Да ты на меня смотри и слушай внимательно! — прорывал капитан. Но глаза Юлия непроизвольно косились в сторону молчащего фагора, удивлявшего юношу самим фактом своего присутствия.

Анципитал стоял молча, со спокойным видом, выражая своей позой полное безразличие. Его рога были затуплены: их острия отпилены, а режущие кромки стесаны. На шее у него был кожаный ошейник и ремень, полуприкрытый белым волосом — знак покорности власти человека. И все же

он представлял опасность для жителей Панновала. Многие офицеры появлялись на людях в сопровождении послушного фагора. Те отличались способностью прекрасно видеть в темноте. Простой народ боялся этих животных с шаркающей походкой, которые говорили на упрощенном олонецком языке из восьмисот пятидесяти слов. Как можно, думал Юлий, общаться с такими зверями, зверями, которых люди снежных просторов ненавидели со дня своего рождения. И которые увели в неволю его отца.

Разговор с капитаном не обещал ничего хорошего, но это были только цветочки. Юлий не имел даже права жить, если не подчинится правилам, число которых казалось бесконечным. Но Киале постарался внушить ему, что ему ничего не остается, как подчиниться. Чтобы стать гражданином Панновала, нужно было научиться думать и чувствовать как панновалец.

Ему было дано указание приходить к священнику, который жил неподалеку от его комнаты. Последовали многочисленные многочасовые беседы, в ходе которых священник вдалбливал ему историю Панновала, возникшего из тени великого Акха на вечных снежных просторах, и в течение которых он был вынужден заучивать наизусть многие отрывки из священного писания. Ему также приходилось делать то, о чем просил его священник Сатаал, включая и беготню по разным поручениям. Сатаал был ленив от природы. Для Юлия был маленьким утешением тот факт, что все дети Панновала, без исключения, проходили этот курс обучения.

Сатаал был человеком крепкого сложения, с бледным лицом, с небольшими ушами, но тяжелый на руку. В случае, когда ученик нуждался в хорошем внушении, Сатаал забывал даже свою лень. Голова его была обрита, посеребренная борода заплетена в косички, как это делали многие священники его ордена. Одет он был в черно-белую сутану, свисающую до колен. Лицо его было изрыто оспой. Юлий не сразу понял, что, несмотря на седые волосы, Сатаал не достиг еще и среднего возраста. Вероятно, ему не было даже двенадцати лет. Тем не менее ходил он согбенной по-

ходкой, свидетельствующей о солидном возрасте и большой набожности.

Когда Сатаал обращался к Юлию, голос его всегда звучал доброжелательно, но как бы издалека, тем самым подчеркивая пропасть между ними. Юлия успокаивало отношение к нему этого человека, которое, казалось, говорило: «Это твоя работа, но также и моя. И я не стану усложнять жизнь и тебе и себе, докапываясь до твоих подлинных чувств». Поэтому Юлий помалкивал, прилежно зубря напыщенные вирши.

— Но что же это означает? — как-то спросил Юлий, не поняв какого-то места в священном писании.

Сатаал медленно поднялся, заслонив плечами свет, падавший ему на затылок, нагнулся к Юлию и сказал нравоучительно:

— Сперва выучи, а потом пытайся понять. После того как ты выучишь, мне легче будет растолковать тебе то, что ты выучил. Ты должен учить сердцем, а не головой. Акха никогда не требовал понимания от своего народа. Только послушание.

— Но ты сказал, что Акха нет никакого дела до Панновала.

— Главное — что Панновалу есть дело до Акха. Ну, давай еще раз:

*Кто жаждет палящих лучей Фрейра,
Тот к нему попадет на крючок:
И потом уже будет поздно сетовать,
Что слабая плоть не способна выдержать жара.*

— Но что все это значит? Как я могу учить то, что не понимаю? — спросил Юлий.

— Повторяй за мной, сын мой, — сурово сказал Сатаал. — Кто жаждет...

Юлий чувствовал себя придавленным этим темным городом. Его густые тени обступали со всех сторон, сти-

скивая душу. Во сне он часто видел мать, и кровь струилась у нее изо рта. Вздрагивая, он просыпался и лежал в постели, устремив взгляд вверх, в далекий потолок, крышу Вакка. Временами, когда воздух был относительно чист, он мог увидеть прилепившихся к потолку летучих мышей и свисающие сталактиты. И тогда им овладевало страстное желание вырваться из этой ловушки, в которую он сам себя загнал. Но идти было некуда.

Однажды, охваченный среди ночи отчаянием, он пополз за утешением в дом Киале. Тот рассердился, когда Юлий нарушил его сон, но Туска нежно заговорила с ним, как с сыном, поглаживая ему руку.

Затем она тихо заплакала и сказала, что у нее тоже был сын, примерно одного возраста с Юлием, по имени Усилк. Он был хорошим парнем, но милиция его забрала за преступление, которого — это она знала точно — Усилк никогда не совершал. Каждую ночь она думала о нем. Его бросили в одно из самых страшных мест в Святилище — под надзор фагоров, и она уже не надеялась увидеть его вновь.

— Милиция и священники очень несправедливы, — почти шепотом сказал ей Юлий. — Мой народ иногда живет впроголодь, но все мы равны, и стойко переносим все тяготы жизни.

Помолчав, Туска ответила:

— В Панновале есть люди, которые не изучают писание, а мечтают о свержении правителей. Но без правителей Акха уничтожит нас.

Юлий пристально вглядывался в ее лицо.

— Ты думаешь, что Усилка забрали потому... потому что он хотел свергнуть нынешнюю власть?

Едва слышным голосом она прошептала, крепко держа его за руку.

— Ты не должен задавать таких вопросов, а то попадешь в беду. В Усилке всегда жил бунтарь, может, он связался с дурными людьми...

— Ну, хватит болтать, — крикнул Киале. — Женщина, быстро в постель. А ты иди к себе, Юлий.

Обо всем этом Юлий думал во время своих занятий с Сатаалом. Внешне он держался с подчеркнутым почтением.

— Ты совсем не дурак, хотя и дикарь, — сказал Сатаал. — Но мы это быстро исправим. Скоро ты перейдешь на другую стадию обучения. Ибо Акха является богом земли и подземелья. И ты поймешь, как живет земля и мы все в ее венах. Эти вены называются октавы земли, и ни один человек не будет ни здоров, ни счастлив, если он не живет в своей собственной земной октаве. Шаг за шагом к тебе придет откровение. Не исключено, если ты будешь прилежно учиться, то тоже сможешь стать священником и служить богу Акха.

Юлий помалкивал. Он не хотел, чтобы Акха оказывал ему особое внимание. И без того вся жизнь в Панновале была для него откровением.

Мирные дни шли своей чередой. Юлию все больше нравилось невозмутимое спокойствие и терпение Сатаала. Обучение уже не вызывало в нем неприязнь. Даже покинув священника, он продолжал думать о его учении. Все было необычно и отличалось волнующей новизной. Сатаал сказал ему, что некоторые священники, которые постились, могли общаться с мертвыми и даже историческими лицами. Юлий никогда не слышал ничего подобного, но почему-то не решался назвать все это чепухой.

Он стал бродить один по окраинам города, и вскоре густые тени стали для него привычными. Он прислушивался к людям, которые часто говорили о религии, внимал на углах речам сказителей, которые часто привносили в свои рассказы элементы религии.

Религия была романтическим порождением тьмы, также как страх был тем чувством, которое преследовало всех, живущих на Перевале, где часто слышался гром барабанов и звон бубнов, отгоняющих злых духов. Постепенно Юлий увидел в религии не вакуум, а ядро истины — нужно было объяснить, почему и как люди живут и умирают. Только дикарям не нужно никаких объяснений. Самопознание было похоже на поиск следа зверя на снегу.

Однажды он попал в дурно пахнущую часть Прейна, где по длинным каналам на поля подавался человеческий кал. Здесь люди были твердой породы, как говорилось в пословице. Какой-то мужчина с коротко остриженными волосами — а значит, не священник и не сказитель, — прыгнул на тележку, развозившую навоз.

— Друзья! — крикнул он. — Послушайте меня мину-ту. Бросьте работу и выслушайте, что я хочу сказать. Я говорю не от себя лично, а от имени Великого Акха, чей дух движет мною. Я должен говорить за него, хотя и риску жизнью. Священники искажают слова Акха ради своих выгод.

Люди останавливались, чтобы послушать. Двое пытались поднять молодого человека на смех, но остальные проявили молчаливый интерес, включая и Юлия.

— Друзья, священники утверждают, что мы должны жертвовать для Акха, и больше ничего, а он будет охранять нас в великом сердце его горы. Это ложь. Жрецы довольны, и им наплевать на то, что мы, простые люди, страдаем. Акха говорит моими устами, что мы должны стать лучше, чем мы есть. Наша жизнь слишком легка: как только мы уплатили налоги, совершили жертвоприношения, нас уже больше ничто не заботит! Мы просто балдеем, да развлекаемся, да смотрим спортивные состязания. Вы часто слышали, что Акха нет до вас никакого дела, что он весь поглощен своим единоборством с Вутрой. Но мы должны сделать так, чтобы ему было до нас дело, мы должны стать достойными его внимания. Мы должны перевоспитаться, да, перевоспитаться! И священники, живущие в свое удовольствие, тоже должны перевоспитываться.

Кто-то крикнул, что появилась милиция.

Молодой человек запнулся.

— Мое имя Нааб. Помните, что я вам скажу. Мы не должны оставаться безучастными зрителями в великой битве между Небом и Землей. Я вернусь, и снова буду разносить эти слова по всему Панновалу. Встряхивайтесь, перевоспитывайтесь, пока не поздно!

Как только он спрыгнул с повозки, по толпе прошло волнение. Огромный фагор на поводке, который держал солдат, ринулся вперед. Он схватил Нааба за руку своими мощными, покрытыми роговицей пальцами. Тот вскрикнул от боли, но волосатая рука обхватила его за шею и потащила в сторону Рынка, к Святилищу.

— Не стоило ему говорить подобные вещи, — пробормотал стоящий рядом с Юлием седой мужчина, когда толпа начала расходиться. Сам не зная почему, Юлий пошел за мужчиной, догнал его, схватил за руку.

— Но ведь Нааб не говорил ничего против Акха, почему же его забрала милиция?

Мужчина украдкой посмотрел по сторонам.

— Я вижу, что ты дикарь, иначе бы не задавал глупых вопросов.

В ответ Юлий поднял свой кулак.

— Я не глуп, иначе не задал бы тебе такого вопроса.

— Если бы ты не был глуп, ты бы помалкивал. Как ты думаешь, кому принадлежит власть? Священникам, и только им! И если ты будешь выступать против них...

— Но ведь эта власть — власть Акха...

Седой человек скользнул во тьму. Там, в этой все время настороженной тьме, ощущалось присутствие чего-то жуткого, таинственного, внушающего ужас. Акха?

Однажды в Реке должно было состояться большое спортивное состязание. Именно в этот день мысли и чувства Юлия обрели четкую конкретную форму. Он вместе с Киале и Туской спешил к месту соревнований. В нишах горели лампы, ярким светом указывая дорогу из Вакка в Рек, и толпы людей карабкались по каменным узким проходам, с трудом поднимаясь по истертým ступеням, оклика друг друга, заполняли амфитеатр.

Увлекаемый толпой, Юлий вдруг увидел огромное помещение, стены которого были изогнуты и освещались нежным светом. По правде говоря, он увидел только часть

прохода, по которому должна была пройти чернь. И в тот момент, когда по этому проходу двинулся Юлий, в обрамленном далеком пространстве появился сам Акха — высоко над головами людского сорища.

Юлий уже не слышал, что говорил ему Киале. Взор Акха был устремлен на него, чудовищный дух тьмы внезапно обрел зримые черты.

Гремела музыка — пронзительная, подстегивающая нервы. Она играла для Акха, который стоял, огромный и недоступный, с гневом во взоре. Его невидящие каменные глаза видели все. С губ его стекало презрение.

Ничего подобного Юлий не видел в своей безмолвной пустыне. Колени его задрожали и могучий голос внутри него, голос, совершенно непохожий на его собственный, воскликнул:

— О, Акха, наконец я верю в тебя! Ты — властелин мира! Прости меня, позволь мне быть твоим слугой!

И все же, вместе с этим голосом, который молил, чтобы его поработили, звучал другой, более трезвый. Он говорил:

— Народ Панновала должен понять великую истину, которой следует проникнуться, поклоняясь Акха.

Он удивился противоречивым чувствам, обуревавшим его, причем острота противоречия не уменьшилась, когда они вошли в помещение и высеченный из камня бог стал виден лучше. Нааб говорил: «Мы не должны оставаться безучастными зрителями в великой битве между Небом и Землей». Сейчас он почувствовал, как эта борьба идет внутри его самого.

Игры были захватывающими. За состязаниями в беге и метании копья последовали выступления борцов, в которых принимали участие люди и фагоры. Причем у последних рога были отпилены. А затем началась стрельба по летучим мышам, и Юлий, отбросив на время свои благочестивые мысли, стал с интересом наблюдать. Он боялся летучих мышей. Высоко над головой потолок Река был унижен пушистыми тварями, которые размахивали своими крыльями в перепонках. Лучники выходили на арену и по очереди

выпускали в летучих мышей стрелы, к которым были прикреплены шелковые нити. Пораженные стрелами мыши падали вниз и служили трофеями счастливым.

Победителем оказалась девушка. На ней было прекрасное одеяние, плотно охватывающее ее шею и свободными складками падающее вниз. Натягивая лук, она тщательно прицеливалась и сбивала одну мышь за другой. Волосы у нее были длинные и темные. Звали ее Искадор. Толпа бурно ее приветствовала, но, казалось, никто больше не радовался ее победе, чем Юлий.

Затем были бои гладиаторов — мужчины против мужчин, мужчины против фагоров. Кровь и смерть заполняли арену. И все это время, даже когда Искадор натягивала свой лук, изгибая свой прелестный стан, даже тогда Юлия не покидало ощущение радости от обретения чудесной веры. Он как должное принял наполнившую его сумятицу чувств, которая должна была уступить место спокойной вере, приходящей вместе с умудренностью жизни.

Он вспомнил легенды, которые слышал, сидя у отцовского костра. Старшие рассказывали о двух часовых в небе, и о том, как люди однажды оскорбили Бога Небес, имя которому было Вутра. И поэтому Вутра перестал обогревать землю своим теплом. Сейчас часовые ждали того момента, когда Вутра вернется, чтобы снова с любовью посмотреть на землю: может, люди стали вести себя лучше. И если бы он убедился, что дело обстоит именно так, он положил бы конец этим холодам.

Что же, Юлий должен был признать правоту слов Са-таала: его народ дикари. Если бы это было не так, разве позволил бы его отец утащить себя фагорам? Да, в сказаниях должно быть зерно истины. Поскольку здесь, в Панновале, существовал более аргументированный вариант сказания, Вутра оказался просто мелким божеством. Но он был мстителен, и в небесах ему жилось свободно. И именно из небес исходила опасность. Акха был великим земным богом, правившим в подземелье, где человек чувствовал себя в безопасности. Двое часовых не были благосклонны к людям;

поскольку они находились на небе, то принадлежали Вутре и могли напасть на человечество.

Заученные стихи стали приобретать смысл. От них исходил свет истины. И Юлий с удовольствием стал повторять про себя то, что раньше заучивал так неохотно, устремив при этом свой взгляд на Акха.

*Небеса вселяют напрасные надежды,
Небеса не знают границ.
От всех их напастей и бед
Вас защищает земля Акха над нашими головами.*

На следующий день он со смиренным видом предстал перед Сатаалом и сказал, что обратился в новую веру.

Барабана пальцами по коленям, Сатаал обратил к нему свое бледное обрюзгшее лицо.

— Как ты обратился в новую веру? В эти дни ложь навредила Панновал.

— Я взглянул в лицо Акха. Впервые я увидел его так отчетливо. Сейчас мое сердце открыто.

— Еще один лже-пророк арестован на днях.

Юлий ударил себя кулаком в грудь.

— То, что я чувствую внутри себя, не ложь, отец.

— Это не так просто, — заметил священник.

— Нет, это очень просто, и сейчас все станет очень легко! — Он упал к ногам священника, рыдая от охватившей его безумной радости.

— Ничто не может быть просто.

— Владыка, я всем обязан тебе. Помоги мне. Я хочу быть священником, как и ты.

В течение следующих нескольких дней Юлий бродил по темному лабиринту переходов. Он уже не чувствовал себя подобно заключенному, брошенному во мрак подземелья. Он находился в благословенном месте, защищенном от всех жестоких стихий, которые сделали его дикарем. Он

понял, какое это блаженство — жить в теплом полумраке, без восходов и закатов, без дней и ночей, без свежего дыхания ветра...

Он понял, как прекрасен Панновал со всей его подземной архитектурой. В течение столетий пещеры украшались росписями художников, резьбой по камню, причем многие фрагменты повествовали о жизни Акха и тех битвах, в которых он принимал участие, а также о будущих сражениях, которые он будет устраивать, когда люди поверят в его силу. Там, где картины стерлись, поверх их были написаны новые. Художники постоянно были за работой, часто с опасностью для жизни взгромоздившись на леса, которые, подобно скелету какого-то мифического длинношеего животного, поднимались вверх, к самой кровле.

— Что с тобой, Юлий? Ты ничего не замечаешь вокруг, — сказал Киале.

— Я хочу стать священником. Я так решил.

— Но они не позволят стать священником тебе, человеку со стороны.

— Мой учитель обратился по этому поводу к властям.

Киале задумчиво потрогал себя за нос, затем потер уголок рта, как будто слова Юлия озадачили его. Но глаза юноши настолько привыкли к вечному полумраку, что он мог замечать любое изменение лица своего друга. Когда Киале, не говоря ни слова, шагнул вглубь своей лавки, Юлий последовал за ним.

Киале положил руку на плечо юноши.

— Ты хороший парень. Ты напоминаешь мне Усилка. Но мы не будем говорить об этом... Послушай меня: Панновал уже не тот, каким он был, когда я был мальчишкой и босиком бегал по его базарам. Я не знаю, что случилось, но мира уже нет. Все эти разговоры о грядущих переменах, на мой взгляд, ерунда. Даже священники принялись за это дело, с пеной у рта доказывая необходимость перевоспитания и самоусовершенствования. По-моему, от добра добра не ищут. Понял, что я хочу сказать?

— Да, понял.

— Ну что же. Ты, вероятно, думаешь, что жрецом быть легко. Но я бы не советовал тебе становиться им именно сейчас. Священники начинают проявлять строптивость. Я слышал, что сейчас в Святилище казнят еретиков-священников. Лучше тебе оставаться у меня учеником и заниматься своим делом. Понял? Я желаю тебе только добра.

Юлий не поднимал глаз от пола.

— Я не могу объяснить, что я чувствую, Киале. В меня вселилась какая-то надежда. Я думаю, что положение должно измениться. Я тоже хочу стать другим, но пока не знаю — как.

Вздохнув, Киале убрал руку с плеча Юлия.

— Ну что же, парень. Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Несмотря на его ворчливый тон, Юлий был тронут его заботой. А Киале сообщил о намерениях Юлия своей жене. И когда вечером Юлий вернулся в свою комнату, на пороге появилась Туска.

— Священники могут ходить везде, куда им вздумается. Когда ты будешь посвящен в сан священника, то для тебя не будет существовать никаких запретов. Ты сможешь запросто бывать и в Святилище.

— Думаю, что это так.

— В таком случае, ты сможешь узнать, что случилось с Усилком. Попробуй, ради меня. Скажи ему, что я все еще вспоминаю его. И приди и скажи мне, если узнаешь хоть что-нибудь о нем.

Она умоляюще дотронулась до его руки. Юлий смущенно улыбнулся.

— Ты очень добра, Туска. Но неужели бунтари, которые желают свергнуть правителей Панновала, ничего не знают о твоём сыне?

Туску вдруг охватил страх.

— Юлий, ты станешь совсем другим, когда примешь сан. Поэтому я больше ничего не скажу. Я боюсь повредить остальным членам семьи.

Юлий потупил взор.

— Да покарай меня Акха, если я когда-нибудь причиню вам зло.

В следующий раз, когда он появился у священника, рядом с Сатаалом стоял солдат, держа на привязи фагора. Священник спросил Юлия, готов ли он пожертвовать всем, что имеет, ради служения Акха. Юлий ответил, что да, готов.

— Да исполнится сие. — Священник хлопнул в ладоши, и солдат удалился. Юлий понял, что лишился всего, чем обладал, кроме одежды, которая была на нем, да ножа, который украсила резьбой его мать. Не говоря ни слова, Сатаал, поманив его пальцем, направился в сторону задней части Рынка. С бьющимся сердцем Юлий последовал за ним.

Когда они подошли к деревянному мосту, переброшенному через ущелье, в котором бушевал Вакк, Юлий бросил взгляд назад. Его взгляд скользнул мимо шумной толпы, оживленно что-то меняющей, чем-то торгующей, о чем-то спорящей, и устремился туда, где через раскрытые ворота был виден ослепительный снег.

Не зная почему, он вспомнил об Искадор, девушке с темными развевающимися волосами. Затем поспешил за священником.

Они взбирались вверх, по террасам мест паломничества, где люди, толкаясь, спешили положить свои приношения к ногам идола. Сзади была перегородка с замысловатым рисунком. Сатаал быстро прошел мимо нее и направился к узкому проходу по небольшим ступенькам. Когда они повернули за угол, свет быстро померк. Звякнул колокольчик. Охваченный беспокойством Юлий споткнулся. Он попал в Святилище быстрее, чем ожидал.

Впервые за время пребывания в перенаселенном Панновале вокруг него не было ни души. Их шаги отдавались гулким эхом. Юлий ничего не мог разглядеть. Священник впереди него казался бестелесным призраком, ничем, темнотой в темноте. Юлий не осмеливался ни остановиться, ни загово-

рить. От него сейчас требовалось одно: слепо идти за своим наставником, и все, что бы ни произошло, он должен воспринимать как испытание своей веры. Если Акха любит хтоническую тьму, то также должен любить ее и он. Тем не менее пустота, которая, казалось, шелестела в ушах, тяготила его.

Они уже целую вечность продолжали спускаться во чрево земли.

Мягко, внезапно, возник свет. Колонна света пронизывала озеро стоячего мрака, образуя на дне его яркий круг, к которому направлялись двое погруженных во тьму людей. Грузная фигура священника была четко видна на фоне света. К Юлию начало возвращаться осознание того, где он находится.

Стен не было.

И это обстоятельство вызывало еще больший страх, чем полная тьма. Юлий уже привык к замкнутому пространству, к тому, что вокруг него были каменные перегородки, и он постоянно натыкался на кого-нибудь — спину незнакомого мужчины, плечо женщины... И теперь его охватил острый приступ агорафобии. Он не удержался на ногах и упал, издав придушенный стон.

Священник не обернулся. Он достиг того места, где колонна света упиралась в пол, и продолжал идти дальше, постукивая каблуками, так что его фигура почти мгновенно скрылась за туманом столба света.

Придя в ужас от мысли, что может остаться один, юноша стремительно вскочил и побежал вперед. Когда его пронзил столб света, он взглянул вверх. Там, над собою, он увидел отверстие, через которое падал обыкновенный дневной свет. Там, наверху, был знакомый ему с детства мир, от которого он отрекался ради бога тьмы.

Он увидел зубчатую скалу. И он понял, что находится в пещере, своими размерами превышающей весь Панновал. По какому-то сигналу, возможно, звону колокольчика, раздававшемуся вдалеке, — кто-то наверху приоткрыл дверь во внешний мир. Предупреждение? Соблазн? Или просто для драматического эффекта?

Возможно, все вместе, подумал он. Ведь жрецы намного умнее его. И он поспешил за исчезающей фигурой священника. Через секунду он скорее почувствовал, чем увидел, что свет позади него померк. Дверь в высоте закрылась. Он снова очутился в полной темноте.

Наконец они достигли дальнего конца гигантской пещеры. Юлий услышал, как замедлились шаги священника. Не колеблясь ни секунды, Сатаал подошел к двери и постучал. Через несколько мгновений дверь медленно отворилась. В воздухе над головой пожилой женщины висела лампа. Женщина, непрерывно шмыгая носом, пропустила их в каменный коридор, а затем закрыла за ними дверь.

Пол в коридоре был устлан циновками. Вдоль стен на уровне пояса проходила лента с искусной резьбой. Юлию хотелось рассмотреть ее поближе, но он не осмелился. Остальное пространство стен было без украшений. Шмыгающая носом женщина постучала в одну из дверей. Когда послышался ответный стук, Сатаал распахнул дверь и подал знак Юлию входить. Нагнувшись, он прошел под протянутой рукой своего наставника в комнату. Дверь закрылась за ним. Он видел Сатаала в последний раз.

Комната была обставлена переносной каменной мебелью, покрытой цветными накидками. Она освещалась двойной лампой на железной подставке. Два человека, сидящие за столом, подняли головы, оторвавшись от чтения каких-то документов. Один из них был капитан милиции. Его каска с эмблемой в виде колеса лежала рядом с ним на столе. Другой был худой и седой священник с приветливым лицом, который постоянно мигал, как будто один вид Юлия ослепил его.

— Юлий из Внешнего Мира? Поскольку ты здесь, ты сделал еще один шаг на пути служения богу Акха, — проговорил священник пронзительным голосом. — Я — отец Сифанс, и прежде всего я должен спросить тебя, не отягощают ли твою душу какие-либо грехи и не хочешь ли ты в них исповедоваться?

Юлий был сбит с толку тем, что Сатаал так внезапно покинул его, не шепнув на прощание ни слова. Но он по-

думал, что уже сейчас должен отказаться от таких мирских понятий, как любовь и дружба.

— Мне не в чем исповедоваться, — угрюмо сказал он, не смотря в глаза священнику.

Священник откашлялся. Заговорил капитан.

— Юноша, взгляни на меня. Я капитан стражи северного прохода Эброн. Ты прибыл в Панновал на санях, запряженных упряжкой Грипси. Она была украдена у двух известных торговцев этого города, Атримба и Праста, которые жили в Вакке. Их тела были найдены в нескольких милях отсюда, пронзенные копьями. Судя по всему, их убили во сне. Что ты скажешь относительно этого преступления?

Юлий смотрел в пол.

— Я ничего об этом не знаю...

— Мы думаем, что ты знаешь все. Если бы преступление было совершено на территории Панновала, ты заплатил бы смертью. Что ты на это скажешь?

Юлий почувствовал, что его бьет озноб. Он совсем не ожидал такого поворота событий.

— Мне нечего сказать.

— Очень хорошо. Ты не сможешь быть священником, пока эта вина лежит на твоей совести. Ты должен сознаться в своем преступлении. Ты будешь брошен в одиночную камеру, пока не заговоришь.

Капитан Эброн хлопнул в ладоши. Вошли два солдата и грубо схватили Юлия. Он несколько мгновений сопротивлялся, оценивая их силу, но когда ему резко заломили руки назад, он позволил увести себя.

«Да, — подумал он. — Святилище полно священников и солдат. Ловко они меня провели. Какой я дурак, что попал им в лапы».

Он вовсе забыл о тех двух господах. Двойное убийство тяжелым камнем лежало у него на сердце, хотя он пытался оправдаться перед собой, напоминая, что они тоже пытались убить его. Не одну ночь он, лежа в своей постели в Вакке и устремив взор в потолок, видел перед собой того

господина, который старался подняться и вырвать копье из своих внутренностей.

Камера была маленькая, сырая, темная.

Когда он немного пришел в себя, то стал осторожно обшаривать все вокруг. Но в камере, кроме зловонной сточной канавы и низкой скамьи для сна, ничего не было. Юлий уселся на скамью и закрыл лицо руками.

Ему дали достаточно времени, чтобы подумать. Его мысли в этой непроницаемой тьме жили собственной жизнью, как будто были порождением бредового состояния. Люди, которых он знал и которых не знал, сновали вокруг, занимаясь своими таинственными делами.

— Мама! — закричал он.

Онесса стояла перед ним такой, какой была до болезни — стройная и сильная, со строгим вытянутым лицом, которое с готовностью расплывалось в улыбке с едва приоткрывшимися губами. На ее плече была огромная вязанка хвороста. Перед нею трусил выводок черных рогатых поросят. Небо было ослепительно голубое, ярко светили Беталикс и Фреир. Онесса и Юлий шли по тропинке из темного леса и были ослеплены ярким светом. Казалось, что никогда они не видели такой пронзительной голубизны. Казалось, она заполнила весь мир.

Перед ними было разрушенное здание, к которому примыкала лестница из таких же полуразрушенных камней. Онесса бросила на землю вязанку хвороста и почти бегом поднялась по лестнице. Она подняла вверх руку в перчатке. В морозном воздухе прозвучала ее песня.

Редко видел Юлий свою мать в таком хорошем настроении. Почему он так редко видел ее такой? Не смея задать вопрос прямо, но страстно желая услышать ответ, или хотя бы слово, он спросил:

— Кто построил этот дом, мать?

— Он всегда стоял здесь. Он стар, как эти холмы.

— Но кто построил его?

— Не знаю. Может, отец моего отца, давным-давно. Наши предки были великими людьми, и у них были большие запасы зерна.

Эта легенда о величии его предков по материнской линии была давно известна Юлию. Как и эта подробность о больших запасах зерна. Он поднялся вверх по разрушенным ступеням и с трудом открыл неподдающуюся дверь. Когда он вошел вовнутрь, придерживая плечом дверь, с пола поднялось облако снега. Там было полно золотистого зерна, которого им всем хватит надолго. И оно вдруг поползло к нему, огромные кучи стали перескакивать со ступеньки на ступеньку. Из-под зерна показались два трупа, два мертвеца, которые, широко раскрыв слепые глаза, потянулись к свету.

Он с криком вскочил на ноги и шагнул к дверям камеры. Он не мог понять, откуда пришли эти страшные видения. Ведь не он же породил их.

Он подумал: *Тебе ли говорить о снах? Ты только сейчас вспомнил о своей матери. Ты ведь ни разу не сказал ей ласкового слова. И, похоже, ты действительно ненавидел своего отца. Ведь ты даже был рад, когда фагоры увели его.*

Нет, просто тебя ожесточила жизнь. Ты стал жестоким, хитрым. Ты убил двух торговцев. Что из тебя получится? Тебе лучше сознаться в убийстве и положиться на волю Божию.

Ты так мало знаешь жизнь, ты хочешь постичь весь мир. Акха должен знать все. Его глаза видят все. А ты настолько ничтожен, что твоя жизнь — не более, чем то странное ощущение, которое возникает, когда у тебя над головой пролетает чилдрим.

Он удивился собственным мыслям. Наконец он стал бить кулаком в дверь. Когда его вывели из камеры, он узнал, что пробыл в заточении всего три дня.

В течение одного года и одного дня Юлий служил послушником в Святилище. Ему не разрешали покидать пределы Святилища, и он жил все это время в келье. Он не знал,

вместе или порознь плыли по небу Беталикс и Фреир. Желание вновь увидеть белое безмолвие постепенно покидало его, вытесняемое величественным полумраком Святилища.

Он сознался в убийстве. Наказания не последовало.

Худой седой священник с постоянно мигающими глазами, отец Сифанс, был главным наставником Юлия и других послушников. Он сложил руки на груди и сказал Юлию:

— Тот печальный случай с убийством канул в прошлое. И тем не менее ты не должен забывать о нем, ибо, забыв, станешь думать, что его никогда не было. Все в этой жизни взаимосвязано, как связаны между собою пещеры Панновала. Твой грех и твое желание служить Акха составляют одно целое. Ты думаешь, что только святость побуждает людей на службу Акха? Не совсем так. Грех, чувство вины тоже толкают людей на служение богу. Возлюби тьму — и через свой грех ты примиришься с собственной ничтожностью.

Грех. Это слово все время не сходило с уст отца Сифанса. Юлий как замороженный ловил это слово, слетавшее с уст учителя, стараясь при этом шевелить губами так, как это делал он. И оставшись один, он повторял заданное, воспроизводил губами те же движения, которые наблюдал на губах своего наставника.

У отца Сифанса были собственные покои, куда он удалялся после занятий. Юлий же спал в общежитии вместе с другими послушниками. В отличие от духовных отцов, им были запрещены любые развлечения — вино, песни, женщины — все было под строгим запретом. А пища была попросту скудной. Она выделялась из приношений богу Акха.

— Я не могу сосредоточиться, я голоден, — сказал однажды Юлий своему наставнику.

— Голод — это всеобщее чувство. Нельзя требовать от Акха накормить досыта всех. Он защищает нас от враждебных сил.

— Что важнее, выживание или личность?

— Личность обладает значимостью лишь в своих собственных глазах. А грядущим поколениям принадлежит будущее.

Юлий постепенно постигал софистическую манеру рассуждать.

— Но поколения состоят из личностей.

— Поколения не являются суммой личностей. Они вбирают в себя надежды, планы, историю, законы — и прежде всего преемственность. Они вбирают в себя как прошлое, так и будущее. Акха не хочет иметь дела с индивидуумами, поэтому личность должна быть приведена к полной покорности, и если понадобится — уничтожена.

Довольно искусно духовный отец заставлял Юлия во всем с ним соглашаться. С одной стороны, он должен обладать слепой верой, а с другой — ему необходим трезвый разум. Ибо в своем многовековом существовании под землей обществу были необходимы все виды защиты, и оно требовало как молитв, так и в рационалистического мышления. В священных песнопениях говорилось, что в будущем Акха может потерпеть поражение в своем единоборстве с Вутрой, и тогда мир будет объят небесным пламенем. Поэтому, чтобы избежать горения, индивидуальность должна быть погашена.

Юлий шел по подземным залам, галереям, а новые мысли роем теснились в его голове. Они полностью опрокидывали его прежнее понимание мира — и в этом как раз и заключалась их прелесть, поскольку каждое новое проникновение в суть вещей подчеркивало, насколько далеко ушел он от прежнего невежества.

Среди всех своих лишений он вдруг обрел существенное наслаждение, которое успокаивало его взбудораженную душу. Священники находили себе дорогу в темном лабиринте осязая, как бы читая стены. Как это делалось, являлось великой тайной, в которую должны были со временем посвятить Юлия. Но в подземных лабиринтах можно было ориентироваться по музыке, улаждающей слух. Юлий по наивности думал, что слышит голос духов над головой. Ему и в голову не приходило, что это была мелодия, издаваемая однострунной врахой. И это не удивительно — ведь он никогда не видел враху. А если это не духи, то вероятно, завывание ветра в расщелинах.

Свое наслаждение мелодией он хранил в такой тайне, что ни у кого не спрашивал о слышимых им звуках, даже у своих товарищей-послушников, пока однажды не оказался с Сифансом на церковной службе. Хор занимал важное место в богослужении, и особенно монодия, когда один голос ввинчивался в пустоту мрака. Но что больше всего полюбилось Юлию, так это звуки инструментов Панновала.

Ничего подобного он не слышал на Перевале. Единственная музыка, которую знали дикие племена — это рокот барабанов, постукивание костяшек, хлопанье в ладони. Именно под влиянием этой волшебной музыки Юлий убедился в реальности своей пробуждающейся духовной жизни. Одна мелодия в особенности захватила его. Это была партия одного инструмента, который звучал громче всех других, затем резко обрывался на одной высокой ноте, и затихал.

Музыка почти заменила Юлию свет. Когда он говорил об этом со своими товарищами-послушниками, то обнаружил, что они совсем не разделяли его восторженность. Однако он понял, что в жизни послушников Акха занимал больше места, чем в его собственной. Большинство послушников или любили, или ненавидели Акха со дня своего рождения. Акха для них был составной частью мироздания.

Когда Юлий в часы, отведенные для сна, старался разобраться во всех этих загадках, он ощущал вину за то, что не был таким, как другие послушники. Он любил музыку Акха. Она была для него новым языком. Но ведь музыка — это творение гения человека, а не?..

Когда он отметал одно сомнение, возникало другое. А как насчет языка религии? Разве это не творение людей, подобных отцу Сифансу?

— Вера — это не спокойствие души, а томление духа, вечное томление. Только Великая Битва является успокоением.

Что же, по крайней мере часть вероучения была несомненной правдой.

Но вообще-то Юлий большей частью помалкивал и поддерживал лишь поверхностное знакомство со своими товарищами.

Обучение послушники проходили в низком сыром туманном зале под названием Расселина. Иногда они пробирались туда в крошечной тьме, иногда при свете чадающих фитилей, почти не дающих света, которые несли духовные лица. Каждое занятие кончалось тем, что священник клал руку на лоб послушника, мял его, а затем делал характерный жест у виска, над чем послушники смеялись в своей спальне. Пальцы у священников были грубые от того, что они постоянно скользили по стенам, читая их при стремительном передвижении по лабиринтам Святилища в крошечной тьме.

Каждый послушник сидел лицом к учителю на скамье причудливой формы, сделанной из глиняных кирпичей. В каждой скамье был вырезан свой собственный рисунок, который позволял легко отыскать ее в темноте. Учитель сидел верхом на глиняном седле, слегка возвышаясь над учениками.

По прошествии нескольких недель отец Сифанс впервые заговорил о ереси. Он говорил низким голосом, постоянно покашливая. Верить неправильно — это хуже, чем не верить вовсе. Юлий наклонился вперед. Он и Сифанс сидели без света, но в соседнем помещении трепетало пламя, которое освещало Сифанса сзади, образуя вокруг его головы туманно-желтый нимб, но лицо учителя оставалось в тени. Черно-белое одеяние скрадывало очертания тела, так что священник, казалось, слился с темнотой помещения. Вокруг них клубился туман, который струился за каждым, медленно проходящим мимо. Низкую пещеру наполняли кашель и бормотание. Методично и безостановочно, подобно маленьким колокольчикам, падали капли воды.

— Приношение в жертву человека, отец? Ты сказал, приношение в жертву человека?

— Тело драгоценно, а дух преходящ. Тот говорит против священника, кто говорит, что нужно быть более умеренным в приношениях Акха... Ты уже достаточно искушен в учении, и поэтому можешь присутствовать при его казни... Обычай, оставшийся нам в наследство от варварских времен...

Беспокойные глаза, как две крошечные горящие точки, мерцали в темноте, как сигналы из глубины пространства.

Когда настал день казни, Юлий вместе с другими послушниками отправился по мрачным лабиринтам в самую большую пещеру Святилища. Света не было. Шепот заполнял темноту по мере того как собиралось духовенство. Юлий тайком ухватился за оборку одеяния отца Сифанса, чтобы не потерять его в темноте. Затем раздался голос священника, который поведал о нескончаемой битве между Акха и Вутрой. Ночь принадлежала Акха, и священники были готовы защищать свою паству в течение долгой битвы. Те, кто выступал против своих хранителей, должны умереть.

— Приведите заключенного!

В Святилище много говорили о заключенных, но этот был особого рода.

Раздался топот тяжелых сандалий милиции, послышалось шарканье ног.

Вдруг тьму пронзил столб света.

Послушники раскрыли рты от изумления. Юлий понял, что они находятся в том же громадном зале, через который когда-то его провел Сатаал. Источник слепящего света, как и раньше, находился высоко над головами.

Столб света своим основанием упирался в распятую на деревянной раме человеческую фигуру. Как только осужденный издал крик, Юлий сразу узнал квадратное, обрамленное короткими волосами лицо, пылающее страстью. Это был Нааб, молодой человек, выступление которого он слышал в Прейне.

Юлий сразу узнал его голос, его пламенную речь.

— Священники, я не враг вам, хотя вы и относитесь ко мне, как к врагу. Поколение за поколением вы погрязаете в бездействии, ваши ряды редеют, Панновал гибнет! Мы не должны быть пассивными служителями великого Акха. Нет! Мы должны сражаться вместе с ним. Мы также должны

страдать. Мы должны внести свой вклад в великую битву Неба и Земли! Мы должны очиститься, переделать себя.

Позади привязанного к раме Нааба стояли милиционеры в сверкающих шлемах. Прибывали и новые, неся в руках дымящиеся головешки. Вместе с ними шагали на кожаных поводках фагоры. Все остановились и повернулись к осужденному. Головни взметнулись над головами. Дым ленивыми струями поднимался вверх. Несгибающееся тело великого кардинала со скрипом нагнулось вперед, согбенное под тяжестью одеяния и митры. Он три раза ударил жезлом в землю и пронзительно закричал на церковно-олонецком языке:

— О, великий Акха, наш воинственный бог! Предстань перед нами!

Зазвенел колокол.

Тьму пронзил еще один ослепительно-белый столб света, отчего темнота не рассеялась, а стала еще гуще, плотнее. Позади осужденного, позади фагоров и солдат вверх взметнулась фигура Акха. Толпа заволновалась в томительном ожидании. Происходящее производило впечатление величественного действия: нечеловеческая голова бога, казалось, нависла над толпой, и рот ее был раскрыт, глаза же, как всегда, оставались незрячими.

— Возьми эту презренную жизнь, о, Великий Акха, и используй ее по своему усмотрению!

Совершающие этот обряд быстро двинулись вперед. Один из них начал вращать ручку, вделанную сбоку рамы. Рама со скрипом стала сгибаться. Заключенный негромко вскрикнул, когда его тело начало клониться назад. По мере того как на раме обнажались петли, его тело выгибалось, делая его совершенно беспомощным.

Два капитана шагнули вперед, ведя между собой фагора. Он остановился перед осужденным в типичной для анципиталов неуклюжей позе, нагнув вперед морду. Затупленные рога, расположенные примерно на уровне глаз приведших его солдат, были украшены наконечниками из серебра.

Снова зазвучала музыка, звуки барабана, гонг, враха. Они заглушили крик Нааба. Вверх взвилась пронзительная трель флулчеля, затем звук оборвался.

Согнутое почти вдвое тело с запрокинутой головой и загнутыми ногами, шея и грудь, беспомощно светящиеся в столбе света.

— Возьми, о Великий Акха! Возьми то, что уже твое! Расправься с ним!

Вопль священника послужил сигналом. Фагор шагнул вперед, наклонился. Его пасть раскрылась, и два ряда тупых зубов стиснули беззащитное тело. Челюсти сомкнулись. Фагор поднял голову, и из пасти у него торчал кусок плоти. Он шагнул назад, стал между двумя солдатами и с безразличным видом сглотнул. По его белой волосатой груди потекла струйка крови. Задняя колонна света погасла. Акха исчез во тьме. Многие послушники упали в обморок.

Когда они, проталкиваясь через толпу, выходили из зала, Юлий спросил:

— Но зачем нужны эти дьявольские фагоры? Они враги рода человеческого. Их всех нужно истребить.

— Они — создания Вутры. Это видно по их цвету. Мы держим их, чтобы они постоянно напоминали нам о нашем общем враге, — сказал Сифанс.

— А что станет с телом Нааба?

— Не бойся, ничего не пропадет бесцельно, всему найдется применение. Большая часть, возможно, пойдет горшечникам — им ведь всегда не хватает топлива. Но, по правде говоря, точно не знаю. Я предпочитаю держаться подальше от распоряжений администрации.

Юлий не осмелился больше задавать вопросы отцу Сифансу, услышав в его голосе недовольство. Но про себя он все время повторял: «Грязные животные! Грязные животные! Акха не должен иметь с ними ничего общего». Но в Святилище было много фагоров, терпеливо вышагиваю-

щих рядом с милиционерами, а их светящиеся в темноте глаза пристально и недобро смотрели по сторонам из-под косматых бровей.

Однажды Юлий рассказал своему наставнику, как его отца поймали фагоры.

— Но ты не знаешь, убили ли они его. Фагоры не всегда такие злые. Иногда Акха умирят их дух.

— Я уверен, что его уже нет в живых. Хотя — кто знает?

Духовный отец почмокал губами, как бы в нерешительности, а потом наклонился в темноте к Юлию.

— Конечно же, существует способ точно узнать это, сын мой.

— Но для этого понадобилось бы собрать большую экспедицию на север.

— Нет, существуют другие способы. Менее обременительные. Со временем ты лучше поймешь сложности Панновала. А может, и нет. Существуют особые группы духовных лиц, воинственные мистики, о которых ты ничего не знаешь. Но, наверное, об этом лучше ни слова...

Юлий стал упрашивать священника. Его голос совсем понизился и стал едва слышным сквозь плеск падающей рядом воды.

— Да, воинственные мистики, которые отказываются от наслаждений плоти, но взамен приобретают таинственную силу...

— Но это же проповедовал и Нааб, а его за это убили.

— Его казнили по приговору суда. Лица, принадлежащие к высшему духовному сану, предпочитают, чтобы административные духовные лица оставались такими, какие они есть сейчас. Эти воинствующие мистики могут вступать в контакт с мертвыми. Если бы ты был одним из них, то мог бы поговорить с отцом после смерти.

Юлий издал изумленный возглас и затих.

— Мой сын, многие человеческие способности могут быть развиты до такой степени, что становятся почти боже-

ственными. Я сам, когда умер отец, с горя начал поститься, а после многих дней поста отчетливо увидел его висящим в земле, как будто в другой стихии. А уши у него были закрыты руками, как будто он слышал звуки, которые ему не нравились. Смерть — это не конец, а наше продолжение в Акха — вспомни, что мы с тобой учили, сын мой.

— Я все еще сержусь на своего отца. Возможно из-за этого у меня были трудности. Он оказался слабым, а я хочу быть сильным. Где они, эти воинствующие мистики, о которых ты говоришь?

— Если ты не веришь моим словам, а я это чувствую, то бессмысленно углубляться в эту тему. — В голосе священника слышалось раздражение.

— Прости, отец. Я дикарь, как ты неоднократно говорил мне. Но ты считаешь, что священники должны переродиться, как об этом говорил Нааб, не так ли?

— Я придерживаюсь середины. — Сифанс сидел, наклонившись вперед, и в напряженной тишине Юлий слышал шорох его сутаны. — Многие ереси приносят раскол в Святилище, и ты узнаешь это, когда примешь духовный сан. Когда я был молодым, было гораздо легче. Иногда мне кажется...

Вдали раздался кашель и плеск воды.

— Что тебе кажется?

— Хватит с тебя и тех еретических мыслей, что у тебя уже есть. Никак не пойму, почему я вообще говорю с тобой об этом? Ну ладно, на сегодня все.

В разговорах со своими товарищами Юлий постепенно узнал кое-что о пирамиде власти, которая цементировала Панновал в одно целое. Управление всеми делами находилось в руках священников, которые опирались на милицию и в свою очередь оказывали ей поддержку своим авторитетом. Не было верховного судьи, не было верховного вождя, подобного вождям племен, живущих в безмолвной пустыне. За спиной каждой группы священников стояла другая

группа, за ней третья — и так далее. Ранги священников образовывали бесконечную иерархическую пирамиду, уходящую в метафизический мрак, и не было той последней инстанции, которая повелевала бы всеми остальными.

Ходил слух, что некоторые ордена священнослужителей жили в пещерах, в далеких горах. В Святилище не было устоявшихся норм. Священники могли служить солдатами и наоборот. Под покровом молитв и учений царила настоящая неразбериха. Акха был где-то там. Там, где была более крепкая вера.

Где-то в этой иерархической цепочке и находились воинствующие мистики, которые могли общаться с мертвыми и творить другие чудеса, думал Юлий. Ходили слухи, к которым следовало прислушиваться в такой же мере, как к звуку падающей в колодец воды, что высоко над обитателями Святилища располагался орден священников, которые назывались, если их осмеливались называть, Хранителями.

Хранители, по слухам, составляли секту, доступ в которую открывался только избранным. Эта секта сочетала в себе двойную роль — солдат и священников. Они хранили знание. Они знали то, чего не знали даже в Святилище, и это знание давало им силу. Храня прошлое, они претендовали на будущее.

— Кто такие Хранители? Видели вы их? — спросил Юлий в беседе с отцом Сифансом. Тайна возбуждала его. Им овладело страстное желание стать членом таинственной секты.

Приближался конец обучения. С течением времени Юлий возмужал. Он уже не оплакивал судьбу своих родителей. Да и дел в Святилище у него было достаточно. Он обнаружил в последнее время у своего отца-наставника ненасытную жажду сплетен. Обычно глаза его начинали мигать чаще, губы дрожали, и обрывки разных сведений срывались с его губ. Каждый день, когда двое мужчин работали в молитвенном зале своего ордена, отец Сифанс позволял себе небольшую долю откровения.

— Хранители могут жить среди нас. Мы не знаем, кто они. По виду они ничем не отличаются от нас. Может быть, и я — Хранитель. Почему тебе знать?

На следующий день, после молитвы, отец Сифанс поманил его рукой в перчатке и сказал:

— Пошли, я покажу тебе кое-что. Все равно срок твоего послушничества скоро кончается. Ты помнишь, о чем говорили мы с тобой вчера?

— Конечно.

Отец Сифанс поджал губы, прищурил глаза, поднял свой острый нос к потолку и раз десять резко кивнул головой. Затем он засеменил прочь. Юлий последовал за ним. В этой части Святилища огни были редкостью, а в некоторых местах запрещены вовсе. Двое мужчин уверенно двигались в крошечной тьме. Юлий скользил пальцами правой руки по высеченному вдоль стены галереи рисунку. Через некоторое время они миновали Варрбороу. Юлий уже хорошо читал стены.

Впереди должны быть ступеньки. Два прита со светящимися глазами трепыхались в ивовой клетке, указывая место, где соединялась главная галерея и боковая и начинались ступени. Юлий со своим духовным наставником медленно, *клак, клак, клак*, поднимался вверх. Мимо них по бесконечным проходам двигались в непроглядной тьме другие люди. Юлий без труда избегал столкновений с ними.

Наконец они оказались в Тангвилде. Об этом сообщил рисунок на стене, который прочли пальцы Юлия. В никогда не повторяющемся, для каждого места своем рисунке как бы из переплетенных ветвей пальцы Юлия то здесь, то там, нащупывали фигурки зверей, которые, как думал Юлий, были плодом воображения давно умерших художников — эти животные прыгали и ползали, плавали и карабкались. По неизвестной причине Юлий представлял их себе в ярких красках. Лента высеченного рисунка шла вдоль стен во всех направлениях, и везде она была шириной в ладонь. Это составляло одну из тайн Святилища — всякий, кто запомнил различные узоры, характеризующие те или иные сектора, и зашифрованные знаки, указывающие на поворот,

ступени, комнаты, могли с уверенностью ориентироваться в лабиринте коридоров.

Они повернули в низкую галерею. Здесь рисунок на стене изображал каких-то мужчин, сидящих на корточках с вытянутыми руками перед хижинами. Они, должно быть, перед входом куда-то, подумал Юлий, с любопытством изучая рисунок ладонью.

Сифанс остановился, и Юлий наткнулся на него, пробормотав извинения. Старый отец-наставник отдышал, упершись в стену.

— Помолчи и дай мне собраться с духом, — сказал он.

Через минуту, как бы пожалев о том, что голос его прозвучал сурово, он добавил.

— Я уже старею. Мне скоро будет двадцать пять лет. Но смерть одного человека ничего не значит для Акха.

Юлию стало страшно за него.

Отец-наставник пошарил рукой по стене. Из каменной породы сочилась влага.

— Да, здесь...

Отец Сифанс открыл небольшой ставень. Во тьму ворвался луч яркого света. Юлий на секунду прикрыл глаза рукой; затем он встал рядом со священником и взглянул.

У него вырвался возглас изумления. Внизу под ним лежал небольшой город, выстроенный на холме. Его во всех направлениях пересекали извилистые улицы, вдоль которых возвышались великолепные дома. Немного в стороне, в расселине, протекала бурная река. Некоторые дома, казалось, чудом держались на ее берегах. Люди, маленькие как муравьи, сновали по улицам, толкались внутри комнат без крыш. Шум дорожного движения едва доносился до того места, где стояли Юлий и Сифанс.

— Где мы?

— Это Вакк. Ты уже забыл его?

И отец-наставник смешно сморщил нос. Видимо, удивление Юлия забавляло его.

Какой я еще наивный, подумал Юлий. Я и сам мог догадаться об этом.

Он увидел сводчатый проход, ведущий к Реку. Вглядываясь, он сумел разглядеть знакомые здания и тот проулок, где была его комната рядом с домом Киале и Туски. Он вспомнил их, вспомнил прекрасную черноволосую Искатор — и у него защемило в груди, хотя чувства его были притуплены, ибо не было никакого смысла тосковать по прошедшему. Киале и Туска наверняка забыли о нем, как и он забыл о них. Что больше всего его поразило, так это то, каким ярким и светлым показался ему Вакк. В его сознании он представлялся ему местом, погруженным в тень, где отсутствовали какие-либо цвета.

Разница в восприятии указывала на то, насколько улучшилось его зрение за время пребывания в Святилище.

— Помнишь, ты спросил меня, кто такие Хранители? Ты спросил, видел ли я их. Вот мой ответ.

Он протянул руку в сторону города, находящегося под ними.

— Люди там внизу не видят нас, и даже если посмотрят вверх, они нас не заметят. Мы — высшие существа по отношению к ним. Так же и Хранители являются высшими существами по отношению к простым членам ордена священников. Внутри нашей крепости есть другая крепость, тайная крепость.

— Отец Сифанс, помоги мне. Эта таинственная крепость настроена дружелюбно к нам? Ведь то, что тайно, не всегда бывает дружелюбно.

Отец-наставник замигал глазами.

— Вопрос скорее должен звучать так: необходима ли эта тайная крепость для нашего выживания? И ответ на это следующий: да, чего бы это ни стоило. Ты можешь подумать: что за странный ответ, тем более что он исходит от меня. Во всем я придерживаюсь середины, но только не в этом. Против крайностей нашей жизни, против того, от чего нас стремится защитить Акха, нужны крайние меры.

Хранители хранят Правду. Согласно писанию, наш мир был изъят из огня Вутры. Много поколений назад люди Панновала осмелились бросить вызов Великому Акха и

ушли жить за пределы нашей священной горы. Города, подобные Вакку, были построены под открытым небом. Но потом мы были наказаны огнем, который Вутра со своими приспешниками обрушил на землю. Лишь немногие вернулись сюда, в наш дом.

И это не просто писание, Юлий. Это история нашей жизни, жизни нашего народа. Хранители хранят в своей тайной крепости эту историю, а также многое из того, что осталось от жизни под открытым небом. Я думаю, что они ясно видят то, что для нас пока скрыто туманом.

— А почему нам в Святилище не положено знать таких вещей?

— Достаточно того, что мы знаем их в виде притч из Священного Писания. Лично я думаю, что неприкрашенная правда хранится в тайне от нас, во-первых, потому что люди, облеченные властью, предпочитают накапливать знания, ибо знания — это сила, а во-вторых, потому что они полагают, что если мы вооружимся знаниями, то снова попытаемся вернуться во внешний мир под открытое небо, когда Великий Акха изгонит снега.

У Юлия гулко забилося сердце. Откровенность отца Сифанса удивила его. Если сила таится в знании, то где же место для веры? Ему вдруг пришло в голову, что его подвергают испытанию, и он почувствовал, с каким нетерпением священник ожидает его ответа. Стараясь не рисковать, он снова обратился к имени Акха.

— Ну конечно, если Акха изгонит снега, это будет как бы знак с его стороны, чтобы мы вернулись в мир под открытым небом. Противоестественно, когда мужчины и женщины рождаются и умирают в темноте.

Отец Сифанс вздохнул.

— Вот каков твой ответ. Ты ведь родился под открытым небом...

— Я надеюсь и умереть там же, — сказал Юлий с жаром, удивившим его самого. Он боялся, что его непродуманный ответ может вызвать гнев отца-наставника. Но вместо этого старик положил ему на плечо руку в перчатке.

— У всех нас противоречивые желания... — Было видно, что он боролся с собой: продолжать или промолчать, затем спокойно сказал: — Ну пошли, пора возвращаться. Ты пойдешь вперед. Ты уже отлично читаешь стены.

Он закрыл ставень. В нахлынувшей на них тьме они какое-то время старались разглядеть друг друга. Затем по темным галереям вернулись назад.

Посвящение Юлия в сан было знаменательным событием. Он постился в течение целых четырех дней, и у него немного кружилась голова, когда он предстал перед кардиналом в Латхорне. Вместе с ним было еще трое юношей одного с ним возраста, которые должны были принять духовный сан. В течение двух часов, облачившись в грубую одежду, они пели религиозные гимны.

Их голоса пронзительно звенели в пустоте темного храма:

*Тьма облекает нас как одежда,
А грешника жжжет в наказание.
Судьба священника тяжела,
Но в то же время — великая честь.
Наградой нам служит лицезрение Акха,
Доспехами — древность нашего права.*

Одинокая свеча стояла между ними и фигурой сидевшего кардинала, остававшегося неподвижным на протяжении всей церемонии. Возможно, он спал. В отдалении стояли три духовных отца-наставника, которые подготовили молодых людей к званию священника. Юлий смутно различал лицо Сифанса с его сморщенным от удовольствия носом, кивающего в такт песнопению головой... Милиции не было. Не было и фагоров.

В конце обряда посвящения сухая спартанская фигура, одетая в черно-белое, с золотой цепью на шее, воздела руки над головой и гнусавым речитативом затянула молитву для вновь посвященных:

— И, наконец, сделай так, о древний Акха, чтобы мы смогли еще глубже проникнуть в пещеры твоей мысли, пока не обнаружим тайны того безграничного океана без начала и без конца, который в миру называют жизнью, но который мы, посвященные, считаем всем тем, что находится за пределами Жизни и Смерти.

Заиграли флуучели, и музыка наполнила Латхорн и сердце Юлия.

На следующий день он получил первое задание: посетить заключенных Панновала и выслушать их жалобы.

Для вновь посвященных в духовный сан существовал установленный ритуал. Сперва они проходили службу в зоне Наказания, затем их переводили на какое-то время в силы Безопасности, и только потом им разрешалось работать среди простых людей. В процессе подобного закаливания они все больше и больше отдалялись от народа.

Зона Наказания была полна шума среди горящих головешек. Здесь были надзиратели, набираемые из милиции, и фагоры. Она была расположена в особо сырой пещере, где всегда моросил мелкий дождь. Взглянув вверх, можно было увидеть крупные капли воды, свисающие со сталактитов и готовые сорваться вниз при малейшем движении воздуха.

Надзиратели носили обувь с толстыми подошвами. Сопровождавшие их фагоры не имели одежды, но белая шерсть хорошо защищала их от холода и сырости.

Брат Юлий нес дежурство с одним из трех караульных в чине лейтенанта, упитанным человеком с грубыми манерами по имени Дравог, который шагал так, как будто давил жуков, и говорил так, как будто жевал их. Он постоянно постукивал палкой о свои краги, и этот барабанный звук действовал раздражающе. В отношении заключенных действовала суровая палочная дисциплина. Все движения были подчинены сигналу гонга, и на любого замешкавшегося тотчас обрушивался град ударов. От всего этого стоял несмолкаемый шум. Заключенные были угрюмы. Юлию при-

ходилось выискивать законные основания для любого акта насилия по отношению к заключенным, и он часто сочувствовал своим жертвам.

Ему вскоре опротивела бессмысленная жестокость Дравога, но в то же время непрекращающаяся враждебность заключенных истощала его нервную систему. Дни, проведенные с отцом Сифансом, казались ему самыми счастливыми, хотя в то время он не отдавал себе в этом отчет. В новой суровой обстановке он тосковал по глубокой темноте, наполненной молчанием и благочестием, даже по отцу Сифансу с его осторожным дружелюбием. Дружба была не той чертой характера, которую уважал и признавал Дравог.

Одним из секторов зоны была пещера под названием Твинк. В Твинке группы заключенных были заняты тем, что разрушали заднюю стену, чтобы увеличить рабочее пространство. Этот тяжелый труд был бесконечным.

— Это рабы, а чтобы они шевелились, их нужно бить, — говорил Дравог.

Замечание надзирателя приоткрыло для Юлия завесу над прошлым Панновала: вероятно он весь был создан именно таким образом.

Груды горной породы увозили на грубо сколоченных тележках, волочить которые было по силам только мужчинам. Тележки откатывали в глубину Святилища, где Вакк нес свои воды намного ниже уровня земли. Здесь находилась глубокая пропасть, куда скидывали породу.

В Твинке была и ферма, где работали заключенные. Здесь выращивался ячмень, из которого приготавливали хлеб, а в пруду, питающемся от источника в скале, разводили рыбу. Каждый день вылавливали определенное количество рыбы. Больную рыбу закапывали вдоль берегов, где росли огромные съедобные грибы. Их едкий запах ударял в нос любому, вступающему в Твинк.

Поблизости располагались и другие фермы и шахты, где добывался кремнистый сланец. Но свобода передвижения Юлия была так же ограничена, как и у заключенных. Он не мог выходить за пределы Твинка. Он удивился, ус-

лышав из разговора Дравога с другим надзирателем, что один из боковых проходов ведет на Рынок. Рынок! Одно это слово вызвало в его воображении полный толкотни мир, который он оставил в той, другой жизни. Он с тоской подумал о Киале и о его жене.

«Из тебя никогда не получится настоящего священника», — подумал он про себя.

Раздались звуки гонга и крики надзирателей. Заключенные напрягли мускулы. Всюду сновали фагоры, иногда перекидываясь друг с другом словом. Юлий ненавидел их. Он наблюдал, как четверо заключенных вылавливали рыбу под недремлющим оком одного из надзирателей. Им пришлось по пояс зайти в ледяную воду. Когда сеть была полна, им позволили выйти на берег и вытянуть свою добычу.

Мимо катилась тележка, груженная бульбжником. Ее толкали двое заключенных. Неожиданно колесо тележки наехало на камень. Заключенный, который налегал на левую ручку тележки, споткнулся и упал в воду. Падая, он сбил с ног одного из рыбаков, тянущего сеть. Рыбак от толчка упал головой вниз.

Надзиратель заорал и стал размахивать палкой. Его фагор ринулся вперед, схватил оступившегося заключенного и поднял высоко в воздух. Подбежавшие Дравог и еще один надзиратель принялись избивать молодого парня, стараясь попасть палкой по голове.

Юлий схватил за руку Дравога.

— Оставь его в покое. Это произошло случайно. Помоги ему выбраться.

— Заключенным запрещается находиться в воде без разрешения, — злобно бросил Дравог, оттолкнул Юлия и продолжал избивание.

Заключенный, с ног до головы мокрый, да еще и весь в крови, с трудом выбрался на берег. Примчался еще один надзиратель с шипящей, оттого что воздух здесь был пропитан водными брызгами, головней. За ним, поблескивая в темноте розоватыми глазами, бежал фагор, завывая от досады, что пропустил такое развлечение. Все они пинками

погнали полумертвого заключенного в его камеру в соседней пещере.

Когда суматоха улеглась и толпа разошлась, Юлий осторожно приблизился к камере. В этот момент из соседней камеры донеслось:

— Усилк, как ты себя чувствуешь?

Юлий пошел в контору Дравога и забрал ключи. Он открыл дверь в камеру, взял лампу из ниши в стене и вошел.

Заключенный лежал, растянувшись на полу в луже воды. Его голова и щека кровоточили.

Он угрюмо взглянул на вошедшего, затем, не меняя выражения лица, снова опустил голову.

Юлий с состраданием смотрел на разбитую голову, покрытую кровью. Присев на корточки рядом с юношей, он поставил лампу на пол, покрытый нечистотами.

— Пошел вон, монах, — прорычал юноша.

— Я помогу тебе, если смогу.

— Ну да, как же. Лучше оставь меня в покое.

Они некоторое время оставались в том же положении, не двигаясь и не говоря ни слова. Кровь медленно капала с головы заключенного в лужу.

— Тебя зовут Усилк, не так ли?

Ответа не было. Исхудавшее лицо было обращено к полу.

— Твоего отца зовут Киале. Он живет в Вакке.

— Оставь меня в покое.

— Я хорошо его знал. И твою мать тоже. Она присматривала за мной.

— Я тебе что сказал... — с неожиданной прытью юноша бросился на Юлия. Удары его были довольно слабы. Юлий покатился по полу, страхнул с себя юношу и вскочил, как асокин. Он хотел броситься в нападение, но усилием воли сдержал себя. Не говоря ни слова, он забрал лампу и вышел.

— Это опасный тип, — сказал ему Дравог, ухмыляясь при виде взъерошенного Юлия. Юлий удалился в часовню и принялся молиться Акха, равнодушно взирающему невидящими глазами.

* * *

Как-то на рынке Юлий услышал легенду, впрочем известную всем священникам Святилища, о некоем черве.

Червь был послан на землю Вутрой, злым богом небес. Вутра поместил червя в лабиринт в священной горе Акха. Червь был очень длинным. В объёме он равнялся галерее. Он был покрыт слизью и легко скользил по темным проходам. Слышно было только его дыхание, выходящее из дряблого рта. Он пожирал людей. Происходило это всегда неожиданно: только что все было спокойно, затем человек слышал дыхание — а через секунду уже бывал проглочен.

Что-то вроде червя Вутры копошилось сейчас в голове Юлия. Он не мог не видеть ту пропасть, которая разделяла то, что они проповедовали, и то, что делали люди во имя Акха. Дело было не в том, что проповеди были слишком благочестивы, наоборот, их отличала голая практичность, где подчеркивались долг и служение в широком смысле. Да и жизнь была не так уж плоха. Юлия беспокоило только то обстоятельство, что жизнь находилась в противоречии с проповедуемыми взглядами.

Ему вспомнилось то, о чем говорил отец Сифанс:

— Не только добродетель и святость побуждают людей служить Акха. Очень часто это заставляет делать грех, который лежит на душе.

Это означало, что многие священнослужители были убийцами и преступниками — они были ничем не лучше заключенных. И все же они были поставлены над заключенными. Они имели власть.

Юлий с мрачным видом исполнял свои обязанности. Он стал меньше улыбаться. Он не чувствовал себя счастливым в роли священнослужителя. Ночи он проводил в молитве, а днем был погружен в свои мысли. И при каждой возможности пытался установить контакт с Усишком.

Но тот избегал его.

Наконец срок службы Юлия в зоне Наказания был закончен. Перед тем, как перейти на работу в Службу Безо-

пасности, он должен был провести определенное время в размышлениях. Силы Безопасности, которые были составной частью милиции, привлекли его внимание, когда он работал в камерах. В его душе зародилась опасная мысль.

Пробыв лишь несколько дней в Безопасности, Юлий почувствовал, как червь Вутры зашевелился в лабиринте его мозга с небывалой силой. Ему было поручено присутствовать при допросах и пытках, благословлять умирающих. Юлий становился мрачнее день ото дня. И наконец начальники предоставили ему возможность самостоятельно вести дела.

Допросы были до смешного просты, поскольку существовало лишь несколько категорий преступлений. Люди занимались мошенничеством или воровством, или были уличены в ереси. Или их ловили в тех местах, куда было запрещено ходить. Или же они замыслили революцию. Именно в последнем преступлении обвинялся Усилк. А некоторые даже пытались убежать в царство Вутры, во внешний мир. Именно сейчас Юлий понял, что темный мир был подвержен своего рода болезни: всем, находившимся у власти, мерещилась революция. Эта болезнь была порождена тьмой, и именно она была причиной того, что жизнь в Панновале была подчинена многочисленным мелким законам. Население Панновала насчитывало почти семь тысяч человек, и каждый, включая и священнослужителей, был вынужден вступать в какую-либо гильдию или орден. Каждое общежитие было наводнено соглядатаями, которым так же не доверяли и среди которых были свои шпики. Темнота порождала недоверие, и некоторые жертвы этого недоверия с виноватым видом представляли перед братом Юлием.

Юлий отлично справлялся со своей работой, хотя и ненавидел себя за это. У него было достаточно личного обаяния, чтобы усыпить бдительность жертвы, и достаточно ярости, чтобы вырвать у нее признание. Вопреки самому себе, он почувствовал профессиональный вкус к работе. И он вызывал Усилка к себе только тогда, когда стал чувствовать себя увереннее.

* * *

В конце каждого рабочего дня в пещере Латхорн шло богослужение. Для священнослужителей присутствие было обязательным. Сотрудники милиции могли присутствовать по желанию. Акустика в Латхорне была превосходной. Хор и музыка заполняли собой все пространство под сводами. Юлий в последнее время увлекся игрой на флуччеле и вскоре стал довольно искусно играть на этом инструменте. Флуччель была размером с его ладонь, но она превращала его дыхание в высокую музыкальную ноту, которая взмывала вверх, под своды Латхорна, и парила там подобно чилдриму. Вместе с нею, под звуки «Покрытые чепраком», «В его тени» и любимой «Олдорандо», взмывала вверх и парила там и душа Юлия.

Однажды после богослужения Юлий покинул Латхорн с новым своим знакомым, сморщенным жрецом по имени Бервин. Они шли по skleпоподобным переходам Святилища, изучая пальцами новый рисунок на стене, сделанный недавно братом Килиндаром. Вышло так, что они наткнулись на отца Сифанса, распевающего гнусавым голосом псалмы. Бервин вежливо отклонялся, и Юлий остался с отцом Сифансом.

— У меня тяжело на душе после рабочего дня, отец. Я отдыхаю только на богослужении.

По своей привычке Сифанс ответил уклончиво.

— Отзывы о твоей работе превосходны, сын мой. Тебе следует продвигаться вперед по служебной лестнице. Я помогу тебе в этом, насколько могу.

— Ты очень добр ко мне, отец. Я помню, что ты говорил мне, — он понизил голос, — о Хранителях. Это организация, в которую можно вступить добровольно?

— Нет, я же говорил, что туда тебя могут лишь выбрать.

— А как я могу выдвинуть туда свою кандидатуру?

— Акха поможет тебе, когда в этом возникнет необходимость. Сейчас, когда ты стал одним из нас, я вот о чем думаю. Слышал ли ты об ордене, который стоит даже выше Хранителей?

— Нет, отец, я не обращаю внимания на слухи.

— Но иногда все же полезно прислушиваться к ним. Слухи — это зрение слепого. Но если ты такой недоверчивый, добродетельный, тогда я ничего не скажу тебе о Берущих.

— Берущие? А кто они такие?

— Ну уж нет, я не скажу тебе ни слова. Зачем тебе забивать себе голову всякими тайными организациями или рассказами о скрытых озерах, свободных ото льда? Самые, казалось бы, бесспорные вещи могут оказаться ложью. Мифом. Как сказание о черве Вутры.

Юлий рассмеялся.

— Хорошо, отец. Ты уже достаточно заинтриговал меня. Прошу тебя, Расскажи мне все.

Сифанс прищелкнул языком, замедлил шаг и скользнул в ближайшую нишу.

— Ну, если ты настаиваешь. Ты, вероятно, помнишь, как живет чернь в Вакке. Дома громоздятся друг на друга без всякой системы. А что, если предположить, что горный хребет, в котором находится Панновал, подобен Вакку — или, другими словами, он представляет собой тело с различными взаимосвязанными частями — селезенкой, легкими, печенью, сердцем. А что, если предположить, что над нами и под нами расположены такие же огромные пещеры, как наша? Ты думаешь, это невозможно?

— Да.

— Но я говорю, что это возможно. Это гипотеза. Давай предположим, что где-то за Твинком существует водопад, который падает из пещеры, расположенной над нашей. И что водопад падает до уровня ниже уровня нашей пещеры. Вода течет туда, куда ей заблагорассудится. Предположим, что она впадает в озеро, воды которого настолько теплые, что на них не может образоваться лед. И давай представим себе, что в этом благословенном месте живут Берущие, самые могущественные существа. Они берут самое лучшее, что есть в этом мире. Им принадлежат и знания, и сила. Они хранят их в ожидании победы Акха.

— Они таят их от нас?

— Что ты сказал? Я не расслышал. Надеюсь, тебе понравилась эта забавная историю?

— А что, в Берущие тоже выбирают?

Отец Сифанс прищелкнул языком.

— Да разве можно проникнуть в такое избранное общество? Нет, мой мальчик, там нужно родиться. Оно состоит из нескольких могущественных родов, где прекрасные женщины поддерживают тепло домашнего очага. Наверное, они по своему желанию могут покидать царство Акха и так же легко возвращаться. Да, для того, чтобы приблизиться к этому избранному обществу, потребовалась бы революция.

Отец Сифанс хихикнул.

— Отец, ты смеешься надо мной.

Старый священник с задумчивым видом склонил голову.

— Ты беден, друг мой. И, наверное, таким и будешь. Но ты не прост, и поэтому из тебя никогда не выйдет настоящего священника. Однако именно потому я так люблю тебя.

Они расстались. Слова священника повергли душу Юлия в смятение. Да, он не настоящий священник, как сказал Сифанс. Любитель музыки, и больше ничего.

Он плеснул ледяную воду на разгоряченный лоб. Вся иерархическая лестница священнослужителей вела лишь к одному — к власти. Она не вела к Акха. Вера не давала четкого объяснения того, как религиозное рвение могло бы сдвинуть с места каменное изображение. Слова веры вели лишь к туманной неясности под названием святость. Осознание этого было таким же грубым, как прикосновение полотенца к лицу.

Юлий лежал в спальне, и сон не шел к нему. Перед его глазами стоял отец Сифанс, у которого была отнята жизнь, которого лишили настоящей любви и который сейчас жил среди призраков неосуществленных желаний. Но ему, наверное, уже было безразлично, верят ли во что-либо люди, находящиеся на общественной лестнице ниже его. Его полупамятки и уклончивые ответы свидетельствовали о его глубоком недовольстве собственной жизнью.

Охваченный неожиданным страхом, Юлий подумал, что лучше умереть мужчиной в дикой пустыне, чем сдох-

нуть как мышь здесь, в безопасной мгле Панновала. Даже если для этого пришлось бы расстаться с флуччелем и сладостными звуками «Олдорандо».

Страх заставил его сесть в постели. В его голове шумело. Юлия била дрожь.

В порыве ликования, подобного тому, который охватил его, когда он входил в Рек, он громко прошептал:

— Я не верю. Ведь на самом деле я ни во что не верю!

Он верил во власть над себе подобными. Он видел это каждый день. Но это находилось в области чисто человеческого. Вероятно, он действительно перестал верить во все, кроме угнетения человека человеком. Это произошло во время обряда казни, когда люди позволили ненавистному фагору перегрызть горло молодого Нааба, лишив его навсегда речи. Может быть, слова Нааба еще сбудутся, священнослужители переродятся, жизнь их наполнится смыслом. Слова, священники — это действительность, реальность, а Акха — ничто...

В шелестящей тьме он прошептал слова:

— Акха, ты ничто.

И не умер на месте. Его не поразил божественный гнев. Лишь ветерок продолжал шелестеть в его волосах.

Юлий вскочил и побежал. Пальцы стремительно читали рисунок на стенах. Он бежал, пока хватило сил и пока не заныли кончики стертых пальцев. Затем, тяжело дыша, он повернул назад. Он жаждал власти, а не подчинения себе подобным.

Буря, бушевавшая в его мозгу, утихла. Он вернулся к своей постели. Завтра он будет действовать. Хватит с него священников.

Задремав, он вдруг вздрогнул. Он снова очутился на покрытом льдом склоне холма. Отец покинул его, уведенный фагорами, и Юлий с презрением зашвырнул копье отца в кусты. Он вспомнил движение своей руки, свист летящего копья, которое воткнулось в землю среди голых ветвей, ощутил острый, как нож, воздух в своих легких.

Почему он вдруг вспомнил все это? Почему ему пришлось это на ум?

Поскольку он не обладал способностью к самоанализу, этот вопрос остался без ответа, и ему оставалось только забыться во сне.

Следующий день был последним днем допросов Усилка. Допросы разрешалось вести только в течение шести дней, после чего жертве предоставлялся отдых. Правила в этом отношении были строгие, и милиция бдительно следила за их соблюдением.

Усилк ничего существенного не сказал. Он не реагировал ни на побои, ни на уговоры.

Он стоял перед Юлием, который восседал в инквизиторском кресле, искусно вырезанном из цельного куска дерева. Это подчеркивало разницу в их положении. Юлий внешне был спокоен. Усилк, оборванный, с согбенными плечами и ввалившимися от голода щеками, стоял с ничего не выражающим лицом.

— Мы знаем, что у тебя были сношения с людьми, которые угрожали безопасности Панновала. Все, что нам надо — это их имена, а потом ты можешь отправляться куда тебе угодно, даже в Вакк.

— Я не знал таких людей. Это просто сплетни.

И вопрос и ответ стали уже традиционными.

Юлий поднялся с кресла и стал расхаживать вокруг заключенного, ничем не проявляя своего волнения.

— Послушай, Усилк. Я ничего против тебя не имею. Как я уже говорил тебе, я уважаю твоих родителей. Это наша последняя беседа. Мы уже больше не встретимся с тобой. И ты умрешь в этом дрянном месте ни за что, ни про что.

— Нет, я знаю, за что я умру, монах.

Юлий был удивлен. Он не ожидал ответа. Он понизил голос.

— Это хорошо, что тебе есть за что умереть. Я веряю свою жизнь в твои руки. Я не способен быть священником. Я родился в белой пустыне под открытым небом далеко на

севере. И в тот мир я хочу вернуться. Я возьму тебя с собой, я помогу тебе бежать. Поверь, я говорю правду.

Усилк взглянул в глаза Юлия.

— Отвали, монах. Такой фокус со мной не пройдет.

— Поверь мне, я не обманываю тебя. Как мне доказать это? Хочешь, я буду поносить богов, служить которым я дал обет? Ты думаешь, мне легко говорить такие вещи? Панновал сделал меня таким, какой я есть. И все же, во мне есть что-то, что заставляет меня восставать против Панновала и его законов. Они обеспечивают защиту и сносные условия жизни простому люду, но не мне, даже в моей привилегированной роли священнослужителя. Почему это так, я не могу сказать, я не знаю. Но я могу сказать, что таков мой характер.

Юлий прервал поток своих слов.

— Ладно, хватит говорить. Я достану для тебя монашескую сутану. Когда мы покинем эту камеру, я проведу тебя в Святилище, и мы убежим вместе.

— Давай, ври дальше.

Юлия охватила ярость. Он едва не набросился на этого человека с кулаками. С бешенством хлестнув плетью по стулу, он схватил лампу, которая стояла на столе, и сунул под нос Усилка. Юлий ударил себя кулаком в грудь.

— Ну зачем мне лгать тебе? Зачем ставить себя под удар? Что ты знаешь, в конце концов? Ничего, ничего стоящего. Твоя жизнь не стоит ничего. Тебя будут пытаться, а затем просто убьют. Такова твоя участь. Ну что же, иди, сгнивай в вонючей пещере. Это цена, которую ты платишь за свою кретинскую гордость. Делай, что хочешь, подымай хоть тысячу раз, мне плевать. С меня довольно. Подумай о моих словах, когда будешь лежать в своем дерьме в камере — а я буду там, на свободе, под открытым небом, неподвластный Акха.

Он прокричал эти слова, даже не думая, что его могут услышать. Лицо Усилка покрылось мертвенной бледностью.

— Отвали, монах... — все та же фраза, которую он произносил всю неделю.

Отступив назад, Юлий поднял плетель и ударил Усилка кнутовищем по рассеченной щеке. В этот удар он вложил

всю свою силу и ярость. Он отчетливо увидел то место на щеке, куда пришелся удар. Он стоял, приподняв кнут над головой, и смотрел, как руки Усилка медленно поднимаются вверх, как он старается отвлечь то, что должно произойти. Но колени Усилка подогнулись, он пошатнулся и упал на пол.

Все еще сжимая плоть в руке, Юлий перешагнул тело и вышел из камеры.

В сумятице своих чувств он не замечал суматохи, царившей вокруг. Надзиратели и милиция лихорадочно сновали взад и вперед, что было им совсем не свойственно, так как обыкновенно они передвигались по темным закоулкам Святилища похоронным шагом.

К Юлию быстрым шагом подошел капитан, держа в руке пылающий факел и отдавая во все стороны резкие приказы.

— Ты священник, допрашивающий заключенных? — спросил он Юлия.

— Я. И что?

— Я хочу, чтобы все эти камеры были очищены от заключенных. Отправь их обратно по своим камерам. Здесь мы разместим пострадавших. Живее.

— Пострадавших? Каких пострадавших?

Капитан со злобой прорычал:

— Ты что, глухой? Или слепой? Ты не видишь, что творится вокруг? Новые штольни в Твинке обрушились и заживо похоронили много хороших людей. Там черт знает что творится. Давай, шевелись. Живо отправь своего подопечного в его камеру. Чтобы через две минуты этот коридор был свободен.

И он зашагал дальше, изрыгая проклятия. По-видимому, происходящее доставляло ему удовольствие.

Юлий повернул назад. Усилк все еще лежал на полу камеры. Юлий нагнулся, подхватил его, поставил в вертикальное положение. Усилк застонал. Видимо, он был в полубессознательном состоянии. Перекинув его руку через плечо, Юлий заставил его кое-как передвигаться. В коридоре, где капитан развил бурную деятельность, другие священники

гнали перед собой свои жертвы. Никто не выражал недовольства внезапным перерывом в их повседневной работе.

Они направились в темноту, как тени. Именно сейчас, в этой суматохе, для него появилась возможность легко скрыться. А может, и для Усилка?

Ярость Юлия затихла, и вместе с тем появилось чувство вины. Им овладело желание доказать Усилку, что он был искренен, предлагая ему помощь.

Решение было принято. Вместо тюремных камер Юлий направился к своему жилищу. В его голове созрел план. Сначала нужно привести Усилка в чувство. Нечего и думать привести Усилка в спальню монахов. Там его быстро обнаружат. Есть более надежное место.

Читая стену, он повернул, не доходя до спален, толкая Усилка впереди себя вверх по извивающейся лестнице, которая вела в комнаты отцов-наставников. Высеченный рисунок, по которому скользили пальцы, сообщал ему, где он находится. Он постучал в дверь отца Сифанса.

Как он и рассчитывал, на его стук никто не ответил. В это время отец Сифанс был обычно занят в другом месте. Юлий вошел, затащив за собой Усилка. Он много раз стоял перед этой дверью, но никогда не входил внутрь. Усадив заключенного возле стены, он стал шарить по комнате, ища лампу.

Постоянно натыкаясь на мебель, он наконец нашел ее. Поворотом кремниевого колесика он высек искру, и язычок пламени взметнулся вверх. Подняв лампу, Юлий огляделся. В одном углу стояла статуя Акха. В другом углу было оборудовано место для омовений. На полке лежало несколько предметов, и среди них — музыкальный инструмент. На полу расстелен коврик. И больше ничего. Ни стола, ни стульев. В тени располагалась ниша. Даже не заглянув в нее, Юлий догадался, что там находится кровать, на которой спит старый священник.

Юлий принялся за дело. Он обмыл лицо Усилка водой из каменного кувшина и стал приводить его в чувство. Тот выпил воды, но его тут же вырвало. На полке лежала твер-

дая лепешка из ячменной муки. Юлий отложил часть для Усилка, а сам съел остальное.

Затем он осторожно тряхнул Усилка за плечо.

— Прости меня за то, что я не сдержался. Но ты и сам виноват. А я, в сущности, дикарь. Какой из меня священник? Сейчас ты видишь, что я говорил правду. Мы сбежим отсюда. В Твинке обвал, и нас вряд ли хватятся.

Усилк лишь простонал в ответ.

— Что ты сказал? Как ты себя чувствуешь? Тебе ведь придется двигаться самому.

— Тебе не удастся обмануть меня, монах. — Усилк взглянул на Юлия через щелки прищуренных глаз.

Юлий присел перед ним на корточки.

Усилк отпрянул.

— Слушай, у нас нет пути назад. Попытайся меня понять. Мне ничего от тебя не надо. Я просто хочу помочь тебе выбраться отсюда. Мы сможем улизнуть через северные ворота, если оба будем одеты монахами. Я знаю жену одного охотника, Лорел, которая может приютить нас на время, пока мы будем привыкать к холоду.

— Я никуда не собираюсь идти.

— Ты должен идти. Сейчас мы находимся в комнате отца-наставника. Мы не можем оставаться здесь. Он не такой уж плохой старикан, но он обязательно донесет на нас, если застанет здесь.

— Ты не то говоришь, Юлий. Твой не так уж плохой старикан умеет хранить тайны.

Резко поднявшись, Юлий оглянулся и оказался лицом к лицу с отцом Сифансом, который бесшумно появился из ниши.

— Отец...

— Я отдыхал здесь и все слышал. Я был в Твинке, когда обрушилась кровля. Что там творилось! К счастью, я особенно не пострадал. Обломок камня лишь немного повредил мне ногу. Могу дать тебе совет: не пытайтесь уйти через северные ворота — стража закрыла их и объявила о чрезвычайном положении, так, на всякий случай, если дос-

топоченные граждане вздумают совершить какую-нибудь глупость.

— Ты собираешься донести на нас, отец? — От прежних времен, от дней отрочества, у него сохранился костяной нож, который украсила искусной резьбой его мать, будучи еще в хорошем здравии. Когда он задал этот вопрос Сифансу, его ладонь нащупала под сутаной рукоять ножа.

Сифанс хмыкнул.

— Как и ты, я собираюсь совершить одну глупость. Я посоветую тебе, какой лучше избрать путь, чтобы покинуть нашу страну. Я также советую тебе не брать с собой этого человека. Оставь его здесь, я позабочусь о нем. Все равно он скоро умрет.

— Нет, отец, это человек крепкого закала. Он непременно поправится, если мысль о свободе дойдет до его сознания. Он много пережил. Не так ли, Усилк?

Заключенный пристально посмотрел на них. Его раздувшаяся почерневшая щека закрыла один глаз.

— Но он твой враг, Юлий, и останется им. Берегись его. Оставь его мне.

— То, что он мой враг — это моя вина. Я постараюсь загладить ее, и он простит меня, когда мы будем в безопасности.

Отец Сифанс вымолвил:

— Некоторые не прощают.

Пока они стояли неподвижно друг против друга, Усилк старался подняться на ноги. Наконец ему это удалось, и он встал, тяжело дыша, возле стены.

— Отец, вряд ли я могу об этом просить. Почему знать, может, ты являешься одним из Хранителей. Хочешь ли ты вместе с нами уйти во внешний мир?

Глаза священника замигали.

— До моего посвящения в духовный сан я чувствовал, что не могу служить Акха. Однажды я пытался покинуть Панновал. Но меня поймали, потому что я был растяпой, а не дикарем, как ты.

— Вы никогда не забываете моего происхождения.

— Я всегда завидовал дикарям. И сейчас завидую. Но я потерпел поражение. Меня подвела моя природа. Меня поймали и стали обрабатывать, ну насчет того, как меня обрабатывали, я только скажу, что я тоже человек, но человек, который не может простить. Это было давно. С тех пор я пошел на повышение.

— Пойдем с нами.

— Я останусь здесь, мне нужно лечить раненую ногу. У меня ведь на все и всегда есть отговорка, Юлий.

Взяв с полки мелок, Сифанс набросал на стене схему побега...

— Это долгий путь. Вы должны пройти под горою Кзинт. В конце концов вы окажетесь не на севере, а на благодатном юге. Если вы попадете туда, то там заживете на славу.

Плкнув на ладонь, он стер со стены знаки и бросил камешек в угол.

Не находя слов, Юлий обнял старого священника и прижал его к себе.

— Мы отправляемся тотчас. Прощай.

С трудом заговорил Усилк.

— Ты должен убить этого человека. Убей его сейчас. Как только мы уйдем, он сейчас же поднимет тревогу.

— Я знаю его и верю ему.

— Это всего лишь хитрость.

— Какая к черту хитрость. Не смей так говорить об отце Сифансе. — Эти слова были произнесены с некоторым волнением, потому что Усилк шагнул вперед, а Юлий, протянув руку, преградил ему путь. Усилк ударил его по руке, и они некоторое время боролись. Наконец Юлий осторожно оттолкнул Усилка.

— Ну, пошли. Если ты можешь еще бороться, значит можешь и идти.

— Подожди. Я вижу, что мне придется довериться тебе, монах. Докажи, что ты говоришь правду. Освободи моего товарища. Его имя Скоро. Он работал со мной в пруду. Он заключен в камере 65. Кроме того, приведи моего друга из Вакка.

Поглаживая себя по подбородку, Юлий сказал:

— У тебя не то положение, чтобы сейчас чего-либо требовать.

Всякое промедление было чревато опасностью, но все же он чувствовал, что должен что-то сделать, чтобы успокоить Усилка, если хочет как-то договориться с ним. Из слов Сифанса стало ясно, что их ожидает трудный и опасный путь.

— Ну что же, Скоро, так Скоро. Я помню этого человека. Он был твоим связным?

— Ты все еще допрашиваешь меня?

— Ладно. Отец, позволь Усилку остаться здесь, пока я не найду этого Скоро. Хорошо? Кто этот человек в Вакке?

По лицу Усилка скользнула улыбка.

— Это женщина. Моя женщина, монах. Ее зовут Искадор. Она — королева стрельбы из лука. Она живет в Боу, Боттом Эли...

— Искадор... Да, я знаю ее. Видел ее один раз.

— Приведи ее. И ей и Скоро мужества не занимать. Ну, а на что способен ты, увидим позже.

Сифанс потянул Юлия за рукав и тихо сказал на ухо:

— Извини меня, но я передумал. Я не хочу оставаться один на один с этим угрюмым и тупым типом. Бери его с собой. Уверяю тебя, я не покину эту комнату.

Юлий хлопнул в ладоши.

— Ну что ж, Усилк, мы уходим вместе. Я покажу, где ты можешь достать монашескую рясу. Наденешь ее, и иди за своим Скоро. Я пойду в Вакк и найду твою девушку Искадор. Встретимся на углу Твинка, там, откуда ведут два прохода, так что в случае чего можно будет убежать. Если ты и Скоро не придете, я уйду без вас. Для меня это будет означать, что вас поймали. Ясно?

Усилк невнятно проворчал.

— Тебе все понятно?

— Да, пошли.

Они покинули тесную комнату отца Сифанса и погрузились в темноту коридора. Скользя пальцами по стене,

Юлий шел впереди. В суматохе и волнении он даже не попрощался со своим наставником.

Люди Панновала в то время были практичными людьми. Их не одолевали великие мысли. Главной их заботой было набить желудок. Но они все же проявляли интерес к рассказываемым иногда любопытным историям или притчам.

В просторном помещении, где располагалась стража и через которое проходили все проходящие в Панновал перед тем как попасть на Рынок, возле караульных помещений росли деревья. Их было немного и они были невысокие, но тем не менее это были настоящие деревья. В Панновале их ценили за редкость и за то, что они иногда плодоносили и давали урожай сморщенных орехов. Ни одно из деревьев не плодоносило каждый год, но каждый год то с одного, то другого дерева свисали орехи. Во многих из них были личинки. Матроны и дети Вакка, Гройна и Прейна съедали мякоть ореха вместе с личинками.

Иногда личинки сдыхали, когда раскалывали орех. Согласно поверью личинки умирали от шока. Они думали, что внутренность ореха была целым миром, а сморщенная скорлупа, в которой находился орех, была небосводом. И вот однажды их мир раскалывался. Они с ужасом обнаруживали, что за пределами их мира находился другой, гигантский мир, яркий и интересный. Этого личинки не могли вынести, и они выпускали дух.

Мысль о личинках пришла в голову Юлия, когда он покинул тени и тьму Святилища. Он уже больше года не видел этого ослепительного мира, полного людей. Сначала шум, и свет, и беготня людей вызвали у него подобие шока. И в центре этого великолепного мира, полного соблазнов, была Искадор. Прекрасная Искадор. Ее облик был свеж в памяти, как будто он видел ее только вчера. Оказавшись с нею лицом к лицу, он понял, что она еще более прекрасна, чем он думал. Под ее взглядом Юлий стал заикаться.

Жилище ее отца состояло из нескольких отделений. Оно было частью небольшой фабрики по изготовлению луков. Он был великим мастером в своей гильдии.

С довольно надменным видом Искадор разрешила священнику войти. Он сел на пол, выпил чашку воды и, запинаясь, поведал ей о том, что привело его сюда.

Искадор была атлетически сложенной девушкой, и весь ее вид говорил о том, что с нею шутки плохи. Тело ее отличало молочной белизной, резко выделяясь на фоне черных волос и карих глаз. Широкое лицо с высокими скулами и большим чувственным ртом было бледно. Все ее движения были полны энергией. Сложив руки на груди, она с деловым видом выслушала Юлия.

— А почему Усилк не пришел сам и не рассказал мне весь этот вздор? — спросила она.

— Он ищет своего друга. К тому же ему небезопасно появляться в Вакке, так как его лицо покрыто синяками. Это может привлечь внимание.

Темные волосы волнами спадали на плечи. Тряхнув головой, Искадор проговорила:

— Как бы там ни было, через шесть дней состоятся состязания по стрельбе из лука. Я хочу выиграть их. Я не хочу уезжать из Панновала. Я счастлива здесь. Это Усилк всегда был недоволен. Кроме того, я не видела его целую вечность. У меня сейчас уже другой парень.

Юлий встал, слегка покраснев.

— Ну что же, раз ты так настроена... Но я прошу тебя, чтобы ты помалкивала о нашем разговоре. Я ухожу и все передам Усилку. — Юлий говорил более грубо, чем ему хотелось бы, и причиной этому была робость перед Искадор.

— Послушай, — сказала она, делая шаг вперед и протянув к нему красивую руку. — Я не сказала, что ты можешь идти, монах. То, что ты мне рассказал, очень интересно, и ведь ты же должен от имени Усилка уговорить меня пойти с тобой.

— Минуту, Искадор. Во-первых, мое имя Юлий, а не монах. Во-вторых, с какой стати я должен уговаривать тебя от имени Усилка? Он не друг мне, а кроме того...

Он замолк. Щеки его покрылись багровым румянцем. Он сердито взглянул на нее.

— Что кроме того?.. — в ее вопросе ему почудилась насмешка.

— О, Искадор! Ты так прекрасна! Я сам восхищаюсь тобой.

В настроении Искадор сразу же произошла перемена.

— Ну что же, Юлий, это «кроме того» совсем меняет дело. Да и ты, как я вижу, далеко не урод. Как тебя угораздило стать священником?

Чувствуя, что лед тронулся, Юлий, немного поколебавшись, решительно сказал:

— Я убил двух мужчин.

Она долго всматривалась в него из-под густых ресниц.

— Подожди здесь, пока я уложу самое необходимое и захвачу лук.

Когда кровля рухнула, тревожное возбуждение овладело всем Панновалом. Произошло самое страшное, что могло произойти. Чувства людей были довольно противоречивы. Ужас сменился облегчением, что заживо похороненными оказались только заключенные, надзиратели и несколько фагоров. Их, вероятно, постигла заслуженная кара бога Акха.

Задняя часть Рынка была оцеплена милицией. На месте катастрофы суетились спасательные отряды и люди, относящиеся к гильдии врачей. Толпы людей, движимых любопытством, напирали на ряды милиции. Юлий проталкивался через толпу, ведя за собою девушку. Люди по давнему обычаю уступали дорогу священнику.

Твинк было трудно узнать после катастрофы. Всех посторонних удалили. Вокруг места происшествия были установлены яркие факелы, при свете которых работали спасатели.

Суэта была довольно мрачной. В то время как одни заключенные разрывали гору обломков, другие стояли сзади, ожидая своей очереди. Фагоров заставили откатывать те-

лежки с породой. То и дело раздавались крики, и тогда люди начинали лихорадочно копать, пока из-под земли не появлялось тело, которое тут же передавали врачам.

Размеры бедствия были внушительны. Когда обрушилась новая штольня, то кровля главной пещеры также обвалилась. Фермы по выращиванию рыбы и грибов были почти полностью разрушены. Причиной обвала был подземный ручей, подтачивавший горную породу в течение веков. Вырвавшись из каменного плена, вода еще больше усугубила трудность положения.

В результате обвала многие проходы были завалены. Юлию и Искадор приходилось карабкаться по грудам обломков. По счастью, именно из-за этого их передвижение было незаметно для любопытных глаз. Они не останавливались ни на минуту. Усилк и его товарищ Скоро ожидали их в темноте.

— Черно-белое тебе к лицу, — ядовито заметил Юлий, увидев одеяние, в которое облачились оба заключенных. Усилк ринулся навстречу Искадор, намереваясь заключить ее в объятия, но та отстранилась, возможно, испугавшись его побитого лица.

Даже в сутане Скоро имел вид типичнейшего заключенного. Высокий и худой, он сильно сутулился, как человек, который долгие годы провел в камере с низким потолком. Его большие руки были в ссадинах. Он все время смотрел куда-то в сторону, избегая встретиться взглядом с Юлием. Но стоило Юлию отвести взор, как Скоро сразу начинал исподтишка рассматривать его, наблюдая за ним. Когда Юлий спросил, готов ли он к дороге, тот лишь кивнул и что-то пробормотал, а затем движением плеч поправил мешок на спине.

Начало их предприятия не сулило ничего хорошего. Юлий уже сожалел о своем минутном порыве. Он рисковал слишком многим, связав свою судьбу с такими личностями, как Усилк и Скоро. Он решил, что ему следует сразу утвердить свою власть, а то ничего, кроме беды, из их затей не выйдет.

По-видимому, Усилк думал о том же.

Он шагнул вперед, поправляя мешок за спиной.

— Ты долго задержался, монах. Мы думали, ты пошел на попятный. Мы думали, что это еще одна из твоих хитростей.

— Ты и твой друг готовы к трудному пути? У вас обоих неважный вид.

— Лучше давай отправляться. Нечего тратить время на пустые разговоры, — проговорил Усилк и шагнул вперед между Юлием и Искадор.

— Я буду указывать, куда идти. А вы следуйте за мной. Понятно?

— А с чего ты взял, что будешь нами командовать, монах? — спросил Усилк, насмешливо подмигнув другу. Его лицо с прищуренным заплывшим глазом казалось одновременно и хитрым, и угрожающим. Сейчас, когда появилась надежда на спасение, он был полон боевого задора.

— А вот с чего, — бросил Юлий и, коротко размахнувшись, ударил кулаком в живот Усилка.

— Ах ты сволочь, — едва смог тот проговорить.

— Выпрямись, Усилк, и пошли.

Его аргументы оказались достаточно весомыми. Все покорно двинулись за Юлием, который, скользя рукой по стене, повел их в безмолвие горных недр. Другие не обладали его умением читать стены и ориентировались только при свете. Но слабые огни Твинка уже давно скрылись вдали, и все стали просить Юлия идти помедленнее или зажечь лампу. Но Юлий не пожелал сделать ни того, ни другого. Улучив момент, он взял за руку Искадор, которая с радостью дала ее. Юлий зашагал, испытывая наслаждение от прикосновения ее тела. Остальным двоим ничего не оставалось, как тащиться сзади, ухватившись за одежду девушки.

Наконец рисунки на стене закончились: значит, они достигли границ Панновала. Юлий объявил небольшой привал. Пока другие разговаривали, он мысленно просматривал в голове план, который набросал ему отец Сифанс. И снова пожалел, что не попрощался со старым отцом-наставником.

Отца, не сомневаюсь, что все эти дни ты, в своей странной манере, прекрасно понимал меня. Я знаю, каким

болваном я был. Ты знал, что я всегда стремился только к добру, но не мог пересилить свою природу. Но ты не предал меня. Мне тебя не в чем упрекнуть. «Ты должен пытаться стать лучше, Юлий — ты же все-таки священник». Но так ли это? Что ж, когда мы выберемся — если мы выберемся... Вместе с этой замечательной девушкой... Нет, отец, я не священник, и никогда не буду священником, но я пытался стать им, с твоей помощью. Прощай, навсегда...

— Подъем, — прокричал Юлий, поднимаясь на ноги. Он помог встать Искадор. Девушка молча переносила все тяготы пути, в то время как Усилк и Скоро уже начали ныть.

Наконец, выбившись из сил, они заснули, сбившись в кучу на склоне, покрытом гравием. Девушка лежала между Усилком и Юлием. Их начали мучить ночные страхи. В темноте им чудилось зловонное дыхание червя Вутры, скользившего к ним с раскрытой пастью, из которой тянулась мерзкая слизь.

— Нужно зажечь свет, — наконец решил Юлий. Было холодно, и он тесно прижался к девушке, уткнув лицо в ее одежду.

Когда они проснулись, то поели из скудных запасов, которые захватили с собой. Дорога становилась все более трудной. Иногда им приходилось по несколько часов ползти на животе. Отбросив всякое чувство стыда, они постоянно окликали друг друга, боясь потеряться в этом всепоглощающем мраке земли. Иногда по щели, через которую они ползли, дул холодный пронизывающий ветер, от которого к голове примерзали волосы.

— Давайте вернемся, — заныл Скоро, когда они наконец встали во весь рост. — Лучше уж жить в неволе, чем переносить такое.

Никто ему не ответил, а он не осмелился снова заговорить об этом. Дороги назад для них уже не было. Они молча двигались вперед, подавленные окружающим их безмолвием.

Юлий вдруг осознал, что заблудился. Наверное, он взял не то направление, когда им пришлось ползти на животе. Он

уже точно не помнил карту, которую начертил старый священник. Не имея под рукой наскального рисунка, он был так же беспомощен, как и его спутники. Перед его расширенными глазами мелькали полосы неподдающегося описанию цвета. От усталости ему казалось, что он продирается через скальную породу. Из рта вырывалось прерывистое дыхание. По общему согласию они решили отдохнуть.

Дорога уже в течение нескольких часов вела вниз. Путники, пошатываясь, шли вперед. Одной рукой Юлий держался за стену, а другую поднимал над головой, чтобы не удариться о потолок, что уже неоднократно с ним случилось. Искадор держалась за его одежду. В том состоянии усталости, в котором пребывал Юлий, ее прикосновение лишь раздражало его.

Хотя мысли у него стали путаться, он сообразил, что, контролируя дыхание, он сможет избавиться от болезненных видений, стоящих у него перед глазами. И все же слабый свет продолжал мелькать перед глазами. Он ринулся вперед, все время вниз по склону. Крепко зажмурив глаза, он открыл их. И на него обрушилась слепота.

А потом он увидел слабо-молочный свет.

Повернувшись, он увидел лицо Искадор как в каком-то сне или, вернее, в каком-то кошмаре. Ее глаза, казалось, выступали из орбит, нижняя челюсть отвисла, а лицо было бледно, как у жуткого привидения.

Под его взглядом Искадор встряхнулась. Она остановилась, ухватившись за Юлия, чтобы не упасть. Усилк и Скоро наткнулись на них.

— Впереди свет... — только и смог вымолвить Юлий.

— Свет! Я вижу свет! — Усилк схватил Юлия за плечи. — Черт возьми, ты все-таки вывел нас! Мы спасены! Мы свободны!

Он захохотал и бросился вперед, вытянув руки, как бы собираясь обнять источник света. Другие радостно последовали за ним, спотыкаясь о неровности почвы.

Дорога вскоре выровнялась. Потолок поднялся кверху. У их ног появились лужи воды. Дорога снова пошла круто вверх и им пришлось перейти на шаг. Свет не усиливался, но слышался какой-то шум.

И вдруг они очутились на краю расщелины. Здесь было совсем светло, а шум почти оглушил их.

— Глаза Акха! — выдохнул Скоро и стиснул кулак зубами.

Расщелина была подобна горлу, ведущему вглубь земли. Через край горловины с шумом перекачивалась река, устремляясь вниз. Как раз под ними вода с грохотом обрушивалась на выступ скалы, и этот неумолчный шум слышали они издалека. Затем вода каскадом низвергалась вниз, исчезая из поля зрения. Вода имела белый цвет даже в тех местах, где она не пенилась, отливая зелено-голубым оттенком. От водяных брызг исходили лучи мутного света, но скалы по ту сторону потока были темными.

Люди промокли от мельчайших брызг, стоящих в воздухе. Они с ужасом смотрели на открывшуюся им картину. Самим себе они казались привидениями.

— Но здесь нет выхода, — проговорила Искадор. — Это тупик. Куда же теперь, Юлий?

Он спокойно указал на каменный выступ.

— Мы пойдем по тому мосту.

И они осторожно направились туда. Земля, покрытая водорослями, была скользкой. Серый замшелый мост был сооружен из каменных глыб, высеченных из скалы. Он круто шел вверх, затем обрывался. В молочном свете на другом конце пропасти виднелся другой осколок моста. Дороги через пропасть не было... Некоторое время они стояли, устремив взоры в разверзшуюся перед ними бездну и не глядя друг на друга. Первой шевельнулась Искадор. Она вынула из мешка свой лук. Привязав нитку к стреле, она, не говоря ни слова, подошла к краю пропасти и подняла лук. Сильно натянув его, выпустила стрелу.

Просвистев в воздухе, наполненном мельчайшими брызгами, стрела стукнулась о скалу на другом берегу и

отскочила от нее к ногам Искадор. Нить при этом обогнула выступ, возвышающийся на той стороне пропасти.

Усилк хлопнул ее по плечу.

— Великолепно! А что дальше?

Вместо ответа Искадор привязала к нити толстый шнур и стала сматывать нить. Скоро конец шнура показался из-за выступа и оказался у нее в руках. После этого она таким же способом перекинула через пропасть веревку.

— Не хочешь ли ты рискнуть первым? — спросила она у Юлия, передавая ему конец веревки. — Ты ведь наш вожак.

Он взглянул в ее глубоко посаженные глаза, удивляясь ее хитрости. Своим вопросом она не только дала понять, что не Усилк здесь вожак. Она подталкивала его к тому, чтобы он доказал, что он, Юлий, настоящий вожак.

Юлий немного подумал, затем взялся за веревку.

На его взгляд, особой опасности в переправе не было. Держась за конец веревки, он перемахнет через ущелье, а затем, шагая по вертикальной стене и перебирая в руках веревку, достигнет выступа, через который падает вода. Насколько он мог видеть, там было место, где можно взобраться и не оказаться смытым водой. А дальше будет видно. В любом случае он не хотел показаться трусом в глазах этих двоих, а тем более в глазах Искадор. Но вдруг поскользнулся на зеленой слизи. Его несколько раз ударило о стену, затем он завис над пропастью, и веревка выскользнула у него из рук. В следующую секунду он полетел вниз, в пропасть.

Среди грохота воды раздался крик, вырвавшийся одновременно из трех глоток.

Юлий упал на валун, выступавший из скалы, и вцепился в него изо всех сил, всем существом. Он поджал под себя колени, уперся пальцами ног, сжался в комок.

Он пролетел всего два метра и теперь его тело била дрожь. Нервная дрожь. Скорчившись в неудобной позе, он тяжело дышал, боясь шевельнуться.

Где-то внизу в поле его зрения лежал голубой камень. Он впился в него взглядом. Неужели он умрет? Он уже чув-

становал, как острый угол камня впицается в его тело. Ему казалось, что стоит ему протянуть руку — и он достанет этот камень. Вдруг его восприятие мира приняло правильные формы. Он смотрел не на камень, лежащий неподалеку, а на какой-то голубой предмет, далеко внизу. Привыкший к равнинам, он не смог противиться тошнотворной боязни высоты.

Закрыв глаза, он приник к валуну. Крики Усилка, доносившиеся до него издадека, заставили его вновь открыть глаза.

Далеко внизу лежал иной мир. Он освещался каким-то странным образом. То, что он принял за камень, оказалось озером. А может, это было море. Он видел только кусок водного пространства и не мог судить о его размерах. На берегу озера было несколько песчинок, которые Юлию показалиcь зданиями необычной формы. Юлий лежал в полубессознательном состоянии, устремив взгляд вниз.

Что-то дотронулось до него. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Кто-то говорил с ним, схватил его за руки. Безвольно подчинившись, он принял сидячее положение, упершись спиной в скалу, а руки сцепил за плечами спасителя. Перед ним было покрытое кровоподтеками лицо с разбитым носом и порезанной щекой. Новая волна тошноты подкатила к горлу Юлия, и все поплыло у него перед глазами.

— Держись, мы поднимаемся!

Юлий вдруг обнаружил, что висит, обнимая Усилка, и вцепился в него крепче. Тот медленно поднимался вверх по склону и наконец перевалился через край выступа вместе с повисшим на нем Юлием. Затем Усилк рухнул без сил, тяжело, со стонами, дыша. На другой стороне ущелья Юлий увидел Искадор и Скоро, которые смотрели на него. Юлий посмотрел в пропасть, но тот мир, который он, как в подзорную трубу, увидел между стен ущелья, был скрыт брызгами воды. Его ноги дрожали, но он нашел в себе силы, чтобы помочь перебраться на эту сторону Искадор и Скоро.

Все молча обнялись.

В молчании они осторожно пробирались среди нагромождения острых камней.

Юлий ни словом не обмолвился о том мире, который нечаянно увидел. Он снова вспомнил о старом отце Сифансе: неужели среди дикого нагромождения скал ему открылся таинственный мир Берущих? Но, как бы там ни было, он предпочел об этом умолчать.

Запутанный лабиринт проходов в горе казался бесконечным. Четверо двигались вперед осторожно, боясь в любую минуту провалиться в какую-нибудь расщелину. Когда им показалось, что наступила ночь, они ощупью нашли укромный уголок и улеглись спать, прижавшись друг к другу.

Однажды, после того как они карабкались в течение нескольких часов вдоль естественного прохода, усеянного валунами, оставленными давно исчезнувшим потоком, они наткнулись на нишу в стене высотой в полтора метра. В эту щель они забрались все, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, дувшего им в лицо целый день.

Юлий тотчас заснул. Его разбудила Искадор. Двое мужчин сидели, тревожно перешептываясь.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Ты слышишь? — спросили Усилк и Скоро.

Он прислушался к ветру, свистящему в каменном проходе, к шуму водопада... И затем он услышал то, что так встревожило их. Непрерывный скрежещущий звук, как если бы что-то двигалось по проходу и терлось о стены боками.

— Это червь Вутры! — прошептала Искадор.

Он крепко схватил ее за руку.

— Все это сказки. — Однако он внутренне похолодел и схватился за свой кинжал.

— Здесь, в нише, мы в безопасности, — прошептал Скоро. — Только тихо.

Им оставалось только надеяться, что Скоро прав. Без сомнения, что-то приближалось. Они прижались к полу, с ужасом вглядываясь во тьму ущелья. Скоро и Усилк взяли наизготовку дубинки, которые они украли у надзирателей, Искадор приготовила лук.

Шум усилился. Акустика была обманчива, но они полагали, что шум доносится с той стороны, откуда дует ветер. Скрежещущий звук усилился, сопровождаемый грохотом откатывающихся в стороны валунов. Ветер затих. Вероятно, что-то плотно заткнуло проход. В нос ударил тошнотворный запах.

Он представлял собой зловонное сочетание запахов гниющей рыбы, экскрементов и гнилого сыра. Проход заволокло зеленоватым туманом. Согласно легенде, червь Вутры двигался бесшумно, но то, что приближалось, двигалось со страшным грохотом.

Движимый больше страхом, чем отвагой, Юлий выглянул из своей берлоги. Оно стремительно приближалось. Его облик было трудно рассмотреть из-за зеленого свечения, которое двигалось впереди Еgo. Были видны лишь две пары глаз, усы и гигантские клыки. Юлий в ужасе отпрянул. Оно неумолимо приближалось.

В следующую секунду все четверо увидели Еgo голову в профиль. Оно пронеслось мимо с бесшумно горящими глазами. Жесткие усы коснулись их меховых одеяний. Мимо повергнутых в ужас людей заскользили голубоватые чешуйки тела страшилища, осыпая их пылью. Все четверо чуть не задохнулись от зловония, наполнившего нишу.

Чешуйчатое тело было длиной в несколько миль! Наконец последние Еgo кольца промчались мимо. Держась друг за друга, они выглянули из убежища. Где-то в начале прохода была пещера, через которую они недавно прошли. Эта пещера заметно уменьшалась в размерах. Там происходило какое-то сотрясение. Продолжало струиться все еще видимое зеленое свечение.

Червь учуял их! Он поворачивал и возвращался назад! Назад, к ним! В этом не было никакого сомнения. Искадор едва подавила крик ужаса, когда осознала, что происходит.

— Камни! Быстро! — скомандовал Юлий. Вокруг лежали обломки горной породы. Юлий вступил вглубь ниши. Его рука нащупала что-то пушистое. Он отпрянул назад, чиркнул колесиком зажигалки. В свете вспыхнувшей на

мгновение искры он увидел останки человека, от которого остались только кости да покрывавшая их одежда из меха. Рядом лежало какое-то оружие.

Юлий выбил вторую искру.

— Это мертвый косматый! — воскликнул Усилк, имея в виду фагора, ибо так называли фагоров заключенные на своем жаргоне.

Усилк был прав. Длинный череп и рога не оставляли никаких сомнений. Рядом с телом лежало древко с острым наконечником и искривленным лезвием. Акха пришел на помощь тем, кому угрожал Вутра. Усилк и Юлий одновременно схватились за древко.

— Отдай! Я умею пользоваться этим! — проговорил Юлий, вырывая оружие. Воспоминания из прежней жизни нахлынули на него. Он вспомнил, как с копьем в руке шел на разъяренного йелка там, в пустынном безмолвии.

Червь Вутры возвращался. Опять послышался скрежещущий звук. Зеленоватый свет усилился. Юлий и Усилк осторожно выглянули. Но чудовище не двигалось. Они видели, как светится его морда. Она была повернута в их сторону, но оставалась неподвижной.

Чудовище ждало.

С той стороны, откуда пришел червь, стремительно приближался второй. Два червя... в воображении Юлия все подземные проходы вдруг стали кишеть червями.

В ужасе они прильнули друг к другу. Свет и шум усиливались. Но чудовища, казалось, были заняты только друг другом.

За волной зловония мимо них промелькнула голова чудовища, устремившая все свои четыре глаза вперед. Упершись концом копья в стену ниши, Юлий другой конец вынул наружу.

Лезвие полоснуло по мелькавшему боку червя. Из длинной разверстой раны на его теле хлынуло желеподобное вещество, которое через мгновение затопило все его тело. Чудовище замедлило свое движение еще до того, как мимо ниши промелькнул его хвост.

Собирались ли два червя драться или совокупляться — навеки осталось тайной. Второй червь так и не достиг своей цели. Его движение выдохлось. Предсмертная судорога потрясла его тело, и оно затихло.

Медленно погасло зеленое свечение. Все было тихо, только шелестел ветер.

Люди боялись пошевелиться. Первый червь все еще ждал где-то в темноте. О его присутствии свидетельствовал только слабый зеленый свет, едва различимый над телом издохшей твари. Уже потом четверо людей признались друг другу, что это был самый жуткий момент в их жизни, в их хождении по мукам. Каждый думал про себя, что первый червь знает о них, знает, где они скрываются, и теперь только ждет момента, чтобы отомстить за гибель своего друга или подруги.

Наконец первый червь зашевелился. Они услышали скрежещущий звук медленно скользнувшего вдоль стены тела. Он медленно двигался вперед, как бы опасаясь ловушки. Наконец его голова показалась над туловищем погибшего собрата, и червь стал его жадно пожирать.

Четверо людей уже не могли больше оставаться в нише. Звуки были слишком красноречивы. Стараясь не ступать в желеобразную массу, они выскочили из ниши и бросились бежать по темному проходу.

Их путешествие через мрак горных лабиринтов продолжалось. Но теперь они поминутно останавливались и прислушивались к звукам тьмы. А если им нужно было что-то сказать, говорили они дрожащим шепотом.

Иногда они находили воду для питья. Но запасы пищи у них иссякли. Искатор подстрелила несколько летучих мышей, но они никак не могли заставить себя есть этих тварей. Они блуждали по каменным лабиринтам, с каждым днем теряя силы. Время шло. Никто уже не вспоминал о Панновале с его защитой от всяких невзгод. Все, что у них осталось от жизни — это бесконечная тьма, через которую им было нужно пройти.

Они стали наткаться на кости животных. Однажды, высекая искру, они увидели два человеческих скелета,

распластанных на полу ниши. Один обнимал другого. Время лишило эту позу какой-либо нежности, и сейчас лишь кости терлись о другие кости, а страшный оскал черепа ухмылялся в ответ на другой оскал.

Затем в одном из мест, где воздух был более холодным, они обнаружили двух пушистых зверьков, которых они тут же убили. Неподалеку находился детеныш, издававший жалобные звуки и тыкавшийся тупым носом в их руки. Они разорвали детеныша на куски и стали пожирать его, пока мясо было еще теплым. Запах крови разбудил в них зверский аппетит, и они сожрали также и его родителей.

На стенах росли светящиеся организмы. Они даже обнаруживали иногда признаки человеческого обитания. Остатки того, что когда-то было лодкой. Полуразрушенный навес, под которым росли грибы. А рядом печь, труба которой уходила в кровлю пещеры. Печь облюбовала для житья семейка притов. Искадор подстрелила нескольких птиц, и они сварили их в горшке, добавив туда грибов и щепотку соли. В эту ночь их мучили кошмары. Они решили, что причиной тому съеденные грибы. Когда на следующее утро они двинулись в путь, то через два часа наткнулись на низкую и широкую пещеру, в которую проникал зеленый свет.

В одном углу пещеры тлел огонь. Рядом был грубо сколоченный загон, внутри которого находились три козы с ярко светящимися в темноте глазами. На шкурах, сваленных неподалеку в кучу, сидели три женщины: одна старуха и две совсем молодые. Две последние с криком убежали, когда в пещере появились Юлий, Усилк, Скоро и Искадор.

Скоро, не мешкая, вошел в загон с козами, схватил ведро и начал доить коз, не обращая внимания на нечленораздельные вопли старухи. Но молока от коз было мало. Быстро выпив его, все тотчас двинулись дальше, не дожидаясь, когда появятся мужчины племени.

Они свернули в проход, который оказался забаррикадированным. За наваленными глыбами виднелся выход из пещеры, а дальше — открытая местность, склон горы и долины, и яркий свет царства, где правил Вутра, бог Небес.

Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и чувствовали, что сейчас их связывают узы дружбы. Оторвавшись от прекрасного видения, они посмотрели друг на друга. Их лица были полны радости и надежды. Они смеялись, кричали, тискали друг друга. Когда их глаза привыкли к яркому свету, они, прикрыв глаза ладонями, взглянули вверх, на Беталикс, который плыл среди облаков.

Поскольку Беталикс стоял высоко в небе, а Фреир клонился к востоку, Юлий заключил, что время года близилось к весеннему равноденствию, а время дня было около полудня. Фреир стал в несколько раз ярче. Он разливал свой свет по покрытым снегом холмам. Бледный Беталикс двигался быстрее по небосводу и скоро будет садиться, в то время как Фреир все еще будет в зените.

Как прекрасен был этот вид часовых неба! Их непрерывное движение по небосводу, знакомое Юлию с детства, всегда заставляло трепетать его сердце. Он оперся на копье, которым сразил чудовище, и подставил свое тело лучам небесных светил.

Но Усилк положил руку на плечо Скоро и, видимо, не собирался выходить из пещеры. Он с опаской поглядывал на этот бескрайний мир. Он сказал Юлию:

— А может, нам лучше остаться здесь, в пещере? Как мы будем жить там, под этим небом?

Не отрывая глаз от расстилающегося перед ним пространства, Юлий почувствовал нерешительность Искадор. Она тоже боялась выйти из пещеры, как и двое мужчин.

— Ты знаешь притчу о личинках в орехе? Те думают, что их гнилой тесный орех — это весь мир, и когда орех раскалывался, личинки погибали от шока. Ты тоже хочешь быть такой же личинкой, Усилк?

На это Усилк ничего не ответил. Ответила Искадор. Она подошла к Юлию и взяла его за руку. Он улыбнулся. Его сердце запело. Однако он все равно с жадностью смотрел вперед.

Он увидел, что горы, из которых они вышли, будут прикрытием от ветра и дальше к югу. Повсюду росли низ-

корослые деревья, поднимая свои стволы прямо вверх. Это говорило о том, что холодный западный ветер с Перевала здесь уже не властен. Юлий все еще сохранил прежние навыки, которым давным-давно научил его Алехо. Среди холмов должна водиться дичь, и поэтому они спокойно смогут жить под небом, как это было угодно богам.

Его душу наполняла радость. От избытка чувств он широко раскинул руки, как бы собираясь обнять весь этот необъятный мир.

— Мы будем жить в этом защищенном месте, — сказал Юлий. — Что бы ни случилось, мы должны держаться вместе. — Вдали среди холмов поднимался вверх дым. — Там живут люди. Мы заставим их признать нашу власть над ними. Мы будем жить по своим законам, а не по законам других людей.

Распрямив плечи, он направился вниз по склону между чахлыми деревцами. Остальные последовали за ним. Сперва Искадор своей гордой походкой, а затем остальные двое.

Некоторые планы Юлия осуществились, а другие нет.

После многих приключений они были приняты в небольшой поселок, укрывшийся под складкой горы. Люди здесь вели примитивный образ жизни, и, благодаря превосходству в знаниях, Юлию и его друзьям удалось подчинить их, править ими и устанавливать законы.

И все же они никогда не смогли слиться с этим народом. У них были другие черты лица, а язык, на котором говорили пришельцы, отличался от языка местных жителей. Вскоре они обнаружили, что ввиду выгодного положения поселок нередко подвергается набегам со стороны соседей, которые жили где-то на берегу замерзшего озера. Эти набеги причиняли много страданий и отнимали много жизней.

Юлий и Усилк в ходе этой затяжной войны проявили много военной хитрости. Они обнесли поселение защитными сооружениями, так что набеги из Дорзина совсем прекратились, а Искадор научила всех молодых женщин поселка стре-

лять из лука. Когда с юга вторглись воинственные соседи, многие из них пали от стрел, пущенных умелыми руками девушек, и больше с той стороны с войной никто не приходил.

Суровый климат, постоянные снежные обвалы с гор, холодные ветры были тяжким испытанием для людей. Выращивать съедобные растения и разводить скот они могли только в пещерах. Ввиду ограниченного запаса пищи они были всегда голодны и страдали от многих болезней. Все свои напасти они приписывали злобным богам (об Акха Юлий запретил упоминать).

Он взял себе в жены прекрасную Искадор, и был влюблен в нее, и не мог налюбоваться ее красотой. У них родился мальчик, которому дали имя Сиф, в честь старого священника из Панновала. Усилк и Скоро также женились. Усилк взял себе в жены маленькую смуглую женщину с именем Исик, которое чем-то напоминало его собственное имя. Исик, несмотря на свой рост, могла бегать как олень, была умна и добра. Скоро взял в жены девушку по имени Фитти. Она была довольно капризного нрава, и хотя великолепно пела, превратила жизнь Скоро в настоящий ад. Она родила ему девочку и спустя год умерла.

Между Юлием и Усилком никогда не было согласия. Правда, перед лицом общей опасности они были всегда едины, но в остальное время Усилк всегда относился враждебно к Юлию и его планам, обманывал его, если мог. Как сказал старый священник Сифанс, есть люди, которые никогда не прощают.

Из поселка, жители которого прежде совершали нападения, пришла делегация. Прослышав о Юлии, они пришли просить его править ими, занять место умершего вождя. На что Юлий и согласился, чтобы избавиться от постоянных распрей с Усилком. Вместе со своей женой и ребенком он поселился у замерзшего озера Дорзин (по которому и был назван поселок), где в изобилии водилась дичь. Юлий твердой рукой правил новыми подданными.

Но даже в этом крупном поселении люди не знали, что такое искусство, которое могло бы украсить, внести разно-

образе в их монотонную жизнь. Хотя народ и танцевал в праздничные дни, музыкальных инструментов, кроме хлопущек и колокольчиков, у них не было. Религии как таковой не существовало. Был лишь страх перед злыми духами и стоическое смирение перед лицом холода, болезней, смерти. Так что Юлий в конце концов стал настоящим священником. Он пытался внушить людям, что в жизни есть и духовное начало. Многие отвергали его учение, потому что он все-таки был чужаком. А другие были слишком неразвиты, чтобы воспринять его доктрины. Он учил людей любить небо во всех его проявлениях.

И все же Юлий и Искадор никогда не теряли надежды, что настанут лучшие времена. Видение, представшее перед взором Юлия в пропасти, навсегда врезалось в его память. Он был уверен, что существует иная жизнь, где нет места тревогам, унынию, чего так много в их теперешней жизни.

Тем не менее Юлий и прекрасная Искадор старели и с течением времени все острее чувствовали холод окружающего мира.

И все же они любили то место, где они жили. И в память о прошлом, и в ожидании будущего, они называли его Олдорандо.

Вот и вся история о том, как пришел Юлий, сын Алехо и Онессы.

Рассказ о его потомках и о том, что случилось с ними, займет гораздо больше времени. Никто из них не подозревал, что Фрейр все время приближается к их холодному миру, ибо в туманных писаниях, которые отверг Юлий, была захоронена истина. Истина о том, что в положенное время ледяное небо превратится в небо огненное. Только спустя пятьдесят гелликонийских лет после рождения их сына настоящая весна началась в том суровом мире, который знали и в котором жили Юлий и Искадор.

Новому миру предстояло вот-вот родиться.

Эмбруддок

И Шэй Тэл сказала:

— Вы думаете, что мы живем в центре вселенной. Я говорю вам, что мы живем на заднем дворе. Мы живем в такой темноте, что вы не можете даже вообразить этого.

Я расскажу вам все. В прошлом, очень далеком прошлом, произошла какая-то катастрофа. Это было так давно, что никто не может сказать о ней ничего — ни какова она, ни откуда пришла. Мы знаем только то, что она на длительное время принесла тьму и холод.

Вы пытаетесь жить как можно лучше. Это хорошо. Живите дружно, любите друг друга, будьте ласковы. Но не делайте вид, что катастрофа не подействовала на вас. Пусть она случилась очень давно, но она отравила каждый день вашей жизни. Она старит нас, отнимает красоту, отрывает наших детей от нас. Она делает нас не только невежественными, но принуждает любить невежество. Мы заражены невежеством.

Я хочу предложить вам охоту за сокровищем, поход, если хотите. Поход, к которому может присоединиться каждый из вас. Я хочу, чтобы в вас проснулось осознание собственного падения и чтобы вы постоянно помнили о нем. Мы должны собрать все, что еще осталось на этом холодном заднем дворе, и постараться сделать все, чтобы катастрофа больше не обрушилась ни на нас, ни на наших детей.

Вот такое сокровище я предлагаю вам. Знание. Истину. Я знаю, вы боитесь ее. Но вы должны стремиться к ней. Вы должны повзрослеть и полюбить ее.

Глава I СМЕРТЬ ПАТРИАРХА

Небо было черным, и люди с факелами вышли из южных ворот. Они были закутаны в меховые одежды и шли, высоко поднимая ноги, так как в долине лежал глубокий снег. Святой человек пришел! Святой человек пришел!

Юный Лейнтал Эй спрятался у крыльца разрушенного замка. Его лицо светилось возбуждением. Он смотрел на процессию,двигающуюся между старых каменных башен, восточные стены которых были облеплены снегом, выпавшим днем. Он заметил, что единственный цвет, который можно различить, это цвет горящих факелов, цвет кончика носа святого отца и цвет высунутых языков собак упряжки, которая привезла святого отца. И это был красный цвет. Тяжелое свинцовое небо, в котором был погребен Беталикс, стерло все остальные цвета.

Отец Бондорлонганон из далекого Борлиена был толстым, а меха, в которые он был укутан, делали его еще толще. Таких мехов в Олдорандо еще никто не носил. В Олдорандо он приехал один. Те, кто его сопровождали, были местные охотники. Они были все знакомы Лейнталу Эй. И все свое внимание мальчик сосредоточил на лице святого отца. В селение редко приезжали гости. Он был совсем маленьким в дни последнего посещения святого отца.

Овальное лицо святого отца было изрезано глубокими морщинами, в которых скрывались острые глаза. Казалось, что морщины превратили его рот в длинную горизонтальную щель. Он сидел в санях и подозрительно осматривался вокруг. Ничто в его облике не говорило о том, что он с удовольствием вернулся в Олдорандо. Взгляд святого отца скользнул по полуразрушенному замку. Он знал, что несколько поколений назад здесь отвергли его. Его беспокойный взгляд скользнул по мальчику, стоящему между двумя колоннами.

Лейнтал Эй тоже смотрел на него. Ему показалось, что взгляд жреца был жестоким и расчетливым, но вряд ли он

мог думать хорошо о том, кто приехал провести похоронный ритуал над его умирающим дедом.

Он почувствовал запах псины, когда упряжка проезжала мимо, и запах горящих факелов. Процессия повернула и направилась к главной улице, удаляясь от замка. Лейнтал Эй колебался, идти ли ему за нею вслед? Он видел, что люди выходят из своих домов к прибывшей упряжке, несмотря на холод.

Возле большой башни, где жила семья Лейнтала Эй, процессия остановилась. Рабы занялись собаками — распрягать их и отводить в конюшню внизу башни, — а святой отец соскочил с саней и поспешил в дом.

В это время от южных ворот к замку подъехал охотник. Это был чернобородый человек по имени Аоз Рун, независимостью которого мальчик всегда восхищался.

За ним шел на поводке старый раб — фагор Мик.

— Хэлло, Лейнтал, я вижу, что из Борлиена приехал святой отец. Разве ты не хочешь приветствовать его?

— Нет.

— Почему? Разве ты не помнишь его?

— Если бы он не приехал, мой дед не умирал бы.

Аоз Рун хлопнул его по плечу.

— Ты хороший парень. Когда-нибудь ты будешь править Эмбруддоком. — Он использовал старое название для Олдорандо, название, которое было еще до прихода сюда Юлия, за два поколения до теперешнего Юлия, лежащего сейчас на смертном одре в ожидании последнего ритуала.

— Я бы предпочел, чтобы дед остался жить, чем править этой страной.

Аоз Рун покачал головой.

С. — Не говори так. Никогда не следует упускать возможности стать правителем. Я бы не упустил.

— Ты был бы хорошим правителем, Аоз Рун. Когда я вырасту, я буду таким, как ты: самым сильным и самым умным.

Аоз Рун расхохотался. Лейнтал Эй подумал, какое прекрасное зрелище представляет собой этот мужественный

человек со сверкающими в улыбке белыми зубами. Он видел в Аозе именно мужество, а не вкрадчивое коварство священников. Аоз Рун действительно был настоящим мужчиной. У него была дочь по имени Ойра примерно одного возраста с Лейнталом. Аоз Рун был одет в шубу из меха, какого не было ни у кого. Это была шкура гигантского горного медведя, которого он убил ножом.

Аоз Рун небрежно сказал:

— Идем. Твоя мать захочет, чтобы ты присутствовал при встрече. Садись на Мика, и он отвезет тебя.

Огромный белый фагор подставил свои руки и позволил мальчику взобраться на его плечи. Мик служил в Эмбруддоке очень давно — фагоры жили гораздо дольше, чем люди. Он сказал хриплым низким голосом:

— Ну, держись, мальчик.

Лейнтал Эй ухватился за подпиленные рога, чтобы не упасть при езде. Рога фагора были подпилены в знак того, что фагор находится в рабстве у людей и служит им.

Эти три живых существа двигались по улице, направляясь в тепло дома, а вокруг них смыкался мрак бесчисленных ночей зимы, которая уже много столетий правила на этом тропическом континенте. Ветер сдувал снег с крыш и швырял им в лицо.

Как только святой отец и его упряжка скрылись в башне, все любопытные поспешили в свои дома, к теплу очагов. Мик спустил Лейнтала Эй на утопанный снег. Мальчик махнул рукой Аозу Руну на прощание и поспешил к двери башни.

В нос ему сразу ударил запах рыбы. Собак, которые привезли святого отца, кормили рыбой, выловленной в Ворале. Собаки яростно залаяли и стали рваться с привязи, когда вошел мальчик. Лейнтал Эй огрызнулся в ответ и взлетел наверх по деревянной лестнице. Раб безуспешно пытался успокоить собак, которые рычали, скаля белые зубы.

Сверху пробивался свет. В доме было шесть этажей. Мальчик спал на самом нижнем жилом этаже — над стойлом. Его мать и ее родители спали на верхнем этаже. На

остальных этажах жили охотники и прочие люди, бывшие в услужении у его деда. Когда мальчик проходил мимо, они уже были заняты распаковкой вещей. Мальчик сразу увидел, что пожитки Отца Бондорлонганона сложены здесь. Значит, он будет здесь спать. И конечно же, он будет храпеть. Взрослые всегда храпят. Он стоял, глядя на плед священника, удивляясь необычной текстуре ткани, а затем пошел наверх, где лежал его дед.

Просунув голову через люк в полу, он задержался, чтобы осмотреть все вокруг со своей точки наблюдения на уровне пола. Вообще-то это была комната его бабки, Лойл Бри, еще с тех времен, когда она была девочкой, а ее отец, Уолл Эйн Ден, был вождем племени Ден, лордом Эмбруддока. Сейчас она стояла спиной к огню, горевшему в железном сосуде рядом с люком, откуда выглядывал ее внук. По стенам и низкому потолку угрожающе теснились тени. Размытая тень бабки на стене казалась похожей на большую птицу, причем рукава одежды превратились в крылья.

Лойл Бри и ее тень доминировала над остальными людьми в комнате. В углу на диване лежал Малый Юлий, высунув заострившийся подбородок из мехов, в которые он был укрыт. Он был очень стар — двадцать девять лет. Старик что-то бормотал. Лойланнун, мать Лейнтала Эй, сидела возле него, обхватив колени руками. Взгляд у нее был затравленный. Она еще не заметила сына. Человек из Борлиена, отец Бондорлонганон, был ближе всех к мальчику. Он молился вслух, закрыв глаза.

Именно молитва и остановила Лейнтала Эй. Обычно он любил бывать в этой комнате, полной бабкиных тайн. Лойл Бри знала множество занимательных историй и до некоторой степени заменила ему отца, который был убит во время охоты на стунжебага.

Сейчас запах горящего жира стунжебага наполнял комнату. Одного из таких чудовищ недавно убили на охоте и, разрезанного на части, принесли в селение. Вырезанные из спины пласты жира использовали как дополнительное

топливо для обогрева домов. Этот жир горел, шипя и потрескивая. Он давал желтое пламя и много тепла.

Лейнтал Эй посмотрел на западную стену комнаты. Там было окно, через которое еле пробивался свет с улицы.

— У вас здесь хорошо, — наконец сказал он.

Он поднялся еще на одну ступень, и желтый глаз сосуда с огнем оказался у него прямо перед лицом.

Святой отец торопливо закончил молитву Вутре и открыл глаза. Они были спрятаны в глубоких морщинах, изрезавших лицо, и не могли широко открываться, но взгляд его на мальчика был ласков. Священник заговорил с мальчиком без приветствий.

— Заходи сюда, мой малыш. Я тебе что-то привез из Борлиена.

— Что? — мальчик спрятал руки за спину.

— Подойди и посмотри.

— Кинжал?

— Подойди и посмотри. — Священник сидел неподвижно. Лойл Бри всхлипнула, дед простонал, в жаровне раздался треск и шипение, полетели искры желтого пламени.

Лейнтал Эй осторожно приблизился к священнику. Он никогда не мог понять, как люди могут жить где-то кроме Олдорандо. Ведь их поселок был центром вселенной, а все остальное — пустыня, дикая пустыня, откуда иногда вторгаются фагоры.

Отец Бондорлонганон достал маленькую фигурку и положил ее на ладонь мальчика. Она была даже меньше, чем ладонь. Это было вырезанное из кости кайдава изображение собаки. Собака была как живая. Густая шерсть покрывала спину собаки, а на маленьких лапах отчетливо были видны когти. Мальчик долго рассматривал фигурку, а потом обнаружил, что при покачивании собака машет хвостом и открывает пасть.

У него еще никогда не было такой игрушки. Мальчик возбужденно побежал по комнате с лаем, а мать вскочила, стараясь утихомирить его.

— Когда-нибудь этот мальчик будет лордом Олдоран-до, — сказала Лойланнун святому отцу, как бы объясняя его поведение. — Он наследник.

— Лучше бы он полюбил знание и у него было желание узнать еще больше, — сказала как бы про себя Лойл Бри. — Как мой Юлий, — и она снова заплакала, спрятав лицо в ладонях.

Отец Бондорлонганон прищурил глаза и спросил, сколько лет мальчику.

— Шесть с четвертью лет. — Только чужие могли задать такой вопрос.

— О, ты уже почти мужчина. На следующий год ты уже пойдешь на охоту и тебе придется принимать решение. Чего ты больше хочешь, власти или знаний?

Мальчик потупил голову.

— И то и другое... или то, чего проще достигнуть.

Священник рассмеялся и жестом руки отпустил мальчика, чтобы вернуться к своему делу. Его уши, привычные к посещениям смерти, уловили изменение в ритме дыхания Малого Юлия. Да, старик уже был близок к тому, чтобы покинуть этот мир и пуститься в опасное путешествие в обсидиановый мир призраков. Оставив женщин с ним, отец Бондорлонганон спустился вниз и улегся на своем ложе головой на запад.

Довольный, что к нему больше не пристают с расспросами, мальчик катался по полу со своей новой игрушкой и заливался лаем каждый раз, когда собака открывала пасть.

Его дед покидал этот мир в то время, когда тот был охвачен самой яростной войной в истории человечества.

На следующий день Лейнтал Эй не отходил от священника из Борлиена, надеясь, что в складках его одежды спрятано еще что-нибудь для него. Но священник был занят больным, и Лойланнун не позволяла мальчику мешать ему.

Между его бабкой и матерью разразилась ссора. Лейнтал Эй был очень удивлен этим, так как, когда его дед был

жив, женщины жили очень дружно. Тело Юлия, который был назван в честь мужчины, пришедшего с гор вместе с Искадор, было погружено на повозку и увезено прочь. После него в комнате остался пустой угол, где сидела на корточках Лойл Бри, которая оборачивалась лишь затем, чтобы рявкнуть на свою дочь.

Дисциплина в племени всегда была довольно строгой, и Лойл Бри все еще сохраняла свое главенствующее положение в нем, хотя волосы ее поседел, спина сгорбилась и голова пряталась между плечами, когда старуха склонялась над холодной постелью своего умершего мужа, мужа, которого она с неослабевающей страстью любила уже половину жизни — с того самого момента, как подобрала его раненым.

Лойланнун была в более плохом положении. Страсть, энергия, способность к всепоглощающей любви, красивое лицо с глазами, подобными темным парусам, миновали Лойланнун и перешли прямо от бабки к внуку, юному Лейнталу Эй. Лойланнун выглядела болезненно, она была бледна, а так как ее муж умер совсем молодым, походка ее была неуверенной. Сейчас ее раздражало то, что Лойл Бри почти непрерывно плакала в своем углу.

— Мать, прекрати. Ты действуешь мне на нервы.

— А ты была так черства, что не могла оплакать своего мужа как следует. Я буду плакать, плакать до тех пор, пока смогу, пока кровь не потечет из моих глаз.

— Ну и что хорошего в этом? — Она предложила матери хлеб, но та отвергла его презрительным жестом. — Это испекла Шей Тал.

— Я не буду есть.

— Я съем, мама, — сказал Лейнтал Эй.

С улицы слышался крик Аоза Руна, который пришел к башне со своей дочерью Ойрой. Ойра была на год моложе Лейнтала Эй, и она замахала ему рукой, когда он и Лойланнун высунулись в окно.

— Иди сюда и посмотри на мою игрушку, Ойра. Эта собака — настоящий охотник, как и твой отец.

Но мать оттащила его от окна и сказала Лойл Бри.

— Аоз Рун хочет сопровождать нас на похороны. Могу я сказать ему «да»?

Старуха, не поворачиваясь, ответила:

— Не доверяй никому. Не доверяй Аозу Руну — у него много друзей, и все они хотят захватить власть.

— Мы должны довериться кому-то. Ведь теперь править будешь ты, мать.

Лойл Бри горько рассмеялась, а Лойланнун посмотрела на нее с удивлением. Сын ее стоял, улыбаясь и сжимая в руках игрушечную собаку.

— Тогда буду править я, пока мой сын не станет мужчиной. Тогда он будет лордом Эмбруддока.

— Ты глупа, если думаешь, что его дядя Нахкри допустит это, — ответила старуха.

Лойланнун не сказала ничего. Ее рот сжался в узкую линию, а глаза опустились на устланный шкурами пол. Она знала, что женщины не правят племенем. Уже тогда, когда ее отец заболел, ослаб, власть ее матери над племенем куда-то исчезла, как исчезают воды реки Ворал, текущие неизвестно куда. Повернувшись к окну, она уже без колебаний крикнула:

— Заходи!

Лейнтала Эй смутили разговоры его матери и бабки. Он понял: они не считают, что он сможет когда-либо заменить своего деда. И он отпрянул назад. Его самолюбие было уязвлено и он даже не смог приветствовать Ойру, которая появилась в комнате вместе с отцом.

Аозу Руну было четырнадцать лет. Это был сильный красивый мужчина, охотник. Он дружелюбно улыбнулся Лойланнун, потрепал волосы на голове мальчика и почтиительно склонил голову перед вдовой. Шел девятнадцатый год после Объединения, и даже Лейнтал Эй ощущал историю. Она смотрела на него изо всех сырых, покрытых паутиной и мхом углов старой комнаты. Само слово история напоминало ему вой волков среди этих башен, снежные вихри, гибель отважных героев.

Умер не только дед Юлий. Умер и Дресил, кузен Юлия, дядя Лейнтала Эй, отец Нахкри и Клилса. Когда умер Дресил, приезжал священник, и тот ушел в прах, прах истории.

Мальчик с нежностью вспоминал Дресила, но боялся своих сварливых дядей, сыновей Дресила — Нахкри и хвастливого Клилса. Насколько он понимал ситуацию — не взирая на то, что сказала его мать, — по старым традициям править будут Нахкри и Клилс. Но они по крайней мере были молоды. И когда он, Лейнтал Эй, станет хорошим охотником, им придется уважать его, а не игнорировать, как сейчас. Аоз Рун поможет ему.

Охотники в этот день не выходили на промысел. Все они приняли участие в похоронах своего старого лорда. Святой отец точно рассчитал, где должна быть могила — возле огромного камня, где горячие источники размягчили промерзшую землю.

Аоз Рун сопровождал двух женщин — жену и дочь Малого Юлия. Лейнтал Эй и Ойра шли за ними, перешептываясь, а за ними следовали рабы и фагор Мик. Лейнтал Эй все время заставлял свою игрушечную собаку открывать пасть, и Ойра хихикала.

Холод и вода создали причудливую сцену для погребения. Среди голых скал тут и там били горячие родники, гейзеры. Водяные брызги разносились ветром и тут же застывали, не достигая земли и образуя самые фантастические изображения, переплетающиеся между собой. Горячие ручьи от источников подмывали ледяную корку на земле, благодаря чему в ней образовывались промоины и расселины.

Для завоевателя Эмбруддока была выкопана могила. Двое мужчин с кожаными корзинами откачали из нее воду. И Малый Юлий в простой одежде, без всяких украшений лег в могилу. Больше для него ничего туда не положили. Люди Кампаннлата — по крайней мере те, кто старался получить знание, — знали, что там, в мире призраков, человеку ничто не может помочь.

Вокруг могилы собралось все население Олдорандо — примерно сто семьдесят мужчин, женщин и детей.

Собаки и другие домашние животные тоже были в толпе. В отличие от людей, охваченных горем, животные были возбуждены. Было холодно. Беталикс стоял высоко в небе, спрятанный в облаках, а Фреир был еще на востоке. Со времени его восхода прошло не более часа.

Люди стояли, молча склонив головы. Это были могучие люди с сильными руками и ногами, мощными туловищами. Такими были все люди планеты в этот период ее истории. Вес и мужчин и женщин достигал двадцати стейнов с небольшими вариациями. Существенные изменения в телосложении произойдут позже. Люди стояли двумя отдельными группами, примерно равными. В одной группе были охотники и их жены. В другой — охранники и их жены. Пар от дыхания поднимался над людьми. Охотники были одеты в шкуры медведей, такие плотные, что даже снежные вихри не могли проникнуть к телу. Воины были одеты более легко — в шкуры оленей. Они ведь в основном жили под крышей. Некоторые охотники были одеты в шкуры фаторгов и очень гордились этим, хотя шкуры эти были грязные и очень тяжелые.

Пар, поднимающийся от людей, развевался легким ветром. Одежда блестела от влаги. Все стояли неподвижно. Некоторые женщины, вспомнив старые обычаи, бросили в могилу сухие листья. Листья падали вниз медленно, неуверенно переворачиваясь в воздухе.

Отец Бондорлонганон, не обращая ни на что внимания, делал свое дело. Закрыв глаза, он произносил погребальные молитвы. Мерзлая земля сыпалась в могилу.

Из-за холода церемония погребения была короткой. Когда могила была засыпана, Лойл Бри испустила крик. Она бросилась на могилу мужа. Аоз Рун успел подхватить ее, а Нахкри и его брат остались стоять, глядя с любопытством на все происходящее.

Лойл Бри вырвалась из рук Аоза Руна. Схватив руками землю с могилы, она с плачем стала размазывать ее по лицу. Лейнтал Эй и Ойра весело рассмеялись, увидев это. Им было смешно смотреть, как взрослые делают такие глупости.

Святой отец продолжал службу так, как будто ничего не случилось, но его лицо сморщилось от недовольства. В этом Эмбруддоке людям всегда не доставало твердой веры. Что же, их тени будут страдать, когда они погрузятся в земной мрак, в страну теней.

Внезапно вдова Юлия вскочила и бросилась меж ледяных глыб сквозь туман на замерзший Ворал. Собаки с лаем бежали перед нею, а она с плачем бежала вдоль берега — старуха, пережившая уже двадцать восемь трудных зим. Некоторые дети рассмеялись, но матери быстро их утихомирили.

Старая женщина пробиралась по льду неверными шагами, как сломанная кукла. Ее фигура была темно-серой среди серого, голубого, белого цвета безмолвной ледяной пустыни, в которой люди жили, балансируя на границе между жизнью и смертью, на самом краю градиента энтропии. И детский смех, людское горе, безумие, даже негодование — все это было проявлениями вечной войны, которую люди вели с вечным холодом. Но никто не подозревал, что победа в этой войне уже начала клониться в сторону человечества. Малый Юлий, как и его великий предок Юлий Священник, основатель племени, были порождением льда и холода, снега и мрака. А юный Лейнтал Эй был провозвестником грядущего света и тепла.

Скандалное поведение Лойл Бри не наложило отпечатка на празднество, которое состоялось после похорон. Праздновали все. Малый Юлий был счастливцем — так полагали все, — потому что у него есть отец, который проводит его в царство теней. А его бывшие подданные сегодня праздновали не только уход своего вождя, но и более земное путешествие: возвращение святого отца в Борлиен. И поэтому священника следовало хорошо накормить и напоить вином, чтобы холод дороги был ему не страшен.

Рабы — тоже борлиенцы, но все же отец Бондорлонганон присматривал за тем, что они делали — приготовили упряжку и погрузили все в сани. Лейнтал Эй и Ойра вместе

со всеми людьми побежали к южным воротам, чтобы видеть отъезд святого отца.

Сморщенное лицо священника изобразило нечто вроде улыбки, когда он увидел мальчика. Он внезапно наклонился и поцеловал его в губы.

— Могуущества и знаний тебе, сын мой, — сказал он.

Запоздав с ответом, Лейнтал Эй поднял руку с зажатой в ней собакой в знак приветствия.

И этой ночью в домах, после последней бутылки вина, рассказывали истории о том, как Малый Юлий и его племя пришли в Эмбруддок. И о том, как неласково, даже враждебно, приняли его тут.

Когда отец Бондорлонганон ехал по снежной пустыне в Борлиен, облака на небе рассеялись. И высоко в ночном небе зажглись далекие звезды.

И среди неподвижных звезд появился движущийся свет. Но то была не комета, а земная Станция Наблюдения Аверн.

С планеты эта станция казалась всего лишь движущимся пятном, которое иногда случайно замечали только путешественники да охотники, когда пятно проплывало над головой. А вообще-то станция представляла собой сложную конструкцию, состоящую из разных частей, выполняющих самые разнообразные функции.

Аверн служил домом для пяти тысяч мужчин, женщин, детей и андроидов. Все взрослые были специалистами по планете, за которой они наблюдали, называя ее Гелликонией. Подобная Земле планета представляла для землян особый интерес.

Глава II

ПРОШЛОЕ ПОДОБНО СНОВИДЕНИЯМ

Лейнтал Эй, усталый и замерзший, отогрелся, поел и уснул задолго до того, как закончилось празднество. Рассказы, услышанные им, бродили в его голове, как властные холодные ветры дули над планетой.

В этих рассказах говорилось о героизме Юлия, о том, как он убил какое-то страшное чудовище, о том, как он побеждал врагов. И особенно много говорилось о том, как из тьмы пришел первый Юлий, чтобы люди начали жить по-новому.

Юлий захватил воображение всех людей, потому что он был священником, хотя и заставил людей отречься от старой веры и принять веру его народа. Он начал битву и победил всех тех старых богов, имен которых уже никто и не помнит.

Характер Юлия, особенно такие его черты, как безжалостность и благородство, нашли отклик в сердцах людей племени. Шло время, и имя его обрастало легендами. Даже его правнук, Малый Юлий, в трудной ситуации мог задать себе вопрос: «А как на моем месте поступил бы Юлий?»

Первое селение, которое он назвал Олдорандо и куда он пришел с Искадор, не стало процветающим. Люди в нем жили на грани жизни и смерти. Селение находилось на берегу замерзшего озера Дорзин и еле-еле могло защищаться от холодных зим, не осознавая, что свирепость их постепенно угасает. Однако об этом периоде жизни Юлия не говорили. Была другая причина, почему нынешнее поколение, живущее в каменных башнях Эмбруддока, любило говорить о Юлии. Он был их предком, жившим во времена суровых зим. Он олицетворял собой способность человека к выживанию. Эти легенды о нем были первым шагом к осознанию того, что климат планеты меняется — и меняется к лучшему.

Как и другие селения в горных районах Кзинта, первое для него, Олдорандо, с домами из дерева, находилось вблизи экватора, в центре громадного тропического материка

Кампаннлат. О существовании этого континента во времена Юлия не знал никто. В те времена мир племен был ограничен охотничьими угодьями. Только Юлий имел представление об обширном горном хребте — неприступной западной границе континента, созданной самой природой и известной людям под названием Перевал. И вулканы, расположенные на высоте более четырех тысяч метров над уровнем моря, вносили свой вклад в погоду континента, создавая целые плато лавы на древних утесах Гелликонии.

Юлий знал много и о жутких территориях страны Никтрихк.

На востоке Кампаннлата возвышались горные хребты Восточной Гряды. Спрятанные от глаз Юлия и остальных людей снежными бурями и густыми туманами, к небу вздымались громадные скалистые утесы, между которыми простирались обширные ледники и вулканические поля. Здесь огонь, земля и воздух существовали в чистых формах, так как почти космический холод не позволял им вступать во взаимодействие и образовывать смеси элементов. И тем не менее ко времени смерти Малого Юлия даже на этих ледяных пиках, вонзающихся прямо в стратосферу, появились первые признаки жизни.

Завывающая ветрами дикая белая пустыня Восточного Щита была хорошо известна фагорам. Они называли ее Никтрихк, и были уверены, что именно там находится трон белого колдуна, который вышвырнет сынов Фреира, ненавистных людей, из их мира.

Простираясь к югу и северу почти на три с половиной тысячи миль, Никтрихк отделял внутреннюю часть континента от холодных восточных морей. Морские волны бились о прибрежные скалы и превращались в лед, не успев вернуться в море. Поэтому вся восточная сторона прибрежных скал была покрыта льдом, и ледяные глыбы иногда срывались и с грохотом падали в морские волны. Но люди ничего не знали об этой части континента.

Многие поколения они жили здесь охотой. И именно об охоте складывалось больше всего легенд и историй. Хо-

тя охотники промышляли группами, помогая друг другу, все же от каждого охотника требовалась отвага, так как ему нередко приходилось встречаться лицом к лицу с дикими зверями. И тут он либо побеждал, либо погибал. А если он побеждал и оставался жить, то он давал жизнь и другим — женщинам, детям. А если он погибал, то тогда скорее всего погибало и его племя.

И вот, люди Юлия, совсем небольшая группа, жили у замерзшего озера, жили как животные, только боролись за свое существование. Слушатели наслаждались рассказами об озерном поселении. Наслаждались потому, что многие теперешние обычаи вели свой происхождение от с тех времен. Здесь ловили рыбу так же, как ловили ее в том озере.

Племя Юлия охотилось на гигантов-стунжебагов, убивало оленей и диких медведей, защищалось от нападений фагоров. Иногда, если позволяла погода, выращивался небольшой урожай злаков. Пили кровь врагов.

Мужчины и женщины производили мало детей. В Олдорандо они становились взрослыми в возрасте семи лет и старились к двадцати годам. И даже когда они радовались и смеялись, ужас холода и смерти стоял перед ними.

Первый Юлий, замерзшее озеро, фагоры, жуткий холод, прошлое, подобное сновидениям — все это было живой легендой, известной каждому, легендой, которая рассказывалась снова и снова. Потому что горстка людей спасала свои жизни в Эмбруддоке и жила здесь как в темнице. Они не могли видеть ничего, кроме стен своей тюрьмы. Они могли видеть только сны, а прошлое, подобное сновидениям, как бы расширяло узкие горизонты их тесного мирка.

Многие собрались в башне Нахкри и Клилса после похорон Малого Юлия, и они находили удовольствие в том, что могли окунуться в подобное сновидениям прошлое. Чтобы оживить видения прошлого, а может, чтобы забыть о настоящем, люди пили ратель, который подносили рабы Нахкри. Ратель был самой любимой жидкостью в Эмбруддоке, после красной крови.

Похороны Юлия дали людям возможность отрешиться от повседневных забот и дать волю воображению. И вот снова звучали рассказы о прошлом, об объединении двух племен, которые сошлись вместе, как сходятся мужчина и женщина. Один сказитель передавал слово другому, и сказание шло по кругу, как шла по кругу огромная чаша с рателем.

Тут же присутствовали и дети племени. Глаза их блестя в полумраке. Время от времени они тоже отхлебывали глоток рателя из деревянных кружек родителей. Сказание, которое они слушали, было им известно под названием Великое Сказание. На любом празднестве, включая похороны, праздник совершеннолетия, праздник Двойного Солнечного Восхода, можно было услышать: «Давайте послушаем Великое Сказание».

Это была их история, и даже больше. Это был весь опыт жизни племени. Их искусство. У них не было ни музыки, ни живописи, ни литературы. Все свое время они тратили на борьбу с холодом, борьбу за существование. Но у них было прошлое, подобное сновидениям, и оно существовало, чтобы о нем рассказывать.

Никто не был больше увлечен рассказами, чем Лейнтал Эй, когда ему удавалось не заснуть. Одной из основных тем этих сказаний было объединение двух конфликтующих сторон — и это объединение было частью жизни его рода. Только позже, когда он вырос, мальчик понял, что это объединение стало и проклятием его рода. Но в этом холле, в год Девятнадцатый После Объединения, сказители рассказывали об этом событии как о величайшем успехе человечества. Это было Великое Сказание. И в этом состояло их искусство.

Рассказчики сменяли один другого — каждый увлеченно декламировал свою часть. Первые говорили о Великом Юлии, о том, как он пришел из Белой Пустыни к за-

мерзшему озеру, называвшемуся Дорзин. Но одно поколение сменяло другое даже среди рассказчиков легенд, и вставали другие сказители, чтобы рассказать о тех, менее великих, что пришли на смену Юлия. Одним из сказителей была женщина средних лет, Рол Сакиль. Рядом с нею сидели ее муж и прелестная дочь Доля, и их присутствие как бы вдохновляло сказительницу, делая ее рассказ очень живым и выразительным.

Пока Лейнтал Эй дремал в тепле, Рол Сакиль рассказывала о Си, сыне Юлия и Искадор. Он стал главным охотником племени, и все его боялись, так как глаза его смотрели в разные стороны. Он взял в свой дом женщину из местного племени по имени Крета, или, как говорили местные, Кре Та Ден. Крета родила Си сына по имени Орфик и дочь по имени Ифилка. И Орфик, и Ифилка были сильными и здоровыми — весьма необычное явление для тех лет, когда два ребенка редко выживали в одной семье. Ифилка ушла к Сарготу — Сар Готт Дену, — который прекрасно ловил подо льдом озера милка — двурукую рыбу. Ифилка была такой здоровой, что своим пением могла раскалывать толстый лед на озере. Она родила Сарготу сына, которого называли Дресил Ден — очень известное имя, ведь Дресил стал отцом двух знаменитых братьев — Нахкри и Клилса.

При этих словах все рассмеялись. Дресил был дядей Лейнтала Эй.

Ифилка очень любила сына, ласкала и баловала его. Но это было время, когда по льду озера на санях из рога кайдава часто приезжали фагоры и нападали на поселения людей. И вот однажды и Ифилка и Саргот были убиты во время одного из нападений. Некоторые впоследствии порицали Саргота за то, что он оказался трусом или же был недостаточно бдителен и осторожен.

Сирота Дресил попал в дом к своему дяде Орфику, у которого к этому времени уже был свой сын — Юлий, или Малый Юлий. Хотя он вырос очень большим мужчиной, в

память о величии его предка он так и остался маленьким Юлием. Дресил и Малый Юлий стали неразлучными друзьями и сохранили дружбу на всю жизнь, хотя между ними случались и ссоры. Оба в юности были большими забияками и соблазняли женщин племени, пользуясь у них большим успехом. Это служило причиной многих неприятностей в племени. На этот счет можно было бы много рассказать, если бы здесь не было кое-кого.

Снова смех в комнате.

Говорят, что Юлий и Дресил были очень похожи друг на друга, у обоих были смуглые лица, орлиные носы, небольшие бородки и яркие блестящие глаза. Одевались они тоже одинаково. Враги предсказывали, что их ждет одинаковая судьба, а те более старые люди, чьи дочери пали жертвой необузданной страсти братьев, говорили, что эти двое кончат плохо, и чем скорее это случится, тем лучше. Ну а сами дочери, лежа в темноте с раскинутыми ногами, задыхаясь от наслаждения в объятиях своих любовников, прекрасно знали, чем хороши эти два брата. И хороши они по-разному. Они знали, что Дресил неистов и ненасытен в любви, а Юлий ласков, нежен как перышко, и его прикосновения доставляют наслаждение.

В этом месте рассказа Лейнтал Эй проснулся. Услышав последние слова, он удивился, как его дед, такой старый, такой сгорбленный, может доставлять наслаждение девушкам.

Рассказ продолжил следующий сказитель.

Старейшины и шаманы племени собрались вместе, чтобы решить, как наказать Юлия и Дресила за их проделки. Некоторые из них кипели гневом, когда говорили, так как в сердцах их кипела ревность. Жены их были молоды и привлекательны, и наверняка братья не обошли их вниманием. Другие были стары, и жены у них были стары, по-

этому они были спокойны и рассудительны, так как им нечего было бояться за свою собственность. (Рассказчик особенно отметил эту простую мудрость, изменив интонацию голоса, чтобы вызвать смехи своих слушателей.)

И тем не менее наказание оказалось суровым. Хотя в племени оставалось мало людей из-за болезней и нападений фагоров и оно нуждалось в охотниках, было решено, что Дресил и Малый Юлий должны покинуть селение. Разумеется, ни одной женщине не дали возможности выступить в защиту друзей.

Приговор был вынесен, и Юлию с Дресилом не оставалось ничего другого, кроме как уйти. Они стали собирать свои вещи и оружие, но тут прибыл посланец племени с восточного берега озера. Он был полумертвым от усталости. Он принес весть, что приближается большой отряд фагоров. Они убивают каждого человека, который встретится им.

Это было время двойного солнца.

Охваченные ужасом люди племени собрали свои пожитки, подожгли дома и пошли на юг. Малый Юлий и Дресил пошли с ними. Они шли, и еще долго позади них виднелись алые языки пламени с черными полосами дыма. Люди шли по реке Ворал, они шли днем и ночью, так как в это время Фреир светил и ночью. Самые лучшие охотники шли впереди и по краям, чтобы добывать пищу и предупредить об опасности. В связи с чрезвычайным положением Юлий и Дресил были на время прощены.

Племя состояло из тридцати мужчин, включая и пять стариков, двадцати шести женщин и десяти детей в возрасте менее семи лет. Пожитки были нагружены на сани, которые тащили собаки и асокины.

Прошло несколько дней путешествия. Погода была довольно мягкая. На закате к колонне вернулись Баруин и Скелит, которые ходили на разведку. Они рассказали о том, что впереди находится странный город.

— Там река встречается с замерзшим озером, и вода с ревом бурлит, стараясь взломать лед. Могучие каменные башни стоят на берегу, они так высоки, что вонзаются в

небо. — Так доложил Баруин, и это было первое описание Эмбруддока.

Баруин рассказал, что каменные башни стоят рядами и украшены отполированными черепами, чтобы отпугивать пришельцев.

Люди остановились в каменистой долине, чтобы обсудить, что же делать. Прибыли еще два охотника. Они притащили ловца животных, которого схватили, когда он возвращался в Эмбруддок. Ловца животных швырнули на землю, пинали ногами. Он рассказал, что в городе живет племя Ден. Мирное племя.

Услышав, что в Эмбруддоке живет тоже племя Ден, старики потребовали, чтобы город был обойден стороной. Но их быстро заставили замолчать. Молодые заявили, что следует немедленно напасть на город, так как нет никакой надежды, что их тут встретят дружелюбно. Женщины поддержали это требование. Им очень понравилась перспектива жить в каменных башнях.

Возбуждение росло. Ловца животных забили до смерти. Все — и мужчины, и женщины, и дети — опускали пальцы в свежую кровь и облизывали их. Они должны победить еще до того, как настанет новый день.

Тело бросили собакам.

— Мы с Дресилом пойдем в город и постараемся сделать его нашим, — сказал Малый Юлий. Он с вызовом посмотрел на окружающих. Мужчины опустили глаза. — Мы постараемся захватить его для вас. Если это у нас получится, мы будем править племенем и не будем слушать всякую чушь выживших из ума старцев. Если же мы проиграем, то можете бросить наши тела собакам.

— И, — вступил следующий сказитель, — при этих словах Малого Юлия все собаки оторвались от своей кровавой трапезы и радостно залаяли в знак согласия.

Слушатели серьезно улыбались, вспоминая эти подробности прошлого, которое было подобно сновидениям.

* * *

Теперь рассказ стал более напряженным. Люди забыли свои кружки с рателем, чтобы услышать, как братья-кузены, Малый Юлий и Дресил, хотели захватить спящий городок. С ними пошли пятеро известных храбрецов, чьи имена сохранила история: Баруин, Скелит, Малдик, Курвайн и Биг Афардл, который пал той ночью от руки женщины.

Остальные остались на месте, чтобы лай собак не испортил всего дела.

За рекой снега уже не было. Росла трава. Горячая вода фонтанами била в небо. Все было окутано горячим паром.

— Да, так и было, — прошептал кто-то из слушателей.

Женщина гнала по тропе волосатых свиней. Два голых ребенка играли возле горячего фонтана. Пришельцы наблюдали.

Они видели каменные башни. Одни развалившиеся, другие совсем новые. Городская стена совсем обрушилась. Братья были в восхищении.

Дресил и Юлий вошли в Эмбруддок. Они рассматривали каменные башни, которые сужались кверху, так что помещения верхних этажей были меньше по площади, чем помещения нижних этажей. Они видели, что домашние животные содержатся на первом этаже, пол которого поднят, чтобы разлив реки Ворал не угрожал им. Они видели отполированные и раскрашенные черепа животных, прикрепленные к стенам башен, чтобы напугать врагов. У нас ведь всегда были колдуны, не так ли друзья? А в то время колдуней была Лойл Бри.

Братья-кузены увидели двух стариков-часовых на вершине башни — этой самой башни, друзья мои. И им не потребовалось много времени, чтобы убить этих седобородых старцев. Кровь пролилась, скажу я вам.

Помните, что люди у озера говорили, что братьев-кузенов ждет одинаковая судьба? И Дресил ухмыльнулся и сказал:

— Мы будем править этим городом, брат.

Юлий посмотрел на цветок у себя под ногами, сорвал и съел его вместе с бледными лепестками.

— Хороший климат, — сказал он.

Они очень испугались, когда ударил Ежечасный Свистун — этот знаменитый гейзер, известный всем, но неизвестный тогда им. Когда они пришли в себя, то распределили свои силы в городе, чтобы встретить охотников, которые возвращались в город с добычей, ничего не подозревая.

Лейнтал Эй насторожился в этом месте рассказа. В прошлом, которое подобно сновидениям, бывало много битв, и сейчас последует рассказ об одной из них. Но сказитель заметил:

— Друзья, мы все потомки тех, кто участвовал в той битве, тех, кто уже давно ушел в страну теней. Поэтому вы все хорошо знаете те события.

И тем не менее он не мог избежать искушения и с горящими от возбуждения глазами начал рассказ.

Беззаботные отважные охотники были захвачены врасплох хитростью Юлия. Внезапно из одной из башен вырвались языки огня и повалил густой дым. Естественно, охотники побросали оружие и бросились к источнику пожара, чтобы погасить его.

Копья и камни посыпались на них с вершины соседней башни. Вооруженные пришельцы выскочили из укрытий и вонзили копья в незащищенные тела. Наши охотники скользили и падали в лужи своей крови, но все же некоторые из пришельцев тоже падали мертвыми.

В нашем городе было больше вооруженных людей, чем предполагали братья-кузены. И все они были отважными воинами. Они появлялись отовсюду. Но пришельцы дрались отчаянно. Оружие взяли даже дети — и здесь сидят некоторые из них, хотя юность их осталась далеко позади.

Пожар разгорался. Искры сыпались к небу, как бы желая поджечь его. На улицах и в переулках продолжалась резня. Наши женщины брали мечи убитых, чтобы помочь в битве живым.

Все дрались отважно. Но наглость и отчаяние победили — тем более, что многие из наших отважных воинов ушли в мир теней, чтобы воссоединиться со своими предками. Постепенно защитники города побросали оружие и с криками отчаяния убежали в темноту.

Дресил был в ярости. Он жаждал мщения — он видел, как был убит Биг Афардл — убит сзади... убит женщиной.

— Это была моя бабушка! — вскричал Аоз Рун, и смех его потряс стены. — В нашей семье всегда была отвага. Ведь мы из Эмбруддока, а не из Олдорандо.

Дресил был в ярости. Он жаждал утолить свою месть и приказал своим людям убивать каждого, кто остался жив в Эмбруддоке. Женщин согнали в помещения первого этажа этой башни, друзья. Какой ужасный день в нашей истории...

Но Юлий с помощью других людей схватил Дресила и сказал, что нельзя больше убивать. Убийство не приведет ни к чему хорошему. С этого момента все должны жить в мире, должны создать сильное племя, а чтобы племя выжило, в нем должно быть много людей.

Но эти мудрые слова ничего не означали для Дресила. Он боролся, стараясь вырваться, пока Баруин не принес ведро с холодной водой и не вылил его на голову Дресила. Тогда тот рухнул на землю и уснул мертвым сном, каким спят все после тяжелой битвы.

Баруин сказал Юлию:

— Ты тоже иди спать. Я буду сторожить, чтобы нас не застали врасплох в случае ответного нападения.

Но Малый Юлий не был способен спать. Он ничего не сказал Баруину о том, что был ранен, и голова у него была

совсем легкой. Он чувствовал, что близок к смерти, и, пошатываясь, вышел на улицу, чтобы умереть под небом Вутры. Он пошел по главной улице, где через потоки грязи пробивалась жесткая трава. Закат Фрейра был цвета этой грязи, и в этом жутковатом свете Юлий увидел собаку с набитым животом, которая отбежала от трупа поверженного врага. Юлий прислонился к каменной стене. Он тяжело дышал.

Напротив него стоял замок — тогда такой же полуразрушенный, как и сейчас. Он смотрел непонимающими глазами на украшения, вырезанные на камне. Вспомните, что в те времена, до того, как Лойл Бри кое-чему научила его, Юлий был варваром. Крыса проскочила в дверь замка. Юлий неверными шагами двинулся к замку. В ушах его стоял шум. В руке у него был меч, взятый у убитого врага. Этот меч был лучше его меча. Он был выкован из темного металла в нашей кузнеце. Держа перед собой меч, Юлий пинком ноги распахнул дверь.

В теплой темноте ворочались животные. Осмотревшись, Юлий увидел лестницу и услышал чей-то шепот.

Он медленно поднялся по лестнице и дернул за железное кольцо на двери. Над ним показалась горящая лампа.

— Кто здесь? — спросил кто-то. Мужской голос, и я уверен, вы знаете, чей это голос.

Это был Уолл Эйн Ден, лорд Эмбруддока, которого вы все хорошо помните. Вы можете представить себе его — высокого, статного, несмотря на то, что молодость его давно ушла, с длинными черными усами и без бороды. Вы помните его глаза, один взгляд которых мог осадить наглеца, его красивое лицо, которое даже в те времена заставляло многих женщин страдать по нему. Это была историческая встреча — встреча старого лорда и Малого Юлия.

Малый Юлий медленно поднялся к нему, как бы узнавая его. В комнате находилось еще несколько старцев, но они не осмелились заговорить, когда вошел Юлий, бледный, сжимающий рукоять меча.

Уолл Эйн сказал:

— Если ты дикарь, то убивать — твое ремесло. Я приказываю тебе убить меня первым.

— А чего еще вы заслуживаете, раз прячетесь в башне.

— Мы стары и бесполезны в битве. Когда-то было не так.

Они стояли друг против друга, не двигаясь.

С усилием Юлий заговорил, и ему казалось, что голос его приходит откуда-то издалека.

— Старик, почему ты оставил такой большой город без хорошей охраны?

Лорд Уолл Эйн ответил величественно:

— Так было далеко не всегда. Раньше ты и твои люди, так плохо вооруженные, встретили бы иной прием. Много столетий назад Эмбруддок был велик. Он простирался от Кзинта на севере до самого моря на юге. Тогда правил Великий Король Деннис. Но затем пришел холод и уничтожил все, что было создано нами. Сейчас нас осталось совсем мало. Только за последний год на нас несколько раз нападали белые фагоры, которые летают как ветер на своих громадных животных. Многие наши лучшие воины, включая и моего сына, погибли, защищая Эмбруддок, и теперь они опускаются в земле к первородному камню.

Он вздохнул и добавил:

— Возможно, ты прочитал слова, начертанные на стене замка, если ты конечно можешь читать. Они гласят: «Сначала фагоры, затем люди». Именно за эти слова мы казнили своих жрецов два поколения назад. И все же я теперь иногда думаю, что это пророчество может сбыться.

Малый Юлий слушал его как в трансе. Он попытался ответить, но губы не послушались его. Он почувствовал, как силы покидают его.

Один из стариков наполовину сожалел, наполовину радуясь, сказал:

— Юноша ранен.

Когда Малый Юлий шагнул вперед, старики расступились перед ним. Он увидел низкую арку, а за нею темный проход. Он уже не мог остановиться и вошел под арку, еле

волоча ноги. Вы знаете это ощущение, друзья — так ходят люди, которые напились допьяна, как мы сейчас.

В проходе было тепло и сыро. Он ощущал это тепло своим лицом. Перед ним оказалась каменная лестница. Юлий уже не понимал, где он. Все его чувства покинули его.

На лестнице появилась молодая женщина с факелом в руке. Она была прекраснее, чем небеса. Лицо ее плавало перед глазами Юлия.

— Это была моя бабушка! — гордо воскликнул Лейнтал Эй. Он слушал, весь дрожа от возбуждения, и был смущен, когда все вокруг рассмеялись.

В то время эта достопочтенная леди даже не подозревала о том, что когда-нибудь на свет появится некий Лейнтал Эй. Она смотрела на Малого Юлия расширенными от страха глазами и что-то говорила, но он ничего не понимал.

Он попытался ответить ей, но слова не смогли выйти из рта. Колени его подогнулись, и он опустился на пол. Он потерял сознание, и все вокруг были уверены, что он умер.

И в этом захватывающем месте сказитель уступил право рассказа следующему, старому охотнику, который продолжил повествование в менее драматических тонах.

Судьба Юлия была в руках Вутры, и тот проявил милость к Юлию — сохранил ему жизнь. И пока его браткузен излечивался от раны, Дресил взял управление в свои руки. Я уверен, что Дресилу было очень стыдно за свою кровожадность, и теперь он вел себя как вполне цивилизованный человек. Ведь он находился среди нас, цивилизованных людей. Он, может быть, вспомнил о мягкости ха-

рактера своего отца, Сар Готта, и нежности своей матери, Ифилки, которые были убиты ненавистными фагорами. Он занял верх башни Праста, где мы хранили запасы соли, и отдавал оттуда приказы как настоящий вождь, пока Юлий лежал больной.

Многие из нас в то время, включая и меня, ненавидели Дресила, как захватчика. Его приказы мы ненавидели. Но все же, когда поняли его добрые намерения, мы стали сотрудничать с ним, помогать ему. Тогда мы, жители Эмбруддока, были деморализованы. Дресил вернул нам наш боевой дух и создал систему обороны.

— Он был великий человек, мой отец, и я изобью любого, кто плохо отзовется о нем! — крикнул Нахкри, вскакивая с места и потрясая кулаками. Он вскочил так стремительно, что мог опрокинуться назад, если бы его брат не поддержал его.

Никто не предпринимал ничего против Дресила. С вершины своей башни он обозревал наши земли на севере, откуда пришел он, на юге, где вверх били струи воды — наши гейзеры и горячие источники. Особенно его поразили наш знаменитый Свистун, каждый час выбрасывающий в небо струю воды и свистящий при этом как тысяча демонов.

Помню, он расспрашивал меня о гигантских цилиндрах, рассеянных тут и там на равнине. Он никогда раньше не видел раджабаралов. Они казались ему башнями магов, сделанными из странного дерева. Хотя он и не был дураком, он не понял, что это деревья.

Однако он был человеком действия, а не созерцателем. Он приказал, чтобы люди племени замерзшего озера распределились для житья по разным башням. Здесь он проявил мудрость, которой мы все должны следовать, Нахкри. Хотя многие были недовольны, Дресил настаивал, чтобы оба племени жили вместе. Любые ссоры были запрещены,

и вся добыча честно делилась между всеми. Именно поэтому наши племена постепенно стали одним.

Он провел подсчеты населения. Хотя сам он не умел считать, ему помогли наши воины. В нашем племени насчитывалось: сорок один мужчина, сорок пять женщин и одиннадцать детей до семи лет. В племени пришельцев было шестьдесят один человек. Так что в объединенном племени оказалось сто пятьдесят восемь человек. Хорошая цифра. Я был рад, что наконец-то жизнь вошла в обычную колею. После всех этих смертей.

Я сказал Дресилу:

— Тебе понравится у нас, в Эмбруддоке.

— Теперь этот город называется Олдорандо, мальчик, — ответил он, и я до сих пор помню его взгляд, как он посмотрел на меня.

— Давайте побольше о Юлии! — сказал кто-то, рискуя вызвать гнев Нахкри и Клилса. Охотник сел, отдуваясь, и его место занял молодой мужчина.

Малый Юлий медленно оправлялся от раны. Однако он уже начал выходить и совершал с братом-кузеном небольшие прогулки, чтобы осмотреть ту землю, где им теперь предстояло жить, охотиться и защищаться.

Вечерами они беседовали со старым лордом. Он пытался посвятить их в историю Эмбруддока, но она мало их интересовала. Он рассказывал им о той жизни, которая была здесь до того, как первые примитивные люди облюбовали это место из-за тепла и построили первые башни из глины и дерева. Но шло время, и камень заменил глину. И этот камень пережил столетия. Между башнями проложены подземные ходы, но раньше их было больше. Сейчас многие завалены.

Он рассказал им, что раньше Эмбруддок был сильным благородным городом, и его жители правили территорией в тысячи миль. Тогда никто не боялся фагоров.

Юлий и Дресил часто приходили к старому лорду, слушали его, хмурились, спорили, но всегда относились к нему почтительно. Они расспрашивали о гейзерах, которые дают нам тепло, и наш старый лорд рассказал им о Свистуне, нашем символе вечной надежды.

Он рассказал, что Свистун извергает струю каждый час со времени сотворения мира. Это наши часы, разве не так? Нам не нужны светила на небе для отсчета времени.

Свистун помогает нашим ученым вести записи. Братья-кузены были удивлены, когда узнали, что для нас каждый час состоит из сорока минут, а каждая минута из ста секунд, что день содержит двадцать пять часов, а в году четыреста восемьдесят дней. Мы знаем это с самого детства. Также они узнали, что сейчас идет 18 год — столько лет правит Эмбруддоком наш старый лорд. Ничего этого, без чего не может жить цивилизованное племя, не существовало на замерзшем озере.

Я, конечно, ничего не хочу сказать против братьев-кузенов. Хотя они были варвары, но быстро поняли нашу систему гильдий. У нас семь гильдий, каждая из которых занимается своим делом. И лучшая из гильдий — гильдия кузнецов, к которой я принадлежу. Руководители каждой гильдии входят в совет лорда, хотя, по моему мнению, от гильдии кузнецов, как наиболее важной, должно присутствовать два представителя.

Под общий смех по кругу пронесли еще одну кружку рателя, и женщина средних лет продолжила рассказ.

Я расскажу вам нечто более интересное, чем ученые записи и отсчет времени. Вы спросите, как жил Юлий после того как немного оправился от раны. Хорошо, я скажу несколько слов. Он пал жертвой любви — и эта рана была похуже, чем рана, полученная в бою, потому что бедняга так никогда и не излечился от нее.

Наш старый лорд Уолл Эйн хранил и воспитывал свою дочь Лойл Бри Ден так, чтобы зло не коснулось ее. Он выжидал до тех пор, пока не убедился, что пришельцы совсем не плохие люди. В те времена Лойл Бри была очень красива, с хорошо развитой фигурой. И у нее была очень соблазнительная походка, которую многие из вас еще помнят. И одного взгляда на нее было достаточно, чтобы мужчина потерял голову. И вот однажды наш старый лорд представил ее Малому Юлию.

Юлий уже один раз видел ее. В ту ужасную ночь после битвы, когда он чуть не умер от раны. Лойл Бри была черноглазой красавицей с кожей цвета слоновой кости и губами, форма которых походила на крыло птицы. Она намного превосходила по красоте всех женщин племени озера Дорзин. Ее бархатная кожа как будто светила изнутри нежным пламенем, а капризно изогнутые губы сводили с ума любого. Честно говоря, я была похожа на нее, когда была помоложе.

И вот такой была Лойл Бри, когда Юлий впервые увидел ее. Она была величайшим чудом нашего города. И Юлий был потрясен. Он потерял голову. Он стал искать любого случая, чтобы побыть с нею — либо на улице, либо в ее комнате, в этой башне, где она и сейчас живет. Она как будто поразила его болезнью. Он не мог контролировать себя в ее присутствии. Перед нею он пытался представить себя сильным, смелым, умным — но получалось все время так, что выглядел настоящим дураком. Многие мужчины ведут себя в подобных случаях именно так.

Что касается Лойл Бри, то она сидела спокойно, как красивая кукла, наблюдая, улыбаясь, сложив руки на коленях. Нечего и говорить, она сводила его с ума. Она одевалась в длинное тяжелое платье, украшенное птичьими клювами, а не в меха, как большинство из нас. Правда, я слышала, что нижнее белье у нее из меха, но Малый Юлий никогда не говорил об этом. Мне нравились ее платья. Они были очень необычны...

А речь ее была полна поэзии и загадок. Юлий никогда не слышал подобного от женщин с озера Дорзин. Это оча-

ровывало его. Он хвастался все больше. Он что-то говорил о том, какой он охотник, когда она сказала, — а вы знаете ее музыкальный голос:

— Мрак окружает нас всю жизнь. Как ты полагаешь, нам нужно игнорировать его или исследовать?

Он только раскрыл рот от удивления, глядя на нее, такую прекрасную, такую возбуждающую в своем красивом платье, украшенном птичьими клювами. Он спросил:

— В твоей комнате темно?

И она рассмеялась над ним.

— Как ты думаешь, Юлий, какое самое темное место во Вселенной?

Бедный дурачок, он сказал:

— Я слышал, что есть город Панновал, расположенный под землей. Там всегда темно. Мой великий предок пришел оттуда. Но я не верю, что такой город существует. Это просто легенда.

Лойл Бри рассматривала свои пальцы и ногти, которые были похожи на птичьи клювы, которыми было украшено ее платье.

— Я считаю, что самое темное место во Вселенной находится внутри черепа человека.

Он был подавлен. Опять она выставила его дураком. Впрочем, нельзя насмехаться над мертвым. Правда, он был слишком мягок...

А Лойл Бри все продолжала ставить его в тупик.

— Ты когда-нибудь думал о том, что мы знаем гораздо больше, чем можем высказать? Не так ли? — Она помолчала. — Как бы мне хотелось иметь рядом человека, которому я могла бы высказать все, с которым могла бы пуститься в плавание по морю жизни, с которым я могла бы поднять темный парус... — Не знаю, что она еще говорила ему.

Но он не спал целые ночи, думая об этой волшебной женщине, о ее красоте, о ее тревожащих душу словах: «...с которым могла бы пуститься в плавание по морю жизни...». Как бы ему хотелось пуститься с нею в плавание по этому морю, каким бы оно ни было.

* * *

— Ну, хватит этой женской чепухи! — воскликнул Клилс, вставая. — Отец говорил, что она околдовала Юлия. Отец также рассказывал о том, как много сделал Юлий хорошего до того, как она превратила его в идиота.

И он стал рассказывать дальше.

Малый Юлий, пока приходил в себя после раны, изучил каждый дюйм Олдорандо. Он изучил его расположение с большой башней в одной стороне главной улицы и старым замком в другой стороне. А между ними стояли дома женщин и охотников по одной стороне улицы и дома гильдий по другой стороне. Дальше простирались развалины. Он изучил систему обогрева наших башен — трубы в стенах, по которым текла горячая вода из источников. Такие башни сейчас мы уже не смогли бы выстроить.

Когда он изучил расположение города, он понял, как все нужно сделать. С помощью моего отца Юлий спланировал систему укреплений, которая могла бы защитить город от нападений фагоров. Вы слышали, как люди строили огромный холм, окруженный рвом и с плоской площадкой наверху. Это была хорошая идея, хотя на постройку было затрачено много сил. Там были выставлены регулярные посты наблюдения, которые существуют и сейчас. Это сделали Юлий и мой отец. В случае опасности часовые должны были трубить тревогу: там находились трубы для этого.

После обеспечения защиты мой отец и Юлий занялись обеспечением города пищей. Дресил, мой отец, стал выводить специальных охотничьих собак, а всякую малопригодную для этого шваль прогнали из города. С хорошо выученными собаками охота стала быстрее и удачнее.

Что еще? Расширение гильдий. В каждую из существующих гильдий вошли люди из пришельцев. Ведь теперь требовалось и больше посуды, и больше оружия. Каждый работал для общего блага. Никто не голодал. Мой отец ра-

ботал до самой смерти. Хотя вы теперь и пьяны, но вы должны вспоминать и моего отца, когда вспоминаете о его брате. Мой отец был лучше Юлия. Лучше! Лучше!

Бедный Клилс расплакался. Среди слушателей начались раздоры. Одни плакали, другие смеялись, третьи бросились в драку. Аоз Рун, пошатываясь от выпитого рателя, сгреб в охапку Лейнтала Эй и Ойру и отнес их в постель.

Сквозь пьяный туман он смотрел в их сонные лица и пытался думать. Где-то в течение рассказа о прошлом, которое было сном, решилось будущее Олдорандо...

Глава III ПРЫЖОК С БАШНИ

После похорон Юлия и празднования по этому поводу все вернулись к обычным делам и заботам. И слава и бесчестье прошлого были забыты ради настоящего. Забыты всеми, кроме Лейнтала Эй и Лойланнун. Им напоминала прошлое Лойл Бри, которая, когда не плакала, вспоминала дни своей молодости, счастливые дни.

Ее комната все еще была убрана коврами старинной выработки, под полом в трубах журчала горячая вода, окно сверкало зеркальным блеском. Здесь пахло ароматными маслами, притираниями, пудрой. Но в ней уже не было Юлия. Лойл Бри внезапно резко состарилась. И она вспоминала... вспоминала.

Задолго до рождения Лейнтала Эй, в те времена, когда расцветала любовь Лойл Бри и Малого Юлия, происходили события, которые наложили отпечаток и на судьбу Лейнтала Эй и на судьбу самого Эмбруддока.

Полностью оправившись от раны, Малый Юлий взял в жены Лойл Бри. Свадебная церемония как бы символизировала собой окончательное объединение двух племен. Бы-

ло решено, что старый лорд Уолл Эйн, Дресил и Малый Юлий будут править Олдорандо как равноправный триумvirат. И все работали честно, так как от этого зависело, выживет ли племя в борьбе с суровой действительностью.

Дресил взял себе в жены тоненькую девушку, дочь оружейника. У нее был певучий голос и томный взгляд. Звали ее Дли Хойн Ден. Сказители никогда не говорили о том, что Дресил довольно быстро разочаровался в своей жене. Они не говорили и о том, что основную роль в том, что Дресил взял ее в жены, сыграло то, что это была девушка чужого племени, а ему хотелось поскорее узнать, отличаются ли девушки нового племени от их девушек. Его влекла новизна и неизвестность. Однако он, в отличие от Юлия, хорошо понимал, что ключ к выживанию племени лежит в совместных усилиях людей, и поэтому перестал жить для себя.

Дли Хойн родила ему двух сыновей — Нахкри и, через год, Клилса. Хотя Дресил мог проводить мало времени с ними, он очень любил их, распространив на них ту сентиментальную любовь, которой ему так не хватало после смерти Ифилки и Сар Готта. Он много рассказывал сыновьям и их друзьям о великом предке Юлии, жреце из Панновала, который победил старых богов, даже имена которых теперь забыты. Дли Хойн тоже дала им начатки кое-каких знаний, но она сама знала немного. Оба мальчика стали прекрасными охотниками под руководством отца.

Малый Юлий, как бы для того, чтобы посрамить тех, кто предрекал обоим братьям одинаковую судьбу, вел совсем иную жизнь. В то время как Дресил полностью посвятил свою жизнь обществу, Юлий погрузился в себя.

Под влиянием Лойл Бри Юлий становился все мягче, охотился все меньше и меньше. Он чувствовал, что племя недолюбливает Лойл Бри за ее экзотические идеи, и постепенно сам отдалился от общества. Он сидел в большой башне и предоставил жизненным бурям проноситься мимо. Его жена и ее старый отец учили его тому, что всегда было покрыто тайной — о том, каким мир был в прошлом.

И случилось то, о чем говорила Лойл Бри: он пустился в море бесед под темным парусом Лойл Бри и вскоре потерял берега жизни из виду.

Что же касается нижнего мира, то как-то Лойл Бри сказала Юлию, глядя на него своими блестящими глазами:

— Мой милый, ты хранишь в своей памяти своих родителей. Иногда ты даже можешь увидеть их так ясно, как будто они все еще живут на земле. Своим воображением ты можешь возродить тот мир, в котором они жили. Однако у нас есть возможность прямого общения с теми, кто давно ушел в другой мир. Ведь они все еще живут и погружаются вниз к первородному камню. Мы можем нырнуть к ним, как рыба ныряет на дно реки.

Юлий ответил ей:

— Я был бы рад поговорить со своим отцом Орфиком теперь, когда стал взрослым. Я бы рассказал ему о тебе.

— Мы также храним память о наших родителях и родителях наших родителей, которые имели силу великанов. Ты видишь каменные башни, в которых мы живем? Сейчас мы уже не можем построить таких башен. Ты чувствуешь, как горячая вода в трубах обогревает наши башни? Мы уже не можем сделать этого. Хотя наши предки давно покинули нас, они еще существуют в мире теней.

— Научи меня этому, Лойл Бри.

— Ты мой возлюбленный, и у меня слабеют колени, начинает учащенно биться сердце, когда я ощущаю твою плоть. Поэтому я научу тебя говорить с твоим отцом, а через него со всеми твоими соплеменниками, когда-либо жившими на свете.

— Может я смогу поговорить и с моим великим предком, Юлием из Панновала?

— В наших детях смешаются два наших племени, мой любимый. Ты поговоришь с Юлием, и его мудрость смешается с нашей. Ты великий человек, мой любимый, а не про-

стой охотник, как эти идиоты в городе. И ты станешь еще более великим после беседы с первым Юлием.

Лойл Бри очень заботилась о Юлии. Она хотела вселить в него большую любовь, хотела подчинить его своей власти, так как понимала, что он будет служить ей защитой от соплеменников, которые явно будут недовольны той праздной жизнью, которую ведет она.

Юлий же очень любил эту беззаботную, но очень умную женщину; он позволял ей окружать себя всеми теми странными устройствами и согласился на то, чтобы она научила его тому, что узнать сам он не мог.

Лойл Бри пригласила ученую старуху и ученого старика. С их помощью она обучала Юлия искусству общаться с предками. Юлий полностью забросил охоту. Другие охотники приносили ему пищу. Он научился впадать в транс, надеясь в этом состоянии встретиться с призраком своего отца и через него поговорить с другими тенями, медленно погружающимися к первородному камню, от которого начался мир.

Юлий на протяжении долгого времени очень редко выходил из башни. Такое поведение, странное для мужчины, казалось загадкой жителям Олдорандо.

Лойл Бри, когда была девочкой, много бродила по окрестностям Олдорандо, и она хотела, чтобы и Юлий увидел древние каменные знаки, отмечающие границы.

Она наняла седого угрюмого человека по имени Азур Тал Ден. Азур Тал был дедом Шей Тал, которой будет суждено сыграть немаловажную роль в будущем. Лойл Бри приказала Азур Талу отвести Юлия на северо-восток от Олдорандо. Там она когда-то стояла, наблюдая, как день переходит в сумерки, а сумерки — в короткую ночь. Она ощущала, как пульс мира бьется вокруг нее.

И вот Азур Тал повел Юлия. Была ранняя весна, когда Беталикс один поднимался на небо и оставался там все меньшее и меньшее время, по мере того как сокращался день. Дул ветер, но небо было чистым и светлым. Хотя Азур

Тал был стар и согбен, он шел быстрее, чем Юлий, который давно был без тренировок. Он заставил Юлия игнорировать далекий вой волков. Он показал ему каменные столбы, подобные тем, что были возле озера Дорзин. На столбах была высечена эмблема — кольцо с двумя линиями, проходящими через центр. Звенящим голосом он объяснил смысл.

Это символ того, что мощь излучается из центра к периферии, подобно тому, как могущество передается от предков к потомкам, от призраков и теней к живым. Столбы обозначают земные октавы. Октавы простираются далеко, до самого моря. Люди живут счастливо в своих октавах. Каждый мужчина или женщина, каждый живущий на этом свете, родился под своей определенной октавой. И только если человека похоронят в его собственной октаве, он, уже в виде призрака, может общаться со своими живыми предками. А их дети, когда придет время, тоже должны лечь в землю в правильной октаве.

Своей старой скрюченной рукой Азур Тал обвел вокруг себя, показывая холмы и долины.

— Помни это простое правило, и общение с предками откроется тебе. Слово становится все слабее, как эхо в горных долинах, от одного поколения к следующему, так как количество мертвых во много раз превосходит количество живых.

Малый Юлий смотрел на пустынные горы, и им постепенно овладело сильное отвращение к этим поучениям. Ведь совсем недавно все его интересы были направлены на живых и он ощущал себя свободным.

— У живых нет общих путей с мертвыми, — тяжело сказал он. — Наше место здесь, мы должны идти по земле.

Старик гневно фыркнул, схватил его за рукав и показал на землю, вниз.

— Конечно, ты можешь так думать. Но правило существования гласит, что наше место и на земле, и там, под землей. Мы должны учиться использовать призраки для своей пользы, как мы используем зверей.

— Мертвые должны оставаться на своем месте.

— О, конечно... И ты когда-нибудь сам умрешь. А кроме того, хозяйка Лойл Бри хочет, чтобы ты научился этому. Разве нет?

Юлию очень хотелось крикнуть, что он ненавидит мертвых, что ему ничего не нужно от них.

Но он прикусил губу и промолчал. Вот так он пропал.

Хотя он подробно изучил весь ритуал общения с мертвыми, он так и не смог переговорить со своим отцом Орфиком, а тем более, с первым Юлием. Мертвецы не отвечали. Лойл Бри объяснила это тем, что они были похоронены не в тех октавах. Никто не понимает до конца подземного мира. Чтобы проникнуть в эти тайны, он, Юлий, должен полностью подчиниться власти своей жены.

Все это время Дресил работал для общества, сотрудничая со старым лордом. Но он не переставал любить Юлия и даже послал своих сыновей поучиться тому, что знает эта их странная загадочная тетка. Однако он не позволил им остаться долго в обучении. Он опасался, чтобы она их не околдовала.

Через два года после того как у Дреси́ла родился Накри, Лойл Бри подарила Юлию девочку. Ее назвали Лойланнун. Девочка была рождена в той же самой башне.

Лойл Бри с помощью Юлия подарила девочке — и всему Олдорандо — новый календарь.

За долгое время существования Эмбруддок имел много календарей. Из трех старых календарей самым известным был календарь по лорду. Он просто отсчитывал года со времени похорон последнего лорда. Два других были более сложными, и ими почти не пользовались. Причем один из календарей считался зловещим — и именно поэтому он не был полностью забыт. Второй календарь использовал для исчисления слишком большие числа и был непонятен никому, кроме самих ученых людей.

По этим старым календарям, Лойланнун родилась в 21, 343 и 423 годах соответственно. Теперь же было сказано, что она родилась в год Третий После Объединения. Следовательно, года теперь нужно отсчитывать от того момента, когда объединились Олдорандо и Эмбруддок.

Население приняло этот подарок с тем же самым стоицизмом, с каким оно приняло весть о приближении банды фагоров.

Однажды перед заходом Беталикса, когда облака были густыми, как слизь, зазвучали горны часовых на восточной башне. И тут же в городе поднялась тревога. Дресил приказал всем женщинам запереться в женской башне. Мужчины, полностью вооруженные, собрались у баррикад. Оба его маленьких сына были рядом с ним и с дрожью смотрели в сторону поднимающегося второго солнца.

И в сером предвечернем сумраке вдали показались рога.

Фагоры предприняли массированную атаку. Среди них были двое верхом на кайдавах — рогатых лошадях, покрытых густым коричневым мехом, способным противостоять любой стуже.

Когда фагоры ввязались в бой у баррикады, Дресил приказал одному из своих людей открыть дамбу, с помощью которой задерживалась горячая вода гейзера. Фагоры ненавидели воду. И теперь жидкая грязь широким потоком ринулась на них, принося смятение в их ряды. Многие охотники бросились вперед, чтобы воспользоваться этим смятением.

Один из кайдавов поскользнулся в жидкой грязи, копыта его разъехали, и он рухнул на землю. Копье охотника пробило его сердце. В панике другой кайдав совершил чудовищный прыжок, какого еще никогда не видели люди: он перескочил баррикаду и оказался среди людей.

Охотники забили кайдава дубинками до смерти и взяли в плен его всадника. Остальных фагоров они закидали камнями, и те с позором бежали. Среди защитников города погиб только один охотник. Бой закончился. Все устали до смерти. Многие погрузились в воды горячих источников, чтобы восстановить свои силы.

Это великая победа объединенных племен, объявил Дресил. Он расхаживал, охваченный возбуждением, среди людей. Лицо его светилось триумфом. Он кричал, что теперь они одно племя, скрепленное кровью. И следовательно, они должны жить друг для друга, работать друг для друга. И тогда наступит всеобщее процветание. Люди слушали его. Многие мужчины лежали, отдыхая после изнурительной битвы. Это был год Шестой.

У кайдава было вкусное мясо. Дресил решил этой ночью устроить праздник. Тушу кайдава сварили в воде источника, а затем подвесили над костром жариться. На площадь выкатили бочки с вином и рателем, чтобы отпраздновать победу.

Дресил произнес речь, за ним сказал свое слово старый лорд Уолл Эйн. Зазвучали песни. Человек, охраняющий рабов, вывел на площадь пленного фагора.

Ни у кого из присутствующих в этот вечер на площади не было и мысли о пощаде. Люди всегда сражались со своими извечными врагами, и теперь каждый хотел отпраздновать победу. А праздник включает в себя и казнь пленника.

Жители Олдорандо понятия не имели о том, какое исключительное положение занимает их пленник среди представителей расы анципиталов и какие огромные последствия для их потомков и всей этой местности вызовет его смерть.

Все умолкли, когда на площадь вышел пленник, глядя на всех красноватыми глазами. Руки его были связаны за спиной. Ноги тяжело ступали по земле. В наступающем сумраке он казался огромным. Это было чудовище из всех их ночных кошмаров, покрытое белым мехом, запачканным грязью и кровью. Он стоял, с вызовом глядя на своих пленителей. Его голова, увенчанная двумя длинными рогами, была гордо поднята.

Это чудовище было экипировано необычным образом. Нижняя часть туловища была прикрыта шкурой зверя, колени и запястья стянуты кожаными ремешками. Элегантные заостренные рога были украшены металлическими наконечниками. Это делало его череп похожим на боевой шлем.

Баруин шагнул к нему и сказал:

— Посмотрите, кого мы захватили! Это же вождь. Судя по его виду, он вождь большого племени. Посмотрите на него, молодые воины. Перед вами тот самый враг, с которым мы воюем не на жизнь, а на смерть.

Многие молодые охотники вышли вперед и стали с любопытством рассматривать чудовище. Он стоял не двигаясь, но затем чуть шевельнул рукой. Все отпрянули назад.

— Фагоры собираются в большие стада, называемые племенами, — объяснил Дресил. — Многие фагоры говорят по-олонецки. Они берут людей в плен и даже иногда съедают их. Этот двурогий — вождь и прекрасно понимает, что мы говорим. Разве нет? — обратился он к фагору, ударив его по плечу. Тот холодно посмотрел на него.

Старый лорд, стоя рядом с Дресилом, заговорил:

— Насколько я знаю, самцов фагоров называют сталлуны, а самок — гиллоты или филлоки. И самцы, и самки на равных правах участвуют в нападениях. Это создания тьмы и холода. Твой великий предок Юлий предупреждал о том, что они приносят болезни и смерть.

Затем заговорил фагор на олонецком языке. Голос его был хриплым и грубым.

— Всех вас, сынов Фреира, сдует ветром еще до того, как грянет окончательная буря. Этот город, этот мир — все принадлежит нам, анципиталам.

Женщины в толпе были в ужасе. Они стали кидать камни в фагора с криками:

— Убейте его! Убейте его!

Дресил поднял руку.

— Тащите его на вершину башни, друзья! Затащим его на башню и сбросим оттуда.

Все закричали радостно, и тотчас же охотники схватили сопротивляющегося фагора и потащили его к ближайшей башне. Женщины кричали, махали руками, дети путались под ногами взрослых.

Среди детей были и два сына Дресила — Нахкри и Клилс. Они проворно пробрались среди ног взрослых и

оказались возле правой ноги фагора, которая поднималась подобно волосатой колонне у них перед глазами.

— Дотронься до нее.

— Нет, давай ты.

— Ты боишься, трус!

— Сам трус!

Они дотронулись до ноги одновременно.

Мощные мускулы ходили под волосатой кожей. Нога поднялась и из грязи показалась трехпалая ступня.

Хотя эти чудовища смогли освоить олонецкий язык, они все же были далеки от людей. Старые охотники знали, что над легкими в теле фагора находятся внутренние органы, которых нет у человека. А если внимательно посмотреть на их походку, то можно понять, что все суставы рук и ног позволяют сгибать руки в локтях и ноги в коленях под самыми невообразимыми углами. Одного этого было достаточно, чтобы вселить ужас в сердца двух мальчишек.

Какое-то мгновение они были в контакте с неведомым. Отдернув руки, как будто от ожога, хотя температура тела фагоров ниже, чем у людей, два подростка посмотрели друг на друга перепуганными глазами.

Затем они бросились бежать и уткнулись лицами в подол Дли Хойн. А Дресил и охотники тащили фагора дальше.

Как чудовище ни сопротивлялось, его втащили в башню и поволокли по лестнице. Люди, оставшиеся на площади, прислушивались к крикам в башне. И затем крик радости вырвался у них, когда они увидели на крыше первого охотника. И вот уже появился фагор. Вопли были еще громче.

— Бросайте его вниз! — кричала толпа, единая в своей кровожадности.

Вождь фагоров отчаянно боролся за свою жизнь. Он закричал, когда почувствовал удары кинжалов. Затем, как бы поняв, что борьба бессмысленна, он прыгнул на парапет и посмотрел вниз, на толпу.

Последним усилием ярости он разорвал узлы и прыгнул далеко от башни. Толпа поздно сообразила, что ей уг-

рожает опасность. Огромное тело упало на площадь и придавило собой трех человек. Раздался крик ярости и ужаса.

И даже теперь ужасное животное не погибло. Оно поднялось на сломанных руках, чтобы встретить удары карающих мечей. Каждый старался ударить его, пронзить мечом толстую шкуру, тугую плоть. Фагор еще долго сопротивлялся, пока все вокруг не было залито его густой желтой кровью.

В то время, когда происходили все эти жуткие события, Юлий находился в башне вместе с Лойл Бри и дочерью. Он сначала хотел отправиться на битву, но Лойл Бри закричала, что чувствует себя плохо и не может оставаться одна. Она схватила его, стала целовать в губы и не позволила ему уйти.

После этого Дресил почувствовал презрение к своему кузену. Однако он не пошел и не убил его, хотя ему этого очень хотелось, ведь времена были дикие. Но он вспомнил, как его удержали, когда он хотел убивать людей племени Эмбруддока, а ведь тогда не было бы объединения. Но когда его сыновья будут править, это будет забыто.

Это долготерпение Дресила, основанное на детской дружбе, завоевало ему еще больше уважения со стороны племени. Однако то, что Малый Юлий не участвовал в сражении, сослужило ему хорошую службу в дальнейшем.

Сразу же после того как улеглись волнения, вызванные нападением фагоров, на племя обрушилось новое испытание. Таинственная болезнь охватила половину населения Олдоррандо. Первыми заболели те охотники, которые тащили фагора на башню. Долгое время охотиться было некому. Поэтому были съедены все домашние животные и птицы. Несколько человек умерли от лихорадки и были с сожалением отправлены в нижний мир. Юлий, Лойл Бри и их дочь избежали болезни.

Большим сделали кровопускание, болезнь отступила, и вскоре жизнь вошла в обычную колею. Но среди людей распространился слух о болезни, которой можно заразиться от фагоров.

* * *

Климат по-прежнему неблагоприятствовал человечеству. Холодные ветры проносились по земле, заставляя людей кутаться во все, что можно натянуть на себя.

Два светила, Фреир и Беталикс, восходили и заходили как обычно. Свистун регулярно отмечал течение времени выбросами горячей воды и оглушительным свистом.

Полгода Фреир и Беталикс были на небе одновременно, но затем постепенно отдалились друг от друга, и Фреир стал властвовать днем, а Беталикс ночью. Теперь день стал мало отличаться от ночи, а ночь была настолько светлой, что ее можно было назвать днем. А затем светила соединились вновь. Дни стали светлыми, а ночи, как им и полагается, темными.

Именно в такое время, когда только холодные звезды смотрели сверху вниз на Олдорандо, когда тьма и холод были особенно глубоки, умер старый лорд Уолл Эйн. Он спустился в нижний мир, чтобы самому стать призраком и погрузиться вниз, к первородному камню.

Прошел год, затем еще один. Дети выросли, взрослые старились. Под мудрым правлением Дресила население города увеличивалось, солнца вершили свой небесный путь, исправно выполняя свои обязанности.

Хотя Беталикс по размеру был больше, он давал меньше света и тепла, чем Фреир. Беталикс был стар и немощен, Фреир же молод и энергичен. Ни один человек не мог бы с уверенностью утверждать, что Фреир вырастет, становится мужчиной. Но это говорили легенды. Человечество из поколения в поколение страдало от холода — но жило в надежде, что там, наверху, победит Вутра и поддержит Фреир.

В этих легендах таились ростки истины, как в цветочной луковице таится сам цветок. Поэтому люди, не имея знания, все же знали.

Что же касается зверей и птиц, то они были более чувствительны к флуктуациям магнитного поля земли, чем люди. И они тоже знали, не имея знания. Их чувства гово-

рили им, что изменения в климате уже начались, перемены совсем рядом. Предчувствие этого было разлито во всем: в воздухе, в земле, в воде, во всей биосфере.

А высоко в стратосфере летал маленький, существующий сам по себе мир, созданный из металла. С поверхности Гелликонии этот мир казался маленькой звездочкой, быстродвигающейся по небу.

Это была Земная Станция Наблюдения Аверн.

Аверн наблюдал за двойной системой звезд Фреир-Беталикс, а также за планетой Гелликония. Все население Аверна занималось тем, что изучало Гелликонию, и делало оно это уже более, чем длится один Великий Год Фрейра — или Звезды А, как он именовался на Станции.

Гелликония представляла собой большой интерес для людей Земли — особенно в этот период. Гелликония вращалась вокруг Беталикса — или Звезды В, с точки зрения Станции. Оба солнца и планета сейчас начинали двигаться по своим орбитам быстрее. Пока что планета была еще на большом расстоянии от солнц, но это расстояние уменьшалось с каждым днем.

Гелликония уже была в нескольких столетиях от апоастра — самой холодной, самой удаленной точки орбиты. Теперь на Станции Наблюдения люди каждый день отмечали нарастающий градиент температуры — положительный градиент.

Глава IV

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ТЕМПЕРАТУРНЫЙ ГРАДИЕНТ

Дети становятся такими же, как их родители, или же идут по другому пути. Лейнтал Эй рос, зная, что его мать — спокойная женщина, погруженная в мысли, как и ее мать и отец. Но Лойланнун была такой не все время. Сна-

чала она вела себя совсем по-другому, пока жизнь не нанесла ей удар.

В юности она отвергла ту жизнь, которую вели Лойл Бри и Юлий. Она разругалась с ними, заявив, что ей ненавистна сама атмосфера их комнаты, что ей совсем не хочется жить с ними. И после ужасной ссоры она ушла от них жить в соседнюю башню.

Работы в племени было много, и Лойланнун достигла больших успехов в пошиве кожаной обуви для охотников. Тут она и встретила того, кто будет носить обувь, сшитую ею, и влюбилась в него. Она только-только вышла из возраста юности. Она ходила с ним в те ясные ночи, когда никто не может спать, и мир для нее был полон счастья и красоты, какой она никогда раньше не замечала. И она стала его женщиной. Она отдала бы жизнь за него.

Он взял с собой Лойланнун на оленью охоту. Когда-то Дресил запретил женщинам ходить на охоту, но теперь он стал стар и позабыл многие свои запреты и установления. Охотники на оленей в узком ущелье повстречались со стунжебагом. Прямо на глазах Лойланнун ее муж был повергнут на землю и пронзен острым рогом чудовища. Он умер до того, как его привезли в город.

Лойланнун с разбитым сердцем вернулась к родителям. Они тепло приняли ее, заботились о ней. И пока она лежала в ароматном полумраке, в ее чреве созревала жизнь. Она и сейчас помнила ту радость, которая владела ею, когда пришло ее время и она родила сына. Она назвала его Лейнтал Эй, и ее родители приняли это имя. Это была весна года Тринадцатого После Объединения, или 31-го по старому календарю Лордов.

— Он будет жить в лучшем мире, — сказала Лойл Бри дочери, глядя на внука блестящими глазами. — Легенды говорят, что настанет время, когда раджабаралы раскроются и воздух согреется теплом земли. Пищи будет много, снег исчезнет, люди будут ходить раздетыми. Как я мечтала об этом времени! Лейнтал Эй сможет увидеть его. Как

бы я хотела, чтобы он был девочкой — девочки все видят и ощущают сильнее, чем мальчики.

Ребенок любил смотреть в стеклянное окно комнаты. Это было единственное окно в Олдорандо, хотя Юлий утверждал, что раньше все окна были такими, но теперь они все разбиты. Шли год за годом, и Лойл Бри и Юлий отрывали глаза от древних бумаг только для того, чтобы посмотреть, как окно окрашивается то в розовый, то в оранжевый, то в алый цвет, в зависимости от того, что было на небе — закат или восход Фреира или Беталикса. Затем цвета на стекле умирали, на землю опускалась ночь.

С глубокой древности сюда регулярно являлись чилдримы, трепеща крыльями над башнями Олдорандо. Это были те же самые чилдримы, которых ощущал первый Юлий в своих скитаниях по белой пустыне.

Чилдримы являлись только по ночам. Они рассыпали свои перья, словно искры, медленно кружа и махая единственным крылом. Но может это было и не крыло? Когда люди выбегали на улицу, чтобы увидеть их, очертания чилдримов расплывались. Никто не мог увидеть их ясно и отчетливо.

Чилдримы приносили странные мысли в разум людей. Юлий и Лойл Бри, лежа на шкурах, ощущали, что их мысли оказываются в одном месте и в одном времени. Они видели то, что давно забыто, и видели то, чего никогда не видели и не знали. Лойл Бри нередко вскрикивала и закрывала глаза. Она говорила, что это похоже на общение со многими призраками одновременно. Потом они пытались вспомнить, что же они видели, но это им никогда не удавалось — все исчезало из их памяти, как сон.

Чилдримы проплывали над городом, и ни один человек не мог предсказать их появления. Или исчезновения.

Их местом обитания были верхние слои тропосферы. Изредка электрические поля заставляли их спускаться к поверхности планеты. И тогда их поля искажали потоки электронов в нейронах в мозгах людей и животных, причем биополе людей и животных затормаживало их движение,

заставляя чилдримы кружиться в одном месте, как будто это были разумные существа. Затем они снова поднимались в тропосферу и исчезали. Они могли двигаться с любым направлением, но движение их полностью зависело от магнитных бурь на Гелликони, и никто не мог предсказать его.

Однако их циркуляция вокруг планеты не была вечной. Потому что чилдримы представляли собой электронную субстанцию и не могли меняться. Именно поэтому они были наиболее уязвимы в связи с переменами в магнитном поле планеты.

Температура на тропическом континенте Кампаннлат изменялась в широких пределах. Жарким летним днем, когда Лойланнун беззаботно играла с сыном, температура в Олдорандо была на несколько градусов выше нуля. А всего в нескольких милях к северу, у озера Дорзин, могло быть десять градусов холода. Летом в Олдорандо, когда на небе были оба светила, морозов не было вообще и даже можно было собирать урожай.

В Никтрихке, в трех тысячах миль от Олдорандо, дневная температура колебалась от минус 12 градусов по Цельсию до минус 150.

Изменения в климате происходили очень медленно, но их воздействие становилось уже заметным. Их даже можно было измерить. На Аверне зафиксировали среднее повышение температуры на двенадцать градусов за один час в полосе 16.6 миль от экватора.

В связи с быстрым повышением температуры усилилась циркуляция воздуха в стратосфере, и на планету обрушились бури. Воздушные потоки двигались с огромной скоростью. Над вершинами Никтрихка скорость ветра достигала 275 миль в час.

И внезапно исчезли чилдримы.

То, что несло благо людям и животным, оказалось катастрофой для чилдримов. Условия, которые создавали их, поддерживали их существование, исчезали. Их существо, состоящее из заряженных частиц, было слишком хрупким, чтобы существовать в динамической системе. Они исчезли,

оставляя после себя светящиеся облака в разряженной атмосфере. И эти облака тоже вскоре погасли.

Юлий и Лойл Бри очень не хватало чилддримов. А Лейнтал Эй скоро позабыл, что они когда-то были.

Группа фагоров продвигалась вперед под зеленоватым небом, обычным на такой высоте. Вокруг громоздились скопления льда и снега. Фагоры — и сталлуны, и гиллоты — двигались вперед, и влекла их одна цель. Фагоры были белыми, земля белая или коричневатая в тех местах, где не было снега, небо зеленое. На фоне ледника Ххригтт хорошо вырисовывались фигуры фагоров.

Ледник, спускающийся вниз, был разделен пополам громадным каменным массивом, который гордо возвышался среди царства льда. Он уже целые столетия выдерживал натиск льда. Лед облепил каменные стены, но утесы стояли, вонзая каменные башни в небо. Там, где протекла ледяная река, образовалось обширное плато, покрытое мелким льдом. И здесь стоял вождь фагоров, неподвижно поджидая, когда соберутся его когорты.

Эти фагоры относились к племени кзаххна Храстйпрта, который первым решил уничтожить сынов Фреира, живущих на отдаленной равнине. Молодого кзаххна звали Хрр-Брахл Йпрт. Он вел отряд. Он был внуком великого кзаххна Хрр-Трихк Храста, которого убили эти сыны Фреира. И теперь Хрр-Брахл Йпрт вел свои легионы на месть.

Под правлением Хрр-Брахл Йпрта фагоры жили хорошо, процветали, восстанавливая свои силы. Повышение температуры заставило их начать миграцию.

Они давно лелеяли месть, но толчком к действию и выступлению послужило повышение температуры. Волны теплого воздуха прокатилось по всей планете и даже по необозримым ледникам Никтрихка, и выгнали фагоров из их убежищ.

Однако Хрр-Брахл Йпрт ждал и не спешил отправляться куда-либо отсюда. Но наконец он тоже получил сообщение, переданное теплым воздухом по воздушным октавам.

Перемены в климате вызвали изменения в различных формах жизни, в тех формах, от которых частично зависела жизнь фагоров. И теперь они тоже были вынуждены мигрировать, но не могли двинуться, пока фагоры не расчистят им путь.

Юный Хрр-Брахл Йпрт приказал седлать кайдавов. Только его высшие офицеры имели кайдавов. Получив приказ, они уселись верхом на громадных животных.

Этот приказ прозвучал в год Тринадцатый по новому календарю Лойл Бри. По календарю фагоров это был «поворот воздуха», или год, 353 после малого апофеоза года 5 364 000 после Катастрофы. По календарю, который установится у людей чуть позже, это был конец 433-го года.

Лейнтал Эй был тогда ребенком и играл на коленях своей овдовевшей матери.

Близилось время, когда ему придется противостоять всей мощи легионов Хрр-Брахл Йпрта.

За кзаххном стоял крет — молодой самец-фагор, держащий в руках штандарт.

Хрр-Брахл Йпрт был высокий, ладно скроенный самец. Сильные кератиновые трехпалые ноги были крепкой опорой для могучего торса, грудь его была шире, чем у любого из людей.

Голова его, сидящая на широченных плечах, являла собой замечательное зрелище. Она была длинная, узкая, костистая, с выступающими надбровными дугами. Из-под мохнатых бровей зорко смотрели властные глаза. Рога росли из-за ушей. Они сначала выгибались вперед, а затем чуть назад. Они были серые и гладкие, как будто выточенные из мрамора. Концы были острыми, как бритва. Это оружие использовалось только в бою против фагоров. Еще никогда благородные рога не обагряла поганая кровь сынов Фрейра.

Нос фагора был вытянут вперед и как бы подчеркивал властность холодного взгляда. От всего облика молодого вождя исходила сила и свирепость.

Устрашающая маска для лица была сделана его оружейником специально для этого похода. Она закруглялась у основания его рогов, и из нее торчали металлические рога, направленные в стороны.

Когда кзаххн хотел выразить угрозу кому-либо из своих подчиненных, он показывал два ряда крепких зубов, по краям которых торчали два острых изогнутых клыка.

На нем была военная защитная одежда: закрывающий все туловище жилет из шкуры кайдава, тройной капюшон, широкий кожаный пояс с портупеей и что-то типа передника, закрывающего гениталии.

Его кайдава звали Рукк-Ггрл. Сидя на кайдаве, молодой кзаххн поднял руку. Человек-раб протрубил в изогнутую трубу, сделанную из рога стунжебага. Этот дикий звук прокатился по всей серой равнине.

И тут же, повинаясь этому звуку, из каменной пещеры появились другие рабы. Они несли тела отца Хрр-Брахл Йпрта и его великого предка.

Эти прославленные предки сохранялись на грани перехода в иную форму существования. Жизненные процессы в них почти остановились, и сами они ссохлись. Великий предок превратился уже почти в чистый кератин.

При появлении священных объектов поклонения, тотемов, среди собравшихся фагоров началось шевеление. Все повернулись к ним. Одни улеглись на мерзлую землю, другие стояли, опираясь на копыя. Их силуэты резко выделялись на фоне неба. И тут же все замерли. Это было одной из особенностей фагоров — оставаться неподвижными. Только случайное трепетание чьего-то уха говорило о том, что это живые существа, а не странные каменные изваяния.

Священные фигуры были поднесены к кзаххну. Рабы-люди упали перед ним на колени.

Хрр-Брахл Йпрт спешил и встал между своими предками и кайдавом. Поклонившись, он зарыл свое лицо в жесткую шерсть на боку кайдава. Сейчас он находился в состоянии транса, он вызывал к жизни духов своего отца и великого предка.

И духи явились к нему. Они были совсем маленькие, не больше снежного кролика. Они приветствовали его. Странно, они делали то, чего не делали при жизни: они ходили на четвереньках.

— О, мои предки, теперь смешавшиеся с землей! — воскликнул молодой кзаххн на языке фагоров. — Наконец-то я иду мстить за смерть того, кто должен был бы находиться сейчас с вами! Великий Кзаххн Хрр-Трихк Храст, который был убит презренными сынами Фреира. Мсть впереди! Укрепите мою руку, предупредите меня об опасности!

Его великий предок появился перед ним как бы в глубине тела Рукк-Гррла. И кератиновый призрак заговорил:

— Держи свои рога высоко! Не вздумай завязать дружбы с сынами Фреира. Иди на мсть.

Замечание насчет дружбы было бессмысленным для кзаххна. У него не было иных чувств к людям, кроме ненависти. Значит, они там, внизу, не всегда мудрее тех, кто еще наверху, мелькнула мысль у Хрр-Брахл Йпрт.

Кератиновый призрак его отца был по размерам больше великого предка, так как он недавно спустился в нижний мир. Призрак поклонился и заговорил, создавая в мозгу сына серию картин.

Хрр-Анггл Ххрот показал своему сыну то, что тот понял лишь частично. Для человека это было бы вовсе лишено смысла. Это было изображение вселенной, такой, какой ее представляла раса фагоров.

Вселенная была огромным органом, состоящим из трех частей, постоянно сжимающихся и расширяющихся. Каждая часть была окрашена в свой цвет. Серая часть — это был известный мир, ослепительно белая — Беталикс, пятнисто-черная — Фреир. Когда расширялся Фреир, другие части сжимались. Когда рос в размерах Беталикс, расширялся и известный мир.

Весь орган был окружен паром, в котором плавали желтые нити — воздушные октавы. Эти желтые нити плавали не свободно. Их плавное движение постоянно нарушалось выбросами черного пара из Фреира. Эти выбросы

заставляли желтые нити прижиматься к известному миру. И все это пенилось. И росло.

Все это было известно молодому кзаххну, и намерение отца было понятно — вселить уверенность в сына перед походом. Он также понял и предупреждение отца: воздушные октавы, по указаниям которых будут двигаться фагоры, находятся в возбужденном состоянии, двигаются хаотически. И значит ощущение направления, свойственное фагорам, будет ослаблено. Поход будет трудным, продвижение медленным, и продлится поход много поворотов воздуха, то есть лет.

Кзаххн поблагодарил призрака.

Хрр-Анггл Ххрот создал еще картины в его мозгу. Это были видения древних времен. Они были почерпнуты из древней мудрости, из тех времен, когда Фреир был мал и слаб. Это была героическая эра фагоров, и перед молодым кзаххном прошла вереница древних предков.

Хрр-Анггл Ххрот показал сыну, что произойдет через столько лет, сколько пальцев на руках и ногах фагора. Черный пятнистый Фреир спрячется за Беталикс. И это произойдет двадцать раз. Странный парадокс: хотя Фреир вырос в размерах, он будет прятаться за сжавшийся Беталикс.

Эти двадцать сокрытий Фрейра ознаменуют собой начало царствования жестокого Фрейра. После двадцатого сокрытия раса фагоров попадет под власть сынов Фрейра.

Это было предупреждение — но в нем была и надежда.

Бедные невежественные сыны Фрейра будут напуганы исчезновением Фрейра, который помогает им. И третье исчезновение больше всего деморализует их. Вот в это время и нужно ударить. В это время нужно появиться возле города, где был убит великий кзаххн Хрр-Трихк Храст. Это время мести. Время жечь и убивать.

Помни это. Держи рога высоко. Война началась!

Хрр-Брахл Йпрт чувствовал себя так, будто постиг эту мудрость в первый раз. Хотя она сообщалась ему уже много раз. Но это ему было необходимо. Это помогало думать,

планировать. Все его предки делали так — черпали мудрость от своих предков. Призраки вызывали образы — из окружающего мира, из воздуха, из мира иного. Советы их не подлежали обсуждению.

Все решения кзаххны принимали на основе древней мудрости, мудрости кератиновых предков. Тех, кто правил в прошлом. Старых героев, живших в героические времена, когда Фреир был слабым.

Молодой кзаххн вышел из состояния транса. Собравшиеся фагоры зашевелились. Поднялись вверх птицы. Снова прозвучал рог, и предков унесли в их пещеру, в их естественную крепость.

Пора было двигаться.

Хрр-Брахл Йпрт вскочил в седло, на Рукк-Гтрла. Это потревожило Ззхррка, его белую птицу. Она поднялась в воздух, а затем снова уселась на его плечо. У многих фагоров были свои птицы. Их хриплые крики казались музыкой уху фагора. Они играли полезную роль в жизни фагоров, защищая их от насекомых — переносчиков болезней.

Эта не очень большая птица, о которой почти не заботились, была жизненно важным звеном в сложных биологических взаимодействиях всего этого мира. Она защищала фагора от его смертельных врагов.

Пока юный кзаххн находился в состоянии общения со своими предками, на долину опустились низкие облака и пошел густой снег. Свет многократно отражался от земли и низких облаков, и в этом призрачном освещении фагоры стали похожими на приведения, без теней и четких очертаний. Горизонт исчез из виду. Все стало жемчужно-серым.

Снегопад не имел никакого значения для фагоров.двигающихся по своим воздушным октавам. Сейчас, когда церемония кончилась, четверо слуг подвели четырех низкорослых кайдавов. На каждом из кайдавов сидела филлок. В волосы этих молоденьких самок были вплетены орлиные перья или бледные горные цветы. Эти четыре красотки были выбраны племенем, чтобы они услаждали жизнь молодому кзаххну Хрр-Брахл Йпрту во время долгого и трудного похода.

Холодный ветер, сорок градусов ниже нуля, дул со снежных вершин на восток, шевеля мех на накидках четырех дамочек. Но под этими накидками была густая белая шерсть фагоров, непроницаемая ни для какого холода и ветра — пока она не намокала.

Ветер разогнал облака. Появились просветы в густой пелене, сквозь которые можно было увидеть знакомые очертания ландшафта. Снег стал реже. Уже вырисовывались стены ущелья, которое поведет их к месту назначения, находящемуся на двенадцать тысяч метров ниже, чем этот ледник, почти на уровне моря.

Взвился штандарт Храстйпрта.

Молодой кзаххн поднял руку, как сигнал, и указал вперед.

Он ударил пятками в бока своего Рукк-Гтрла. Животное подняло рогатую голову и пошло вперед, твердо ступая по льду. За ним медленно двигались легионы. Трещал под ногами лед, на тела падал снег. Вверху парили белые птицы. Поход начался.

Как предсказали предки, удар должен быть нанесен, когда Фрейр в третий раз скроется за Беталиксом. Легионы кзаххна уничтожат сынов Фрейра, которые живут в городе, где был убит великий дед Хрр-Брахл Йпрта. Этого благородного кзаххна заставили спрыгнуть с вершины башни, чтобы принять смерть на земле. Близился час мести. Город должен быть стерт с лица земли.

Может быть именно поэтому и плакал маленький ребенок Лейнтал Эй на коленях матери.

Год за годом шли легионы. Жители Олдорандо не подозревали о надвигающейся опасности. Они работали, как обычно, творя свою историю.

Дресил уже потерял всю свою энергию. Он все чаще и чаще оставался в городе, занимаясь мелкими организационными делами, которые и так шли нормально. Сыновья его охотились.

Ощущение перемен действовало на всех возбуждающе. Молодежь из гильдий ремесленников хотела бросить свои занятия и охотиться. Молодые охотники тоже вели себя разнузданно. У одного из них родилась дочь от жены старого охотника. Начались ссоры, драки.

— Они ведут себя гораздо хуже, чем мы, когда мы были молодыми, — жаловался Дресил Аозу Руну, забыв все свои проказы молодости. — Скоро мы все поубиваем друг друга, как дикари Кзинта.

Дресил не мог решить, отругать ли хорошенько этого забияку или подбодрить похвалой. Он склонялся к последнему, так как Аоз Рун уже был известен, как удачливый охотник, что чрезвычайно злило Нахкри, сына Дресила. Нахкри с неприязнью относился к Аозу Руну, но причина этой неприязни была известна только молодости.

Дли Хойн, жена Дресила, заболела и умерла на исходе года 17 После Объединения. Пришел отец Бондорлонганон и похоронил ее в нужной октаве. После ее смерти в жизни Дресила образовалась пустота, и он даже почувствовал — впервые, — что он любил ее. Скорбь стиснула его сердце.

Несмотря на свой возраст, он обучился искусству общения с мертвыми и воспользовался им, чтобы поговорить с ушедшей от него Дли Хойн. Он встретил ее призрак в нижнем мире. Она стала упрекать его, что он не любил ее, что он сломал всю ее жизнь, был с нею холоден, и во многих других вещах. Дресил бежал от жалоб, от ее лязгающих челюстей, и после этого стал еще более молчаливым и задумчивым.

Иногда он беседовал с Лейнталом Эй. Мальчик был умнее, чем Нахкри и Клилс. Однако Дресил не сближался со своим братом-кузеном. В основном потому, что если раньше он презирал Малого Юлия, то теперь завидовал ему. У Юлия была женщина, которую он любил и был счастлив с нею.

Юлий и Лойл Бри жили все в той же башне и старались не замечать седину, проступающую в их волосах. Лойл Бри наблюдала за Лейнталом Эй и видела, что он уже полностью входит в жестокую жизнь нового поколения.

* * *

Глубоко под Кзинтом жила религиозная секта — Берущие. Первый Юлий как-то мельком видел их. Укрытые в гигантской пещере, обогреваемой внутренним теплом земли, они не задумывались об изменениях температуры в верхней атмосфере. Однако они поддерживали связь с Панновалом и получили оттуда сообщение, которое повлияло на их жизнь сильнее, чем любые изменения температуры.

Хотя это сообщение было многократно перефразировано, пока добралось до ведущих вялое животное существование Берущих, оно содержало очень привлекательную для них мысль и, казалось, абсолютную истину.

Берущие — и мужчины, и женщины — одевались в мантии, которые окутывали их с головы до ног. В профиль они походили на полуоткрытый бутон цветка, склоненный вниз. Эта мантия называлась чарфрул.

И чарфрул можно было рассматривать как символ мышления Берущих. Их философия за много поколений оказалась настолько зашифрованной, закодированной, что понять ее уже не мог никто. Они были одновременно и эпикурейцы, и пуритане. Даже в жестких ограничениях их религии находились парадоксы, которые приводили к различным формам неврозав гедонизма.

Вера в Великого Акха была вполне совместима с их парадоксами по одной простой причине: Великому Акху нет дела до людей. Он действительно борется с разрушительным светом Вутры, но борется не за людей, а за себя. Ему наплевать на человечество. Вся их философия была основана на том, что они были уверены в ничтожности, бессилии людей.

И через много лет после своей смерти пророк Нааб изменил все. Учение Нааба постепенно проникло из Панновала в пещеру Берущих. Он утверждал, что если люди предадутся похоти и разврату до такой степени, что никто даже не будет знать, кто его родители, тогда Великий Отец, сам Акха, обратит внимание на них. И он позволит им уча-

ствовать в войне против Вутры. Человечество — и это была основная идея пророчества Нааба — не будет бессильным и слабым, если решит пойти по этому пути. В Панновале оно не было таким убедительным, потому что люди там имели возможность действовать. Но здесь, в пещере, вспыхнули чарфрулы.

Всего год потребовался, чтобы Берущие изменили свой темперамент. Старая, зашифрованная, непонятная философия превратилась в поклонение и покорность каменному богу.

Те, кто не смог приспособиться к требованиям новой морали, были наказаны мечом или бежали, чтобы избежать удара меча.

В угаре диалектической революции Берущим было мало преобразовывать себя. Так всегда бывает. Революционеры всегда хотят преобразовать и других. И тогда был принят поход Веры. Через сотни миль подземных коридоров Берущие несли слово новой веры. И первой остановкой на пути стал Панновал.

Панновал был безразличен к вернувшемуся учению своего собственного пророка, который был казнен и забыт много лет назад. Панновал был активно против вторжения фанатиков.

Милиция приготовилась к битве. Фанатики тоже. Они не знали ничего лучше, чем умереть за веру. Если при этом умрут и другие, то чем больше, тем лучше. Их предки, общаясь с ними, призывали их к бою. И фанатики ринулись в бой. Милиция делала, что могла, но после дня кровавой битвы бежала.

Итак, Панновал склонился перед новым режимом. Поспешно были собраны все чарфрулы, чтобы их сжечь. Те, кто не смог примириться, либо были казнены, либо бежали.

Те, кто бежал, нашли путь в бескрайние равнины севера. Они вышли из пещер тогда, когда сходил снег и появилась трава. Они выжили. Ведь на небе были два светила, и Вутра умерил свою ярость.

Год за годом они шли к северу в поисках пищи и жилища. Они прошли вдоль реки Ласвалт на великую восточ-

ную равнину. Они нападали на мигрирующие стада йелков и гуннаду. И они все шли к Чалцу.

В то же самое время повышение температуры стронуло с места жителей холодного континента Сиборнел. Волна за волной новые колонисты двигались на юг, через Чалц, в Кампаннлат.

Однажды, когда на небе был один Фреир, идущие на север из Панновала встретились с колонистами из Сиборнела. И случилось то, что случалось много раз до этого и что будет случаться еще очень много раз.

Вутра и Акха свидетели этому.

Таково было состояние мира, когда Малый Юлий оставил его. В Олдорандо прибыли торговцы солью из Кзинта с вестями о лавинах и наводнениях. Юлий — уже совсем старый — поспешил вниз, чтобы поговорить с ними, но поскользнулся на ступеньках и сломал ногу. Через неделю вызвали святого человека из Борлиена, и Лейнтал Эй получил восхитительный подарок — костяную собачку с двигающейся челюстью.

Начиналась новая эпоха — правления Нахкри и Клилса.

Глава V ДВОЙНОЙ ЗАКАТ

Нахкри и Клилс находились в одной из комнат башни, делая вид, что сортируют оленьи шкуры. На самом деле они смотрели в окно, удивляясь тому, что видят.

— Не могу поверить своим глазам, — сказал Нахкри.

— Я тоже не могу поверить, — ответил Клилс. Он рассмехался, и брат хлопнул его по спине.

Они смотрели на высокую старуху, бегущую вдоль берега реки Ворал. Вот фигура скрылась за башней, затем появилась снова. Однажды старуха остановилась и, схватив

горсть грязи, вымазала себе голову и лицо, затем снова побегала на заплетающихся ногах.

— Она сошла с ума, — сказал Нахкри, любовно поглаживая пробивающиеся усы.

— Да. Полностью обезумела.

За старухой бежал еще один человек. Юноша. Лейнтал Эй бежал за своей бабкой, следя, чтобы она ничего не сделала с собой. Она бежала впереди, громко плача. Он бежал за нею, угрюмый, молчаливый, готовый вмешаться.

Нахкри и Клилс посмотрели друг на друга.

— Не понимаю, почему Лойл Бри ведет себя так, — сказал Клилс. — Ты помнишь, что говорил отец?

— Нет.

— Он говорил, что Лойл Бри вовсе не любит дядю Юлия, а только притворяется.

— А, помню. Зачем же она притворяется теперь, когда он умер? Это бессмысленно.

— У нее какой-то план. Она же очень хитрая и умная. Она что-то замышляет.

Нахкри выглянул на лестницу. Внизу работали женщины. Он закрыл дверь и повернулся к младшему брату.

— Что бы ни предпринимала Лойл Бри, это сейчас не важно. Этих женщин не поймешь. Важно то, что дядя Юлий умер, и теперь мы должны править Эмбруддоком.

Клилс испуганно посмотрел на брата.

— А Лойланнун? Лейнтал Эй? Как они?

— Он еще ребенок.

— Это не надолго. Ему семь лет, и через некоторое время он станет полноправным охотником.

— Еще нескоро. Это наш шанс. Мы сильны — по крайней мере, я. Народ примет нас. Они не захотят, чтобы ими правил ребенок, а кроме того, они все тайно презирают его отца, который пролежал всю жизнь с этой сумасшедшей. Нужно обдумать, что сказать каждому, что пообещать им. Времена переменялись.

— Это так, Нахкри. Скажи им, что времена переменялись.

— Нам нужна поддержка мастеров. Я пойду и переговорю с ними. А ты старайся держаться подальше. Я слышал, что совет считает тебя дурачком, от которого одни неприятности. Затем мы привлечем на свою сторону лучших охотников, таких, как Аоз Рун, и все будет нормально.

— А как насчет Лейнтала Эй?

Нахкри ударил брата.

— Хватит о нем. Мы сможем приструнить его, если он будет мешать.

Нахкри созвал совет этим же вечером, когда Беталикс ушел с неба, а Фреир неуклонно катился к горизонту. Большинство охотников и ловцов животных уже вернулось. Нахкри приказал запереть ворота.

Когда толпа собралась на площади, появился Нахкри. Поверх своей оленьей шкуры он накинул стаммель — шерстяную накидку в красно-желтых тонах. Этим он думал придать себе достоинство и значительность. Он был среднего роста с толстыми ногами. Лицо у него было круглое, уши большие. Он вытянул вперед нижнюю челюсть, чтобы придать лицу выражение зловещего превосходства.

Начал он издавека, напомнив людям о том, какое хóрошее было правление во времена триумvirата, когда правили старый лорд Уолл Эйн, его отец Дресил и дядя Малый Юлий. Это была комбинация отваги и мудрости. Сейчас, когда племена объединились, отвага и мудрость являются общим достоянием. И теперь он хотел бы продолжить традицию, но в несколько ином виде, так как времена изменились. Он и его брат будут править вместе с советом, и их уши всегда будут открыты любому, кто захочет высказать свое мнение.

Он напомнил всем, что угроза нападения фагоров продолжает оставаться, что торговцы солью из Кзинта привезли известие о религиозной войне в Панновале. Поэтому Олдорандо должно объединиться еще сильнее и наращивать свою мощь. А для этого все должны работать еще больше. И женщины тоже.

Женский голос прервал его.

— Слезай оттуда и иди сам работать!

Нахкри потерял дар слова. Он раскрыл рот и не знал, что ответить. Из толпы заговорила Лойланнун. Лейнтал Эй стоял рядом с нею, опустив голову. Страх и ярость душили его.

— У тебя нет никакого права стоять здесь. Ни у тебя, ни у твоего пьяницы-брата, — сказала она. — Я дочь Юлия. Здесь стоит мой сын, Лейнтал Эй, который, как вы знаете, скоро будет мужчиной. Я почерпнула много мудрости и знаний от своих родителей. Пусть будет триумвират, как было при вашем отце Дресиле, которого все уважали. Я требую, чтобы я правила с вами, чтобы я имела свой голос. Скажите, люди, что у меня есть все права на это. А когда Лейнтал Эй вырастет, он займет мое место. Я обучу его.

С горящими щеками Лейнтал Эй посмотрел вокруг из-под опущенных ресниц. Ойра бросила ему ободряющий взгляд и кивнула.

Некоторые мужчины и женщины стали кричать за нее, но Нахкри уже оправился от смятения и перекричал всех.

— Никогда женщина не будет править Олдорандо, пока я здесь. Кто слышал такое? Лойланнун, должно быть ты сошла с ума, как твоя мать. Мы все знаем, что тебя постигла беда — погиб твой муж. Мы все скорбим об этом. Но сейчас ты говоришь чепуху.

Все повернулись и посмотрели на пылающее лицо Лойланнун. Она отвернулась и сказала:

— Сейчас другие времена, Нахкри. Сейчас мозги важнее, чем горло. Если говорить честно, то многие из нас не доверяют ни тебе, ни твоему брату.

Все возбужденно заговорили, соглашаясь с Лойланнун, но один из охотников, Фаралин Ферд, сказал:

— Но она не может править нами. Она всего лишь женщина. Я, пожалуй, предпочту, чтобы правили эти два мошенника.

Со всех сторон зазвучал добродушный смех, и Нахкри победил. Пока толпа радовалась, Лойланнун протолкалась через нее и пошла куда-то плакать. Лейнтал Эй неохотно

пошел за нею. Ему было жаль мать, он восхищался ею, но он также понимал, что женщина не может править племенем. Еще никогда такого не было, как сказал дядя Нахкри.

Когда Лейнтал Эй вышел из толпы, его догнала женщина и взяла за руку. Это была Шей Тал, подруга его матери, молодая, симпатичная, с острым взглядом и хорошей фигурой. Она иногда приходила к ним и приносила хлеб Лойл Бри.

— Если ты не возражаешь, я пойду с тобой, чтобы успокоить твою мать. Я знаю, она смутила тебя. Но когда люди говорят чистосердечно, они нередко смущают нас. Я восхищаюсь твоей матерью, как восхищалась ее родителями.

— Да, она смелая. Но все же люди смеялись.

Шей Тал испытующе посмотрела на него.

— Да, люди смеялись. Но многие из тех, что смеялись, тем не менее восхищаются ею. Они боятся. Многие люди всегда боятся. Помни это. Мы должны попытаться изменить их.

Лейнтал Эй, внезапно успокоившийся, шел рядом с нею и улыбался.

Фортуна благоволила Нахкри и Клилсу. В первую же ночь поднялся сильный южный ветер, который завывал между башнями не слабее, чем знаменитый Свистун. На следующий день рыбаки сказали, что река кишит рыбой. Женщины с корзинами пошли на берег и натаскали очень много. Ее посолили в запас, и осталось еще предостаточно, чтобы устроить праздник в честь новых правителей, Нахкри и Клилса.

Однако ни Клилс, ни Нахкри не обладали большим умом. Хуже того, ни тот, ни другой не умели ладить с людьми. А на охоте они тоже ничем не проявили себя. Они часто ссорились друг с другом. И так как они оба понимали свои недостатки, они много пили, а в пьяном виде ссорились еще больше.

Правда, везение не оставляло их. Погода продолжала улучшаться, в окрестностях было много оленей, болезни не обрушивались на город. Нападений фагоров тоже не было, хотя охотники изредка видели их неподалеку.

В Олдорандо продолжалась жизнь: монотонная, но сытная.

Правление братьев не нравилось никому. Не нравилось охотникам, не нравилось женщинам, не нравилась Лейнта-лу Эй.

Несколько молодых охотников заключили своего рода союз, они сопротивлялись всем попыткам Нахкри заставить их охотиться по отдельности. Лидером в этом союзе был Аоз Рун, сейчас он уже был мужчиной в полном расцвете сил. Он был большой и сильный, с решительным характером. Он мог бегать так же быстро и долго, как и олени. В качестве одежды Аоз Рун носил шкуру черного медведя, и поэтому его можно было узнать издали.

Этого медведя он выследил и убил в одиночку. Гордясь своей ловкостью и силой, он один притащил тушу этого медведя в город и бросил перед своими друзьями в башне, где они жили. А после празднества заказал мастеру Датни-лу Скару выделать эту шкуру.

Было нечто особенное и в том, как Аоз Рун стал жить в башне. Он происходил из семьи Уолла Эйна, и по наследству ему досталось присматривать и распоряжаться брассимпсами. Поле брассимпсов возле города играло очень важную роль в местной экономике и обеспечении населения продуктами. Но Аозу Руну не понравилась тирания семьи, и он ушел из нее и устроился жить в башне среди своих друзей. Это были преданный Элин Тал, беззаботный Фаралин Ферд, упрямый Тант Эйн. Они пили за глупость Нахкри и его брата. И эти веселые выпивки были известны всем.

Аоз Рун был человеком, чье мужество было заметно даже в том обществе, где мужеством обладали все. И он твердо верил в единство племени.

Несмотря на то, что у него была дочь Ойра, рожденная ему чужой женщиной, соплеменницы вздыхали по нему. Он заметил нежные взгляды подруги Лойланнун — Шей Тал, и ее красота не оставила его безучастным. Однако он не отдал никому свое сердце. Он предвидел, что настанет день, когда Нахкри и Клилс встретятся с серьезными трудностями и не смогут справиться с ними. Он считал, что он будет лучшим правителем племени, и намеревался править один. Поэтому не хотел, чтобы какая-нибудь женщина завладела его сердцем.

А пока Аоз Рун сплавивал своих друзей и много занимался Лейнталом Эй, чтобы тот примкнул к нему, когда станет настоящим охотником.

Как-то раз Аоз Рун и Лейнтал Эй возвращались с оленьей охоты на юго-западе от Олдорандо отдельно от остальных. Им пришлось ехать по трудной местности, где было много толстых цилиндров раджабаралов. Здесь они наткнулись на десять торговцев, которые лежали вокруг костра и спали после выпивки. Аоз Рун и Лейнтал Эй нацепили на себя черепа животных и криками разбудили спящих. Те были перепуганы до смерти, двое из них сбежали, но остальных восьмерых двое охотников без труда взяли в плен. Эту историю потом многие годы часто пересказывали в Олдорандо.

У этих восьмерых торговцев имелось оружие, зерно, шкуры и прочий товар. Они были из Борлиена, жители которого были известны всем как нечестные люди, и совершали путешествие от моря, к югу от Кзинта, на север. Некоторые из них оказались известными в Олдорандо — своим мошенничеством и обманом. Аоз Рун и Лейнтал Эй обратили их в рабов, а имущество разделили между жителями поселения. Личного раба Аоза Руна, совсем молодого парня, звали Калари.

Этот эпизод еще больше прославил Аоза Руна. Вскоре он уже оказался в прямой оппозиции с Нахкри и Клилсом, но уклонялся от столкновения, считая, что время еще не пришло.

Среди мастеров гильдий тоже росло беспокойство. Один юноша по имени Датка, из гильдии кузнецов, решил уйти из гильдии, так как считал, что срок ученичества слишком большой. Он предстал перед братьями. Но те не смогли добиться у него покорности. Датка куда-то исчез, и его не видели целых два дня. Затем одна из женщин сказала, что он лежит в одной из нежилых комнат в башне, с расцарапанным лицом.

Тогда Аоз Рун пошел к братьям и сказал, что он может взять его к себе охотником. Он заявил:

— Охота дело совсем не легкое. Пока что дичи много, но придет время, и нам снова придется голодать. Нас, охотников, мало. Пусть Датка приходит к нам, если хочет. А почему не попробовать? Если он будет плох, то мы сами выгоним его. Он одного возраста с Лейнталом Эй. Они смогут учиться вместе.

Там, где находился Нахкри, наблюдая за рабами, доящими кобыл, царил полумрак. В воздухе стояла пыль. Потолок был совсем низким, и Нахкри приходилось пригibasься. Было ясно, что он не собирается уступать Аозу Руну.

— Датка должен подчиниться законам, — сказал Нахкри, задетый упоминанием о Лейнтале Эй.

— Позволь ему охотиться, и он будет подчиняться законам. Мы заставим его добывать пищу еще до того, как заживут ссадины у него на лице.

Нахкри сплюнул.

— Какой он охотник? Он ремесленник. Его никогда не обучить.

Нахкри боялся, что секреты гильдии кузнецов выйдут за стены города. Ведь эти секреты тщательно охранялись.

— Если он не хочет работать в гильдии, пусть хлебнет нашей нелегкой жизни. Посмотрим, выживет ли он.

— Он молчалив и угрюм.

— Для охотника это хорошее качество.

И Нахкри отпустил Датку. Датка привязался к Лейнталу Эй, как и предполагал Аоз Рун. И постепенно он становился хорошим охотником.

Хотя он был молчалив, Лейнтал Эй принял его как брата. Они были одинаковы и по росту, и по сложению, но лицо Лейнтала Эй было круглым и веселым, а лицо Датки вытянутым и угрюмым, а взгляд все время направлен вниз.

Они все время находились вместе, и старухи стали говорить, что их ждет одинаковая судьба, как это они говорили о Дресиле и о Малом Юлии. Но снова люди ошибались: их судьбы оказались совсем разными. Датка достиг таких больших успехов в искусстве охоты, что Нахкри стал покровительствовать ему и даже хвастался своим даром предвидения: ведь это он освободил Датку от принадлежности к гильдии и разрешил ему стать охотником. Датка молчал и смотрел в землю, когда мимо проходил Нахкри. Он никогда не забывал, кто избил его. Бывают такие люди.

Лойл Бри очень изменилась после смерти своего мужа. Если сначала она сидела безвыходно в своей комнате, то теперь, старая и больная, бродила по окрестностям Олдорандо, разговаривая с собой или напевая. Люди боялись ее, и никто к ней не подходил, за исключением Лейнтала Эй и Шей Тал.

Однажды на нее напал медведь, которого согнали с гор участвовавшие ливни. И когда она ползла домой, вся израненная и изувеченная, на нее набросилась стая волков, которые убили и наполовину съели ее. Ее отыскиали, и женщины с плачем принесли домой то, что от нее осталось.

А затем экстравагантная Лойл Бри была похоронена традиционным образом. Многие женщины искренне оплакивали ее, рожденную во времена снегов и холода, для многих разогнавшую мрак неведения, сумевшую жить в племени и в то же время оставаться вне его. Она заслуживала восхищения: многие хотели быть такими, как она, но не умели.

Многие прошли через ее обучение. Нахкри и Клилс пришли тоже выразить свое уважение старой тетке, хотя и не побеспокоились вызвать отца Бондорлонганона, чтобы

провести обряд похорон по всем правилам. Они стояли поодаль от скорбящих людей и перешептывались. Шей Тал с Лейнталом Эй поддерживали плачущую Лойланнун, которая не проронила ни слова, когда ее мать опускали в могилу.

Когда они покидали место погребения, Шей Тал услышала за собой голос Клилса:

— ...и тем не менее, брат, она всего лишь женщина.

Лойланнун вспыхнула, споткнулась и упала бы, если бы Лейнтал Эй не поддержал ее. Она сразу прошла домой, в свою комнату, где жила со старой матерью, и встала, прильнув горячий лоб к стене.

Она была хорошо сложена, но не из тех женщин, которые природой предназначены рожать детей. Все ее очарование заключалось в красивом лице, прекрасных черных волосах и гордой осанке. Это привлекало многих мужчин, но еще большее количество отталкивало. У нее был свой идеал мужчины — ее гениальный родственник Элин Тал. И она долгое время не видела никого, кто мог бы приблизиться к этому идеалу. За исключением Аоза Руна. Но даже с ним она не могла забыть свой идеал.

И теперь, стоя возле влажной стены, обросшей лишайником, она решила, что независимость Лойл Бри должна стать для нее примером. Она не должна быть «всего лишь женщиной», как сказал Клилс.

Каждое утро женщины собирались в женскую башню. Это было что-то вроде мастерской. При первом свете из башен выходили женщины, закутанные в меха от жгучего холода, и шли на свои рабочие места.

Густой туман заполнял утренний воздух. Он разделялся на отдельные части высокими каменными башнями. Тяжелые белые птицы кружили в тумане, как облака. Со стен сочилась вода, и грязь чавкала под ногами. Женская башня стояла в конце главной улицы поблизости от большой башни. Сразу за нею, внизу, между каменных берегов текла река Ворал. Когда женщины садились за работу, гуси — живые запасы Эмбруддока — подходили к ним, требуя пи-

щу, и каждая женщина должна была приносить с собой что-нибудь для них.

Когда закрывались тяжелые скрипящие двери башни, женщины принимались за свою извечную работу: перебирать зерно, готовить пищу, шить и ремонтировать одежду, выделывать кожи. Работа была трудной, и присматривал за ней мужчина, Датнил Скар, мастер разделки животных и дубления кожи. Для дубления использовалась соль, и этим традиционно занимались мужчины. Затем кожа лессировалась жиром, и эту работу, слишком легкую для мужчин, выполняли женщины. Тяжелый труд оживлялся разговорами и сплетнями о своих близких и соседях.

Лойланнун приходилось работать вместе с другими женщинами. Она похудела, лицо ее стало желтым, изможденным. Ненависть к Нахкри и Клилсу настолько съедала ее, что она даже не говорила с Лейнталом Эй, который был предоставлен самому себе. Она не общалась ни с кем, кроме Шей Тал. Шей Тал по своим душевным качествам намного отличалась от остальных женщин Эмбруддока.

Одним холодным утром, Шей Тал только встала с постели, как внизу кто-то постучал в дверь башни. Туман проник внутрь, и сейчас вся комната, где спали они с матерью, была заполнена жемчужной полутьмой. Шей Тал сидела на постели и натягивала сапоги, когда снова раздался стук. Лойланнун открыла нижнюю дверь и поднялась в комнату Шей Тал. Внизу похрюкивала в стойле свинья. Шей Тал встретила Лойланнун возле двери и стиснула ее холодные руки. Она сделала жест, чтобы женщина говорила потише, ведь она могла разбудить старуху, спящую в углу. Отец уже ушел с другими охотниками.

В полутьме они казались друг другу всего лишь смутными силуэтами, но Шей Тал чувствовала что-то зловещее в появлении Лойланнун. Ее приход не сулил ничего хорошего.

— Лойланнун, ты заболела? — прошептала она.

— Слабость, только слабость. Шей Тал, всю ночь я говорила с призраком своей матери.

— Ты говорила с Лойл Бри? Она уже... Что она сказала?

— Она еще здесь... под нашими ногами... Их тысячи... и все они ждут нас. Мне страшно даже думать о них... — Лойланнун вся дрожала. Шей Тал обняла ее за талию, подвела к постели и усадила, а сама села рядом. Где-то гоготали гуси. Две женщины смотрели друг на друга, ища друг в друге успокоения.

— Я не впервые погружаюсь в тот мир с тех пор, как она умерла, — сказала Лойланнун. — Но ее ни разу не видела... лишь пугающая пустота в том месте, где она должна была бы быть... Призрак моей бабки взывал ко мне... там так одиноко...

— А где Лейнтал Эй?

— Ушел на охоту, — сказала она безразлично и снова вернулась к прежней теме разговора. — Их там так много, но я уверена, что они не общаются между собой. Почему умершие так ненавидят друг друга, Шей Тал? Они так хотят говорить с живыми. Ведь мы не относимся друг к другу с такой ненавистью, да, Шей Тал?

— Ты расстроена. Идем на работу, и нужно взять с собой что-нибудь поесть.

В сером предутреннем свете Лойланнун очень походила на свою мать.

— Может быть им просто нечего сказать друг другу? И поэтому они жаждут общения с нами? И моя бедная мать тоже.

Она начала плакать. Шей Тал обняла ее, оглянувшись в тот угол, где спала мать.

— Нам нужно идти, Лойланнун. Мы опаздываем.

— Мать показалась мне совсем другой, когда она появилась. Она так изменилась! И все ощущение достоинства, которым она обладала при жизни, пропало. Она вся сгорбилась... О, Шей Тал, мне страшно подумать, что мы все со временем окажемся там, внизу...

Последние слова она сказала совсем громко. Мать Шей Тал заворочалась, застонала. Где-то внизу захрюкали свиньи.

Раздался рев Свистуна. Это был час начала работы. Рука об руку они спустились вниз. Шей Тал позвала свиней,

поласкала их. Воздух на улице был морозный, двери покрыты белым инеем. В сером сумраке виднелись человеческие фигуры, направляющиеся в женскую башню. Все они казались безрукими, так как на них были накинuty покрывала от холода.

Когда они влились в безликую толпу, Лойланнун сказала подруге:

— Лойл Бри говорила мне о долгой любви к моему отцу. Она много говорила об отношениях между мужчиной и женщиной, но я мало что поняла. Она говорила жестокие вещи о моем погибшем муже.

— А с ним ты никогда не говорила?

Лойланнун пропустила вопрос мимо ушей.

— Мать буквально не давала мне вставить слово. Как могут быть мертвые такими эмоциональными? Разве это не жутко? Она ненавидит меня. Исчезло все, кроме эмоций, страшных, как болезнь. Она сказала, что муж и жена должны слиться в одно целое. Я этого не поняла, и сказала ей об этом. Я заставила ее замолчать.

— Ты заставила замолчать призрак своей матери?

— Не удивляйся. Мой муж бил меня. Я боюсь его...

Она всхлипнула и замолчала. Наконец они вместе с толпой вошли в теплую глубину башни. В воздухе стоял запах дубленых кож. В нишах с треском горели свечи из гусяного жира. Здесь уже собрались женщины, которые, кряхтя и позевывая, принимались за работу.

Шей Тал и Лойланнун поели хлеба, запили рателем и пошли на свои места. Старая женщина, у которой под глазами залегли глубокие морщины, посмотрела на них.

— Сказал тебе призрак что-нибудь полезное? Что-нибудь, что могло бы помочь нам? Или что-нибудь о Лейнтале Эй?

— Она сказала, что мы должны копить знания. Уважать знания. — Откусив хлеба и говоря с набитым ртом, добавила: — Она сказала, что знание сейчас для нас важнее, чем пища. Да, да, она сказала «пища». Хотя они там вовсе не употребляют пищу. Все-таки нам, живым, трудно понять, о чем они говорят...

Когда явился надсмотрщик, они склонились над зерном.

Шей Тал искоса посматривала на подругу, морщины на лице которой были сейчас освещены мутным светом утра из восточного окна.

— Знания не могут заменить пищу. Из всего нашего опыта следует, что все-таки нам нужно работать, чтобы запасти пищу для города.

— Когда моя мать была жива, она мне рассказывала про машину для измельчения зерна, которую приводил в движение ветер. Так что женщинам даже не нужно было шевелить руками, говорила она. Ветер делал работу за женщин.

— Но мужчинам нет до этого дела, — с улыбкой сказала Шей Тал.

Несмотря на сомнения и колебания, Шей Тал все больше укреплялась в своем решении.

Основное рабочее место у нее было в пекарне. Она делала лепешки, солила их, пропитывала животным жиром и жарила. После того как они были готовы, девушка по имени Ври разносила их по всему городу. Шей Тал была лучшей мастерицей в этом деле. Ни у кого не получались такие вкусные хлеба.

Теперь перед нею открылись какие-то туманные перспективы, и мысли полностью захватили ее. Она была далеко от ее обычных дел. Когда Лойланнун заболела, Шей Тал взяла ее и Лейнтала Эй к себе домой, несмотря на протесты отца, и терпеливо ухаживала за больной женщиной. Они разговаривали часами. Иногда при их разговорах присутствовал Лейнтал Эй, но ему скоро становилось скучно, и он убегал на улицу.

Шей Тал начала внушать свои идеи женщинам в пекарне. Она много и терпеливо говорила с Ври, которая была молода и могла легко воспринимать новое. Она говорила о том, что правда лучше лжи, как свет лучше тьмы. Женщины слушали ее, беспокойно перешептываясь.

И не только женщины. В своих темных мехах Шей Тал выглядела очень эффектно. Многие мужчины приглаждались к ней. Много слушал ее и Аоз Рун. Он иногда даже вступал с нею в споры. Шей Тал одобрила позицию Аоза Руна в вопросе Датки, но не позволила охотнику с собой никаких вольностей. Она хотела оставаться свободной.

Шли недели, ужасные бури ревели над башнями Эмбруддока. Лойланнун становилась все слабее, и однажды она умерла. Но за время своей болезни она успела передать часть знаний, полученных от матери, Шей Тал и женщинам, которые приходили к ней. Она сделала прошлое реальным для них. И все, что она говорила, своеобразно преломлялось в темном воображении Шей Тал.

Угасая, Лойланнун помогла Шей Тал основать то, что называли академией. Академия предназначалась исключительно для женщин; задачей ее было находить способы облегчать тяжелую работу. Под руководством Шей Тал удалось облегчить труд многих людей, и со временем уважение к ней стало расти.

— Мы видим звезды, — сказала Ври, поднимая к небу свое маленькое личико. — Но когда-нибудь мы сможем узнать, почему они всегда двигаются по своим путям? Мне бы хотелось побольше знать о звездах.

— Все ценное похоронено в прошлом, — ответила Шей Тал, глядя на свою умершую подругу. — Этот город уничтожил Лойланнун и уничтожит нас. Мертвые ждут нас. Наши судьбы предопределены. Чтобы жить лучше, мы должны сделать людей лучше.

Разум подсказывал ей, что при таких правителях, как Нахкри и Клилс, ей ничего не удастся добиться. Только юный Лейнтал Эй поддержит ее, да может быть еще Аоз Рун и Элин Тал. Она хотела создать школу, но предвидела, какая возникнет оппозиция. Но она будет бороться, бороться за то, чтобы вдохнуть новый дух в людей, во все. Она должна встряхнуть людей, сбросить с них летаргию. Настало время для прогресса.

* * *

Решимость охватила Шей Тал. Когда ее несчастная подруга была похоронена и Шей Тал стояла с Лейнталом Эй над ее могилой, она заметила взгляд Аоза Руна. И тут она разразилась речью. Слова лились из нее непрерывным потоком, эхом отражаясь от горных утесов.

— Этой женщине пришлось быть независимой. Но помогали ей только ее знания. Многие из нас не хотят быть рабами. Мы знаем, что существовали лучшие времена. Слушайте, что я скажу: скоро все изменится.

Люди смотрели на нее, раскрыв рты от удивления.

— Вы думаете, что живете в центре Вселенной. Я говорю, что вы живете на заднем дворе. Вы настолько темны, что даже сами не можете понять, как вы темны.

Это я говорю вам. В прошлом произошла какая-то катастрофа. В очень далеком прошлом, так что никто из нас не может знать, что это за катастрофа. Мы знаем только то, что она принесла нам холод и тьму.

Вы пытаетесь жить как можно лучше, насколько это возможно. Хорошо, хорошо, живите, любите друг друга. Но не притворяйтесь, что катастрофа никак не повлияла на вас. Может, она произошла и давно, но она отравила каждый день вашей жизни. Она старит нас, она убивает нас, она отнимает наших детей от нас, как отняла Лойланнун. Она сделала нас не просто невежественными, но и влюбленными в свое невежество. Мы заражены невежеством.

Я хочу предложить вам охоту — поиск, если так вам больше нравится. Поиск, к которому может присоединиться каждый из вас. Я хочу, чтобы вы поняли — сейчас нам необходимо осознать свое падение, свое положение, понять, что загнало нас на этот задний двор. А затем мы должны сделать все, чтобы улучшить свое положение и постараться, чтобы никакая катастрофа снова не загнала нас и наших детей в такое положение.

Вот что я предлагаю вам. Знания. Истину.

Вы боитесь их, я знаю. Вы должны подняться настолько, чтобы полюбить их, стремиться к ним.

Ищите свет!

Еще будучи детьми, Ойра и Лейнтал Эй часто бродили за нынешними границами города. Они бродили между старыми каменными колоннами, обозначающими давно исчезнувшие дороги, а теперь служившими местами, где устраивали гнезда большие птицы, вечные часовые этих мертвых мест. Дети карабкались по старым развалинам, похожим на голые черепа древним жилищам, скелетам полуразрушенных стен... Время съедало все. Но дети мало думали об этом. Их смех весело звучал среди мертвых развалин.

Теперь смех стал более натянутым, не таким веселым и беззаботным. Лейнтал Эй вступал в возраст мужчины, возраст зрелости. Он уже прошел церемонию посвящения кровью. Ойра тоже стала девушкой. Их игры уже перестали быть детскими, все, что так веселило их раньше, осталось позади, кануло в ничто, как эти древние развалины, чтобы никогда не вернуться вновь.

И последние следы детства исчезли тогда, когда Ойра взяла с собой на их прогулку раба своего отца Калари. Это означало, что теперь они никогда не будут ходить вдвоем, хотя они сами этого и не понимали.

Они пришли к каменным развалинам, откуда давно уже растащили все пригодные кирпичи. Среди руин уже даже выросли брассимпсы. Когда-то здесь, будучи детьми, они играли в замок, отражали нападения фагоров, оглашая окрестности воинственными криками.

Сейчас Лейнтал Эй взобрался на полуразрушенную стену. В его мозгу теснились странные мысли. Важное место в них занимали слова Шей Тал, эти древние развалины, Ойра и раб, сопровождающий ее, Олдорандо, и даже фагоры и неизвестные существа, населяющие дикие пустыни. В нем пробуждалось что-то — одновременно опасное

и привлекательное. Он не знал, что это пробуждался интеллект.

Он стоял, глядя вниз, на Ойру, которая, согнувшись, копошилась, изучая что-то возле стены.

— Неужели здесь когда-то был большой город? И неужели этот город восстановят, когда придет время? И кто восстановит? Люди, подобные нам?

Не получив ответа, он присел на корточки на стене, глядя вниз, на девушку.

— Как жили те древние люди? Ты думаешь, Шей Тал знает это? Может, тут и лежит сокровище, о котором она говорила?

Она выпрямилась, посмотрела на юношу. Отсюда, сверху, она была больше похожа на животное, чем на человека. Было ясно, что она не совсем понимает его.

— Священник, который приходил из Борлиена, говорил, что когда-то Борлиен был огромной страной, и даже ястреб не смог бы облететь ее за один день.

Он окинул взглядом окрестности.

— Это чепуха.

Он знал, хотя Ойра, возможно, и не догадывалась, что ястреб может облететь гораздо большую территорию, чем может обойти человек. Странно, но после того, что он слышал от Шей Тал, он уже не мог жить так же просто, как раньше. Его все время что-то волновало. Неясные вопросы теснились у него в голове. Он хотел, чтобы и Ойра думала над этими вопросами...

— Иди, посмотри, что я нашла, Лейнтал Эй! — Ее смуглое лицо светилось радостью. Лейнтал Эй видел, что это уже лицо девушки. Забыв о своих думах, он быстро спустился к ней.

Она вытащила из норки совершенно голое маленькое существо. Его крысиная мордочка была искажена страхом. Существо старалось выкарабкаться из ее ладоней.

Когда он наклонился к ней, его волосы коснулись ее волос. Он смотрел на существо, появившееся на свет. Лейнтал Эй положил свою руку на ее руку, и пальцы их переплелись.

Она подняла свои глаза, и взгляды их встретились. Губы девушки приоткрылись, легкая улыбка скользнула по ним. Юноша ощутил ее запах и обнял ее за талию.

Но рядом с ними стоял раб. По его лицу было видно, что он прекрасно понимает, какое пламя новых ощущений вспыхнуло в них обоих. Ойра отступила на шаг, затем отпустила животное в его норку. Она долго смотрела вниз.

— Твоя обожаемая Шей Тал не знает ничего. Отец сказал мне по секрету, что она странная. Идем домой.

Лейнтал Эй некоторое время жил у Шей Тал. Когда все его родные умерли, он был вырван из детства. Однако и он и Датка уже стали настоящими охотниками. Лишенный наследства своими дядьями, он решил доказать, что равен им. Юноша повзрослел как-то очень быстро и незаметно. Он был крепкий с хорошо сложенной фигурой и красивым лицом. Его силу и скорость бега скоро заметили многие. Девушки с улыбкой поглядывали на него, но он смотрел только на дочь Аоза Руна.

Хотя он был весьма популярен, люди держались поодаль от него. Он принял к сердцу смелые слова Шей Тал. Некоторые говорили, что в нем проснулся дух его великого предка, Первого Юлия. Сам Лейнтал Эй всегда держался в стороне. Даже в компаниях. Его единственным другом был Датка Ден, бывший ремесленник, а теперь охотник. Датка же говорил чрезвычайно редко, даже с Лейнталом Эй.

Со временем Лейнтал Эй перешел жить в башню к другим охотникам. Их комната находилась над комнатой Нахкри и Клилса. Здесь он услышал старые легенды, научился петь древние песни охотников. Однако он предпочитал, взяв с собой припасы и снегоступы, бродить по окрестностям. Больше он не предлагал Ойре сопровождать его.

В это время никто не ходил в одиночку. Охотники промышляли группами, пастухи выгоняли стада свиней и гусей тоже не в одиночку. Смерть и опасность всегда подстерегала одинокого человека. Лейнтал Эй приобрел репутацию

эксцентричного человека, хотя это и не повлияло на отношение людей к нему. Он был хороший охотник, и немало черепов зверей, убитых им, украсили стены Олдорандо.

Завывали штормовые ветра. Но Лейнтал Эй ходил далеко. Его не беспокоила негостеприимность природы. Он нашел дороги в неизвестные никому долины, где находились руины древних городов, жители которых давно бежали отсюда, оставив свои жилища волкам и непогоде.

Перед празднеством Двойного Заката, Лейнтал Эй прославился в племени, совершив подвиг, не менее знаменитый, чем тот, когда они с Аозом Руном взяли в плен торговцев из Борлиена. Он шел один в горах к северо-востоку от Олдорандо. Снег был глубоким, и вдруг он внезапно провалился в яму. На дне ямы сидел стунжебаг, поджидая добычу.

Стунжебаги похожи на разрушенную деревянную хижину с крышей из дранки. Они вырастают до огромной длины, и у них очень мало врагов. Едят они очень редко, так как чрезвычайно медлительны. И вот к этому чудовищу в западню и попал Лейнтал Эй. Он увидел асимметричную рогатую голову, раскрытую пасть с острыми клыками, похожими на дубовые колья. Когда чудовище попыталось ухватить его за ногу, юноша пнул его и откатился в сторону.

Барахтаясь в глубоком снегу, он нащупал копые и воткнул его в пасть стунжебага. Движения чудовища были медленные, но очень мощные, оно сбilo юношу на землю, но сомкнуть пасть не могло. Увернувшись от рогов, Лейнтал Эй вскочил на спину чудовищу, и удержаться ему удалось только крепко ухватившись за шерсть, растущую между костяными пластинами чешуи. Лейнтал Эй вытащил из-за пояса нож и вонзил его в шею между пластинами. Затем, держась за шерсть одной рукой, другой вытащил нож и еще раз вонзил между пластинами.

Стунжебаг в ярости взревел. Снег мешал чудовищу перевернуться и придавить юношу. А Лейнтал Эй пытался срезать пластину со спины зверя. Пластина напоминала дерево и была вся в острых шипах. Отделив ее от тела, он

швырнул ее в пасть чудовищу и продолжил действовать ножом, пытаясь отрезать ему голову.

Крови не было, только сочилась какая-то густая желтоватая жидкость. У стунжебага было четыре глаза — одна пара была расположена на передней части черепа и смотрела вперед, вторая пара смотрела назад. Сейчас обе пары глаз смотрели на юношу с каким-то удивлением и недоверием.

Почти обезглавленное тело поползло по снегу с максимальной скоростью, на какую оно было способно. Лейнтал Эй соскочил с него и пошел за зверем, через снегопад, который вскоре как раз прекратился, через заснеженную равнину.

Живучесть стунжебагов вошла в поговорки. И этот полз очень долго, пока юноша не догадался, что делать. Он вскочил на спину чудовища, достал свои кремни, высек искру и поджег шерсть с одной стороны шеи. Огонь занялся, и ядовитый дым клубами поплыл к небу. Поджигая шерсть то с одной стороны, то с другой, Лейнтал Эй добился того, что стунжебаг пополз к Олдорандо.

С высоких башен зазвучали трубы. Лейнтал Эй увидел женщин и охотников, бегущих к нему, выбросы гейзеров, стены, украшенные раскрашенными черепами зверей.

Он замахал своей шапкой. Сидя на спине чудовища в клубах омерзительно пахнущего дыма, он ехал по долине Эмбруддока.

Все хохотали. Триумф был полным. Но вонь от паленой шерсти стунжебага прошла только через несколько дней.

Съедобные части тела стунжебага были пущены на празднество Двойного Заката. Даже рабы приняли участие в празднестве: один из них был предназначен в жертву Вутре.

День Двойного Заката отмечался в Олдорандо как праздник Нового года. Начинался 21-й год по новому календарю. Люди веселились и дарили друг другу подарки.

Целые недели Беталикс догонял своего соперника в небе и в середине зимы они сошлись вместе. Пропали сумерки, и поскольку Олдорандо был почти на экваторе, дни и ночи стали равной длины.

— Почему они двигаются так каждый год? — спрашивала Ври у Шей Тал.

— Так было всегда.

— Это не ответ на мой вопрос...

Перспектива принесения жертвы с последующим пиром возбуждающе подействовала на людей. Еще до того, как началась церемония, на площади вокруг большого костра начались танцы под музыку. Музыканты играли на тапоре, трубках и флулчеле — инструменте, который изобрел еще Великий Юлий. После этого потным танцорам поднесли рателя, и все при свете факелов двинулись к стене.

Жертвенный камень лежал у подножия древней пирамиды. Все собрались вокруг, стоя на почтительном расстоянии, как приказал один из мастеров.

Среди рабов начался шум. Почетное право стать жертвой досталось Калари, бывшему борлиенцу, принадлежащему Аозу Руну. Его со связанными за спиной руками вывели вперед. Толпа замерла в ожидании. Опустилась холодная тишина. Над головами неслись рваные серые облака. На западе два светила опускались за горизонт.

Принесли факелы, смоченные в жире стунжебага. Лейнтал Эй шел вместе со своим другом Даткой рядом с Аозом Руном, потому что здесь же была и его прекрасная дочь.

— Тебе наверное жаль Калари, — сказал Лейнтал Эй Аозу Руну, не спуская глаз с Ойры.

Аоз Рун хлопнул его по плечу.

— Мой жизненный принцип — никогда не испытывать жалости. Жалость — смерть для охотника, как это случилось с Дресилом. На следующий год мы добудем еще рабов. Плевать на Калари.

Лейнтал Эй не раз уже сомневался в чистосердечии охотника. Аоз Рун взглянул на Элина Тала, и они оба рассмеялись.

Все вокруг смеялись и веселились, за исключением Калари. Воспользовавшись суматохой, Лейнтал Эй взял за руку Ойру и слегка пожал ее. Девушка ответила на пожа-

тие, улыбнулась, не рискуя посмотреть ему прямо в глаза. Сердце Лейнтала Эй пело. Жизнь была действительно великолепна.

Он не переставал улыбаться даже тогда, когда началась церемония. Беталикс и Фреир должны одновременно скрыться за горизонтом, исчезнуть из царства Вутры и погрузиться в мир призраков. Назавтра, если жертва будет ими принята, они взойдут вместе и некоторое время их движение по небу будет одновременным. Оба будут сиять днем и уходить на ночь, чтобы на землю опустилась тьма. А затем их пути разойдутся.

Все говорили, что погода стала мягче. Признаков улучшения становилось все больше и больше. И все же зловещая тишина опустилась на людей, когда они смотрели на запад и тени их удлинялись. Оба светила покидали царство света. Наступало царство тьмы, где много болезней и других несчастий. Чтобы беды обошли людей, должна быть принесена человеческая жертва.

По мере того как тени удлинялись, толпа становилась все напряженнее. Благодушное настроение праздника покинуло людей. Становилось темнее, и факелы не могли осветить лица всех людей. Толпа стала походить на безликое многоголовое чудовище. На мир опускалась тьма, и людьми овладевал массовый психоз.

Старейшины совета, старые и согбенные, вышли вперед и дрожащими голосами пропели молитву. Четыре раба вывели Калари. Он еле волочил ноги. Голова его упала на грудь, изо рта текла слюна. Над головами летели птицы. Свист их крыльев слышался повсюду. Они летели по направлению к золоту заката.

Жертву уложили на жертвенный камень, головой к западу. Голова легла прямо в углубление, сделанное в камне. Ноги его привязали к деревянной плахе. Они были направлены туда, откуда на следующий день должны появиться два светила, приносящих сияющий день. Таким образом жертва представляла собой единение двух тайн человеческой и космической жизни.

К этому времени жертва уже потеряла свою индивидуальность. Хотя глаза Калари закатились от ужаса, он лежал спокойно, так как ощущал присутствие Вутры.

Четыре раба отступили назад, и появились Нахкри и Клилс. На обоих были накинuty красные плащи. Женщины, сопровождающие их, остались в толпе. Лицо Нахкри было таким же бледным, как и лицо жертвы, на которое он взглянул, когда наклонился за топором. Он поднял этот ужасный инструмент. Ударил гонг.

Нахкри стоял перед камнем, держа топор в руках, брат стоял чуть сзади. Пауза затянулась, и по толпе пробежал ропот недовольства. Пришло время нанести удар. Пропусти этот момент — и кто знает, что будет завтра. Ропот выражал растущее недовольство братьями-правителями.

— Бей! — крикнул кто-то из толпы. Проревел Свистун.

— Я не могу, — сказал Нахкри, опуская топор. — Я не могу сделать этого. Животное — запросто. Но не человека, пусть даже из Борлиена.

Его младший брат вышел вперед и схватил топор.

— Ты трус. Ты делаешь из нас дураков перед всеми. Я сделаю это. Пусть тебе будет стыдно. Я покажу тебе, кто из нас мужчина.

С оскаленными зубами он размахнулся топором, глядя на жертву, которая смотрела на него из углубления в камне, как из могилы.

Внезапно мышцы у Клилса свело и они отказались повиноваться ему. Лезвие топора отразило последние лучи заходящих солнц. Затем топор опустился на камень и Клилс тяжело оперся на него, задыхаясь.

— Мне нужно выпить еще рателя...

В толпе раздался рев. Светила должны были вот-вот скрыться. Можно было расслышать отдельные крики из толпы:

— Это не правители, а клоуны...

— Они слишком много слушали Лойл Бри...

— Их отец заставлял их слишком много учиться, и теперь их мускулы ослабели...

Затем толпа сомкнулась вокруг братьев, и топор взяли из рук Клилса.

Аоз Рун вышел вперед, взял топор. Затем он прорычал несколько слов, и вся толпа вместе со слабо протестующими братьями отхлынула от него. Аоз Рун занес топор над головой.

Оба солнца уже заходили, накатывалось море тьмы. Оставшийся свет растекался по земле, как желток гусиного яйца, и требовалась кровь фагора либо человека, чтобы оплодотворить пустошь. Над толпой пронеслись летучие мыши. Охотники подняли кверху сжатые кулаки, подбадривая Аоза Руна.

Солнечный луч упал на пирамиду и разделился на отдельные полосы, отразившись от ее граней. Они осветили жертвенный камень и жертву на нем. Правда, освещена была только голова. Тело оставалось в тени.

И острое топора, сверкнув в последнем луче, опустилось на границу света и тени.

И тут же, будто высвобожденный этим ударом, раздался восторженный крик толпы. Это был единый крик, легкие всех одновременно вытолкнули воздух из груди.

Голова жертвы чуть откатилась в сторону, а затем стала тонуть в крови, которая быстро заполнила углубление, а затем стала переливаться через края на землю. Она уже стекала ровным потоком, когда оба светила окончательно исчезли за горизонтом.

Церемониальная кровь — это была бесценная жидкость, магический флюид, который должен течь всю ночь, освещая светилам путь в подземном царстве тьмы, чтобы те прошли его в безопасности и на следующее утро появились, принося на землю свет.

Толпа была удовлетворена. Подняв факелы, люди пошли обратно к древним башням, которые сейчас были погружены во тьму, но постепенно проявлялись из нее по мере того как приближались люди с факелами.

Датка шел рядом с Аозом Руном, которому люди почтительно уступали дорогу.

— Как ты мог убить своего раба? — спросил молодой охотник.

Аоз Рун презрительно посмотрел на него.

— Бывают времена, когда нужно уметь принять решение.

— Но Калари... — прошептала Ойра. — Это было так страшно...

Аоз Рун отверг эмоции дочери.

— Девушкам этого не понять. Я хорошенько накормил и основательно напоил Калари перед этим. Он ничего не почувствовал. Вероятно, он и сейчас думает, что находится в объятиях какой-нибудь девушки, — рассмеялся охотник.

Торжественная часть кончилась. Некоторые люди и в самом деле сомневались, что солнца взойдут утром. Все пошли праздновать, пить ратель. Людям сегодня было о чем поговорить: о слабости их правителей. Не было лучшей темы для разговора над кружками рателя перед тем, как вновь будет пересказано Великое Сказание.

Но Лейнтал Эй шептал Ойре, обнимая ее в темноте:

— Ты полюбила меня тогда, когда увидела верхом на стунжебаге?

Она показала ему язык.

— И вовсе нет. Ты выглядел так глупо.

Затем празднество обратилось к нему более серьезной, сокровенной стороной.

Глава VI «КОГДА Я БЫЛ ВЕСЬ БЕФУДДОК...»

Все, что он мог видеть перед собою, — это низменная равнина, простирающаяся до самого горизонта. Скучная жесткая растительность покрывала эту равнину насколько мог видеть глаз. Лейнтал Эй остановился, положив руку на колено и тяжело дыша. Он оглянулся назад. Олдорандо осталось позади в шести днях ходьбы.

Другая сторона долины была омыта чистым голубым светом, благодаря чему четко вырисовывалась каждая деталь ландшафта. Небо над долиной было чуть розоватым — верный признак грядущей бури.

Лейнтал Эй снова пошел вперед. Земля снова и снова выплывала к нему из-за горизонта. Он еще никогда не бывал здесь. Вдали из-за горизонта показалась башня. Каменная, разрушенная, такая же, как в Олдорандо, с наклонными стенами и с окнами на каждой стене и на каждом этаже. Сейчас в башне осталось всего четыре этажа.

Наконец Лейнтал Эй добрался до башни. Большие птицы кружили над ней. Все вокруг было усыпано ее обломками. За нею возвышался огромный холм, а между холмом и бесконечностью тут и там виднелись раджабаралы. Холодный ветер подул с новой силой, и у Лейнтала Эй заныли зубы. Он плотно сжал губы.

Что делает здесь эта башня, так далеко от Олдорандо?

Для птицы совсем недалеко. И для фagara верхом на кайдаве недалеко. А если быть богом, то тогда и вовсе нет расстояний.

Как бы в ответ на его мысли огромные черные птицы взмыли в воздух и полетели куда-то, хлопая крыльями. Он смотрел на них, пока они не скрылись из виду и он не остался один на безмолвной пустынной равнине.

О, Шей Тал должно быть права. Когда-то мир был другим. Когда он говорил об этом с Аозом Руном, тот сказал, что это неважно. Важно то, что они уже не могут ничего изменить, важно то, что племя должно быть единым, чтобы выжить. Если племя пойдет по пути, предлагаемому Шей Тал, то оно перестанет быть единым. Шей Тал заявила, что истина важнее единства.

Мысли его бродили в голове, как облака, плавающие над долиной. Лейнтал Эй вошел в башню и осмотрелся. Сплошные развалины. Деревянные полы разобраны на топливо. Он положил свой мешок и копье в угол и стал подниматься наверх, используя каждый выступ в стене, чтобы ухватиться за него или поставить ногу. Наконец он поднял-

ся на верх стены, осмотрелся. Сначала он искал фагоров — это была их территория. Но равнина была пустынна. Ни одного живого существа не встретил его взгляд.

Шей Тал никогда не выходила из города. Может быть, она сочиняла эти тайны? И все же — вот подобная тайна. Глядя вокруг себя, он замер в благоговейном трепете. *Кто создал все это? Для чего?*

На высоком холме позади него он заметил шевельнувшиеся заросли низких кустов. Он присмотрелся и увидел маленькие живые существа, согнутые почти вдвое. Они были закутаны в шкуры и гнали перед собою стадо гонтов или арангов.

Он с нетерпением смотрел на них, как будто они могли дать ответы на вопросы, которые волновали его. Это вероятно были нондаги, племя, говорившее на языке, отличном от олонецкого. Он очень долго смотрел на них, но они были так далеко, что их движения вперед почти не было заметно.

Возле Олдорандо водились олени, которые служили людям основной пищей. Существовало несколько методов охоты, но Нахкри и Клилс предпочитали охоту с приманкой.

В качестве приманки использовалось пять прирученных самок. Люди, согнувшись, крались за самками, управляя ими с помощью веревки и направляя их к стаду. Когда они были совсем близко, охотники выскакивали из засады и наносили удары копьями направо и налево, чтобы убить как можно больше. Затем они собирали добычу, и прирученные олени тащили своих убитых собратьев.

Когда охотники собрались на охоту, пошел снег. Идти было тяжело. Олени не попадались. Им пришлось идти целых три дня по трудной дороге, ведя ручных оленей, прежде чем они наткнулись на небольшой стадо.

Охотников было двадцать. Нахкри и Клилс восстановили свой пошатнувшийся во время празднества авторитет, раздавая ночью ратель без всякого ограничения. Лейнтал Эй и Датка шли за Аозом Руном. Они во время охоты гово-

рили мало, да и не нужны были слова, когда между ними уже возникло доверие друг к другу. Аоз Рун в своих черных мехах стоял в дикой пустыне, как олицетворение мужественности, а оба юноши встали рядом с ним, как его большие охотничьи собаки.

Стадо паслось на пологом склоне. Нужно было обогнуть его справа, где склон был круче и запах людей не беспокоил бы животных.

Два охотника остались с собаками. Остальные двинулись по склону, на котором было два дюйма мокрого снега. На вершине холма торчали огромные пни и были разбросаны остатки каменных строений, поверхности которых были гладкими от долгого воздействия ветра и дождей. Отсюда уже было видно стадо, и охотники поползли на четвереньках, приготовив копыя.

В стаде было тридцать две самки и пять самцов. Самцы разделили самок между собою и теперь изредка вступали в ссоры. Животные были изможденные, ребра торчали из-под кожи, шерсть свалаялась и висела клочьями. Они мирно паслись, изредка поднимая головы и нюхая воздух. Ветер дул от них к охотникам, притаившимся за камнями.

Нахкри дал сигнал.

Он и его брат повели ручную самку, укрываясь за нею так, чтобы зайти к стаду слева. Аоз Рун, Датка и Лейнтал Эй с тремя самками стали заходить с правой стороны.

Аоз Рун уверенно вел свою самку. Но ему решительно не нравились условия для охоты. Когда стадо побежит, то не в сторону охотников, а от них. Если бы он был во главе, он потратил бы больше времени на подготовку. Но Нахкри был слишком уверен в себе, чтобы терять лишнее время. Стадо было слева от Аоза Руна. Низкорослые деревья росли на каменистом склоне, маскируя продвижение охотников. В отдалении возвышались утесы, над которыми багровело угрюмое небо.

Приземистые деревья тоже отчасти скрывали приближение охотников. Их серебристые, изломанные стволы почти не имели коры. Верхние сучья обломаны недавними

бурями. Некоторые деревья буквально стелились по земле, согнутые сильными ветрами. Некоторые, напротив, вздымались почти вертикально вверх, как одинокие воины, готовые к битве. Сама местность же представляла собой миниатюрный горный хребет.

Все это внимательно изучал Аоз Рун, осторожно продвигаясь вперед под прикрытием своего оленя. Он бывал здесь и раньше, правда в более хорошие времена, когда погода была теплее. Однако он заметил, что несмотря на жалкое состояние деревьев, они вовсе не собирались умирать, а некоторые даже выпустили свежие побеги.

Они все приближались к стаду. Внезапно из-за деревьев выскочил одинокий самец. Он бросился к стаду, где немедленно был встречен ближайшим из трех самцов. Хозяин приближался к прищельцу, роя землю копытами, издавая грозные звуки и наклонив голову. Но прищелец стоял неподвижно, не принимая обычную позу для защиты.

Когда олени сплели свои рога, Аоз Рун заметил на рогах прищельца кожаную петлю. Он немедленно передал свою самку Лейнталу Эй, а сам скрылся между деревьями. Он осторожно пробирался вперед и вскоре, выглянув из-за одного дерева, заметил среди деревьев желтоватую шерсть. Схватив поудобнее копьё и изготовившись для удара, он бросился вперед.

Он чувствовал, как острые камни впиваются в ступни, слышал фыркание растревоженного стада. Он старался бежать как можно тише, но, разумеется, он не мог избежать шума.

Желтоватое пятно двинулось, и на виду появилось плечо фагора. Чудовище повернулось. Его глаза вспыхнули красным огнем. Фагор опустил рогатую голову и вытянул руки, готовясь отразить нападение. Аоз Рун вонзил копьё между ребрами фагора.

С жутким криком двурогий упал на землю. Сила столкновения была такова, что Аоз Рун тоже упал. Фагор обхватил охотника своими мощными руками, вонзив в спину когти, и они покатались по земле.

Оба живых существа, в черной и белой шерсти, стали одним животным, которое боролось с самим собой, стараясь разорвать себя на части. Это животное ударилось о ствол дерева и снова стало наполовину черным, наполовину белым.

Фагор откинул голову назад и раскрыл пасть, готовясь нанести удар. Аоз Рун увидел два ряда острых желтоватых зубов. Он высвободил руку, нащупал камень и ударил между толстых губ фагора, прямо по зубам, когда они уже приближались к его голове. Затем он вскочил, увидел свое копьё, все еще торчащее в теле фагора, и всей тяжестью налег на него. Раздался стон, и фагор отошел в страну призраков. Желтая кровь хлынула из раны. Аоз Рун, пошатываясь, стоял над телом фагора. Большая птица тяжело поднялась с земли и полетела на восток.

Аоз Рун поднял голову и увидел, как Лейнтал Эй убил другого фагора. Еще два чудовища выскочили из-за деревьев, они сидели на одном кайдаве и, отчаянно погоняя его, скрылись вдаль. Белые птицы летели за ними, издавая хриплые крики, которым откликалось далекое эхо.

К нему подошел Датка и, не говоря ни слова, положил руку ему на плечо. Они улыбнулись друг другу. Аоз Рун улыбался, преодолевая свою боль.

Подошел сияющий Лейнтал Эй.

— Я убил его! Он умер, — сказал он, улыбаясь во весь рот.

Отпихнув ногой тело фагора, Аоз Рун оперся о ствол дерева. Он тяжело дышал, ощущая острый чужой запах врага. Его руки дрожали.

— Позови Элина Тала, — сказал он.

— Я убил его, Аоз Рун, — повторил Лейнтал Эй, показывая на тело фагора на снегу.

— Позови Элина Тала, — приказал Аоз Рун.

Датка пошел к двум оленям, которые все еще сражались, сплетая рога и роя землю копытами. Они не замечали ничего вокруг. Датка перерезал горло и тому и другому. Животные некоторое время стояли как бы в задумчивости, затем, так и не расцепив рога, упали на землю.

— Увидев петлю на рогах, — сказал Аоз Рун, — я сразу понял, что фагоры рядом. Это их старый прием.

Прибежали Элин Тал, Фаралин Ферд и Тант Эйн. Они оттолкнули юношу и подхватили Аоза Руна.

— Осторожнее, не прижимайтесь к нему, — сказал Элин Тал. — Нужно в первую очередь уничтожить блох.

Остатки стада уже давно спаслись бегством. Братья успели убить трех самок и торжествовали. Пять убитых животных — это неплохая добыча. В Олдорандо будет что поесть, когда они вернутся домой. Трупы фагоров оставили здесь. Никто не польстился на их шкуры.

Лейнтал Эй и Датка держали ручных самок, пока Элин Тал и другие охотники осматривали раны Аоза Руна. Аоз Рун оттолкнул непрошенных врачей.

— Нужно уходить отсюда! — рявкнул он. — Где есть четверо фагоров, могут быть и другие.

Погрузив добычу на прирученных самок, они двинулись обратно.

Но Нахкри был недоволен. Он напустился на Аоза Руна.

— Зачем убивали этих самцов? Они же вконец изголодались. Их мясо по вкусу напоминает кожу.

Аоз Рун промолчал.

— Только идиоты убивают самцов, — сказал Клилс.

— Успокойся, Клилс, — крикнул Лейнтал Эй. — Разве ты не видишь, что Аоз Рун ранен? Иди, потренируйся рубить топором.

Аоз Рун смотрел в землю и молчал. А это молчание злило братьев еще больше. Молчаливая пустыня простиралась вокруг.

Наконец, вдали показался город, выбросы гейзеров, слышались звуки труб. Часовыми ставили тех, кто был слишком слаб или стар, чтобы охотиться. Нахкри дал им легкую работу, но если он замечал, что они недостаточно бдительны, то сокращал им норму рателя. Трубы служили сигналом женщинам кончать работу и выходить навстречу своим мужчинам. Женщины очень боялись смерти своих мужчин — ведь это означало скудную пищу, нищенское

существование и необходимость отдаваться тому мужчине, который захочет тебя, будь это самый последний мужчина в городе. Поэтому женщины, выбежавшие на стены, всегда пересчитывали возвращающихся охотников и, поняв, что никто не погиб, разражались криками радости. Значит, этой ночью будет празднество.

Элин Тал, Тант Эйн, Фаралин Ферд были с бурной радостью встречены своими женщинами и пошли по своим домам. Аоз Рун молча пошел один, хотя он искоса зорко взглянул, нет ли среди встречающих Шей Тал. Ее не было.

Датку тоже никто не встречал. Он с каменным лицом протискивался через толпу оживленных женщин, тайно желая увидеть подругу Шей Тал, молоденькую Ври. Аоз Рун незаметно похлопал его по плечу, подбадривая, хотя сам он был в таком же положении.

Из-под темных бровей он видел, как его дочь Ойра подбежала и схватила руку Лейнтала Эй. Он подумал, что эти дети хорошо подходят друг к другу.

Конечно, у Ойры более сильный характер: Лейнтал Эй слишком мягок. Она поведет его в танце жизни, когда станет его женщиной. Ойра в этом отношении была похожа на Шей Тал — упрямая, красивая — и себе на уме.

Он прошел через широкие ворота, опустив голову и прижимая руку к ноющему боку. Нахкри и Клилс шли неподалеку, ссорясь со своими женщинами. Оба они угрожающе посмотрели на него.

— Знай свое место, Аоз Рун, — сказал Нахкри.

Аоз Рун вздернул плечо.

— Однажды я уже поднял топор во славу Вутры. Я подниму его еще раз, — прорычал он.

Все дрожало у него перед глазами. Он выпил кружку рателя, но лучше ему не стало. Тогда он поднялся в башню и упал на ложе, которое делил вместе с компаньоном. Вскоре он потерял сознание и не чувствовал, как рабыня раздевает его, чтобы осмотреть и смазать его раны бальзамом. Примерно через час он уже пришел в себя и вышел на улицу, чтобы отыскать Шей Тал.

Близился закат, и Шей Тал кормила хлебом гусей возле реки Ворал. Река была широкая и не успела замерзнуть. По черной воде плыли белые льдины. Когда они были молодыми, река замерзала полностью: от берега до берега.

Шей Тал сказала:

— Вы, охотники, ходили так далеко, а я видела этим утром на том берегу хоксни и диких лошадей.

Мрачный и угрюмый, Аоз Рун взглянул на нее и взял за руку.

— Ты всегда все говоришь против, Шей Тал. Ты считаешь, что разбираешься в охоте лучше, чем охотники? Почему ты не пришла встретить нас?

— Я была занята. — Она отняла руку и стала крошить хлеб гусям, окружившим ее. Аоз Рун с досадой отпихнул их ногой и снова взял ее руку.

— Я сегодня убил фагора. Я сильный. Он ранил меня, но я убил его. Все охотники и все девушки смотрели на меня. Но я хочу только тебя, Шей Тал. Почему ты не хочешь меня?

Она повернула к нему лицо с огромными блестящими глазами, в которых не было гнева, но в которых он мог легко вспыхнуть.

— Я хочу тебя, но ты ломаешь мне руку, если я скажу что-нибудь против тебя. Мы всегда будем ссориться. Ты никогда мягко не говорил со мной. Ты можешь насмехаться, издеваться, но не можешь быть нежным.

— Такой я человек. Не умею быть нежным. Но я никогда не сломаю твою красивую руку. Когда ты будешь со мной, ты забудешь все свои теперешние мысли.

Она ничего не ответила и снова стала кормить птиц. Беталикс зарылся в снег на горизонте и поджег ее волосы золотым сиянием. Все вокруг замерло. Лишь река мерно несла свои черные воды.

Он долго стоял, переминаясь с ноги на ногу, а затем спросил:

— Чем ты была так занята?

Не глядя на него, Шей Тал сказала напряженным голосом:

— Ты помнишь мои слова в тот день, когда мы хоронили Лойланнун? Я говорила, в основном, для тебя. Мы живем на заднем дворе. Я хочу знать, что происходит в остальном мире. Я хочу все знать, все понимать. Мне нужна помощь, но ты не тот мужчина, который может мне ее дать. Я учу других женщин, когда есть время, потому что это способ учиться самой.

— Что в этом хорошего? Ты только вносишь смуту в умы.

Она промолчала, глядя на реку, вода которой подернулась золотом заката.

— Мне следовало бы положить тебя на колени и выпороть, — сказал он.

Она сердито взглянула ему в лицо. Но тут же выражение ее лица изменилось. Она весело рассмеялась, блеснув белыми зубами. Затем стыдливо прикрыла рот рукой.

— Ты действительно ничего не понимаешь?

Воспользовавшись моментом, он взял ее руки, привлек ее к себе.

— Я постараюсь быть нежным с тобою, Шей Тал. Потому что я люблю тебя, твои глаза, блестящие, как эта вода. Забудь про учение. Все можно делать и без него. Забудь, и стань моей женщиной.

Он обнял ее, приподнял в воздух, и гуси с негодующими криками разбежались от них. Снова встав на ноги, она сказала:

— Не говори со мною так, Аоз Рун. Моя жизнь вдвойне драгоценна, и я могу отдать себя лишь один раз. Знание важно для меня — и для всех остальных. Не заставляй меня выбирать между тобой и знанием.

— Я давно люблю тебя, Шей Тал. Я знаю, как ты относишься к Ойре, но не говори мне нет. Будь моей женщиной, или я возьму себе другую. Предупреждаю тебя, ведь я человек с горячей кровью. Живи со мной, и ты забудешь все свои академии.

— О, ты только повторяешь себя. Если ты любишь меня, постарайся услышать мои слова.

Она повернулась и пошла к башням, но Аоз Рун догнал ее и остановил.

— Ты оставляешь меня после того, как наговорила всяких глупостей. — Его манеры резко изменились, теперь он говорил зло, почти язвительно. — А что ты будешь делать, если я стану правителем Эмбруддока? Это не невозможно. Тебе тогда придется стать моей женщиной.

Увидев ее взгляд, он понял, почему он так добивается ее. Она мягко сказала ему:

— Так вот о чем ты мечтаешь, Аоз Рун. Ну что же, знания и мудрость — это тоже мечты. Нам обоим суждено добиваться своей мечты отдельно друг от друга. Я, как и ты, тоже не хочу, чтобы кто-то имел власть надо мною.

Он молчал. Шей Тал знала, что он признал ее довод справедливым, но он думал совсем о другом. Пристально глядя на нее, Аоз Рун спросил:

— Но ты же ненавидишь Нахкри?

— Он не вмешивается в мою жизнь.

— Но вмешивается в мою.

Как обычно, после удачной охоты было назначено празднество с рателем и обильной едой. К тому же мастера смогли сделать новое вино из зерна, так что выпивки было более, чем обычно. Пели песни, танцевали под музыку и пили, много пили. Когда опьянение достигло предела, многие мужчины поднялись в большую башню, где продолжали пить и откуда открывался вид на главную улицу. На первом этаже развели большой костер, дым от которого поднимался кверху, струясь вдоль стен. Аоз Рун был мрачен. Он не пел со всеми. Немного погодя он ушел из компании. Лейнтал Эй видел, как он ушел, но не последовал за ним. Он был слишком занят дочкой, чтобы ходить за ее отцом. Аоз Рун поднялся по лестнице и вышел на крышу, чтобы глотнуть холодного воздуха.

Датка, который не любил музыку, последовал за ним в темноту. Как обычно, он молчал. Он стоял, обхватив себя

руками, и смотрел в ночную тьму. Полосы тускло-зеленого огня полыхали в небе, вскидывая языки в стратосферу.

Аоз Рун с глухим стоном упал. Датка подхватил его, но Аоз Рун оттолкнул юношу.

— Что с тобой? Опьянел?

— Вот! — Аоз Рун показал рукой куда-то во тьму. — Она уже ушла, черт бы ее побрал. Женщина с головой свиньи.

— О, у тебя видения. Ты пьян.

Аоз Рун гневно повернулся.

— Не называй меня пьяным, сопляк. Я видел ее, говорю тебе. Голая, высокая, волосы до плеч, четырнадцать сосков. Она шла ко мне. — Он побежал по крыше, маша руками.

На крыше появился Клилс. Он держал в руках оленью ногу и слегка пошатывался.

— Вам обоим здесь нечего делать. Это Большая Башня. Сюда могут приходить только правители Олдорандо.

— А, трус, — подошел к нему Аоз Рун. — Ты уронил топор.

Клилс ударил его ногой оленя по шее. С ревом Аоз Рун схватил Клилса за горло и попытался повалить его. Но Клилс ударил его ногой в колено, толкнул на парапет, окружающий крышу, и побежал.

Аоз Рун упал, голова его свешивалась с парапета над бездной.

— Датка! — крикнул он. — Помоги мне!

Датка молча подошел сзади к Клилсу, обхватил его колени, поднял в воздух и понес к парапету.

— Нет, нет! — кричал Клилс, отчаянно барахтаясь. Он обхватил шею Аоза Руна. Три человека боролись в зеленой полутьме — двое, пьяные от выпитого рателя, и Клилс, который протрезвел в борьбе за свою жизнь. Звуки песен, доносившихся снизу, служили мрачным аккомпанементом этой драме. Наконец они смогли разжать пальцы Клилса — его последнюю связь с жизнью — и он с криком полетел вниз. Они слышали глухой удар внизу.

Аоз Рун и Датка, тяжело дыша, опустились на парапет.

— Мы убили его, — сказал наконец Аоз Рун. Он со стоном прижал руку к больному боку. — Спасибо тебе, Датка.

Датка промолчал.

Наконец, Аоз Рун заговорил снова:

— Теперь нас, конечно, убьют. Нахкри сделает все, чтобы убить нас. Люди ненавидят меня. — Помолчав, он добавил: — Но во всем виноват этот идиот Клилс. Он сам напал на меня. Это его вина.

Аоз Рун вскочил с парапета и стал расхаживать по крыше, что-то бормоча. Он наткнулся на оленью ногу, которую обгладывал Клилс, и со злостью швырнул ее в темноту.

Повернувшись к молчавшему Датке, он сказал:

— Спустись вниз и найди Ойру. Она должна сделать то, что я скажу. Пусть она приведет сюда Нахкри. Я видел, какими глазами он смотрит на нее, поэтому он пойдет за нею.

Пожав плечами и не сказав ничего, Датка ушел. Ойра работала в услужении у правителей, и так как Нахкри благоволил ей, служба ее была легкой. Лейнталу Эй очень не нравилось, что она работает там.

Аоз Рун расхаживал по крыше и сыпал проклятиями. Вернулся Датка.

— Она приведет Нахкри, — сказал он. — Но я не хочу принимать участие в том, что ты задумал.

— Заткнись! — Впервые за много времени Датка испытал такое обращение. Он отступил в глубокую тень, когда на лестнице послышались шаги. На крыше показались три фигуры: первой была Ойра, за нею появился Нахкри — пьяный, с кружкой рателя в руке, а за ним — Лейнтал Эй, решивший не отпускать от себя Ойру ни на шаг. Он был зол, и выражение его лица не смягчилось, когда он увидел Аоза Руна. Тот был явно недоволен.

— Спускайся вниз, Лейнтал Эй. Тебе нечего тут делать, — сказал он.

— Здесь Ойра, — ответил юноша, как будто этого было достаточно, чтобы оправдать его присутствие здесь.

— Он присматривает за мной, отец, — сказала Ойра.

Аоз Рун отодвинул ее в сторону и встал перед Нахкри:

— Мы с тобой постоянно ссоримся, Нахкри. Теперь мы будем драться с тобой, как мужчина с женщиной. Приготовься.

— Прочь с моей крыши! — крикнул Нахкри. — Я не буду драться здесь. Внизу, где тебе положено быть.

— Готовься драться.

— Ты наглец, Аоз Рун, и тебе следовало бы помолчать после твоего провала на охоте. Сейчас ты просто пьян.

Нахкри был пьян и нахален.

— Мы будем драться здесь! — крикнул Аоз Рун и бросился на Нахкри.

Тот швырнул кружку ему в лицо. Ойра и Лейнтал Эй схватили охотника за руки, но тот вырвался и ударил Нахкри по лицу.

Нахкри упал, покатился по полу, выхватил из-за пояса кинжал. Лезвие его сверкнуло в зеленоватом свете. Небесное пламя полыхало так, как будто ему не было никаких дел до человеческих трагедий. Аоз Рун ногой попытался выбить нож, но промахнулся и тяжело упал на Нахкри. Нахкри застонал и его начало рвать. Аоз Рун откатился от него.

— Прекратите! — крикнула Ойра, снова схватив отца.

— В чем дело? — спросил Лейнтал Эй. — Ты спровоцировал ссору из ничего, Аоз Рун. Все права на его стороне, хоть он и дурак.

— Заткнись, если ты хочешь получить мою дочь, — рявкнул Аоз Рун и снова бросился на Нахкри. Его противник, задыхающийся, был беззащитен. Он потерял свой кинжал. Под градом ударов он подкатился к парапету. Ойра вскрикнула. Нахкри несколько мгновений держался за край, затем его пальцы разогнулись, и он рухнул вниз.

Все слышали удар о землю далеко внизу. Они стояли, как зачарованные, молча глядя друг на друга. Пьяное пение доносилось до них снизу.

*Когда я был весь Бефуддок
И приехал в Эмбруддок,
Я увидел свинью, танцующую джигу,
И упал на задок...*

Аоз Рун посмотрел вниз.

— Ты это заслужил, лорд Нахкри, — сказал он угрюмо. Он снова взялся за бок и застонал. Затем Аоз Рун повернулся к остальным, глядя на них дикими глазами.

Лейнтал Эй и Ойра молча стояли рядом. Ойра всхлинула.

Датка вышел вперед и сказал:

— Если вам дорога жизнь, Лейнтал Эй и Ойра, вы будете молчать об этом. Вы видите, как легко лишиться жизни. Я скажу, что видел, как поссорились Нахкри и Клилс. Они подрались и оба упали с башни. Мы не могли остановить их. Помните, что я сказал. Молчите. Аоз Рун будет лордом Эмбруддока и Олдорандо.

— Я буду лучшим правителем, чем эти два идиота, — пошатываясь, сказал Аоз Рун.

— Посмотрим, — спокойно сказал Датка. — Не забывай, что мы были свидетелями двойного убийства. И мы не принимали участия в этом. Это все сделал ты, так что относись к нам соответственно.

Годы правления Аоза Руна в Олдорандо прошли так же, как проходили и при других правителях. Только погода изменилась, но она, как и многие другие вещи, не подчинялась установлениям лордов.

Температурные градиенты в стратосфере изменились, тропосфера прогрелась, температура на поверхности земли стала подниматься. Проливные дожди шли целыми неделями. В тропических зонах снег исчез совсем. Ледники остались только высоко в горах. Земля покрылась зеленью. Появились птицы и животные, каких раньше никто не видел. Жизнь трансформировала сама себя. Ничто не осталось таким, как прежде.

Для многих старых людей эти перемены были нежелательны. Они с тоской вспоминали снега, покрывающие землю в пору их юности. Люди среднего возраста радовались переменам, но качали головами и говорили, что все слишком хорошо, чтобы продлиться долго. Молодежь не знала ничего другого. Жизнь кипела в них, как и вокруг. Теперь у людей всегда было много разной еды, они стали производить много детей, которые умирали гораздо реже.

Что касается светил, то Беталикс восходил на небо, как и раньше. Но с каждым днем, с каждым часом Фреир становился все ярче, все горячее.

И одновременно с драмой климата разворачивалась драма человеческих судеб, в которой играл свою роль каждый человек. И одни играли с радостью и удовлетворением, другие — с горечью и разочарованием. Но каждый считал свою роль главной, каждый считал себя центром событий в настоящий момент. Так было на всей планете Гелликония, где небольшие группы мужчин и женщин боролись за свое существование.

А Земная Станция Наблюдения фиксировала все.

Став лордом Олдорандо, Аоз Рун потерял все свое добросердечие. Он стал мрачным, угрюмым, нелюдимым, отдалившись даже от свидетелей и сообщников его преступления. И даже те немногие, кого он допускал к себе, не понимали, что его самоизоляция объяснялась неистребимым ощущением вины. Люди редко затрудняют себя тем, чтобы понять душу другого человека. Запрет убийства в племени был очень категорическим. Ведь в племени все были родственниками, пусть и дальними. К тому же потеря хотя бы одного человека, способного приносить пользу племени, всегда болезненно отражалась на благосостоянии людей.

Случилось так, что ни Клилс, ни Нахкри не имели детей от своих женщин, и теперь только они могли общаться с призраками своих мужей. Обе сказали только то, что оба призрака kloчочут гневом, а гнев призраков трудно пере-

носить, так как они никогда не могут избавиться от него или утолить его. Люди приписали этот гнев тому, что оба брата погибли в состоянии безумного опьянения и ярости ссоры. Поэтому женщинам разрешили не общаться со своими мужьями. Сами братья и их жуткий конец вскоре перестали быть темой разговоров. Тайна убийства так и не выплыла наружу.

Но Аоз Рун никогда не забывал. На следующее утро после убийства он с трудом поднялся и сунул голову в холодную воду. Но это только усилило лихорадку, которая трясла его. Все его тело было охвачено жгучей болью, которая, казалось, переходила от одного органа к другому.

Дрожа от озноба и не желая общаться со своими компаньонами, он вышел из башни. Его собака Курд шла рядом. Он пошел сквозь густой туман, в котором, как призраки, шли на работу в свою башню женщины. Обойдя их стороной, Аоз Рун поспешил к северным воротам. Проходя мимо большой башни, он, еще не понимая ничего, наткнулся на изуродованное тело Нахкри. Тот лежал у его ног. Глаза его были открыты, и в них застыл ужас. Аоз Рун обошел башню и с противоположной стороны нашел тело Клилса. Трупы еще не были обнаружены, и тревога не была поднята. Курд зарычал и стал прыгать возле тела Клилса.

Неожиданно сознание Аоза Руна пронзила мысль. Ведь никто не поверит, что братья убили друг друга, раз они лежат по разные стороны башни. Он схватил руку Клилса и попытался сдвинуть его. Но труп был неподвижен, как будто он прирос к земле. Аоз Рун наклонился, подхватил тело подмышками и дернул изо всех сил. Труп не сдвинулся с места, как будто Аоз Рун лишился всей своей силы. Задыхаясь, охотник подошел с другой стороны, схватил тело за ноги. Где-то вдали кричали на реке гуси, словно посмеиваясь над его стараниями.

Наконец Аозу Руну удалось сдернуть примерзшее тело. Клилс упал лицом вниз и примерз рукой и одной стороной лица. Теперь они оказались поврежденными. Аоз Рун поволок его по мерзлой земле к Нахкри, бросил там и постарал-

ся вычеркнуть всю эту неприятную сцену из памяти. Затем побежал к северным воротам.

Здесь было много полуразвалившихся башен, окруженных раджабаралами — и частично ими же и разрушенных. В одном из этих памятников времени над рекой Ворал он нашел себе убежище. Одна из комнат на втором этаже башни была во вполне сносном состоянии. Лестница давно сгнила, но Аоз Рун сумел взобраться туда по выщербленной каменной стене. Он стоял, задыхаясь от боли и держась рукой за стену. Затем он выхватил кинжал и стал освобождаться от одежды.

Медведь, в шкуре которого ходил Аоз Рун, умер в далеких горах. Ни у кого в городе не было такого меха. Но Аоз Рун рвал с себя эту шкуру, резал ее на части.

Наконец он остался голый. Он стыдился даже сам себя. "Обнаженное тело не было частью культуры племени. Собака внизу выла и царапалась о стену.

Все его тело, плоский живот, мощная мускулатура, были покрыты огненными пятнами. Оно как будто горело от колен до шеи.

Прикрыв рукой пенис, он, как безумный, бегал по комнате, крича от боли.

Для него этот огонь был как бы наказанием за убийство. Убийство! Вот за что несет он кару. Его темный разум не мог признать другой причины. Ни на секунду он не вернулся памятью в прошлое, к событиям на охоте, когда ему пришлось бороться с фагором. Ни на секунду он не мог предположить, что на него перекинулся лишай, который был присущ фагорам, но с которым организм фагоров приспособился справляться. Аоз Рун знал слишком мало, что бы делать такие заключения.

Земная Станция Наблюдения плыла в небе, все замечая и фиксируя.

Оборудование на борту станции позволяло наблюдателям узнавать о планете то, о чем даже не подозревали

ее обитатели. Они изучали жизненный цикл насекомых, которые приспособились паразитировать на фагорах и на людях. Они изучали расположение горных пород Гелликонии. И все факты, собранные, проанализированные, отправлялись на Землю, как будто планета Гелликония разбиралась по атомам и переправлялась через всю Галактику в другую систему. Но, разумеется, это была только информация, голые факты, которые заносились в справочники и энциклопедии.

А когда, глядя с Аверна, два светила Гелликонии поднимались над горизонтом из-за хребтов Никтрихк, было видно, что некоторые пики доходят до стратосферы, и это была настолько величественная картина, что некоторые романтически настроенные обитатели станции, забыв про голые беспристрастные факты, любовались незабываемым зрелищем.

Спотыкаясь и ругаясь, закутанные фигуры пробирались сквозь густой туман к большой башне. Холодный ветер с востока свистел между башнями, хлестал по лицам людей.

Они вошли в башню, закрыли за собою дверь, выпрямились и облегченно вздохнули. Затем стали подниматься по каменной лестнице, которая вела в комнату Аоза Руна. Эта комната обогревалась горячей водой, текущей по трубам в стене. Другие комнаты в башне, где жили рабы и некоторые охотники, были дальше от источника тепла и, следовательно, холоднее. Но сегодня ледяной ветер, проникающий сквозь тысячи трещин, пронизывал холодом все.

Аоз Рун устроил совещание Совета. Первое с тех пор, как он стал лордом Олдорандо.

Последним прибыл старый мастер Датнил Скар, глава гильдии разделывателей кожи. Он был самым старым из присутствующих. Он медленно появился в дверях, осторожно осматриваясь, опасаясь западни. Старики всегда боятся перемен в правительстве. Две свечи горели в глиняных

сосудах на полу, устланном шкурами. Их неверное пламя было наклонено в сторону запада.

В неверном свете этих свечей мастер Датнил увидел Аоза Руна, сидящего на деревянном стуле. Остальные девять человек сидели на полу. Шестеро из них были мастера гильдий. Им он поклонился каждому по отдельности, после почтительного приветствия Аозу Руну. Остальные двое мужчин были Датка и Лейнтал Эй, сидящие рядом. По ним было видно, что они готовы отстаивать свое место в этой комнате. Датнил Скар недолюбливал Датку за его скрытность и за то, что он променял благородное ремесло на беготню по горам за зверем.

Единственной женщиной здесь была Ойра, которая сидела, опустив глаза. Она устроилась за стулом отца и поэтому была вся в тени.

Все эти лица были известны старому мастеру, как известны черепа на стенах крепости — черепа фагоров и других врагов города.

Мастер Датнил сел на пол рядом со своими собратьями-ремесленниками. Аоз Рун хлопнул в ладоши, и в комнате появилась рабыня с подносом, на котором стоял сосуд и одиннадцать деревянных кружек. Мастер Датнил, когда взял себе кружку с налитым рателем, сразу понял, что эта посуда когда-то принадлежала старому лорду Уолл Эйну.

— Приветствую всех вас, — сказал Аоз Рун, подняв чашку, и все выпили густую сладкую жидкость.

Аоз Рун заговорил. Он сказал, что собирается править с большей твердостью, чем его предшественники. Он будет, как и раньше было, во всем консультироваться с Советом, состоящим из мастеров семи гильдий. Он будет защищать Олдорандо от всех врагов. Он не позволит женщинам и рабам вмешиваться в жизнь города. Он гарантирует, что никто голодать не будет. Он позволит людям консультироваться с призраками в любое время, когда они пожелают. Он считает, что академия и учение — это напрасная трата времени, когда все женщины должны работать.

Многое из того, что он говорил, не имело смысла, или означало только то, что он собирается быть правителем. Он говорил, и нельзя было не заметить, что говорит он как-то странно — как будто непрерывно борется с демонами. Изредка его глаза загорались безумным блеском, и он стискивал ручку кресла, как будто преодолевая ужасные муки. Так что, несмотря на то, что его речь имела мало смысла, его манера говорить внушала трепет, даже ужас. За окнами свистел ветер, и голос Аоза Руна то гремел раскатами грома, то затихал до шепота.

— Лейнтал Эй и Датка будут моими помощниками. Они будут следить за тем, как выполняются мои приказы. Они молоды и энергичны. Впрочем, хватит болтовни.

Но один из мастеров прервал его твердым голосом:

— Лорд, ты действуешь слишком быстро для наших медлительных мозгов. Некоторые из нас недоумевают, почему ты назначил своими заместителями этих сопляков, когда среди нас есть зрелые люди, которые будут служить лучше.

— Я сделал свой выбор, — сказал Аоз Рун, потирая свой бок.

— Но, может, ты поторопился. Посмотри, сколько есть людей нашего поколения... Элин Тал, Тант Эйн...

Аоз Рун ударил кулаком по ручке кресла.

— Нам нужны молодые, способные действовать. Я выбрал. Вы можете идти. Все.

Датнил Скар медленно поднялся.

— Наш лорд, прости меня, но то, что ты выгоняешь нас, вредит тебе. Ты болен? Ты страдаешь?

— Черт побери, неужели вы не можете уйти, если вас просят. Ойра...

— По обычаю, члены Совета должны поднять тост за начало правления.

Аоз Рун поднял глаза вверх, опустил их.

— Мастер Датнил, я знаю, что у вас, стариков, короткое дыхание, но длинные речи. Оставьте меня. Идите, а то я и вас заменю. Идите, благодарю вас всех, но идите.

— Но...

— Идите! — крикнул он, и весь сжался от боли.

Старики поднялись и пошли, тряся головами в знак недовольства, и перешептываясь между собой. Плохое предзнаменование!

Лейнтал Эй и Датка тоже вышли.

Как только он остался наедине с дочерью, Аоз Рун упал на пол и стал кататься по нему, стения и царапая себя.

— Ты принесла мне бальзам от жены Датнилы, девочка?

— Да, отец, — она достала кожаный сосуд с серым жиром.

— Ты натрешь меня всего им.

— Я не могу сделать это, отец.

— Ты можешь и сделаешь.

Глаза ее сверкнули.

— Я не сделаю. Ты слышал, что я сказала? Пусть тебя натирает твоя рабыня. Разве не для этого она здесь? Или я позову Рол Сакиль.

Он вскочил, выругался, схватил ее.

— Ты сделаешь это. Я не могу позволить, чтобы кто-нибудь видел мое состояние. Поползут слухи. *Они все поймут!* Ты сделаешь это, или я сломаю тебе шею. Ты такая же упрямая, как и Шей Тал.

Когда она застонала, Аоз Рун сказал ей:

— Закрой глаза, если ты такая стыдливая, и натирай. Ты можешь не смотреть, только делай побыстрее, а то я сойду с ума.

Когда Аоз Рун раздевался перед нею, он сказал со все еще безумным блеском в глазах:

— И будь поласковее с Лейнталом Эй. И не спорь, я видел, как он смотрит на тебя. Когда-нибудь настанет ваша очередь править Олдорандо.

Он снял штаны и встал перед нею весь обнаженный. Девушка отвернулась, крепко зажмурила глаза. Ее стало мутить от отвращения. И все же она не могла забыть то, что увидела мельком: обнаженное тело отца все было покрыто ярко-красными пятнами.

— Давай побыстрее, глупая девчонка! Я же умираю, неужели ты не понимаешь?

Она протянула руку и стала втирать серую мазь в грудь и живот.

А позже Ойра выбежала из башни и подставила свое разгоряченное лицо ледяному ветру, а затем ее стало долго и мучительно рвать.

Таковы были первые дни правления ее отца.

Группа кочевников мади лежала, завернувшись в лохмотья, и беспокойно спала. Они отдыхали в горной расщелине во многих милях от Олдорандо. Их часовой тоже спал.

Каменные стены окружали людей. Под воздействием морозов камень расщепился на тонкие слои, которые усыпали всю землю. Растительности здесь не было никакой за исключением редких колючих кустов, горькие листья которых неохотно ели даже аранги.

Кочевники были застигнуты густым туманом, который нередко покрывал землю в этой горной стране. Настала ночь, и они улеглись там, где их застала темнота. Беталикс уже выплыл на небо, но сильный туман сгущал тьму, и кочевники еще спали.

Один из командиров легионов молодого кзаххна, Йохл-Гхар Вирриддж, стоял на небольшой возвышенности и смотрел, как его отряд из гиллот и притов выстраивается в оборонительный порядок.

Десять взрослых мади спали в тесной темноте расщелины. С ними было трое детей и один грудной ребенок. Они сопровождались стадом из семнадцати арангов — животных с густой шерстью, которые обеспечивали жизнь мади, давая им все необходимое.

У мади не существовало жестких родственных границ. Особенности их существования были таковы, что у них отсутствовало табу на кровосмешение. Сейчас они лежали, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло. Их рогатые животные лежали вокруг них, чтобы защитить сво-

их хозяев от обжигающего холода. Только часовой находился снаружи круга, но и он спал, положив голову на ляжку одного из арангов. У мади не существовало оружия. Единственным их способом защиты было бегство.

Они надеялись на туман, который укроет их от врагов. Но зоркие глаза фагоров обнаружили их. Отряд Йохл-Гхарр Вирриджка отделился от главных сил Хрр-Брахл Йпрта из-за непогоды и трудных условий похода. Воины изголодались, устали.

И вот теперь они подняли копья и дубинки. Хруст снега под их ногами заглушался храпом и стонами спящих мади. Еще несколько шагов. Часовой проснулся и привстал, полный ужаса. Сквозь густой туман одна за другой, как призраки, появлялись грозные фигуры. Он вскрикнул. Его товарищи зашевелились. Слишком поздно. С дикими криками фагоры накинулись на них, нанося удары без пощады.

В доли секунд все было кончено. И сами мади, и их животные лежали мертвыми. Они стали пищей для воинов молодого кзаххна. Йохл-Гхар Вирриджк приблизился, отдавая приказы, как распределить пищу.

Сквозь туман Беталикс — тусклый красный шар — смотрел на пустынный каменистый каньон.

Это был год 361-й после Малого Апофеоза Великого Года 5 634 000 После Катастрофы. Поход длился уже восемь лет. Еще пять лет, и легионы придут к городу Сынов Фрейра, куда они стремились. А пока никто не смог обнаружить никакой связи между судьбой Олдорандо и той катастрофой, что разыгралась в горном каньоне.

Глава VII

ФАГОРЫ ПРЕДПОЧИТАЮТ ХОЛОД

— Лорд он, или нет, но *он* придет ко мне, — гордо сказала Шей Тал Ври, когда они не могли уснуть светлой ночью.

Но лорд Эмбруддока имел свою гордость, и он не приходил.

Его правление было не лучше и не хуже предыдущих. У него были прохладные отношения с Советом по одной причине и со своими помощниками по другой.

Совет и лорд сходились по некоторым вопросам только для того, чтобы сохранить мирную жизнь в городе, но в одном вопросе они были единодушны: вопросе об академии. Она должна быть уничтожена в зародыше. Так как женщины работали сообща, то запрещение им собираться вместе и беседовать было бы бессмысленным. Но отношение к обучению было враждебным и со стороны лорда, и со стороны Совета.

Шей Тал и Ври встретились с Даткой и Лейнталом Эй.

— Ты же понимаешь, что мы хотим делать, — говорила Шей Тал. — Вы должны убедить этого упрямца изменить свое решение. Вы же ближе к нему, чем я.

Но результатом этой встречи было лишь то, что Датка положил глаз на тоненькую Ври, а Шей Тал стала еще более величественной и надменной.

Однажды Лейнтал Эй вернулся из одной из своих экспедиций и вызвал Шей Тал. Весь испачканный грязью, он сидел на корточках возле женской башни, пока не появилась Шей Тал.

С нею было два раба, которые несли корзины с хлебом. Между рабами смиренно шла Ври. Она сопровождала рабов, которые разносили готовый хлеб по домам Олдорандо. Шей Тал взяла один хлеб и с улыбкой дала его Лейнталу Эй. Тряхнув головой, она отбросила назад свои густые волосы.

Лейнтал Эй поднялся, благодарно улыбнулся и стал есть, топая ногами, чтобы согреть их.

Нынешняя погода по характеру походила на нового лорда. Хотя и начинало теплеть, но этот прогресс происходил в ужасных конвульсиях. Сейчас снова наступили морозы, и даже на ресницах Шей Тал появился иней. Вокруг стояла белая замерзшая тишина. Река еще несла свои темные воды, но берега уже были скованы ледяным припаем.

— Как дела, мой юный помощник? Я тебя так редко теперь вижу.

— Охота была трудной. Пришлось ходить очень далеко. Правда, теперь стало холодно, и олени приблизятся к жилищам людей.

Он стоял и с беспокойством смотрел на нее, закутанную в плохо выделанные меха. В ее холодном спокойствии было нечто, что заставляло людей восхищаться ею, но и держаться от нее подальше. Прежде чем она заговорила, Лейнтал Эй понял, что она ощущает его состояние.

— Я часто думаю о тебе, Лейнтал Эй, как думала о твоей матери. Помнишь ее мудрость? Не забывай ее и не выступай против академии, как это делают некоторые твои друзья.

— Я знаю, что Аоз Рун восхищается тобой.

— Я знаю, как он это демонстрирует, — вырвалось у нее.

Увидев его беспокойство, Шей Тал взяла его за руку и пошла с ним, расспрашивая, где он был. Он снова и снова смотрел на ее точеный профиль, когда рассказывал о разрушенной деревне, на которую наткнулся в дикой пустыне. Она полузасыпана камнями, ее пустые улицы похожи на русла пересохших рек, по берегам которых стоят дома без крыш. Все деревянные части сгнили или растащены. Каменные лестницы ведут в дома, где уже давно нет полов, пустые глазницы смотрят на окружающие камни. Очаги засыпаны снегом, в домах гнездятся птицы.

— Это последствия катастрофы, — сказала Шей Тал.

— Так случилось, — сказал он и продолжал говорить о небольшой группе фагоров, на которых он наткнулся. Это были не воины, поэтому они испугались его, впрочем, как и он их.

— Ты так рискуешь собою.

— Мне нужно... мне нужно иногда уходить.

— Я никогда не покидала Олдорандо. И мне тоже нужно путешествовать. Но я живу как в тюрьме. Мы все здесь узники.

— Мне так не кажется, Шей Тал.

— Потом ты поймешь. Сначала наша судьба сформировала наши характеры, а теперь характеры определяют судьбу. Впрочем, хватит, ты еще молод для этого.

— Но я достаточно взрослый, чтобы помочь тебе. Ты знаешь, почему боятся академии. Она может нарушить привычное течение жизни. Но ты объясни, что знания только послужат благу, увеличат достаток. Разве это не так?

Он смотрел на нее, наполовину улыбаясь, наполовину издеваясь, и она, посмотрев ему в глаза, подумала: «Да, я теперь понимаю, почему Ойра так тянется к нему». Она тряхнула головой и улыбнулась в ответ.

— Тебе нужно доказать свою правоту.

Шей Тал подняла красивую бровь и не сказала ничего. Он поднял руку с грязными пальцами к самому ее лицу. На ладони лежали ростки двух трав, в одной семена были расположены в виде миниатюрных колокольчиков, а другая напоминала метелку.

— Ну, что наша ученая скажет относительно этих трав? Как они называются?

После минутного замешательства она сказала:

— Это овес и рожь. Когда-то наши предки выращивали их.

— Я сорвал их там, возле покинутой деревни. Вероятно, там были раньше целые поля... до катастрофы. Там есть и другие странные растения. Из этих зерен можно делать хороший хлеб. Олени больше любят овес и обходят рожь.

Он положил колосья ей в ладонь, и она ощутила, как усики ржи щекочут ее руку.

— Так зачем ты принес их?

— Сделай из них хлеб. Докажи всем, что знание тоже может делать вклад в нашу жизнь. Это сразу поднимет твой авторитет.

— Ты умеешь мыслить, — сказала она.

Он смутился:

— О, там растет много такого, что мы могли бы использовать для себя.

Он уже пошел прочь, когда она окликнула его:

— Ойра стала очень мрачной. Что беспокоит ее?

— Ты такая мудрая, я думал, что ты должна знать.

Сжав в руке колосья и завернувшись поплотнее в мех, она ласково сказала:

— Идем, поговорим немного. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Он натянуто улыбнулся и повернулся, чтобы уйти. Он не мог сказать ни ей, никому другому о том, как то, что он был свидетелем убийства Нахкри и Клилса, омрачило его душу. Пусть они были дураки, но они были его дяди и наслаждались жизнью, как и остальные люди. Ужас так и не покинул его, хотя прошло два года. Он также прекрасно понимал, что испытывает Ойра. Его чувства по отношению к Аозу Руну стали резко отрицательными. Это убийство отравило от него даже дочь.

Лейнтал Эй был вынужден молчать, и ему казалось, что он тоже причастен к убийству. Теперь он стал таким же молчаливым, как и Датка. Если раньше его уводили в путешествия любопытство и страсть к новому, то теперь его уводили из города беспокойство и ощущение вины.

— Лейнтал Эй! — Он повернулся к Шей Тал.

— Пойдем, посидим со мной, пока не вернется Ври.

Это приглашение смутило его, но он был доволен. Он быстро пошел за нею, надеясь, что никто из охотников не видит его. После уличного холода душное тепло сделало его сонным. Мать Шей Тал сидела в углу и ковырялась с чем-то. Раздался рев Свистуна. На улице уже начало темнеть.

Лейнтал Эй поздоровался со старухой и сел на шкуры рядом с Шей Тал.

— Мы соберем побольше семян ржи и овса, — сказала она. Юноша по ее тону понял, что она довольна.

Немного погода вернулась Ври с другой женщиной по имени Амин Лим, пухленькой, молодой, которая считала себя одной из последовательниц Шей Тал. Амин Лим сразу же прошла вглубь комнаты и села возле стены. Она хотела только слушать.

Ври тоже не была особо разговорчива. Она имела сравнительно шуплое телосложение. Грудь ее были только маленькими бугорками под серебристым мехом одежды. Лицо узкое, но не лишенное приятности. Его красили глубоко посаженные глаза, горевшие бархатистым блеском. Не в первый раз Лейнтал Эй подумал, что она похожа на Датку. Может именно поэтому их и тянет друг к другу.

Самым замечательным у Ври были ее волосы. Они были густые и темные, но не иссиня-темные, как у жителей Олдорандо, а темно-коричневые. Мать ее была рабыней из Борлиена. Она умерла сразу, как попала в рабство.

Ври была тогда слишком маленькой, чтобы почувствовать ненависть к своим поработителям. Ври восхищалась всем, что видела в Олдорандо. Каменные башни, трубы с горячей водой для обогрева — все вызывало в ней детское восхищение. Она задавала тысячи вопросов и отдала свое сердце Шей Тал, которая отвечала ей. Шей Тал заметила пытливый ум ребенка и постоянно заботилась о ней, пока она росла.

Под руководством Шей Тал Ври научилась читать и писать. Она была самой ревностной почитательницей Шей Тал и одной из самых способных учениц. В последние годы рождалось много детей, и теперь уже сама Ври учила некоторых из них олонецкому алфавиту.

Ври и Шей Тал стали рассказывать Лейнталу Эй о том, как они развели систему подземных ходов под городом. Эта сеть подземных ходов тянется во все стороны — на юг, на север, на запад, на восток... Она соединяет все башни — вернее, когда-то соединяла. Сейчас многие ходы полузасыпаны в результате землетрясений и оползней. Шей Тал хотела бы найти подземный ход, ведущий к пирамиде возле жертвенного камня. Она была уверена, что там хранятся разнообразные сокровища. Сокровища знаний. Но, увы, пока это ей не удастся. Видимо, ход засыпан полностью.

— Мы не понимаем значения этой системы ходов, — сказала она. — Мы живем на поверхности земли, но мы знаем, что люди в Панновале и в Оттасоле на юге живут

под землей. Возможно, эти ходы соединяют наш мир с нижним миром, миром призраков. Если мы найдем путь к ним, то сможем общаться не духовно, а чисто физически. И тогда мы можем получить много давно забытых и погребенных под землей знаний. Это должно заинтересовать Аоза Руна.

Пригревшийся Лейнтал Эй только сонно кивал.

— Знания можно получить не только из-под земли, — заметила Ври. — Знания можно получить и наблюдением. Я уверена, что подземные пути аналогичны небесным путям. По ночам я часто наблюдаю ход звезд по небу. И некоторые их пути...

— Они слишком далеко, чтобы влиять на нашу жизнь, — сказала Шей Тал.

— Нет. Это звезды Вутры. А все, что он делает, влияет на нас.

— Ты просто боишься подземелий.

— А я думаю, что ты боишься звезд, — отпаривала Ври.

Лейнтал Эй был поражен тем, что эта молчаливая девушка — его возраста, а так смело говорит с Шей Тал. Она изменилась так же кардинально, как изменилась погода. Шей Тал, однако, не обратила внимания на такую смелость.

— А зачем нам нужны были эти подземные ходы? — спросил юноша. — Что они означают?

— Это просто реликты нашего давно забытого прошлого, — ответила Ври. — Будущее находится в небесах.

Но Шей Тал твердо заявила:

— Они демонстрируют то, что отрицает Аоз Рун, то, что задний двор, где мы живем, был когда-то частью большого мира, где царствовали искусства и науки, а люди были лучше, чем мы. Их было много — сейчас они все стали призраками — и одевались они так, как одевалась Лойл Бри. И в их головах было много блестящих мыслей, в то время как у нас — только грязь.

И в течение всей беседы Шей Тал не раз и не два упоминала имя Аоза Руна, пристально глядя в темный угол комнаты.

* * *

Пришел холод. Затем полили дожди, а потом снова пришел холод. Как будто погода разозлилась на жителей Эмбруддока и решила обрушить на них весь свой гнев. Женщины делали свою работу и грезили о лучших временах.

Шло время, и белая долина покрылась черными полосами, тянувшимися с востока на запад. Белые полосы — это оставшийся снег, напоминающий о снежной пустыне, некогда покрывавшей всю землю. Теперь на обнажившейся земле уже проступала зеленая трава.

На снежных полосах появились огромные лужи — наиболее замечательная особенность нового ландшафта. Теперь вся долина была покрыта миниатюрными озерами, имеющими форму рыб. И в каждом озере отражалось голубое небо.

Эта долина некогда была богатыми охотничьими угодьями, но теперь звери перебрались на склоны холмов, а здесь поселились флегматичные черные птицы, часами сидящие неподвижно возле луж.

Датка и Лейнтал Эй распластались на вершине холма, глядя в движущиеся фигуры. Оба юноши промокли до костей и были в плохом настроении. Датка сморщился так, что не было видно глаз. Вся окрестность вокруг представляла собой насыщенную влагой землю. Там, где пальцы вдавливались в грязь, уже образовались лужи. Немного позади, за холмом, укрывались шесть охотников — злых, голодных и промокших. Они ждали сигнала от своих предводителей и бездумно провожали взглядами круживших в небе птиц, дуя на свои замерзшие руки.

Люди, за которыми они наблюдали, двигались к востоку вдоль хребта. Позади них блестела широкая дуга реки Ворал, и возле берега виднелись три лодки, на которых прибыли эти люди, чтобы охотиться в традиционных охотничьих местах олдорандцев.

На пришельцах были тяжелые кожаные сапоги и шляпы непривычной формы. По ним сразу можно было догадаться, откуда они.

— Это борлиенцы, — сказал Лейнтал Эй. — Они прибыли сюда посмотреть, что здесь есть. Мы вышвырнем их отсюда.

— Как? Их слишком много, — сказал Датка, не отводя глаз от пришельцев. — Это наша земля, а не их. Но их же больше, чем пальцев на четырех руках.

— Единственное, что мы можем сделать: сжечь их лодки. Эти идиоты оставили для охраны только двоих. С ними-то мы справимся.

Раз охоту сегодня пришлось отменить, они начнут охоту за борлиенцами.

От одного из южан они узнали, что в Борлиене дела идут совсем плохо. Люди жили в мазанках вместе со скотом. Ливневые дожди смыли их дома, и все люди остались без крыши над головой.

Пока отряд Лейнтала Эй пробирался к реке Ворал, дождь усилился. Это было начало зимнего периода. Дождь временами лил сплошными струями, а иногда начинал барабанить по спинам людей крупными тяжелыми каплями. С такими дождями они познакомились всего несколько лет назад, и сейчас, стряхивая с носа дождевые капли, с тоской вспоминали времена своего детства, когда у них под ногами весело похрустывал снег, а на горизонте виднелись олени. А сейчас горизонт был затянут серой завесой и под ногами хлюпала вода.

Под прикрытием тумана они подобрались к берегу. Земля здесь заросла густой травой, доходившей до колен человека. Она была ярко-зеленой, несмотря на недавние морозы. Они осторожно пробирались в траве и не видели ничего перед собою, кроме стеблей травы, тяжелых облаков и промокшей земли под ногами. Где-то в реке тяжело плеснула рыба. Видимо ей казалось, что ее мир расширяется за счет пропитанного водой воздуха.

Два борлиенца, оставленные на страже и спрятавшиеся от дождя в одной из своих лодок, были убиты без борьбы.

Вероятно, они полагали, что лучше побыстрее умереть, чем без конца мокнуть под дождем. Их тела, брошенные в воду, поплыли по течению, окрашивая воду кровью. Однако здесь течение реки кружило водоворотом, и тела не желали отплывать от лодок, пока их сильно не оттолкнули веслами. Один из охотников попытался разжечь костер, но все было пропитано водой и упорно не желало разгораться. Наконец у Датки кончилось терпение, и он сказал:

— Брось это дело. Нужно ломать лодки.

— Мы можем сами воспользоваться ими, — предложил Лейнтал Эй. — Возьмем их в Олдорандо.

Остальные стояли, безразлично глядя, как спорят два юноши.

— А что скажет Аоз Рун, когда мы вернемся без добычи?

— Мы сможем показать ему лодки.

Они вскочили в лодки и взялись за весла. Тела борлиенцев уже пригнало обратно. Гребцы мерно налегали на весла, дождь хлестал по лицам. Лодки плыли в Олдорандо. Трупы остались позади, возле песчаной косы.

Аоз Рун холодно принял своих подчиненных. Он так посмотрел на Лейнтала Эй и остальных охотников, что это было хуже любых слов. Ведь они не могли оправдываться. Наконец, он отвернулся от них и встал у окна, глядя на ко-
сые струи дождя.

— Мы можем немного поголодать. Голодали мы и раньше. Но у нас есть и другие неприятности. Фаралин Ферд со своими людьми вернулся с севера, куда они ездили за добычей. И они издали видели отряды фагоров, которые ехали на кайдавах. И ехали именно сюда. Похоже, что это военные отряды.

Охотники переглянулись.

— Сколько их? — спросил один из них.

Аоз Рун покачал плечами.

— Они идут от озера Дорзин? — спросил Лейнтал Эй.

Аоз Рун снова пожал плечами, давая понять, что вопрос глупый.

Он повернулся к охотникам, тяжело глядя на них.

— Как вы полагаете, какая стратегия наилучшая в подобных обстоятельствах?

Не дождавшись ответа, он сам ответил на свой вопрос:

— Мы не трусы. Мы выйдем из города и встретим их, прежде чем они придут сюда, чтобы сжечь Олдорандо.

— Они не будут нападать в такую непогоду, — сказал старый охотник. — Они терпеть не могут воду. Только чрезвычайные обстоятельства могут загнать их в воду. Вода разрушает их шкуру.

— Времена трудные, — сказал Аоз Рун, выходя вперед. — Мир затоплен дождем. Когда же пойдет снег?

Он вышел из комнаты и пошел по грязи к Шей Тал.

Она сидела вместе с Ври и Амин Лим и обсуждала с ними конструкцию какой-то машины. Аоз Рун отослал девушек и остался с Шей Тал.

Они тревожно смотрели друг на друга. Она — на его мокрое лицо, выражающее то, что нельзя выразить словами. Он смотрел на морщины под ее глазами, на белые нити, появившиеся в темной копне волос.

— Когда же прекратится этот дождь?

— Погода снова ухудшается. Мы собираемся сеять овес и рожь.

— Говорят, что ты такая умная — ты и твои женщины. Скажи мне, что будет дальше?

— Не знаю. Наступает зима. Может, будет холоднее?

— А снег? Как бы мне хотелось, чтобы кончился этот проклятый дождь и пошел снег.

Он в отчаянии воздел руки к небу и бессильно опустил их.

— Если будет холоднее, дождь превратится в снег.

— Клянусь Вутрой, это истинно женский ответ. Неужели в этом проклятом мире нет уверенности? Ты не уверена во мне?

— Не больше, чем ты не уверен во мне.

Он повернулся, но задержался возле двери.

— Если твои женщины не будут работать, они не будут есть. Мы не можем кормить бездельников.

Он ушел, не сказав больше ни слова. Она подошла к двери и встала там, нахмурившись. Он даже не дал ей возможности ответить. Однако она прекрасно понимала, что сейчас дело вовсе не в ней и не в ее женщинах. Сейчас мысли Аоза Руна заняты гораздо более важным вопросом.

Она закуталась в мех и уселась на постель. Когда вернулась Ври, Шей Тал сидела в этой же позе, но встрепелась, увидев юную подругу.

— Если бы я была колдунья, — сказала она, — я бы сделала так, чтобы снова пошел снег, раз Аоз Рун так этого хочет.

— Ты колдунья, — преданно сказала Ври.

Новости о приближении фагоров распространились быстро. Те, кто помнил последнее нападение, ни о чем другом и не говорили. Они говорили об этом по вечерам, когда сидели за столом с кружкой рателя, говорили днем, когда занимались работой, говорили ночью, когда единственной слушательницей была женщина, ждавшая от мужчины совсем другого.

— Мы можем сделать больше, чем просто говорить, — сказала Шей Тал своим женщинам. — У вас отважные сердца, женщины, и быстрые языки. Мы покажем Аозу Руну, на что способны. Послушайте меня.

Они решили, что их академия, чтобы оправдать свое существование в глазах мужчин, должна предложить план спасения Олдорандо. Их план заключался в следующем: необходимо выбрать подходящее место, где мужчины-охотники спрячутся, а женщины послужат приманкой для фагоров. Когда чудовища приблизятся, мужчины выскочат из засады и перебьют всех. Подруги Шей Тал кричали и прыгали от радости.

Хорошенько обсудив все подробности плана, они выбрали самую красивую девушку, которая пойдет эмиссаром к Аозу Руну, чтобы изложить этот план. Она была того же

возраста, что и Ври. Звали ее Дол Сакиль, дочь Рол Сакиль. Ойра должна была сопровождать Дол в башню своего отца, где девушка должна была изложить план и пригласить Аоза Руна в женскую башню для обсуждения.

— Но он не очень грубо обойдется со мной? — беспокоилась Дол. Ойра загадочно улыбнулась и подтолкнула ее к двери башни.

Женщины остались ждать. Дождь шумел по крыше.

Наконец Ойра вернулась. Она пришла одна и была в бешенстве. Наконец она смогла говорить. Ее отец отверг приглашение в башню женщин, а Дол Сакиль взял себе. Он решил, что это подарок академии. Дол теперь будет жить у него.

При этом известии ярость овладела Шей Тал. Она каталась по полу, она плясала от гнева, она размахивала руками и призывала тысячи проклятий на голову этих животных — мужчин. Она кричала, что весь мир будет заживо съеден фагорами, пока их подонок-правитель будет нежиться в постели с ребенком. Она говорила еще много ужасных вещей. Ее подруги не могли успокоить ее и в страхе покинули башню. Даже Ойра и Ври.

— Конечно, жалко, — сказала Рол Сакиль, — но для Дол это хорошо.

Шей Тал быстро оделась, выскочила на улицу и встала перед Большой Башней, где жил Аоз Рун. Дождь немилосердно хлестал ее по лицу, и она громко кричала, не стесняясь никого.

Она подняла столько шума, что поблизости появились и ремесленники, и охотники, чтобы послушать ее. Они стояли, скрестив руки на груди и укрывшись от непогоды под стенами башен.

Аоз Рун подошел к окну. Он посмотрел вниз и крикнул Шей Тал, чтобы она убиралась прочь. Женщина погрозила ему кулаком. Она закричала, что он чудовище, что его поведение таково, что приведет Эмбруддок к катастрофе.

К этому времени появился Лейнтал Эй. Он взял Шей Тал за руку, ласково заговорил. Она прекратила крик, что-

бы выслушать его. Юноша сказал, что отчаиваться не следует. Охотники знают, как расправиться с фагорами. Они выйдут из города навстречу чудовищам и будут сражаться, когда улучшится погода.

— Когда! Если! Кто вы такие, чтобы ставить условия, Лейнтал Эй? Вы, мужчины, глупцы! — Она вскинула руки к небесам. — Вы послушаете моего совета, иначе вас ждет катастрофа. И тебя, Аоз Рун, ты слышишь? Я ясно вижу это своим внутренним взором.

— Да, да. — Лейнтал Эй пытался увести ее.

— Не прикасайся ко мне! Слушайте мой план! Мой план — или смерть! И если этот идиот еще хочет оставаться правителем, то он должен выпустить эту девочку из своей постели. Раствлитель малолетних! Позор! Позор!

Эти пророчества Шей Тал выкрикивала очень уверенно. Она продолжала поносить всех мужчин, проявляя при этом большую изобретательность. Все были подавлены зловещими предсказаниями. Дождь усилился. Башни были почти не видны за плотной завесой дождя. Охотники поглядывали друг на друга. Приходили еще люди, узнать, чем все это кончится.

Лейнтал Эй крикнул Аозу Руну, что он убежден в правоте Шей Тал. Он посоветовал правителю воспользоваться планом женщин. Он кажется весьма неплохим.

Снова в окне появился Аоз Рун. Его лицо было черно, как его мех. Он был в ярости, но все же согласился принять план женщин, когда улучшится погода. И не раньше. А кроме того, он решил оставить Дол Сакиль у себя. Девочка любит его и нуждается в его защите. А кроме того, не такая уж она и девочка.

— Варвар! Невежественный варвар. Вы все варвары! Вам только и жить на скотном дворе. Глупость и невежество — вот ваш удел. Вы всегда будете жить в грязи.

Шей Тал ходила взад и вперед по жидкой грязи и кричала. Имя Аоза Руна она не произносила и называла его не иначе как варвар и грязный насильник. Все они живут на грязном заднем дворе и совсем забыли о том величии, ка-

ким когда-то обладал Эмбруддок. Ведь все, все развалины, которые сейчас находятся за вашими жалкими стенами, были когда-то прекрасным городом. Его башни были украшены золотом, улицы, покрытые сейчас грязью, были вымощены каменными плитами. Город был в четыре раза больше, чем сейчас. Это был чистый город, чистый и прекрасный. Женщин в этом городе уважали. Она стиснула руками мокрый мех на груди и всхлипнула.

Нет, она больше не может жить в таком мерзостном городе. Она уйдет отсюда и будет жить одна вне стен этого свинарника. А если придут фагоры или коварные борлиенцы и схватят ее, то пусть так и будет. Для чего ей жить? Все они дети катастрофы, все!

— Спокойно, спокойно, женщина, — говорил Лейнтал Эй, шлепая по лужам возле нее.

Она презрительно оттолкнула его. Кто она? Всего лишь стареющая женщина, которую никто не любит. Она одна видит истину. Они еще пожалеют, что она ушла.

А затем Шей Тал, все еще рассыпая проклятия, стала перетаскивать свои пожитки в одну из разрушенных башен, стоящих вне города к северо-востоку. Ври и остальные женщины, невзирая на дождь, помогали ей.

Дождь прекратился на следующий день. И произошло два замечательных события. Стая неизвестных птиц пролетела над Олдорандо, и птицы задержались возле города и стали кружить над башнями. Весь воздух буквально звенел от их голосов. Стая облюбовала себе для жительства разрушенные башни, в одной из которых поселилась Шей Тал. Эти птицы наделали много шума. Они были очень красивые — с маленькими клювами, красными головками и бело-черными крыльями. Многие пытались поймать их сетями, но безуспешно.

Это событие сочли предзнаменованием.

Второе событие было более тревожным.

Разлилась река Ворал.

Многодневные дожди переполнили реку. Когда Сви-стун отметил полдень, река вдруг вышла из берегов. Одна

старуха, по имени Молас Ферд, как раз была в это время на берегу. Она вдруг увидела, что на нее движется стена воды. Гуси и утки, которых она пасла, бросились к стенам города. Но старуха, остолбенев, осталась на месте, в изумлении глядя на вспухшую реку. Волны обрушились на нее, опрокинули и швырнули на стены женской башни. Так погибла старая Молас Ферд.

Вода хлынула в город, унося зерно, топя скот и людей, опустошая жилища. Весь город превратился в хлюпающее болото. Лишь башня, где устроилась жить Шей Тал, избежала наводнения.

Эти события послужили причиной того, что все стали считать Шей Тал колдуньей. Все, кто слышал ее угрозы в адрес Аоза Руна и жителей города, сейчас дрожали от страха.

В этот вечер сначала Беталикс, а потом и Фреир ушли за западный горизонт, на прощание окрасив воду в цвет крови. Температура падала катастрофически. Земля оказалась покрыта тонким хрустящим льдом.

На следующее утро сразу после восхода Беталикса город был разбужен гневными криками Аоза Руна. Женщины, уже проснувшиеся и собиравшиеся на работу, растолкали своих мужей. Аоз Рун держал в руках лист из книги Шей Тал.

— Выходите, будьте вы все прокляты! Сегодня вы все будете драться с фагорами, все до одного! Поднимайтесь, поднимайтесь и выходите все! Я буду драться с ними один, а вы можете наваливаться на них всем скопом. Это будет великий день в истории. Вы слышите? Великий день, даже если вы все погибнете.

Когда облака слегка порозовели на небе, можно было увидеть его фигуру в черных мехах, стоящую на верху башни и потрясающую кулаками. При себе он держал Дол Сакиль, которая вырывалась и умоляла отпустить ее, чтобы уйти от жгучего холода внутрь теплой башни. Чуть сзади стоял Элин Тал, едва заметная улыбка играла на его губах.

— Да, мы нападём на этих проклятых фагоров по плану женщин. Вы слышите, тунеядки из академии? Мы будем драться по плану женщин, не знаю, хорошо это или плохо. Запишите это в свои книги. Сегодня мы посмотрим, что случится, имеют ли смысл слова Шей Тал, можно ли верить ее пророчествам!

На улицах появились люди. Спотыкаясь, скользя по льду, они шли к башне, чтобы слышать слова своего правителя. Они ежились от холода, но старая Род Сакиль, мать Дол, кашлянула и сказала:

— Это сильный мужчина, раз он кричит так громко. И Дол говорит то же самое. Голос, как у бешеного быка!

Аоз Рун подошел к краю парапета, чтобы посмотреть на своих подданных. Дол билась в его руках. Аоз Рун все еще кричал:

— Что же, сегодня мы проверим, насколько можно верить этой Шей Тал! Мы проверим ее в бою, потому что слишком многие из вас слушают ее и думают о ней. Ты слышишь меня, Шей Тал? Сегодня мы победим или погибнем! И прольется кровь — красная и желтая.

Он плюнул вниз и скрылся в башне. Только было слышно, как хлопнула дверь.

После скудного завтрака все собрались на улице. Люди были подавлены. Даже Аоз Рун. Вспышка необузданной ярости опустошила его. Отряд направился на юго-восток. Температура была все еще ниже нуля. День был тихий, и оба солнца прятались в облаках. Земля промерзла. Под ногами хрустел лед.

Шей Тал шла среди женщин. Ее губы были плотно сжаты, она зябко кутала свою тонкую фигуру в мех.

Шли они медленно, так как женщины не привыкли преодолевать такие расстояния, которые для мужчин были ничто. Так постепенно они дошли до той долины, где Лейнтал Эй со своими товарищами видел борлиенцев всего за два дня до разлива Ворала. Вся долина была перерезана невысокими горными хребтами, между которыми блестели зеркала небольших замерзших озер. Здесь и можно было

устроить западню. Холод приведет сюда фагоров, если они есть поблизости.

Люди спустились в долину. Сначала мужчины, а затем растерянные женщины. Все выглядело тревожным под нависшим свинцовым небом.

Возле первого озера женщины остановились, поглядывая на Шей Тал совсем не дружелюбно. Только сейчас они поняли опасность своего положения. Ведь если фагоры появятся... а если они будут на кайдавах?.. Женщины тревожно поглядывали вокруг, но круг их зрения был ограничен горными хребтами.

Да, положение их было чрезвычайно опасным. Температура оставалась на два-три градуса ниже нуля. Воздух был спокойным и морозным. Молчаливое озеро лежало перед ними. Оно было метров сорок шириной и сто длиной и располагалось между двумя хребтами. Вода его замерзла только вдоль берегов, а незамерзшая вода — спокойна, без малейшей ряби. Сверхъестественный страх овладел женщинами, когда охотники укрылись за хребтом, а они остались один на один с этим колдовским озером. Даже трава, прихваченная морозом, казалась им заколдованной. Ни один птичий голос не нарушал тишину долины.

Мужчинам было не по себе, что они оставляют своих женщин. Они собрались за хребтом возле другого озера и обсуждали положение.

— Мы не видим никаких признаков фагоров, — сказал Элин Тал, дую на замерзшие руки. — Давайте вернемся. Может, они напали и разрушили Олдорандо, пока нас нет.

Охотники собрались в кучку. Пар их дыхания, казалось, объединял их. Они, оперевшись на свои копья, с обвинением поглядывали на Аоза Руна. Последний ходил взад-вперед, не подходя к остальным охотникам. Лицо его было мрачно.

— Вернуться? Вы говорите, как женщины. Мы пришли драться. И мы будем драться, даже если нам придется отдать свои жизни. Если фагоры есть поблизости, я заманю их. Оставайтесь здесь.

Он поднялся на вершину холма, и снова ему стали видны женщины. Он хотел крикнуть так, чтобы голос его разнесся далеко по окрестностям.

Но кричать ему не пришлось. Враг уже был виден. И только теперь он понял, почему они так и не встретили тех борлиенцев, приплывших сюда на охоту. И сейчас он стоял, как парализованный, глядя на самых древних врагов человечества.

Женщины скопились на одном конце озера, фагоры стояли группой на другом. Женщины испуганно метались, фагоры стояли неподвижно.

Они стояли плотной группой, и было невозможно определить их число. Они как бы слились с серым утренним туманом, заполнившим долину, с серо-голубым полумраком. Один из фагоров кашлянул, другие вовсе не подавали признаков жизни. На камнях перед ними сидели их белые птицы.

Было понятно, что первые три фагора — предводители, поскольку они были верхом на кайдавах. Они сидели, наклонившись вперед, их головы были совсем рядом с головами кайдавов, как будто они скакали вперед. Пешие фагоры стояли плотной группой. Стояли неподвижно, как окружающие их камни.

Снова кашель. Аоз Рун стряхнул с себя оцепенение и позвал своих людей.

Они быстро вскарабкались на хребет и с содроганием увидели врагов.

И тут фагоры неожиданно двинулись вперед. Строение их суставов, не такое, как у людей, позволяло им начинать движение без всякой подготовки. Впереди у них лежало мелкое озеро. Все знали, что фагоры ненавидят воду, но времена изменились. Горн дал команду: вперед! — и все они двинулись. Вид тридцати беззащитных гиллот людей вдохновил фагоров. И они пошли.

Один из трех верховых фагоров вскинул над головой меч. С диким криком он ударил ногами по ребрам кайдава, и мерзкое животное ринулось вперед. Остальные последо-

вали за ним, как один — и пешие и верховые. Они шли вперед — прямо через воду мелкого озера.

Паника охватила женщин. Враг был совсем близко, и они бросились бежать. То одна, то другая, пытались вскарабкаться на каменистую стену хребта, но они скатывались вниз, издавая крики отчаяния, как птицы, попавшие в сеть.

Только Шей Тал осталась на месте, с презрением глядя на фагоров. Охваченные ужасом, Ври и Амин Лим вернулись к ней, пряча от страха свои лица.

— Бегите, бегите, глупые женщины, — кричал Аоз Рун, бегом спускаясь с горы.

Шей Тал не слышала его голоса из-за криков женщин и плеска воды под ногами фагоров. Она твердо стояла на берегу озера, вскинув руки, как будто желая остановить фагоров.

И вдруг все изменилось. Это событие будет занесено в анналы Олдорандо, как «чудо Рыбьего озера».

Некоторые впоследствии утверждали, что слышали раздавшийся с неба пронзительный звук, другие говорили, что это был голос самого Вутры...

Группа из шестнадцати фагоров вошла в озеро под предводительством трех верховых вождей. Их ярость загнала их в чуждую стихию. Они были в воде уже по пояс и шли все дальше, яростно вспенивая воду. И вдруг все озеро замерзло.

Несколько мгновений назад вода в нем была спокойной жидкостью при температуре всего несколько градусов ниже нуля — а в следующий момент оно покрылось льдом, замерзло. Кайдавы и фагоры оказались схваченными в его ледяных объятиях. Один кайдав упал, чтобы никогда больше не подняться. Другие остались на месте, вмерзшие в лед. Никто не мог сделать ни шага. Никто не мог вырваться из ледяного плена, чтобы выбраться на берег. И вскоре кровь застыла в их жилах, хотя биологические процессы, происходящие в их телах, вырабатывали вещества, позволяющие им противостоять холоду. Их косматые белые шкуры смерзлись, затем их красные глаза обратились в лед.

И то, что некогда было органикой, перешло в новое состояние, подчинившись власти неорганического мира.

Перед людьми застыло изваяние, изображающее чистую ярость, выкованное из сверкающего льда.

Над ледяными фигурами еще долго летали белые птицы, щелкая клювами и издавая скрежещущие звуки. Затем все они полетели на восток и исчезли в серой пустыне неба.

На следующее утро три человека рано вышли из кожного шатра. Всю ночь шел снег, теперь покрывавший всю долину. Из-за горизонта появился Фреир, и пурпурные тени пролегли по земле. Через несколько минут и другое светило вырвалось из владений Вутры.

Аоз Рун, Лейнтал Эй и Ойра прыгали по снегу, стараясь согреться, заставить кровь течь по жилам. Они кашляли и не говорили друг с другом. Молча посмотрев друг на друга, они пошли вперед. Аоз Рун первым вступил на лед, который зазвенел под его ногами.

Все трое пошли по замерзшему озеру.

Они смотрели, не веря своим глазам. Перед ними были ледяные статуи, сделанные чрезвычайно искусно в мельчайших подробностях. Один кайдав лежал почти под копытами двух других. Шкура его вмерзла в лед, голова закинута назад, ноздри расширены. Его всадник, который пытался удержать кайдава, так и застыл в этом движении, жуткий в своей неподвижности.

Остальные тоже были захвачены смертью в движении. Одни из них вскинули над головами оружие, глаза их были устремлены вперед, на берег, которого им никогда не суждено достигнуть. Это был мемориал жестокости.

Наконец Аоз Рун кивнул и сказал:

— Это случилось. Теперь я верю. Идем обратно.

Голос его был печален.

Чудо, свершившееся в году 24, было удостоверено.

Он отослал всех людей еще вчера вечером под предводительством Датки. И только после того, как хорошенько

выспался, он убедился, что то, что произошло вчера, не приснилось ему.

Никто ничего не говорил. Их спасло чудо. Мысли бродили в их головах, говорить было нечего. Молча, они пошли прочь от ледяного монумента, не говоря ни слова.

Когда они вернулись в Олдорандо, Аоз Рун приказал двум охотникам отвести одного из рабов на Рыбье озеро, где совершилось чудо. Когда раб увидел случившееся собственными глазами, охотники связали ему руки за спиной, повернули на юг и пинком отправили в Борлиен, чтобы тот рассказал своим соплеменникам, какая могущественная колдунья защищает Олдорандо.

Глава VIII В ОБСИДИАНЕ

Комната, в которой стояла, выпрямившись, Шей Тал, была такой старой, что даже сама хозяйка не знала, сколько ей лет. Она обставила комнату, как смогла: старые ковры, некогда принадлежащие Лойл Бри, а затем Лойланнун, скромная постель в углу, сделанная из сетки, привезенной из Борлиена (такие сетки служили защитой от крыс), письменные принадлежности на небольшом каменном столе, шкуры на полу, на которых сидели женщины. Занятия в академии были в полном разгаре.

Стены комнаты были покрыты желтоватыми лишайниками, которые за много лет расплодились по всем каменным стенам башен, в углах комнаты висела паутина, причем многочисленные хозяева паутины давно уже умерли от голода и теперь висели, запутавшись в своем творении.

Позади тринадцати женщин сидел, поджав ноги под себя, Лейнтал Эй. Он положил подбородок на ладонь согнутой в локте руки. Его глаза были опущены. Почти все женщины преданно смотрели на Шей Тал. Ври и Амин Лим слушали ее, а относительно остальных она не была уверена.

— Наш мир очень сложный. Мы можем притворяться, что это создано Вутрой в процессе его вечной войны в небесах, но это слишком просто. Лучше нам самим подумать над моделью мира. Какое дело Вутре до этого? Мы сами ответственны за свои действия и поступки...

Она перестала вслушиваться в свои слова. Она поставила перед собой и своими слушателями вечный вопрос. Каждый человек, когда-либо живший на свете, ставил перед собою этот вопрос. И теперь она отвечала на него перед собой. Но она не была уверена в правильности ответа: действительно ли сами люди делают свою судьбу? И она не чувствовала, что имеет право учить людей.

И все же они слушали. Она знала, почему они слушают даже тогда, когда ничего не понимают. Они слушали, потому что считали ее великой колдуньей. Со времени чуда Рыбьего озера она была изолирована от остальных людей племени поклонением и почтением. Аоз Рун теперь отдалился от нее еще больше, чем раньше.

Она посмотрела в окно на окружающий мир, уже освободившийся от недавнего холода. Лишь кое-где остались еще полосы снега. На полях уже появилась зелень, а река все так же несла свои мутные воды из далеких мест, где ей никогда не придется побывать. Вот это чудеса. Чудеса, которые находятся прямо за ее окном. Но все же... неужели она произвела чудо, как утверждают все?

Шей Тал замолчала на половине фразы. Она вдруг поняла, каким способом проверить свою святость.

Фагоры, которые вошли в Рыбье озеро, обратились в лед. Это произошло из-за нее... или из-за них самих? Она вспомнила рассказы о том, что фагоры ненавидят воду. Может, именно поэтому они и обратились в лед? Это можно проверить. В Олдорандо есть два старых раба-фагора. Она заставит одного из них войти в Ворал и посмотрит, что из этого будет. Так или иначе, но она должна понять.

Тринадцать женщин смотрели на нее, ожидая продолжения. Лейнтал Эй был озадачен. Шей Тал не имела понятия, о чем она говорила сейчас. Она чувствовала, что долж-

на немедленно провести эксперимент для успокоения собственного разума.

— Мы делали то, что нам говорили... — сказала одна из женщин, сидящих на полу. Она говорила медленно, как бы повторяя урок.

Шей Тал сидела, прислушиваясь к шагам на лестнице. Кто-то поднимался сюда. Кто бы это ни был, она была рада возможности прервать урок.

Люк открылся. Появился Аоз Рун, похожий на большого черного медведя. За ним в комнате появился Датка, который молча встал позади Аоза Руна, не глядя на Лейнтала Эй. Тот встал и молча прислонился к холодной стене. Женщины удивленно смотрели на пришедших, нервно хихикая.

Аоз Рун, казалось, заполнил собою всю комнату. Хотя все женщины смотрели на него, он игнорировал их и обратил взгляд на Шей Тал. Та отошла к окну, но встала лицом к Аозу Руну, спиной к грязной деревне, гейзерам и зеленеющим полям, простирающимся до самого горизонта.

— Что тебе нужно здесь? — спросила она. Сердце ее забилося, когда она увидела его. Именно за это она проклинала свою новую репутацию — за то, что он больше не приходил к ней, не брал ее за руки и даже не преследовал ее. И сейчас по всему его виду было понятно, что это только формальный, а не дружественный визит.

— Я хочу, чтобы вы вернулись под защиту стен, — сказал он. — Здесь вы в опасности. Я не смогу защитить вас в случае нападения.

— Мы с Ври предпочитаем жить здесь.

— Вы находитесь под моей защитой, и я должен сделать все, чтобы обеспечить эту защиту. А все остальные женщины тоже не должны бывать здесь. Если произойдет внезапное нападение, вы можете представить, что будет. Шей Тал, наша могущественная колдунья, может позаботиться о себе. А об остальных должен заботиться я. Я запрещаю женщинам приходить сюда. Это опасно. Вы понимаете?

Все отводили взгляды, кроме старой Рол Сакиль. Она сказала:

— Все это чепуха, Аоз Рун. В этой башне вполне безопасно. Шей Тал перепугала фагоров, все знают об этом. А кроме того, разве ты иногда не заходишь сюда, как, например, сейчас?

Это было сказано с усмешкой. Аоз Рун пропустил ее слова мимо ушей.

— Я говорю о нынешнем положении. Сейчас, когда погода изменилась, опасность увеличилась. Никто из вас не должен приходить сюда, иначе будут неприятности.

Он повернулся и ткнул пальцем в сторону Лейнтала Эй.

— Ты пойдешь со мной. — И он стал спускаться вниз, не попрощавшись. Лейнтал Эй и Датка последовали за ним. На улице он остановился, погладил бороду, посмотрел на окно башни и крикнул:

— Я все еще лорд Эмбруддока, и вам лучше не забывать об этом!

Она слышала его слова, но не подошла к окну. Она осталась там, где стояла — одинокая среди женщин — и сказала достаточно громко, чтобы Аоз Рун мог услышать:

— Лорд грязного свинарника!

И только тогда, когда она услышала звуки удаляющихся шагов, Шей Тал подошла к окну. Она увидела широкую спину лорда, шагающего между двумя молодыми помощниками к северным воротам. За ними бежал Курд — его собака. Она почти физически ощутила его одиночество.

Если бы она стала его женщиной, то, конечно, не потеряла бы свое положение, которое ценила достаточно высоко. Впрочем, об этом поздно думать. Между ними возникла вражда, и пустоголовая кукла заняла место в его теплой постели.

— Вам лучше пойти по домам, — сказала она, глядя прямо на женщин.

Когда они пришли на главную площадь, Аоз Рун приказал Лейнталу Эй держаться подальше от женской академии.

Лейнтал Эй вспыхнул:

— Ты все еще держишься за старое решение, которым ты и совет запретили академию? Я надеялся, что после чуда на Рыбьем озере ты поумнееешь. Зачем тебе выступать против женщин? Они возненавидят тебя. Самое малое, что может сделать академия, это доставить удовольствие женщинам.

— В академии женщины бездельничают. И это нарушает наше единство.

Лейнтал Эй посмотрел на Датку, ища поддержки, но тот смотрел вниз.

— Твое поведение разделяет людей, Аоз Рун. Знание не вредило никому. Нам нужно знание.

— Знание — это медленный ад. Ты еще молод, чтобы понять это. Нам нужна дисциплина. Только благодаря ей мы выжили и выживем. Ты будешь держаться подальше от Шей Тал. Она излучает сверхъестественную силу, приобретает власть над людьми. Те, кто не будет работать в Олдорандо, не будут получать пищу. Так было всегда. Шей Тал и Ври бросили работу в пекарне. Посмотрим, как они будут жить.

— Они будут голодать.

Аоз Рун сдвинул брови и грозно взглянул на Лейнтала Эй.

— Мы все будем голодать, если не будем работать. Эти женщины противопоставили себя всем, и я не потерплю, чтобы ты был с ними. Если будешь еще спорить со мной, то я ударю тебя.

Когда Аоз Рун ушел, Лейнтал Эй схватил Датку за плечо:

— Он становится все хуже. Это его личная борьба с Шей Тал. Что ты думаешь об этом?

Датка покачал головой:

— Я не думаю. Я делаю, что мне говорят.

Лейнтал Эй саркастически посмотрел на друга:

— И что тебе приказали делать сейчас?

— Я иду в долину. Мы убили стунжебага. — Он показал окровавленную руку.

— Я приду немного погодя.

Он пошел вдоль Ворала, рассеянно глядя на плещущихся в воде гусей. Он подумал, что теперь понял точки зрения Аоза Руна и Шей Тал. Чтобы жить, нужно работать вместе, но достаточно ли людям просто жить, просто работать, чтобы прокормить себя? Этот конфликт подавлял его, и он очень хотел уйти из города насовсем. И он ушел бы, если бы Ойра согласилась уйти с ним. Он чувствовал, что слишком молод, чтобы понять, как этот конфликт может разрешиться сам собою. Осмотревшись и убедившись, что его никто не видит, он достал из кармана маленькую игрушечную собачку, подаренную ему много лет назад святым отцом, и, вытянув ее вперед, залаял на гусей.

Но один человек все же слышал эту имитацию лая. Ври видела Лейнтала Эй, но не подошла к нему, так как шла в другую сторону.

Она прошла мимо зоны горячих источников и гейзеров. Водяной пар маленькими жемчужинками покрыл ее мех.

Вода тихо журчала, пробираясь между камнями, как бы стремясь куда-то, неизвестно куда. Ври опустила на камень и рассеянно опустила руку в источник. Горячая вода пробежала по ее пальцам, ошупала ладонь.

Ври слизнула жидкость с пальцев. Она знала этот сернистый привкус с детства. Дети часто играли тут, бегая по скользким камням и никогда не падая. Они были ловкими, как аранги.

Дети и сейчас играли тут. Более смелые бегали голыми, несмотря на холодный ветер. Они подставляли свои щуплые тела под струи воды, и она стекала по их плечам, животам...

— Сейчас ударит Свистун! — крикнул кто-то из них Ври. — Берегись, а то тебя окатит с ног до головы. — Дети весело рассмеялись, представив себе это.

Ври поспешно отошла прочь. Она подумала, что каким-то образом дети наделены шестым чувством: они точно знают, когда ударит Свистун.

И вот взмыла вверх струя воды — сначала мутная, затем кристально чистая. И раздался чистый звук — всегда на

одной ноте и всегда точно определенной длительности. Вода поднялась на высоту трех человеческих ростов, прежде чем начала падать. Ветер нагнул водяной столб к западу, и вода обрушилась прямо на камень, где минуту назад сидела Ври.

Свист прекратился, и черные губы земли перестали извергать воду.

Ври махнула детям и продолжила свой путь. Она теперь знала, почему дети точно предсказывают момент выброса воды. Они бегают босыми по теплым камням, а когда приближается момент свиста, по земле пробегает трепет, дрожь. Дети ощущают напряжение земных богов, когда те напряглись до предела, чтобы извергнуть горячую жидкость.

Тропа, по которой она шла, была сделана женщинами и свиньями. Она была очень извилистая, совсем не похожая на тропы, которые пробивают охотники, потому что свиньи никогда не бегут прямо. Если идти в направлении, куда ведет тропа, то можно было бы дойти до озера Дорзин, но тропа обрывалась намного раньше. Дальше лежала пустыня, дикая и бесплодная.

Она шла и думала, почему одни стремятся вверх, к звездам, а другие гнутся к земле. Даже Свистун, и тот есть порождение двух противоборствующих сил — одна сила выбрасывает воду вверх, другая тянет ее к земле. Видимо, во всем мире существуют две противоположные силы. Вот и она все время тянется к звездам, изучает их без помощи Шей Тал, запоминает их пути и пути солнц по небу.

Два человека показались впереди. Они шли навстречу ей. Она могла видеть только их ноги, колени и верхнюю часть головы. Они, согнувшись под тяжестью ноши, поднимались по склону. Ври сразу узнала Опара Лима по паучьим ножкам. Люди несли куски туши стунжебага. За ними шел Датка. У него было только копье.

Датка приветливо улыбнулся ей и сошел с тропы, уступая ей дорогу и рассматривая ее своими темными глазами. Правая рука его была в крови, и с острия копья стекала кровь.

— Мы убили стунжебага, — сказал он и замолчал. Как всегда, Ври была смущена и довольна его малословием. Ей

было приятно, что он не хвастался, как многие молодые охотники. Правда ей не очень нравилось, что он никогда не высказывает своих чувств, своих мыслей.

Ври остановилась.

— Вероятно, это большое чудовище.

— Я покажу тебе, — добавил он, — если ты позволишь.

Он повернул обратно по тропе, и она пошла за ним, думая, нужно ли ей говорить что-либо. Молчать глупо, решали она. Она прекрасно понимала, что Датка хочет общения с нею. И она выпалила первое, что пришло ей в голову:

— Что ты думаешь о людях и об их месте в мире, Датка?

Не обернувшись, он ответил:

— Мы были созданы из первородного камня, — ответил он практически не раздумывая, и не думая о том, что она хочет просветить его. Поэтому разговор сразу оборвался.

Она пожалела, что в Олдорандо нет священников. Она бы поговорила с ними. Из легенд и сказаний она знала, что когда-то и в Эмбруддоке были свои священники. Они проповедовали очень сложную религию, в которой объединились Вутра, живущие на земле и ушедшие в подземное царство. Но в один черный год, еще до правления Уолл Эйна, когда морозы были такими, что пар замерзал на губах у людей, жители города восстали и перебили всех священников. После этого жертвы были запрещены и приносились только во времена больших празднеств. Старому богу Акха перестали поклоняться. Без сомнения, именно тогда и были утеряны остатки знаний. Башня священников была отдана под свинарник. Вероятно, уже и тогда было много противников знания, раз уж свиней предпочли священникам.

Она рискнула задать еще один вопрос:

— Ты хотел бы понять мир?

— Я понимаю, — ответил он.

Он сказал это таким тоном, что она засомневалась, правильно ли поняла его. Что он хочет сказать: действительно ли он понимает — или хочет понять?

Силы, которые вздыбили горы Кзинт, исполосовали землю во всех направлениях горными складками, угождая-

ми, расселинами. Они, как корни деревьев, распространялись во все стороны от величественного горного массива. И вот, между двумя хребтами и находилось поле брассимпсов, которое играло важную роль в экономике города. Сейчас на поле царило необычное возбуждение. Женщины, оживленно переговариваясь, пасли здесь свиней и собирали плоды.

Датка показал место, где был убит стунжебаг.

Его жест был излишним. Туша громадного животного была видна издали. Аоз Рун вместе со своей собакой рассматривал его. Могучие ноги чудовища были покрыты плотной жесткой шерстью.

Группа мужчин стояла возле туши. Они переговаривались и смеялись. Гойя Хин присматривал за рабами, которые топорами разделявали тушу. Они снимали с тела волокнистый внешний покров, для которого не было применения, и рубили мясо на куски, которые отнесут в город.

Две старухи ходили вокруг с корзинами, собирая в них внутренности, имеющие губчатую структуру. Они сварят их и выделяют сладкое твердое вещество — сахар. Жилы животного используют для плетения веревок и циновок, жир будет служить топливом. А из пластинчатых челюстей стунжебага можно получить жир, содержащий рунгбель — что-то типа наркотика.

Старухи обменивались колкостями с мужчинами, которые стояли в небрежных позах вокруг туши. Для стунжебага было необычным появляться так близко от человеческого жилья. Его можно было легко убить, а каждая часть туши была весьма внушительным вкладом в экономику города. Добыча была тридцати метров длиной, и теперь люди смогут жить сыто много дней.

Свины с визгом бегали вокруг, подбирая то, что падало им. Свинопасы работали внизу, внутри гигантских деревьев брассимпсов. Над землей виднелись только огромные листья этих деревьев. Сейчас эти листья колыхались, как слоновьи уши, но не от ветра, а от потоков тепла воздуха, исходящего снизу.

Здесь росли десятки брассимпсов. Эти деревья редко росли в одиночку. Почва возле каждого дерева вздыбилась и пошла трещинами, так как основная масса дерева находилась под землей. Тепло, которое излучало дерево, помогало его листьям переносить жуткие морозы, властвующие на поверхности земли.

Этим теплом пользовались и другие растения. Под листьями брассимпсов росли джассикласы, хрупкие коричнево-голубые цветы. Когда Ври остановилась, чтобы сорвать один цветок, Датка повернулся к ней:

— Я собираюсь внутрь дерева.

Она приняла это за приглашение составить компанию и последовала за ним. Раб принес из внутренностей дерева корзину, полную щепок, и бросил пищу свиньям. В течение многих столетий холода брассимпсы кормили свиней Эмбруддока.

— Вероятно, и стунжебаг пришел за этим сюда, — заметила Ври. Чудовища любили брассимпсы не меньше, чем свиньи.

В дерево вела деревянная лестница. Когда Ври спускалась за Даткой, ее глаза на один момент оказались на уровне земли. Огромные коричневые листья колыхались над нею. За свиньями вдалеке виднелись люди, закутанные в меха. Они стояли над тушей убитого стунжебага. Она последний раз взглянула на небо и спустилась вниз, в дерево.

Теплый воздух ударил ей в лицо, заставляя зажмуриться. Он нес с собой сладковатый запах гнили, который одновременно и притягивал ее, и внушал отвращение. Воздух приходил далеко из-под земли, так как гигантские корни брассимпсов простирались на большую глубину. С возрастом в стволе дерева образовывались пустоты, напоминающие туннели. Это были тепловоды, подающие подземное тепло к листьям на поверхности.

Эти пустоты служили убежищем и некоторым видам животных, среди которых были и омерзительные.

Датка протянул руку, чтобы поддержать Ври. Она спрыгнула с лестницы и встала рядом с ним в округлой по-

лости. Здесь работали три грязные женщины. Они поздоровались с Ври, а затем продолжили свою работу: соскабливали древесную массу со стен камеры и складывали ее в корзины.

Брассимпс напоминал по вкусу турнепс, но был горче. Люди ели эту массу только в крайнем случае, в дни голода. Обычно это была пища для свиней и тех животных, которые давали молоко, а из него изготавливался ратель — излюбленная выпивка жителей Олдорандо. Из камеры вела низкая галерея. По ней можно было пройти в верхние ветви дерева, листья которых росли на поверхности. Взрослые брассимпсы имели шесть ветвей. Верхние ветви обычно росли без вмешательства человека и поэтому имели множество разветвлений.

Датка показал центральную трубу, ведущую в темноту. Он шагнул туда. После минутного колебания Ври пошла за ним. Женщины прервали работу и проводили ее взглядами, в которых сквозила симпатия и одновременно насмешка. Когда она вошла в туннель, ее окружила крошечная тьма. Вечная тьма земли. Она подумала, что, подобно Шей Тал, она сейчас спускается в мир призраков, чтобы получить знания.

Плотные годовые кольца на гладкой внутренней поверхности трубы использовались как ступени. Подниматься и спускаться в трубе было довольно безопасно, так как она была узкой и можно было держаться за стены и упираться спиной.

Ветер шелестел в ее ушах. Какое-то паутинообразное живое привидение коснулось ее щеки. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Они спустились до того места, где от главного ствола отходил второй ряд ветвей. Камера здесь была еще меньше, чем на первом этаже. Они стояли совсем близко друг к другу. Ври ощутила прикосновение тела Датки, почувствовала его запах. Что-то шевельнулось в ней.

— Видишь огни? — спросил Датка.

В его голосе было напряжение. Она отчаянно боролась с собой, стремясь подавить желание, овладевшее ею. Если бы этот молчаливый человек сейчас протянул бы ей руку,

она бы упала в его объятия, сорвала бы с себя всю одежду и полностью обнаженная отдалась бы ему в этой темной подземной постели. Бесстыдные видения заполнили ее разум. Она дрожала от прорывающейся страсти.

— Я хочу вернуться наверх, — с трудом проговорила она.

— Не бойся. Смотри на огни.

Затуманенным взглядом она осмотрелась, все еще ощущая запах тела Датки. В темной дали уходящих туннелей боковых ветвей виднелись три точки света, похожие на звезды — маленькие галактики, спрятанные в дереве.

Он шевельнулся возле нее, и галактики спрятались за его плечами. Он положил ей что-то в руку — маленькое, плотное. Это был свет. Звездные глаза немигающе смотрели на нее. Находясь в полном смятении, она спросила:

— Что это?

Вместо ответа — возможно, он чувствовал ее желание? — Датка нежно погладил ее по щеке.

— О, Датка, — выдохнула она. Дрожь, начавшаяся в нижней части ее тела, постепенно охватила ее всю. Она не могла уже управлять собою.

— Мы возьмем его наверх. Не бойся.

Черноволосые свиньи ковырялись в земле среди листьев брассимпсов, когда они вышли на дневной свет. Мир казался ослепительно ярким, стук топоров оглушительно громким, запах джассикласов очень сильным.

Ври опустила на землю и молча смотрела на маленькое существо, которое держала в руках. Оно свернулось в клубок, спрятав нос в хвосте, прижав все четыре ноги к животу. Оно было неподвижно и на ощупь напоминало стекло. Ври не смогла развернуть его. Глаза животного немигающе смотрели на нее.

Ври ненавидела его, ненавидела за то, что он так нечувствителен к женщине, за то, что он принял ее дрожь за обычный страх. О, Датка! И все же она была благодарна ему, его глупости. Ведь это спасло ее от постыдного постыпка. Благодарна ему, и вместе с тем она сожалела...

— Это глосси, — сказал Датка, опускаясь рядом с нею и глядя ей в лицо. — Глосси живут внутри брассимпсов, где тепло. Возьми его домой.

— Мы с Шей Тал видели таких на реке. Хоксни. Так их называют, когда они вырастают и выходят наружу. И что подумает Шей Тал, если...

— Возьми его, — повторил он. — Это подарок от меня.

— Благодарю, — промолвила она с презрением. Она встала, полностью овладев своими эмоциями.

На щеке у нее была кровь. Это Датка запачкал ее раненой рукой, когда погладил по щеке.

Рабы все еще таскали куски гигантской туши. Пришел Лейнтал Эй и о чем-то разговаривал с Тантом Эйном и Аозом Руном. Последний повелительным жестом подозвал к себе Датку. Попрощавшись с Ври, Датка пошел к лорду Эмбруддока.

Занятые мужчины не обращали на нее внимания и, прижав глосси к своей маленькой груди, Ври повернулась и пошла к видневшимся вдали башням.

А когда позади послышались торопливые шаги — кто-то нагонял ее, — она сказала себе: теперь поздно. Но это был Лейнтал Эй.

— Я пройду с тобой, Ври, — сказал он беззаботно.

— А мне показалось, что у тебя неприятности с Аозом Руном.

— О, он всегда нервный после столкновения с Шей Тал. Но он действительно великий человек. Я доволен, что удалось убить стунжебага. Становится все теплее, и добычи все меньше.

Дети все еще резвились в районе гейзеров. Лейнтал Эй обрадовался, увидев глосси, и запел охотничью песню:

*Глосси спят внутри деревьев
В стужу, когда снег идет
А когда дожди начнутся
Выйдут хоксни на дороги
Мягкой поступью своею,*

*Выйдут хоксни на долины,
Все покрытые цветами.*

— Ты в хорошем настроении. Ойра была нежна к тебе?

— Ойра всегда нежна.

Затем они разошлись. Ври пошла в свою разрушенную башню и показала подарок Шей Тал. Та внимательно рассмотрела животное.

— Сейчас его еще есть нельзя. Мясо может быть ядовитым.

— Я не собираюсь есть его. Я буду держать его, пока он не проснется.

— Жизнь — серьезная вещь, моя дорогая. Мы можем остаться голодными, если Аоз Рун будет тверд и выполнит свою угрозу. — Она по своей привычке долго рассматривала Ври, не говоря ни слова. — Но мне наплевать. Мне не нужны материальные блага. Я могу быть так же безжалостна к себе, как он ко мне.

— Но он... — Слова застыли на языке Ври. Она не могла произнести слова ободрения этой женщине, которая решительно продолжала:

— Сейчас у меня два намерения. Во-первых, я хочу провести эксперимент с целью подтвердить свое могущество. А во-вторых, я хочу спуститься в мир призраков и встретиться с Лойланнун. Она должна знать то, чего не знаю я. В зависимости от того, что я узнаю, я решу, покинуть ли мне Олдорандо навсегда.

— О, не уходи! Ты уверена, что поступаешь правильно? Клянусь, я пойду с тобой, если ты уйдешь.

— Посмотрим. А сейчас оставь меня одну, пожалуйста.

В полном смятении Ври поднялась в свою комнату и бросилась на постель.

— Мне нужен любовник! Вот кто мне нужен! Любовник... Моя жизнь так пуста!

Но вскоре она встала, подошла к окну и посмотрела на небо, где плыли облака и парили птицы. Нет, здесь гораздо лучше, чем в подземном мире, куда собирается Шей Тал.

Она вспомнила Лейнтала Эй. Женщина, которая сочинила песню — если это была женщина — знала, что со временем снег покинет землю и на ней будут расти цветы и жить животные. Может, это время близится.

Из своих астрономических наблюдений она знала, что на небе происходят изменения. Звезды — это не призраки, это огни. Огни, горящие не на твердой почве, а в воздухе. И Фреир — это огромный костер, горящий в воздухе. Когда он приближается к планете, его тепло ощущается всюду. Он согревает мир.

И когда тепла будет достаточно, глосси выйдут наружу и превратятся в хоксни, как говорится в песне.

Она решила, что нужно более тщательно заняться астрономией. Звезды знают больше, чем призраки, хотя Шей Тал не соглашается с этим. Но даже такая великая женщина может ошибаться.

Она положила глосси на диван, закутала его в мех, чтобы виднелась только мордочка. Она страстно желала, чтобы животное ожило. Она шептала ему нежные слова, подбодряла его. Она хотела, чтобы животное прошло по ее комнате. Однако через несколько дней глаза глосси помутнели, жизнь ушла из них.

Ври в отчаянии поднялась на вершину башни и бросила это существо, завернутое в меха; ей казалось, что она бросает вниз своего умершего ребенка.

Страсть к самоотречению охватила Шей Тал. Все больше и больше ее слова напоминали пророчества. Хотя женщины приносили ей пищу, она предпочитала голодать, готовясь к путешествию в нижний мир. Если она и там не найдет мудрость, то уйдет насовсем из этого свинарника.

Сначала она решила сама проверить свою способность к колдовству. В нескольких милях к востоку лежало озеро Рыбье — место свершения чуда. Хотя она терзалась в сомнениях относительно истинной причины случившегося, жители Олдорандо сомнений не имели. Они совершали па-

ломничество на берег озера и смотрели на него с дрожью и страхом, смешанным с гордостью. Паломники приходили даже из Борлиена. А однажды на противоположном берегу увидели двух фагоров, которые стояли и смотрели на своих превратившихся в ледяные изваяния собратьев.

Вскоре тепло вернулось в мир. Озеро начало таять. И то, что было жутким, стало смешным. Когда лед сошел полностью, ледяной монумент превратился в гору разлагавшейся плоти. Теперь паломники видели только плавающие по воде внутренности, гниющие и дурно пахнущие. А вскоре и само Рыбье озеро пересохло и исчезло, как будто его и не было. И от чуда осталась только груда костей и рогов кайдавов. Но память осталась, и чудо возрастало в своих размерах, рассматриваемое через призму воспоминаний. Но сомнения Шей Тал остались.

Она пошла на площадь в тот час, когда теплая погода вывела всех людей на улицу, и они болтали под теплым солнцем, смеялись, веселились. Раньше такое было трудно себе представить. Женщины и дочери, мужчины и сыновья, охотники и ремесленники, старые и молодые — все собрались тут, но казалось никто не хотел говорить с Шей Тал.

Лейнтал Эй и Датка стояли с друзьями и весело смеялись. Лейнтал Эй заметил взгляд Шей Тал и неохотно пошел к ней, когда она позвала его.

— Я хочу провести эксперимент, Лейнтал Эй. Я хочу, чтобы ты был моим свидетелем. Если только это не ухудшит твои отношения с Аозом Руном.

— У меня с ним хорошие отношения.

Она объяснила, что эксперимент будет проводиться на реке Ворал, но сначала нужно осмотреть старый замок. И они пошли вместе через толпу. Лейнтал Эй ничего не говорил.

— Ты стыдишься идти со мной?

— Мне всегда приятно быть с тобой, Шей Тал.

— Не нужно лицемерить. Ты считаешь, что я колдунья?

— Ты необычная женщина. И я уважаю тебя за это.

— Ты меня любишь?

Он смутился. Вместо прямого ответа он, устремив глаза вниз, пробормотал:

— Ты для меня заменила мать, когда она умерла. Почему ты это спрашиваешь?

— Хотела бы я быть твоей матерью. Я могла бы гордиться тобой. Ведь в тебе тоже есть нечто необычное, я чувствую это. Эта необычность тебя угнетает, но она дает тебе жизнь. Не подавляй свою необычность. Культивируй ее. Такие как ты редки среди людей.

— Может, она и есть причина конфликтов?

Она коротко усмехнулась, кутаясь в мех.

— Ты же видишь, что мы живем среди жалких людей. Где-то в большом мире наверняка происходит что-то большое. Я может быть уйду из Олдорандо.

— Куда же ты пойдешь?

Она покачала головой.

— Мне кажется, что затхлая скука, которая царит здесь, когда-нибудь взорвется и рассеет нас по всему свету. Вспомни, сколько детей родилось за последний год.

Он поднял взгляд, посмотрел по сторонам, везде замечая дружественные лица жителей поселения, и решил, что она сказала это скорее для эффекта — вокруг не было видно ни одного ребенка.

Они подошли к замку. Лейнтал Эй налег плечом на дверь и с трудом открыл ее. Они вошли и замерли. Какая-то птица металась между стен, стараясь найти выход. Она едва не наткнулась на них, но затем все-таки вылетела через дыру в крыше.

Свет проникал через щели в стенах, и в его лучах плясали пылинки. Свиней уже переместили отсюда, но запах еще сохранился. Шей Тал беспокойно осматривалась, а Лейнтал Эй стоял у двери и вспоминал, как он играл здесь, будучи ребенком.

Стены были украшены рисунками, выполненными в строгой, почти аскетической манере. Время смыло большую часть рисунков. Шей Тал смотрела в ту сторону, где находился жертвенный алтарь. На нем, казалось, еще со-

хранилась кровь. Высоко на стене виднелось изображение Вутры.

Это был поясной портрет. На плечи бога накинут меховой плащ. В глазах, глядящих с длинного лица, светится сочувствие. Лицо нарисовано голубым — цвет неба, где живет Вутра. Жесткие белые волосы, почти грива, венчают голову. Но самое главное, что отличает Вутру от человека — это рога, оканчивающиеся серебряными колокольчиками.

За Вутрой толпятся другие персонажи забытой мифологии. Над правым и левым плечом Вутры находятся два светила. Беталикс изображен в виде осла с бородой. Серый и старый. Лучи света исходят из конца его копья. Фреир изображен в виде зеленой обезьяны с медальоном, висящим на шее. Копье его больше, чем копье Беталикса, и тоже излучает свет.

Она отвернулась и проговорила:

— А теперь мой эксперимент, если Гойя Хин готов.

— Ты понимаешь, чего хочешь? — Лейнтал Эй был озадачен ее немногословием.

— Не знаю. Потом может быть пойму. Я хочу спуститься в нижний мир. Я хочу узнать у жрецов, правит ли Вутра нижним миром, как он правит небесами и землей... Слишком много несообразностей.

Тем временем Гойя Хин вывел Мика из стойла под большой башней. Гойя Хин присматривал за рабами, и весь его облик говорил об этом. Мощный короткий торс с могучими руками и ногами, маленькие глазки сверкали жестокостью. Ни днем, ни ночью он не расставался с кожаным кнутом. Все знали Гойя Хина и побаивались его, ибо он был скор на расправу, но медлителен в размышлениях.

— Выходи, Мик, пора тебе быть полезным, — сказал он. Голос его, как всегда, походил на низкое рычание.

Мик вырос в рабстве. Он, пожалуй, был дольше всех в рабстве. Он помнил еще предшественника Гойя Хина, еще более жестокого человека. Белая шкура его уже светилась черными волосами, лицо было в морщинах, под глазами отечные мешки.

Это был весьма смирный фагор. В детстве Ойра когда-то ездил верхом на нем, подгоняя похлопыванием по сутулым плечам. Гойя Хин подгонял его ударами кнута.

Сейчас именно Ойра просила своего отца дать Шей Тал фагора для ее эксперимента. Аоз Рун без колебаний согласился, так как Мик был стар.

Два человека привели фагора туда, где река Ворал делает изгиб. Здесь было глубоко. Разрушенная башня Шей Тал была совсем недалеко. Шей Тал и Лейнтал Эй уже ждали их. Шей Тал стояла, устремив взор в глубины, как бы стремясь разгадать их тайну. Щеки ее ввалились, на лице застыло выражение решительности.

— Ну, Мик, — сказала она с вызовом, когда фагор приблизился. Она внимательно осмотрела его с головы до ног. Дряблые складки свисали с его груди и живота. Гойя Хин уже связал ему руки за спиной. Голова фагора шаталась на сутулых плечах. Увидев реку, он беспокойно засуетился, издал крик страха. Превратит ли вода этого фагора в ледяную статую?

Гойя Хин насмешливо отсалютовал Шей Тал.

— Свяжи ему ноги, — приказала Шей Тал.

— Только не делайте ему больно, — попросила Ойра. — Я знаю Мика с тех пор, как была ребенком. Он всегда был смирный и покорный. Мы часто ездили на нем, да, Лейнтал Эй?

Лейнтал Эй шагнул вперед.

— Шей Тал не сделает ему ничего плохого, — сказал он, улыбнувшись Ойре. Она вопросительно посмотрела на него.

Привлеченные шумом, к ним подошли несколько женщин и детей и тоже встали на берегу.

Река протекала всего в нескольких дюймах от их ног, и на изгибе течение ее было быстрым. У другого берега реки, где было мельче, еще сохранился тонкий слой льда. Нависающий берег защищал его от прямого падения солнечных лучей. Берег с той стороны был высокий, слоистый, с полонами вдоль земли, будто его отрезали гигантским ножом.

Гойя Хин, связав ноги несчастного Мика, подтолкнул его к воде. Мик закинул голову и дико закричал от страха.

Ойра схватила Шей Тал, умоляя ее отпустить Мика. Но Шей Тал дала знак Гойя Хину толкнуть фагора. Надсмотрщик толкнул его плечом в ребро. Фагор с шумным плеском упал в воду. Шей Тал подняла руки в повелительном жесте.

Наблюдавшие со стороны женщины вскрикнули и подались вперед. Среди них была и Рол Сакиль. Шей Тал приказала всем отойти назад.

Она смотрела в воду и видела, как под поверхностью воды барахтается несчастный Мик. Ключья его шерсти всплыли на поверхность.

Вода оставалась водой. Фагор оставался живым.

— Вытащите его, — приказала Шей Тал.

Гойя Хин потянул за веревку. Лейнтал Эй помог ему, и вскоре голова и плечи фагора появились над водой. Он вскрикнул.

— Не топите меня!

Они вытащили его на берег, и Мик упал возле ног Шей Тал и начал стонать. Она кусала нижнюю губу, глядя на реку. Магия не сработала.

— Бросьте его снова, — подсказал кто-то.

— Не нужно больше воды, а то я умру, — просто-наконец Мик.

— Бросьте его в воду, — приказала Шей Тал.

Мик поплыл второй раз, и в третий. Но вода оставалась водой. Чуда не произошло, и Шей Тал не смогла скрыть свое разочарование.

— Ну хватит, — сказала она. — Гойя Хин, отведи Мика и накорми его хорошенько.

Ойра упала на колени перед Миком. Она плакала и гладила его. Темная вода текла изо рта фагора, он нутужно кашлял. Лейнтал Эй присел рядом с Ойрой и обнял ее за плечи.

Шей Тал брезгливо отвернулась. Эксперимент показал, что фагор плюс вода вовсе не дает лед. Так что же про-

изошло на Рыбьем озере? Она не смогла обратить в лед реку Ворал. Эксперимент не доказал, что она колдунья. Но он и не доказал, что она не колдунья. Ведь она же обратила в лед фагоров на Рыбьем озере, если конечно, там не были замешаны другие факторы.

Она остановилась у дверей своей башни, опершись на камень. Под пальцами она ощутила шероховатость лишайника. Пока она не найдет другого объяснения, ей придется считать себя той, кем ее считают — колдуньей. Чем больше она голодала, тем больше уважала себя. Разумеется, как колдунья, она должна оставаться девственницей. Близость с мужчиной разрушит ее магические силы. Она закуталась в мех и стала подниматься по лестнице.

Женщины на берегу, стоящие над Миком, лежащим в луже воды, смотрели вслед Шей Тал.

— Что она хотела сделать? И зачем? — спросила старая Рол Сакиль. — И почему она не утопила этого фагора насовсем?

На следующем заседании совета поднялся Лейнтал Эй и стал говорить, обращаясь ко всем собравшимся. Он сказал, что слушал лекции Шей Тал. Все знают о ее чуде на Рыбьем озере, которое спасло много жизней. Ничто из того, что она делает, не направлено во зло обществу. Он предложил, чтобы академия Шей Тал была бы признана и узаконена.

Аоз Рун пришел в бешенство. Датка сидел молча. Старики переглядывались между собой и тревожно перешептывались. Элин Тал рассмеялся.

— Что мы можем сделать для помощи академии? — спросил Аоз Рун.

— Замок не используется. Отдай его Шей Тал. Пусть она читает лекции каждый день в полдень, когда все отдыхают. Пусть это будет форум, где может говорить каждый. Холод ушел, люди стали свободнее. Откройте замок для академии, для всех людей, мужчин, женщин, детей.

Его слова упали в тишину. Затем поднялся Аоз Рун.

— Она не может использовать замок. Нам не нужны новые жрецы. Мы не хотим их. Мы будем держать свиней в замке.

— Замок пуст.

— Теперь там будут свиньи.

— Нехорошо ставить свиней выше общества.

Аоз Рун вышел, и совет закончился. Лейнтал Эй с пылающими щеками повернулся к Датке.

— Почему ты не поддержал меня?

Датка ухмыльнулся, подергал себя за жиденькую бороду, опустил глаза.

— Ты не можешь выиграть, если все Олдорандо не поддерживает тебя. Аоз Рун уже запретил академию. Ты напрасно тратишь силы, друг.

Когда Лейнтал Эй выходил из башни, чувствуя отвращение ко всему миру, его за руку схватил Датнил Скар, мастер одной из гильдий.

— Ты говорил хорошо, молодой Лейнтал Эй. Но все же Аоз Рун прав. Если и не прав, то решение его не лишено здравого смысла. Если Шей Тал будет говорить в замке, она станет жрицей, ей будут поклоняться. Мы не хотим этого. Наши предки уничтожили жрецов много поколений назад.

Лейнтал Эй уважал Датнил Скара за ум и здравомыслие. Подавив гнев, он взглянул в лицо старика, иссеченное морщинами, и спросил:

— Почему ты это говоришь мне?

Мастер Датнил огляделся, чтобы убедиться, что никто их не слышит:

— Поклонение проистекает от невежества. Слепо верить во что-то — это признак невежества. Я уважаю попытки вдолбить факты в головы людей. И мне жаль, что ты потерпел поражение. Хотя я и не согласен с твоим предложением, но я сам стал бы ходить на лекции Шей Тал, если бы она приняла меня.

* * *

Он снял свою меховую шапку и повесил на крюк в стене, покрытой лишайниками. Затем пригладил седые волосы, откашлялся. Осмотревшись, нервно улыбнулся. Хотя все в этой комнате было ему давно знакомо, он не мог освоить роль говорящего. Его сапоги поскрипывали, когда он переминался с ноги на ногу.

— Не бойся нас, мастер Датнил, — сказала Шей Тал.

Он уловил в ее голосе нотку нетерпения.

— Я боюсь только твоего недовольства, — ответил он, и женщины, сидящие на полу, заулыбались, пряча губы под ладонями.

— Вы знаете, чем мы занимаемся в гильдиях, — сказал Датнил Скар, — потому что многие из вас работают у нас. Членство в гильдии доступно только мужчинам, потому что секреты мастерства передаются из поколения в поколение. Когда мастер умирает, главным становится его помощник, и Райнил Лайан скоро займет мое место...

— Женщина может делать все, что и любой мужчина, — сказала одна из женщин, Чема Фар. — Я работала у тебя долго, Датнил Скар. Я знаю все ваши секреты и могу делать все, если возникнет необходимость.

— Да, но у нас порядок и преемственность, Чема Фар, — сказал мастер.

— Я тоже могу поддерживать порядок и отдавать приказы, — сказала Чема Фар и все рассмеялись, а затем посмотрели на Шей Тал.

— Расскажи нам о преемственности, — предложила Шей Тал. — Мы знаем, что некоторые из нас — потомки Юлия-Священника, который пришел из Панновала на озеро Дорзин. Это одна линия. А как насчет преемственности в гильдиях, мастер Датнил?

— Все члены гильдии произошли от тех, кто родился в Эмбруддоке задолго до того, как он стал Олдорандо. Много поколений назад.

— Сколько поколений?

— Много...

— Расскажи нам, что ты знаешь об этом.

Он вытер руки о штаны.

— У нас есть записи. У каждого мастера.

— Записи?

— Да. Записи в книгах. Однако эти записи нельзя раскрывать всем.

— Почему?

— Они не хотят, чтобы женщины стали заниматься их работой и делали ее лучше.

Раздался хохот. Датнил Скар смутился и замолчал.

— Я верю, что были времена, когда сохранение тайны было необходимо, — сказала Шей Тал. — В плохие времена мы должны были сохранить тайны ремесел, чтобы выжить, несмотря на голод и нападения фагоров. Может быть в прошлом были очень плохие времена, и мы потеряли некоторые свои искусства. Мы сейчас не можем делать бумагу. И стекло у нас было. Еще и сейчас кое-где сохранились его осколки. Неужели же мы более глупы, чем наши предки? Вероятно мы живем и работаем при каком-то неблагоприятном условии, которое не можем понять. Это один из самых важных вопросов, о котором мы должны помнить и искать на него ответ.

Она помолчала. Никто не произнес ни слова, и это всегда злило ее. Ей нужен был хоть какой-то комментарий, чтобы продолжить мысль.

Датнил Скар сказал:

— Мать Шей, я верю, что ты говоришь правду. Ты понимаешь, что как мастер, я давал клятву никому не раскрывать секреты мастерства. Эту клятву я давал Вутре и Эмбруддоку. Но я знаю, что некогда были плохие времена, и о них я сейчас не хочу говорить...

Когда он замолчал, Шей Тал подбодрила его улыбкой:

— Ты веришь, что когда-то Олдорандо был великим?

Он взглянул на нее, склонив голову:

— Я знаю, что ты называешь этот город задним двором. Но он выжил. Он живет. Это центр нашего космоса.

Это, конечно, не ответ на твой вопрос. Друзья, вы нашли на севере посевы ржи и овса. Я уверен, что когда-то этот город имел прекрасно ухоженные поля, защищенные от зверей. Это были поля Эмбруддока. Тогда выращивали много разных растений. Вы возродили посев злаков. Это мудро.

Для нашего ремесла, как вы знаете, нужны дубильные вещества. И мы храним их с очень давних времен. Я знаю, что они... — Мастер немного помолчал, затем тихо продолжил: — Добывали их в огромном лесу, в Кэйсе — это на северо-западе. Тогда, в те далекие времена, было очень жарко. Тогда совсем не было холода...

— Времена тепла — эти легенды мы слышали от жрецов, — заметил кто-то. — Эти сказки нас не интересуют. Мы-то сами знаем, что когда-то было *холоднее*, чем сейчас.

— Но я уверяю вас, что когда-то, до того, как пришел холод, было жарко. — Датнил Скар медленно почесал свою седую голову. — Вы должны попытаться понять это. Много людей умерло, много лет прошло. Много позабыто навсегда. Я знаю, что вы, женщины, уверены, что мужчины против того, чтобы вы учились. Может это и так. Но я искренне прошу вас, чтобы вы поддерживали Шей Тал, несмотря на все трудности, которые могут подстергать вас. Я мастер гильдии, и знаю, как ценно знание. И если его не хранить, то оно может утечь из нашего общества, как вода исчезает между камнями.

Все женщины поднялись и проводили его вежливыми аплодисментами.

Через два дня на заходе Фреира Шей Тал беспокойно мерила шагами свою комнату в изолированной башне. И вдруг снизу донесся крик. Шей Тал сразу подумала об Аозе Руне, хотя это был и не его голос.

Она подумала, кто бы это мог бродить вне городских стен, когда уже на улице стало темно. Она высунулась в окно и в наступивших сумерках увидела темнеющую фигуру Датнилы Скара.

— Заходи, друг мой! — крикнула она. Шей Тал спустилась, чтобы встретить его. Старый мастер, нервно улыбаясь, держал в руках небольшой ящик. Они уселись на пол, глядя друг на друга. Затем Шей Тал налила старику кружку рателя.

После обмена ничего не значащими фразами он сказал:

— Я думаю, ты знаешь, что скоро мне придется покинуть пост мастера гильдии. Я стар, и мое место займет мой помощник. Я обучил его всему, что знаю сам.

— Ты поэтому и пришел сюда?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Я пришел сюда, мать Шей, потому что я, с высоты своей старости, восхищаюсь тобой, как человеком, человеком незаурядным... Я всегда служил нашему обществу, и всегда любил его. Уверен, что и ты любишь наш город, хотя вступила в оппозицию со многими мужчинами. Поэтому я хочу помочь тебе, пока я еще могу это сделать.

— Ты хороший человек, Датнил Скар. Все Олдорандо знает это. Обществу всегда нужны хорошие люди.

Он кивнул со вздохом.

— Я служил Эмбруддоку, а затем Олдорандо, каждый день своей жизни. И все же не было дня, чтобы я не подумал о том... — он замолчал, печально улыбнулся. — Я знаю, что я говорю с родственной мне душой и поэтому не скрываю от тебя, что не было дня, когда бы я не думал о том, что происходит в других местах, вдали отсюда...

Он замолчал, откашлялся, затем заговорил уже более серьезно:

— Я хочу рассказать тебе небольшую историю. Печальную историю

Когда я был ребенком, на город напали фагоры, а затем был холод, болезни, голод... Многие люди умерли. Фагоры умирали тоже, хотя тогда мы этого не знали. В те времена было очень темно. Я благословляю свет, который сейчас озаряет наши жизни... фагоры после боя отступили и оставили мальчика-человека. Его звали... мне стыдно признать, но я уже не помню его имя. Что-то вроде Криндлешед-

ди. Длинное имя. Раньше я помнил его, но годы заставили меня забыть его.

Криндлешедди родился в далекой северной стране — Сиборнеле. Это страна вечного льда, говорил он. В то время я уже был помощником мастера гильдии, а он был священником, так что мы были равны по званию. Он — Криндлешедди, или как там его звали, — был уверен, что нам живется легко. Ведь гейзеры дают нам тепло.

Мой друг-священник принадлежал к тем колонистам, которые двинулись с севера на юг, ища теплых мест для житья. Им пришлось вступить в войну с жителями города... забыл, как он называется... Тем, кто остался жив, пришлось бежать. И они попали в плен к фагорам. Моему другу повезло: ему удалось бежать от фагоров во время битвы. Но может они просто бросили его, потому что он был ранен.

Мы сделали все, что могли, чтобы помочь бедняге, но он умер через месяц. Я плакал от жалости. Я был тогда очень молод. И все же я завидовал ему. Он ведь успел столько повидать. Он рассказывал мне, что льды в Сиборнеле переливаются разными цветами, и это великолепно...

Когда мастер Датнил Скар закончил свой рассказ и присел возле Шей Тал, в комнату вошла Ври, которая поднималась наверх.

Датнил улыбнулся девушке и сказал Шей Тал:

— Не отсылай Ври. Я знаю, что она твоя главная помощница и ты доверяешь ей. Хотел бы я так же доверять своему помощнику. Пусть она услышит то, что скажу я.

Он взял с пола свой деревянный ящичек.

— Я принес Главную Книгу нашей гильдии.

Шей Тал выглядела так, будто собирается упасть в обморок. Она знала — если это раскроется, то старого мастера сразу же убьют, без колебаний и сожаления. Она понимала, какой внутренней борьбы стоило Датнилу Скару решиться на такой поступок. Она обняла его своими тонкими руками и поцеловала в морщинистую щеку.

Ври подошла к нему и опустила на колени. Лицо ее светилось радостью.

— Давайте посмотрим! — воскликнула она и протянула руку, забыв о правилах приличия.

Он вежливо, но твердо остановил ее руку.

— Посмотрите сначала, из какого дерева сделан ящик. Это не раджабарал. Посмотрите, какая прекрасная резьба, какой тонкий узор на металлических пленках. Разве могут нынешние наши кузнецы сделать такую тонкую работу?

Женщины осмотрели ящик, и наконец Датнил Скар открыл его, достал тяжелый том в прекрасном кожаном переплете с металлическими бляшками.

— Это я сделал сам. Я отремонтировал переплет. Но внутри она старая.

Страницы книги были исписаны аккуратными буквами. Но было ясно, что не одна рука писала эти строчки. Датнил Скар быстро перелистывал страницы. Даже сейчас он не хотел открывать непосвященным слишком много. Но женщины видели даты, имена, отдельные заголовки, красивые чертежи и рисунки.

Он посмотрел на них, тяжело улыбнулся.

— Это своего рода история Эмбруддока. И в каждой гильдии имеется подобная книга.

— Прошлое ушло, — сказала Ври. — Сейчас мы хотим заглянуть в будущее, а не привязывать себя к прошлому. Мы хотим идти дальше...

Она замолчала в нерешительности, уже сожалея о своем порыве, сожалея, что обратила на себя их внимание. Она смотрела в их лица и понимала, что ни старик, ни пожилая женщина никогда не согласятся с нею. Хотя между нею и Шей Тал царило согласие, все же в их подходе к разным вещам имелось различие, которое им никогда не суждено преодолеть.

— Ключ к будущему лежит в прошлом, — заметила Шей Тал мягко, но решительно. Она уже не раз говорила это своей младшей подруге. Повернувшись к старому мастеру, она сказала. — Мастер Датнил, мы очень признательны тебе за то, что ты дал нам возможность заглянуть в старинную книгу. Мы знаем, что это потребовало от тебя

большого мужества. Надеемся, что когда-нибудь нам удастся просмотреть ее более внимательно. Не можешь ли ты сказать нам, сколько мастеров сменилось за время, пока писалась эта книга?

Он закрыл драгоценную книгу и стал укладывать ее в ящик. В уголках его губ показалась слюна, старые руки дрожали.

— Крысы знают все тайны Олдорандо... Я подвергаюсь большой опасности за то, что принес эту книгу сюда... Старый дурак. Послушайте, когда-то всем Кампаннлатом правил великий король по имени Деннис. Он уже тогда знал, что весь мир, который фагоры называют Хррм-Бххрд Йдохк, потеряет свое тепло, как теряет воду дырявое ведро. И поэтому мы и создали свои гильдии, каждая из которых свято хранила свои профессиональные тайны. Эти гильдии должны были пронести знания людей через темные годы мрака и холода, пока не вернется тепло.

Он говорил медленно, нараспев, слегка покачиваясь.

— Наши гильдии пережили темные времена, хотя иногда бывало и так, что наше искусство не было жизненно необходимым народу. Времена были трудные, жестокие... Но мы выжили...

Он замолчал и вытер рот рукавом. Шей Тал спросила, какой период времени описывается в книге.

Датнил Скар взглянул на темнеющий прямоугольник окна, как бы ища в нем ответ на вопрос.

— Я не понимаю многих значков в книге, особенно, если они касаются исчисления времени. Ты знаешь, сколько перемен претерпели наши календари. Так что сейчас нам трудно ориентироваться во времени. Эмбруддок... о, извини меня, я не имею права сообщать тебе слишком много... так вот, Эмбруддок не всегда принадлежал нам... то есть людям.

Он покачал головой, нервно обводя комнату взглядом. Женщины ждали, застыв в своих позах. Он снова заговорил.

— Много людей умерло. Были эпидемии: великая чума, смертельное ожирение... семь периодов Великой Слепоты... нападения врагов... Мы надеемся, что наш нынешний

лорд, — он снова боязливо обвел комнату взглядом, — будет таким же мудрым, как король Деннис. Добрый король основал наши гильдии в год 249 Перед Надиром. Мы не знаем, кто такой НаDIR. Но мы знаем... хотя я открываю тайну... В нашей гильдии я являюсь шестьдесят восьмым мастером по дублированию и выделке шкур. Шестьдесят восемь мастеров сменилось за это время... — Он взглянул на Шей Тал.

— Шестьдесят восемь... — стараясь скрыть свое удивление, она привычным жестом закуталась в меха. — Это же много поколений, очень много...

— Да, да, это произошло в глубокой древности, — кивнул мастер Датнил, с таким видом, как будто сам пришел из этой пучины времени. — Почти семь веков назад основаны наши гильдии. Семь веков — а ночи у нас еще холодные.

Эмбруддок, лежавший среди дикой пустыни, напоминал корабль, потерпевший крушение. Он все еще служил убежищем своей команде, но плыть дальше был уже не в состоянии.

Годы так потрепали некогда гордый, величественный город, что его жители даже не понимали, что они сейчас живут в руинах дворца, который обрушился под воздействием лет, сурового климата и всеобщего невежества.

Погода постепенно улучшалась, и охотникам поневоле приходилось совершать все более далекие и далекие экспедиции в поисках добычи. Рабы возделывали поля и мечтали о свободе. Женщины оставались дома, и беспокойство все больше и больше овладевало ими. Они стали очень нервными.

Шей Тал теперь стала совсем одинокой. Ври не выдержала постоянного давления своей энергии и сблизилась с Ойрой. Она говорила с девушкой о том, что рассказывал мастер Датнил, и нашла в ней благодарного слушателя. Они обе пришли к мнению, что в истории Эмбруддока содержится немало загадок, но Ойра была настроена скептически.

— Старый Датнил Скар уже немного чокнулся — так говорит мой отец. — Ойра прошлась по комнате, пародируя походку старого мастера, и воскликнула старческим голосом: — Наши гильдии столь могущественны, что мы даже не позволили королю Деннису...

Ври рассмеялась, и Ойра заметила уже вполне серьезно:

— Мастера Датнилы могут наказать за то, что он показал тайную книгу своей гильдии — за то, что он болтун.

— И все же он нам не дал возможности внимательно просмотреть книгу, — сказала Ври и замолчала. Затем она заговорила снова. — Если бы мы могли собрать все известные факты, подумать над ними... Шей Тал собирает их, записывает. Из них можно получить ценную информацию. Ведь так много потеряно — мастер Датнил прав в этом. Когда наступили холода, многое, что могло гореть, было сожжено — дерево, бумага, все записи. Ты понимаешь, что мы даже не знаем, какой сейчас год? Но звезды могут нам сказать это. Календарь Лойл Бри глуп. Календари должны быть основаны на явлениях природы, а не на человеческих событиях. Люди так уязвимы... О, я сойду с ума, клянусь!

Ойра расхохоталась и шутиливо ткнула Ври в бок.

— Ты одна из самых здравомыслящих людей, кого я знаю.

Они снова стали обсуждать пути звезд, сидя на голом полу. Ойра рассказала, что она видела в старом замке, когда была там с Лейнталом Эй:

— Оба солнца изображены на фресках совсем близко друг от друга над головой Вутры.

— Каждый год оба светила сходятся вместе, — решительно заявила Ври. — В прошлом месяце они почти коснулись друг друга. А в следующем году наверное столкнутся. И что тогда будет? А может одно солнце пройдет позади другого?

— Может, именно это событие мастер Датнил и называл Слепотой? Вероятно будет семь таких событий, судя по его рассказам. — Она явно испугалась и придвинулась по-

ближе к подруге. — Это будет конец света! Мы увидим разъяренного Вутру!

Ври рассмеялась и встала с пола.

— Мир исчезнет еще не скоро. Нет, эти события будут означать начало новой эры. — Лицо ее просветлело. — Наверное, именно поэтому сейчас стало теплее! Теперь я это понимаю! И чтобы понять это, мне не нужно, как Шей Тал, обращаться к призракам! Пусть приходит Великая Слепота! Я приветствую ее!

Она пустилась в диком танце по кругу.

Тем временем Шей Тал худела все больше. Пищу, которую ей приносили женщины, она не ела, и одежда буквально висела на ней.

— Голод проясняет мой разум, — говорила она, расхаживая по комнате, пока Ойра и Ври уговаривали ее поесть, а Амин Лим стояла возле стены, с жалостью глядя на изможденную женщину. — Завтра я пойду в мир призраков. Вы трое и Рол Сакиль можете быть рядом, когда я буду доставать знания из пучины прошлого. Я достигну тех поколений, которые построили этот город, эти башни. Если понадобится, я предстану перед самим королем Деннисом.

— Как чудесно! — воскликнула Амин Лим.

Птицы влетали в открытое окно, чтобы поклевать хлеб, к которому не притронулась Шей Тал.

— Не нужно идти в прошлое, — сказала Ври. — Это путь для стариков, для ограниченных людей. Посмотри вперед, оглянись вокруг. Нет никакого смысла общаться с давно умершими.

Шей Тал была так ошарашена, что даже не нашла слов, чтобы осадить свою ученицу. Она внимательно посмотрела на нее и удивилась, увидев перед собою взрослую женщину. Лицо у нее было бледным, тени залегли под глазами. И у Ойры тоже.

— Вы обе так бледны. Вы больны?

Ври покачала головой.

— Сегодня я покажу тебе, что делаем мы с Ойрой. Когда весь мир будет спать, мы будем работать.

Вечер был ясным. Тепло покидало мир, когда Шей Тал в сопровождении двух молодых женщин поднялась на вершину полуразрушенной башни. Лучи света пробивались вверх с того места, где скрылся за горизонтом Фреир. Небо было чистым и безоблачным, и когда их глаза привыкли к темноте, они стали различать звезды на небе. В некоторых областях неба звезды были редки, а в других виднелись целыми скоплениями. Над головой из края в край тянулась полоса, такая насыщенная звездами, что казалась светлой туманностью, в которой тут и там сверкали яркие пятна.

— Это самое величественное зрелище на свете, — сказала Ойра. — Не правда ли, Шей Тал?

— В нижнем мире призраки сверкают, как звезды. Это души некогда живших. А в небе вы видите души еще не родившихся. И верхний и нижний миры подобны.

— Я вижу, что у нас противоположные точки зрения для объяснения неба, — сухо сказала Ври. — Все движения на небе подчиняются твердым законам. Все звезды движутся вокруг той яркой звезды, которую мы называем Полярной. — Она указала на звезду прямо над их головами. — С периодом в двадцать пять часов звезды делают вокруг нее полный круг, восходя на востоке и садясь на западе. Разве это не доказывает, что они — такие же солнца, только гораздо дальше?

Она показала Шей Тал звездную карту, которую они сделали с Ойрой. Там были отмечены все орбиты звезд. Шей Тал не проявила интереса. Она сказала:

— Звезды не оказывают такого воздействия на нашу жизнь, какое дают призраки. Неужели вы думаете, что вам удастся с помощью звезд увеличить наш запас знаний? Вы бы лучше спали по ночам.

Ври вздохнула.

— Небо живое. Это не могила, как нижний мир. Мы с Ойрой видим движущиеся звезды, кометы. И на небе есть четыре звезды, которые движутся совсем по-другому, чем

остальные звезды. А одна из них пролетает очень быстро — значит она совсем близко от нас. Мы с Ойрой называли ее Кайдав. Все это Странники, о которых мы слышим в старых песнях.

Шей Тал потеряла руки.

— Здесь холодно.

— Внизу, в мире призраков, еще холоднее.

— Придержи язык, женщина. Ты не друг академии, раз отлыниваешь от той работы, которую должна делать.

Лицо Шей Тал стало холодным и чужим. Она отвернулась от Ври и Ойры и быстро спустилась вниз, не сказав больше ни слова.

— О, мне придется расплачиваться за это, — сказала Ври. — Придется мне нести наказание.

— Ты слишком привязана к ней, Ври, а она слишком уверена в себе. Брось ее академию, Ври. Она боится неба, как и все люди. В этом ее слабость, хоть она и колдунья. Она подчиняет себе слабых людей, таких, как Амин Лим, которые преклоняются перед нею.

Она схватила Ври за руку и стала перечислять все глупости, которые совершала Шей Тал, хотя Ври и сама знала это.

— Жалко, что она никогда не захочет посмотреть в наш телескоп, — сказала Ври.

Этот телескоп намного продвинул вперед астрономические познания Ври. Когда Аоз Рун стал лордом, он переселился в Большую Башню, и Ойра облазила ее сверху донизу, обнаружив множество старых любопытных вещей. И среди старого тряпья она нашла и телескоп. Он был очень прост по конструкции — вероятно его изготовил кто-либо из уже исчезнувшей гильдии стекольщиков. Это была простая кожаная труба с двумя линзами. Но когда Ври взглянула через него на небо, в ее душе все перевернулось. Она увидела, что быстро летящие звезды — это вполне различимые диски. Они были похожи на солнца планеты, хотя и не излучали света.

Ойра и Ври решили, что странники находятся совсем близко от их планеты. Девушки даже дали им имена: Ипокрен, Аганип и Копэйс, а самая быстрая из этих близких

звезд — Кайдав. И теперь они пытались найти доказательства, что это такие же миры, как и их собственный. А может, и люди живут на них.

Глядя на подругу, Ври видела только очертания отца — Аоза Руна. Оба они были полны душевных сил... Ври на мгновение — только на мгновение — подумала, как повела бы себя Ойра, очутись она наедине с женщиной в теплой темноте брассимпса... Но затем она отогнала от себя эту бесстыдную мысль и обратила свой взор к небу.

Они оставались на вершине башни до тех пор, пока не услышали оглушительный вой Свистуна. А через несколько минут над горизонтом поднялся Кайдав и стремительно поплыл по небу.

Земная станция наблюдения Аверн — или Кайдав, как назвала ее Ври, — висела над Гелликонией, и под ней проплывал континент Кампаннлат. Люди прикинули к приборам, наблюдая жизнь внизу. Остальные три планеты тоже находились под постоянным и пристальным наблюдением автоматов.

На всех четырех планетах температура поднималась. Это повышение было устойчивым и постоянным. Оно производило изменения в живых организмах.

Жизненные драмы обитателей Гелликонии были усложнены рядом обстоятельств. Год планеты при ее обращении вокруг Беталикса — звезды В — составлял 480 дней — малый год. Но был еще и Великий Год, о котором нынешнее население Эмбруддока не имело понятия. Это было время обращения Звезды В, вместе со всеми своими планетами, вокруг звезды А — Фреира.

Великий Год был равен 1825 «малым» годам. Так как малый год равнялся 1,42 земного года, то Великий Год длился 2592 земных года. За это время на планете рождалось и умирало множество поколений.

За время Великого Года планета совершала путешествие по чудовищному эллипсу. Гелликония была чуть больше

Земли. Ее масса составляла 1.28 земной массы. И во многих отношениях она была родственна Земле. Но эта эллиптическая орбита делала из нее как бы две разные планеты: замерзшую в апоастре, когда она наиболее удалена от Фреира, и чересчур жаркую, когда она в периастре — вблизи Фреира. И это путешествие длилось почти два тысячелетия.

С каждым «малым» годом Гелликония все ближе подходила к Фреиру. Так крайне медленно и весьма импозантно на этой планете наступала весна.

Где-то посреди между высокими звездами, свершающими свой путь, и подземным миром призраков, погружающихся в пустыню мрака к первородному камню, возле постели сидели две женщины. Окна были зашторены и в комнате царил полумрак, так что узнать этих женщин было трудно. Было видно только то, что одна из них полная и далеко не юная, а вторая тоже давно покинула пору своей молодости.

Рол Сакиль Ден склонила свою голову и участливо посмотрела на женщину, лежавшую в постели.

— Бедняжка, она была такой красивой в юности, — проговорила она. — Ей не стоило бы так мучить себя.

Другая женщина молча кивнула в знак согласия.

— Посмотри, какая она тощая. Пощупай ее бедра и живот. Неудивительно, что она стала колдуньей.

Рол Сакиль сама была иссохшей как мумия. Все кости и суставы ее были изъедены артритом. Она всегда ухаживала за теми, кто погружался в транс, уходил в путешествие к призракам. Теперь, когда ее дочь Дол ушла к Аозу Руну, она весь свой пыл отдала академии, всегда готовая критиковать, но редко готовая думать.

— Она такая узкая и тощая, что не могла бы родить и палку, не то, что ребенка. Женский живот — центральная часть тела женщины. Его нужно лелеять.

— У нее хватает других дел, кроме того, что рожать детей, — сказала Амин Лим.

— О, я уважаю знания, но когда страсть к знаниям преобладает над страстью к мужчине, над естественной страстью к деторождению, это неправильно.

— Не забывай, — ехидно заметила Амин Лим, — что эта страсть потухла в ней, когда твоя дочь Дол заняла ее место в постели Аоза Руна. Все знают, что она любила его. До того, как он стал лордом Эмбруддока, он был весьма приятный мужчина.

Рол Сакиль фыркнула.

— Это не причина, чтобы вовсе отказаться от мужчин. Ей нечего ждать Аоза Руна. *Он* никогда не придет и не постучит в *ее* дверь. Его руки все время заняты грудями моей Дол.

Старуха знаком предложила подруге нагнуться поближе, так как она хотела сообщить ей нечто тайное. Женские головы склонились над неподвижным телом Шей Тал.

— Я научила Дол, как удерживать его возле себя — благорасположением и нежностью. Могу научить и тебя, если хочешь.

— О, думаю, что Аоза Руна мне привлечь не удастся, хотя о нем вздыхают многие женщины, несмотря на его горячий характер.

Шей Тал, погруженная в транс, вздохнула. Рол Сакиль взяла ее руку и тихо проговорила доверительным тоном:

— Моя Дол рассказывает, что он ужасно кричит во сне. Я знаю, что это признак нечистой совести.

— В чем же его совесть нечиста?

— Я расскажу тебе одну историю... В то утро я встала рано, вышла на улицу. Было очень холодно, и у меня еще кружилась голова — ведь я пропустила не одну кружку рателя. И тут я наткнулась на тело человека, лежащего на земле. Я сказала себе: «А вот и еще один перепил вчера». Он лежал возле стены башни.

Она помолчала, посмотрела на Амин Лим, чтобы оценить эффект, произведенный ее словами. Амин Лим молчала, с нетерпением ожидая продолжения. Маленькие глазки Рол Сакиль спрятались в морщинах.

— Я не осуждаю тех, кто любит выпить. Я и сама не прочь. Но обойдя башню, я нашла и второе тело и подумала: «А вот еще один, который упился». Я забыла о том, что видела, пока утром не услышала разговоры, что возле башни нашли Клилса и Нахкри, которые подрались пьяные и упали с башни. Их нашли лежащими рядом... — Она фыркнула.

— Все знают, где их нашли.

— О, первой увидела их я, и они лежали с противоположных сторон башни. Значит, они вовсе не подрались. Понимаешь, Амин Лим? И я сказала себе: «Кто-то толкнул двух братьев с башни. Кто бы это мог быть? Кто получил выгоду от их гибели?» Ну, об этом я предоставляю судить другим. Но я сказала моей Дол: «Постарайся не подходить близко к краям башен, пока ты с Аозом Руном. Держись подальше от них, и все будет хорошо».

Амин Лим покачала головой.

— Шей Тал не любила бы его, если бы он был таким. Шей Тал умная — она все знает и все понимает.

Рол Сакиль вскочила и стала расхаживать по комнате, тряся головой.

— Там, где дело касается мужчины, Шей Тал такая же, как и все мы. Уверяю тебя, что она не всегда думает головой, иногда в ней тоже берет верх то, что находится у нее между ног.

— О, перестань. — Амин Лим с жалостью посмотрела на свою учительницу: втайне она хотела бы, чтобы в жизни Шей Тал почаще пользовалась тем своим органом, о котором говорила Рол Сакиль. Может, тогда она была бы счастливее. Шей Тал шевельнулась, вытянулась. Глаза ее казались закрытыми. Дыхание ее было еле слышно, оно прерывалось слабыми вздохами. Глядя на это лицо, Амин Лим подумала, что Шей Тал смотрит на мир призраков. Только сжатые губы ее указывали на тот ужас, который не может преодолеть никто из живых, погружающийся в мир призраков.

Амин Лим однажды сама спускалась в нижний мир, но, встретившись там с призраком своего отца, решила, что

этого с нее вполне достаточно. Она появится в нижнем мире только тогда, когда ее позовут туда навсегда.

— Бедняжка, бедняжка, — погладила она по голове Шей Тал. Ей очень хотелось облегчить ее путь в темных пучинах нижнего мира.

Хотя у души нет глаз, она может видеть там, где ужас заменяет зрение.

Она падала вниз, в темное пространство, более огромное, чем ночное небо. Вутра никогда не являлся сюда. Это было пространство, куда Вутра Бессмертный не имел входа. Со своим голубым лицом, высокомерным взглядом, острыми рогами, Вутра принадлежал к морозному миру, где шла вечная борьба. А подземный мир был адом, потому что Вутра не принадлежал ему. Каждая звезда, сверкающая здесь, была чьей-то смертью.

Здесь не было ничего, кроме ужаса. Каждый призрак занимал свое определенное место. Ни одна комета не вспыхивала здесь. Это было царство абсолютной энтропии, царство неизменности, вечная смерть Вселенной, о которой жизнь могла думать только с ужасом.

Как и эта душа.

Сеть октав обвила всю землю. Октавы были похожи на тропинки или скорее даже напоминали стены, извивающиеся стены, разделяющие мир. И только вершины стен были видны над поверхностью земного шара. А остальная часть их была погружена в землю, покоясь основанием на первородном камне.

И вот тут, где сходились все нити октав, скапливались призраки, тысячи, миллионы...

Мрачная душа Шей Тал спускалась вниз по своей октаве, тихо скользя между призраками. Они были похожи на мумии. Сквозь прозрачную иссохшую обвисшую кожу виднелись люминесцирующие внутренние органы. Глазницы у них были пусты, рты широко разинуты, как будто они все еще вспоминали дни, когда могли дышать воздухом. И хотя

все призраки были неподвижны, душа, спускающаяся вниз, ощущала их ярость. Ярость такую сильную, какую никто из них не мог испытывать в те дни, когда они были еще живыми, когда первородный обсидиан еще не призвал их к себе.

Душа плыла между призраками. Она видела, что они висят неправильными рядами, простирающимися далеко туда, куда она не могла заплывать: в Борлиен, за моря, в Панновал, в далекий Сиборнел и даже в ледяные пустыни. Все они собрались здесь, как жуткие экспонаты страшной коллекции.

Здесь не было такого понятия, как направление. Но у души были крылья, и она должна была всегда быть настороже. Призраки были только мертвой пылью, но содержали в себе столько яростной злости, что могли поглотить душу, если бы она подплыла поближе, и тогда призрак освобождался, мог подняться на поверхность земли, неся с собой ужас и болезни.

И вот душа осторожно спускалась в этот обсидиановый мир, который Лойланун называла скрежещущей пустотой, пока не оказалась перед призраком своей матери — истлевшая кожа, висящая клочьями, кое-как скрепленные жилами пожелтевшие кости. Призрак смотрел на душу своей дочери. В костях челюстей виднелись кривые коричневые зубы. И все же в этих жутких останках можно было угадать черты некогда живого человека.

Призрак издал жалобный звук. Ведь призраки были оборотной стороной живых, и они не верили, что жили на земле достаточно долго и получили после смерти то блаженство, на которое рассчитывали. И они не верили, что заслужили такое существование после смерти. Поэтому они всегда жаждали встреч с живыми душами, которым могли излить все свои жалобы, все свое горе.

— Я снова явилась пред тобой, мать, и выслушаю все твои жалобы.

— О, жестокая дочь! Ты приходишь так редко, так неохотно, очень неохотно. Я должна была бы предвидеть твою жестокость, еще когда носила тебя в своем чреве.

— Я выслушаю тебя...

— Да, выслушаешь, но неохотно, без всякого участия, как и твой отец, который ни о чем не заботился, ни о чем не думал, ничего не делал, чтобы облегчить мне жизнь, как и все мужчины. Впрочем, как и дети, которым мать нужна только для того, чтобы высасывать из нее жизнь. А мужчины? Они только требуют, всегда требуют, требуют больше, чем мы можем дать — и они никогда не удовлетворены. Вся моя жизнь была полна горем, несчастьями. И теперь, когда я умерла, я тоже не испытываю счастья. Я оказалась в ловушке... Но ты смеешься надо мною... Тебе наплевать на меня...

— Нет, нет, мама. Я сочувствую тебе.

— Да, конечно, но в действительности-то и ты, и он — вы всегда обманывали меня, в то время как я заботилась о вас...

Призрак продолжал стонать, жаловаться, поносить и своего мужа и свою дочь. Призрак извивался в каменном мешке, стараясь дотянуться до живой души.

— Мне жаль тебя, мать. Но я хочу задать тебе один вопрос, чтобы отвлечь твой разум от твоего горя. Я прошу тебя передать мой вопрос твоей матери, а она — своей и так дальше, до самых глубин. Ты должна добыть ответ на мой вопрос и тогда я смогу гордиться тобою. Я хочу понять, действительно ли существует Вутра. А если существует, то кто он или что он такое. Ты должна передать мой вопрос самым древним призракам, которые могут знать ответ. Ответ должен быть исчерпывающим. Я хочу знать, как устроен мир. Ты понимаешь?

Ответ пришел к ней еще до того, как душа Шей Тал кончила говорить.

— Почему я должна что-то делать для тебя, после того как ты испортила мне всю жизнь? Почему я, находясь здесь, должна думать о ваших глупых проблемах? Даже здесь, после смерти...

Шей Тал прервала причитания души матери:

— Ты слышала мое требование, мать. Если ты не исполнишь его, я никогда не приду к тебе сюда. И не обращай к тебе никогда.

Призрак попытался проглотить душу, но она была на безопасном расстоянии, и бездыханный рот захватил только облако пыли.

Не сказав ни слова, призрак стал передавать вопрос нижним призракам. Поднялся гул недовольства.

Душа осмотрелась. Здесь висело много призраков. Здесь были и Лойланнун, и Лойл Бри, и Малый Юлий. Даже Великий Юлий висел поблизости, хотя уже превратился в настоящие лохмотья. Дикая злоба, казалось, насыщала все пространство вокруг него. Призрак отца Шей Тал был тут же, но он весь съежился, боясь гнева призрака своей жены. Однако он тоже непрерывно жаловался:

— ...несчастливая девчонка, неблагодарная девчонка. Почему ты не родилась мальчиком? Я так хотел сына, хорошего сына, который бы продлил наш род. А теперь надо мной все смеются, смеются даже трусы, которые прятались от холодного ветра, бежали от завывания волков. Смеются потому, что я прожил жизнь с этой безгрудой бесполой ведьмой, которая родила мне тебя...

Шей Тал слышала и другие причитания, злобные, полные яда, и она ждала, ждала, пока ответ поднимается снизу, переходя из одного мертвого рта в другой, просачиваясь сквозь обсидиан, как через спрессованные, кристаллизовавшиеся столетия.

— ...почему мы, находящиеся во тьме вдали от солнца, должны делиться с тобою нашими тайнами? То, что раньше было знанием, давно исчезло, вытекло через дырявое дно памяти, несмотря на обещанное нам. Но и то, что осталось, тебе не понять. Ты не сможешь ничего понять, кроме наших жалоб на то, что Вутра давно оставил нас своими милостями, бросил нас. В дни, когда на землю обрушился холод и из снежной пелены вышли фагоры, бедствия обрушились на людей. Они попадали в рабство к фагорам и были вынуждены поклоняться ледяным богам, которые тогда правили землей. И даже сейчас они поклоняются им, хотя и не замечают этого. Вутра никогда ничего не предпримет, чтобы помочь людям. Он не наш, мы все еще поклоняемся фагорам...

— Хватит! Хватит! Я не хочу больше слушать! — закричала душа Шей Тал, потрясенная до ужаса.

Но злобный хор продолжал говорить:

— ...ты спросила сама, но тебе не устоять против истины, смертная душа. Ты все поймешь сама, когда придешь сюда насовсем. А если ты хочешь приобрести бесполезную мудрость, то тебе придется отправиться в далекий Сиборнел, где находится Великое Колесо. Там ты сможешь постичь истину, если она тебе так нужна...

Душа со стенаниями устремила вверх, мимо многочисленных призраков, тянущих к ней свои костлявые руки.

Слово, полное яда слово пришло от далеких предков. Сиборнел должен стать ее целью. Сиборнел и Великое Колесо. Призраки обманщики, они злобные и ненавидящие, но тут они, видимо, правы: Вутра давно покинул не только живых, но и мертвых.

Душа быстро летела вверх, туда, где на постели неподвижно лежало бледное женское тело.

А на земле изменения в атмосфере уже начали производить изменения и в живых организмах — в людях, фагорах, животных.

Сиборнельцы все еще мигрировали с северного континента в поисках более гостеприимной страны, где можно было безбедно жить. Жители Панновала распространялись на север, заселяя большие равнины. Благоприятная погода вызвала демографический взрыв. Людей становилось все больше, и земля, где они жили оседло, уже не могла прокормить всех. Люди были вынуждены разбредаться по земле в поисках новых мест. Только на берегах морей люди могли жить в достатке. Море обеспечивало пищей в достаточном количестве. На юге континента Кампаннлат самым значительным городом стал порт Отгассол, куда стекались толпы странников.

Фагоры тоже мигрировали. Они были любителями холода и теперь бродили в поисках холодных мест по бес-

крайним континентам Гелликонии, вступая в бои с сынами Фреира.

Армада юного кзаххна Храстйпрта, Хрр-Брахл Йпрта, медленно двигалась с высокогорья Никтрихка, повинаясь своим воздушным октавам. Кзаххн и его советники знали, что Фреир медленно, но неуклонно берет верх над Беталиксом и ничего хорошего фагорам не сулит. Однако знание этого не убыстряло их продвижения. Они часто останавливались, чтобы совершить набеги на примитивные протогностические племена или на своих собратьев, если ощущали враждебность с их стороны. Ими в их походе руководила не поспешность и торопливость. Они просто знали, каково их предназначение, и двигались к нему.

Хрр-Брахл Йпрт ехал на Рукк-Ггрле, и его белая птица почти все время сидела у него на плече. Иногда она взмывала вверх и острыми глазами обзревала колонну сталлунов и гиллот, которые в основном двигались пешком. Ззхррк парил в воздухе, раскинув крылья и поводя головой из стороны в сторону. Иногда ему приходилось потом часами искать своего хозяина в этой огромной толпе и мельтешении многих птиц других фагоров.

В этой местности изредка встречались племена протогностиков — полумразумных людей — в основном мади. Все они, едва завидев вдаль в воздухе белую птицу, сразу понимали, что им грозит, и пытались спастись бегством — спастись от смерти или плена. Но на них редко обращали внимание — как на мелкая вошь, живущую в шерсти фагоров и служащую лакомством для их птиц.

На мади тоже жили свои паразиты. Эти полулюди боялись воды, и поскольку передвигались и жили всегда вместе со своим скотом, их тоже донимали мелкие насекомые. Но паразиты, живущие на мади, не играли такой же великой роли в истории мира, как фагорова вошь.

Гордый Хрр-Брахл Йпрт, длинный череп которого был украшен маской с рогами, взглянул вверх, на свою птицу, затем снова устремил взор вперед, чтобы вовремя заметить возможную опасность. Он знал, куда они должны прийти —

туда, где живут сыны Фреира, убившие его отца, Великого Кзаххна Хрр-Трихк Храста. Великий Кзаххн посвятил всю свою жизнь уничтожению сынов Фреира. И вот Великий Кзаххн был убит сынами Эмбруддока и навсегда потерял возможность вечного покоя. Юный кзаххн признавал, что во времена его правления фагоры были не очень активны в деле убийства людей.

Однако решение было принято. До того, как Фреир окончательно победит Беталикс, сыны Фреира должны быть уничтожены. А затем он сам может погрузиться в вечный покой, и совесть его будет чиста перед предками.

Когда Шей Тал достаточно окрепла, она, с помощью Ври, вышла на луг перед старым замком.

Двери замка были сняты, и вместо них была сделана загородка. В полутьме замка виднелись хрюкающие свиньи. Аоз Рун сдержал свое слово.

Женщины прошли между свиней и остановились в грязной луже, глядя на большое изображение Вутры — с белыми волосами, звериным лицом и изогнутыми рогами.

— Это правда, — тихо проговорила она. — Призраки сказали правду. Вутра — фагор. Люди поклоняются фагору. Наша темнота и невежество еще более глубоки, чем я думала.

Но Ври с надеждой смотрела на нарисованные вокруг головы Вутры звезды.

Глава IX В ШКУРЕ ХОКСНИ И БЕЗ НЕЕ

Некогда безрадостная пустыня начала оживать. Берега реки украсились деревьями. Влажный туман висел над ожившей землей.

Великий континент Кампаннлат занимал территорию в четырнадцать тысяч миль длиной и пять тысяч миль шири-

ной. Он находился в тропической зоне планеты Гелликонии. Пространство, занимаемое им, было так велико, что на континенте можно было зафиксировать самую высокую и самую низкую температуру планеты, самую высокую гору и самую глубокую впадину, самое тихое место и место, где вечно бушевали бури. И теперь континент возрождался к жизни.

Климатические изменения оказали воздействие на метаболизм всех живых существ и растительность. Но также они пробудили и энергию земли. Землетрясения, проснувшиеся вулканы, извержения лавы... Постель гиганта трещала и скрипела под ним.

Земля, прежде закрытая льдом и снегом, покрылась буйной растительностью, ковры цветов радовали глаз там, где еще недавно стояли ледники. Растения первыми откликнулись на тепло Фрейра и теперь создавали почву и давали достаточно корма все увеличивающимся стадам животных. Стало в изобилии пропитания для многочисленных насекомых. А потому расплодилось в невероятных количествах птицы.

Эти изменения в климате были настолько сложны и многогранны, что ни один из живущих на планете людей не мог полностью осознать их, связать воедино все последствия. Однако люди видели их. Видели расцветающую землю, ощущали все перемены.

Люди стали здоровее, но болезни остались, жить стало легче, но не лучше. Много людей умирало, хотя много и рождалось. Пищи стало больше, но все же больше людей стало голодать. И при всех этих противоречиях жизнь текла дальше. Фрейр звал людей, и даже глухие слышали его зов.

Затмение, которого ждали Ври и Ойра, произошло. То, что только они во всем Эмбруддоке знали о затмении, было им приятно, хотя последствия были весьма трагическими. Обе женщины понимали, какое впечатление на людей произведет это жуткое событие. Даже Шей Тал упала на постель и закрыла глаза руками. Многие охотники попрятались по домам. У стариков произошли сердечные приступы.

А затмение было не полным.

Медленное ослабление света Фреира началось около полудня. Час за часом оно усиливалось, и когда оба солнца закатились за горизонт, они все еще были вместе. Не было никаких гарантий, что они появятся на следующее утро. Многие люди с ужасом наблюдали необычный закат.

— Это смерть мира! — воскликнул кто-то. — Завтра снова вернется лед!

Темнота сгустилась, и ужас все более охватывал души людей. Люди зажгли факелы, чтобы разогнать тьму. Но этого им показалось недостаточно, и вскоре вспыхнул недавно построенный деревянный дом.

И только решительное вмешательство Аоза Руна, Элин Тала и других сильных охотников предотвратило распространение безумия. Один человек погиб в огне, дом сгорел, но остальная часть ночи прошла спокойно. На следующее утро Беталикс взошел как обычно, а за ним — целенький Фреир. Все было хорошо — за исключением того, что гуси Эмбруддока перестали нестись на целую неделю.

— Что же будет в следующем году? — спросили себя Ври и Ойра. И тайно от Шей Тал они начали серьезную работу над этой проблемой.

А для Земной Станции Наблюдения это затмение было обычным событием, в котором не было ничего неожиданного и загадочного. Оно произошло потому что эклиптики Звезды А и Звезды В, наклоненные друг относительно друга на 10 градусов, пересекались. Это приводило к тому, что на 644-й и 1428-й год после апоаэстра, исчисляя в земных годах, обе звезды оказывались для планеты на одной линии. В годах Гелликонии это соответствовало 453-му и 1005 году. При приближении к точке пересечения наблюдались неполные затмения.

Неполное затмение 444-го года служило началом внушительной серии из двадцати затмений. Для обитателей Аверна это было всего лишь астрономическое событие,

которое следовало наблюдать и протоколировать. Необразованным жителям Эмбруддока это казалось жестокой усмешкой богов.

После туманов, после затмения — наводнение. В чем причина? Этого никто не мог сказать. Вся земля к востоку от Олдорандо вплоть до Рыбьего озера опустела, стада покинули ее, пастбища были залиты водой. Пищи не стало. Разлившийся Ворал не позволял переправиться на другой, высокий берег, где виднелись спокойно пасущиеся стада.

Аоз Рун снова доказал свое право на лидерство. Он помирился с Лейнталом Эй и Даткой и с их помощью поднял народ на строительство моста через Ворал.

Такого еще не было на памяти людей. Досок было мало, поэтому стали пилить раджабаралы, чтобы получить строительный материал. Кузнецы сделали несколько длинных пил, с помощью которых и производились работы. Две лодки, украденные у борлиенцев, были разобраны и тоже использованы для строительства. Целую неделю город был наполнен опилками, стружкой, которая уплывала по течению реки. Пальцы всех людей были в занозах. Наконец, тяжелые балки начали укладывать на место. Рабы стояли по горло в воде, связанные для безопасности между собой. По счастью, никто не погиб.

Медленно мост рождался к жизни. Первый настил был унесен бурей. Работа началась снова. Люди напрягли все силы, укладывая в воду тяжелые плахи. Над общим беспорядком возвышалась могучая фигура в косматой черной шкуре — Аоз Рун. Он кричал, ругался, отчаянно жестикулировал — руководил работами. Отдыхая после работы за кружками рателя, люди с уважением говорили о нем, называя «сущим дьяволом».

Работа продвигалась. Люди радовались. Мост шириной в четыре доски имел перила с одной стороны. Многие женщины отказывались ходить по нему. Им не нравилось, что в щелях между досками видна темная, быстро несущая-

ся вода. Однако доступ к западным долинам был обеспечен. Охота там была прекрасная, и голод отступил. Аоз Рун имел право гордиться собой.

С приходом лета Беталикс и Фреир разделились. Они восходили и заходили в разное время. Дни стали длиннее, ночи — короче. И при таком избытке света все бурно произрастало.

Понемногу разрасталась и академия. Во время героического строительства моста работали все. Недостаток мяса показал, насколько важно иметь запасы зерна. Горстка семян, которую Лейнтал Эй принес Шей Тал, превратились в целое поле, где росли овес, рожь, ячмень. Поля тщательно охранялись от воров: ведь зерно — это жизнь целого племени.

К этому времени многие женщины научились писать и считать. Они вели учет всех запасов. Были занесены в книги все домашние животные и птицы, каждая корзина зерна. Развитие сельского хозяйства вынудило людей заняться бухгалтерией. Теперь были заняты все.

Ври и Ойра присматривали за рабами, работающими на полях. Отсюда поверх колышущихся колосьев они могли видеть большую башню, на вершине которой стоял часовой.

Они все еще изучали звезды. Карта неба уже была настолько полной, насколько позволяли их возможности. И в основном звезды были предметом их разговоров.

— Звезды всегда в движении, как рыбы в чистой воде, — сказала Ври. — Все рыбы поворачивают одновременно, но звезды не рыбы. Интересно, что они такое и в чем плавают?

Ойра сорвала травинку, поднесла ее к носу, которым так восхищался Лейнтал Эй, закрыла один глаз, затем другой.

— Травинка перемещается из стороны в сторону в моих глазах, хотя я знаю, что она неподвижна. Возможно, звезды тоже неподвижны, а движемся мы...

Ври выслушала это и промолчала. Затем она тихо сказала:

— Ойра, дорогая, может это и так. Может, земля движется все время. Но...

— А что ты думаешь относительно солнца?

— О, они тоже не движутся... Движемся мы вокруг них. И они очень далеко от нас, как звезды.

— Но ведь они приближаются к нам, Ври, потому что становится теплее...

Они посмотрели друг на друга, ошарашенные своим выводом. Казалось, и красота, и ум покидают их.

Охотники, занятые делом после того как был построен мост, не обращали внимания на небо. Долины были открыты для них. Поля были покрыты зеленой травой, по которой было приятно бежать за добычей. Везде были цветы, над которыми кружили насекомые. Добыча была богатой, и доски моста были постоянно окраплены свежей кровью.

В то время как росла репутация Аоза Руна, влияние Шей Тал падало. Женщины теперь были заняты работой — сначала на строительстве моста, а затем в сельском хозяйстве. Поэтому интеллектуальная жизнь в городе затихла. Однако это, казалось, не беспокоило Шей Тал. После своего возвращения из мира мертвых она стремилась к уединению. Она решительно избегала Аоза Руна, и ее стройную фигуру жители города могли видеть все реже. Единственный, с кем она часто общалась, был мастер Датнил.

Хотя старый мастер больше не осмелился принести ей старую книгу гильдии, он много говорил о прошлом. И Шей Тал слушала его рассказы о прежней жизни, населенной людьми с незнакомыми именами. Она подумала, что это похоже на путешествие в мир, населенный призраками. То, что казалось ей темным, для него было живым, излучало свет.

— Я знаю, что когда-то жизнь в Эмбруддоке кипела, была наполнена духовностью, а не только заботой о пище. Затем, как ты знаешь, произошла катастрофа... Когда-то существовала гильдия каменщиков, но она много лет назад исчезла.

Шей Тал слушала его и обратила внимание, что старик говорит так, как будто все еще сам живет в прошлом, прошлое для него — это настоящее. Она предположила, что он просто пересказывает ей то, что прочел в тайной книге.

— Почему столько домов построено из камня? — спросила Шей Тал. — Ведь мы знаем, что хорошо строить из дерева.

Они сидели в полутемной комнате мастера. Шей Тал расположилась на полу. Мастер Датнил сидел на каменной скамье возле стены: ему было трудно подниматься с пола. Тут же присутствовали обе его старые женщины и Райнил Лайан — его главный помощник — вполне взрослый мужчина с холеной бородой.

Старик не ответил Шей Тал. Он поднялся и сказал:

— Пойдем на воздух. Сейчас тепло, и это полезно моим старым костям.

На улице старик оперся на Шей Тал, и они пошли по улице, где в грязи копошились свиньи. Вокруг никого не было. Охотники ушли в западные долины, женщины работали на полях вместе с рабами. Собаки спали.

— Охотники сейчас так часто отсутствуют, — сказал Датнил, — что женщины всё отбились от рук. Наши рабы мужчины возделывают не только наши поля, но и наших женщин. Не знаю, куда катится мир.

— Люди ведут себя в этом отношении как животные. Холод пробуждает интеллект, тепло — чувственность. — Она посмотрела вверх, где над башней кружили птицы, таскающие пищу своим птенцам.

Он похлопал ее по руке, взглянул в лицо.

— Не грусти. Ты мечтаешь отправиться в Сиборнел — и это скрашивает твою жизнь. Каждый должен иметь что-нибудь в душе.

— А что именно?

— Что-нибудь, на что можно опереться в реальной жизни. Видение, сон, надежду. Мы живем не хлебом единым — даже самые тупые из нас. В каждом есть внутренняя жизнь, которая не умирает, когда мы уходим к призракам.

— О, внутренняя жизнь... И она не может умереть от духовного голода?

Они остановились возле башни, рассматривая каменные блоки, из которых та была сложена. Несмотря на прошедшие века, башня стояла хорошо. Блоки, тщательно подогнанные друг к другу, казалось, задавали им вопрос. Как эти блоки были изготовлены? Как могли из них собрать башню, простоявшую века?

Вокруг них вились пчелы. В воздухе носились птицы. Шей Тал чувствовала, как в нее входит ощущение чего-то великого, всеохватывающего.

— Возможно, нам удастся сделать башню из глины. Глина, когда засыхает, делается очень твердой. Сначала маленькую глиняную башню, позже — каменную. Аоз Рун должен построить земляные стены вокруг Олдорандо. Сейчас город совсем без защиты. Все уходят из города. А кто будет трубить, если появится неприятель? Мы сейчас открыты для нападения.

— Я читал, что некогда один ученый человек сделал модель мира в виде шара. Шар вращался, и можно было увидеть на нем все страны — где находится Эмбруддок, где Сиборнел и так далее. Этот шар находится в пирамиде, где укрыт со многими другими вещами.

— Король Деннис больше чем холода боялся захватчиков, — сказала Шей Тал. — Мастер Датнил, я ничего не говорила о своих тайных мыслях. Но они мучают меня, и я должна сказать... Я узнала от призраков...

Шей Тал замолчала, осознав всю тяжесть того, что собиралась сказать.

— ...Эмбруддоком когда-то правили фагоры.

Немного погодя старик небрежным тоном сказал:

— Пожалуй, хватит солнца. Пойдем в башню.

По пути в свою комнату он остановился на третьем этаже. Это было помещение для собраний членов его гильдии. Здесь сильно пахло кожей. Датнил прислушался. Было тихо.

— Я хотел убедиться, что мой помощник ушел. Заходи.

Они зашли в маленькую комнату, дверь которой Датнил открыл ключом. Прежде чем закрыть за собою дверь, мастер Датнил еще раз тревожно оглянулся и прислушался. Заметив взгляд Шей Тал, он сказал:

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь слышал нас. Ты же знаешь, что мне грозит смерть, если будет известно, что я раскрываю тайны гильдии. Хотя я и стар, я хочу прожить еще немного.

Шей Тал осмотрелась вокруг, когда они оказались в маленькой комнате. Однако несмотря на все предосторожности, ни он, ни она не заметили Райнила Лайана — главного помощника мастера, который должен был занять его место, когда старый мастер уйдет в отставку. Он стоял в тени, укрывшись за деревянным столбом, поддерживающим лестницу. Райнил Лайан был осторожным, всегда ровным и почтительным человеком. И сейчас он стоял тихо, боясь шевельнуться, даже вздохнуть, чтобы эти двое не заметили его присутствия.

Когда дверь за Датнилом и Шей Тал закрылась, Райнил Лайан вышел из своего убежища и крадучись подошел к двери. Удивительно, но ни одна половица не скрипнула под его большим телом. Он приложил глаз к щели между досками, которую он расширил уже давно, чтобы наблюдать за человеком, место которого он собирался занять.

И он увидел, что Датнил Скар достал из деревянного футляра книгу гильдии и раскрыл ее перед этой женщиной. Если эта информация будет передана Аозу Руну, это будет означать смерть старого мастера и начало правления нового. Райнил Лайан стал осторожно спускаться по лестнице, двигаясь удивительно тихо.

Дрожащими пальцами старик открыл одну страницу в пухлом томе:

— Это великая тайна, которая была тяжким грузом на моих плечах многие годы, и я верю, что твои плечи не будут слишком хрупкими для нее. В самое холодное и темное время Эмбруддок был покорен фагорами. Даже название города — это искаженное произношение того, как называ-

ли его двурогие: Хррм-Бххрд Йдохк... Всех людей тогда загнали в пещеры, все мужчины и женщины жили там и служили фагорам, которые правили городом. Разве это не позор?

Она вспомнила бога-фагора Вутру, которому поклонялись в храме.

— Позор еще не кончился. Они правят нами. И мы поклоняемся им. Может, это и делает нас даже сейчас расой рабов?

Муха вылетела из темного пыльного угла и уселась на страницы книги. Мастер Датнил Скар с внезапным страхом посмотрел на Шей Тал.

— Я не должен был показывать тебе это. Ты не должна этого знать. Вутра накажет меня за это.

— Ты веришь в Вутру несмотря ни на что?

Старик весь дрожал, как будто он уже слышал шаги за дверью, которые несли ему смерть.

— Он всегда над нами. Мы все его рабы.

Он попытался прихлопнуть муху, но она ловко увернулась и полетела куда-то по своим делам.

Охотники с изумлением смотрели на хоксни. Это они вдохнули в искусство охоты новый дух.

Фреир вызвал глосси из долгой спячки к жизни — и превратил их в хоксни. Целые стада хоксни, веселые и беззаботные, как легкий ветерок, носились по долинам. Они были без рогов и чем-то напоминали маленьких кайдавов. Бегали они так быстро, что никто не мог сравниться с ними в скорости.

У каждого хоксни по бокам тянулись две цветные полосы, причем сочетание цветов было самым разным. И стадо хоксни представляло собой красочное зрелище.

Сначала хоксни не боялись охотников.

Они галопировали среди людей, потряхивая гривами, задирая головы, показывая свои белые зубы. Охотники стояли, восхищаясь этими грациозными животными, смея-

лись над их забавными играми. Они полностью очаровали людей и, казалось, на них невозможно было поднять руку.

И эта игривость, это легкомыслие, это бесконечное наслаждение жизнью оказали воздействие на людей. Их теперь совсем не тянуло возвращаться в свои каменные жилища. Охотники убивали какое-нибудь животное, разжигали костер, садились вокруг него, жарили мясо и наслаждались бездельем, разговорами о женщинах, пением, пустой болтовней. А цветущие долины вокруг них наполняли воздух теплым ароматом.

И сейчас, когда появился Райнил Лайан — весьма необычно для человека из гильдии оказаться в охотничьих владениях — они сидели вокруг костра и были в весьма благодушном настроении. Но это настроение немного испортилось при появлении Райнила Лайана. Аоз Рун поднялся, отошел с ним в сторону и переговорил с ним. Когда он вернулся к костру, лицо его было угрюмо. Однако он не сказал ни Лейнталу Эй, ни Датке о том, что узнал.

Когда на Олдорандо опускался вечер, хоксни начинали беспокоиться, вынюхивая расширенными ноздрями: не приближаются ли их враги сабр-тонги, саблеязыкие.

Их враги имели яркую окраску — черный с одним из оттенков красного. Они были похожи на хоксни, но ноги у них были короче и толще, а голова круглее. Голова, посаженная на могучую шею, была их главным оружием. Сабр-тонги могли развивать очень большую скорость бега на короткой дистанции, а приблизившись к жертве, сабр-тонг выбрасывал вперед свой длинный и острый, как сабля язык, который подрезал связки на ноге жертвы.

Увидев этого хищника в деле, охотники стали относиться к нему с почтением. А сабр-тонги со своей стороны относились к людям без страха, но и без вражды. Так что ни те, ни другие не входили в обеденное меню друг друга.

Огонь, казалось, привлекал этих хищников. У них появилась привычка приходить к костру по двое, по трое и лежать поблизости. Они вылизывали друг друга своими длинными белыми языками, подбирали куски мяса, кото-

рые люди кидали им. Однако они не позволяли трогать себя и глухим рычанием встречали всякую попытку погладить их. Этого рычания было достаточно, чтобы человек вспомнил, какое страшное оружие язык сабр-тонга.

В долине разрастались деревья. Под их густыми кронами охотники спали. Они жили среди этой буйно расцветающей природы, одаривающей их ароматами и новыми ощущениями. В зарослях они обнаружили диких пчел, улья которых были полны меда. А из меда уже было просто сделать битель, от которого люди пьянели и бегали друг за другом, смеясь, шутливо боролись, пели. И любопытные хоксни приходили посмотреть, что это за шум. Хоксни тоже не позволяли людям трогать себя, однако некоторые охотники, напившись бителя, гонялись за животными по долине, пока, вымотавшись до изнеможения, не падали на мягкую траву и не засыпали.

В старые времена возвращение с охоты было праздником, удовольствием. Холод снежных долин люди меняли на тепло домов и сон в мягкой постели. Теперь все изменилось. Охота стала игрой. Теперь не нужно было напрягать все силы, и в цветущих долинах было тепло.

Да и Олдорандо больше не привлекал охотников. Там сейчас было много маленьких детей, родившихся в последний год. Люди предпочитали проводить время в долине, пить битель. Им вовсе не хотелось возвращаться в мрачные прокопченные каменные мешки и выслушивать бесконечные жалобы своих женщин.

Поэтому охотники возвращались в город не так, как раньше — торжественной колонной с хвастливыми песнями. Нет, они приходили по двое или по трое, менее торжественно, почти тайно.

И такое возвращение породило новую привычку. Ведь если раньше охотники приносили добычу для всех, то теперь они приносили ее своим женщинам, и те неизменно спрашивали: «А что ты принес мне?»

Этот вопрос в различных вариантах слышали все мужчины по возвращении домой. Женщины встречали их на

мосту, притащив с собой всех детишек. Они терпеливо ждали своих мужей, ожидая мяса и шкур. А в это время дети забавлялись тем, что швыряли камни в гусей и уток.

Мясо было необходимостью — это была пища, жизнь. И плох был охотник, который возвращался без добычи.

Но радость в сердца женщин вселяла теперь другая добыча — шкуры, великолепные шкуры хоксни. Никогда раньше в своей суровой жизни женщины не думали о том, чтобы красиво одеваться. И теперь впервые они получили возможность менять одежду.

Никогда раньше у женщин не возникало таких желаний. Им было не до того. И никогда раньше охотнику не приходилось убивать животных не ради пищи. А теперь каждая женщина желала иметь шкуру хоксни, чтобы одеться. И, желательно, не одну.

Они щеголяли друг перед другом в прекрасных шкурах. В голубых, аквамариновых, вишневых. Уже появилась мода на определенный цвет. И женщины шантажировали своих мужчин разными способами. Они красили губы, они причесывались, чтобы соблазнить мужчину. Они даже стали умываться!

Хорошо выделанная шкура хоксни могла даже самую невзрачную женщину сделать элегантной. Но из нее еще нужно было сшить одежду. И в Олдорандо появилось новое ремесло — портной. Наступило то, что должно было произойти: в наступившем тепле многочисленные цветы украсили угрюмую землю и теперь женщины, как цветы, стали украшать угрюмый город. Они разделись в одежды таких ярких цветов, о которых их матери даже не имели понятия.

А вскоре и мужчины сбросили с себя старые тяжелые дурно пахнущие меха и оделись в шкуры хоксни.

Атмосфера все сгущалась, ветер стих, от раджабаралов поднимался густой пар.

Олдорандо замер в ожидании бури. Охотников не было в городе. Шей Тал сидела в своей комнате одна и что-то

писала. Она не заботилась о своей одежде, и на ней была все та же старая шкура, плохо выделанная и дурно сшитая.

В ее мозгу все еще звучали скрипучие голоса призраков. Она все еще мечтала о совершенстве и хотела отправиться в путешествие.

Когда Амин Лим и Ври поднялись к ней в комнату, Шей Тал резко взглянула на них:

— Ври, что ты думаешь о шаре как модели мира?

— Это не лишено смысла. Шар вертится вокруг своей оси. Скорее всего, это так и есть.

— Диск? Колесо? Ведь мы всегда верили, что первородный камень покоится на диске.

— Многое из того, во что мы верили, оказалось неправдой. Ты сама учила нас этому. Я уверена, что наш мир вращается вокруг солнц.

Шей Тал осталась на месте, рассматривая женщин, своих учениц. Обе они уже сбросили старые шкуры и оделись в прекрасные шкуры хоксни. Яркие полосы струились по телу Ври. Уши животных украшали плечи женщин. Несмотря на то, что Аоз Рун ограничил выдачу пищи и шкур академии, Датка преподнес драгоценную шкуру Ври. Теперь Ври была уверена в себе, излучала твердость духа.

Внезапно Шей Тал взорвалась яростью:

— Вы, глупые потаскухи! Вы предали меня! И не приносите, что это не так. Я знаю, что скрывается под вашей покорностью. Посмотрите, как вы разоделись! С таким мировоззрением мы никуда дальше не пойдем. Обстоятельства складываются так, что перед нами встают все новые сложности. Я должна идти в Сиборнел, чтобы найти там колесо, о котором говорили призраки. Может, именно там находится подлинная свобода, чистая истина. А здесь только невежество и плотские страсти... Куда вы обе катитесь?

Амин Лим вскинула руки вверх, демонстрируя свою невиновность.

Она вообще была полная девушка, а сейчас была просто совсем располневшей, так как мужчина впрыснул ей свое семя. Она всем своим видом буквально молила Шей Тал о

прощении и облегченно вздохнула, когда, выходя с Ври из комнаты, заметила огонек прощения в глазах учителя.

Когда они спускались по грязной лестнице, Ври сказала:

— Она снова сегодня не в духе. Это с нею случается теперь регулярно. Бедняжка, что-то действительно гнетет ее.

— Где источник, о котором ты говорила? Я не могу идти далеко в своем положении.

— Тебе он понравится. Он сразу же за северным полем. И мы пойдем медленно. Думаю, что Ойра уже там.

Воздух сгустился настолько, что уже не мог переносить аромат цветов. Изменились даже краски. Трава казалась слишком зеленой, гуси неестественно белыми.

Они прошли сквозь рощу раджабаралов. Эти деревья были приспособлены к жизни в морозном климате и сейчас являли собою странный контраст с новой жизнью, бурлящей вокруг.

— Даже раджабаралы изменились, — заметила Ври. — Интересно, сколько времени они будут выпускать пар?

Амин Лим не знала этого, да и не интересовалась. Ври и Ойра нашли новый теплый источник и хранили его в тайне от всех. Он находился в узкой долине и был надежно упрятан от глаз людей. К нему и вела Ври Амин Лим.

Когда они пробрались сквозь заросли и вышли на открытое место, то увидели человеческую фигурку возле источника. Амин Лим вскрикнула и прикрыла рот рукой.

Ойра стояла на берегу. Она была совсем голая. Ее влажная кожа блестела, капельки воды сверкали на маленьких грудях. Без всякого смущения она повернулась и помахала подругам. На траве лежала брошенная шкура хоксни.

— Идите сюда! Где вы пропадаете? Вода сегодня восхитительная!

Амин Лим осталась на месте, как прикованная, все еще закрывая рот рукой. Она еще никогда не видела обнаженного тела.

— Все нормально, — улынулась Ври, глядя на подругу. — В воде так хорошо. Я тоже разденусь. Смотри — если осмелишься.

Она подбежала к Ойре и стала сбрасывать с себя все. Да, шкуры хоксни произвели целую революцию в сознании женщин: они были предназначены для того, чтобы шить одежду, которую нужно было одевать и сбрасывать в нужный момент. Вскоре обнаженная Ври стояла рядом с Ойрой. Ее тонкая фигура контрастировала с плотным крепко сбитым телом Ойры, но обе они были красивы. Девушки весело рассмеялись.

— Иди сюда, Амин Лим, не стесняйся! Купание будет полезно твоему ребенку.

Ойра и Ври вместе прыгнули в воду, весело хохоча.

Амин Лим стояла на месте, скованная ужасом.

Они устроили себе большой праздник. Много пили, ели мясо, заедая его фруктами. Лица их все еще лоснились от жира.

Охотники все растолстели. Пищи было в изобилии. Хоксни можно было убивать, не бегая за ними. Животные все еще подходили близко к людям, несмотря на то, что в лагере нередко лежали трупы их собратьев.

Все еще одетый в свою старую черную шкуру, Аоз Рун в отдалении разговаривал с надсмотрщиком рабов Гойя Хином. Немного спустя тот повернулся и направился в сторону Олдорандо. Его широкая спина была еще долго видна. Аоз Рун присоединился к компании. Он схватил огромную ногу, переломил ее о камень и улегся в траву с нею. Курд, его собака, начал подлизываться к нему, пока охотник не бросил один кусок в кусты, чтобы пес не мешал ему есть.

Он дружелюбно толкнул Датку ногой.

— Вот это жизнь, дружище. Живи легче, ешь побольше, пока снова не пришли холода. Клянусь первородным камнем, я не забуду это время до самой смерти.

— Чудесно, — отозвался Датка. И это было все. Он уже кончил есть и сейчас сидел, обхватив колени руками и наблюдая за стадом хоксни, которое несло куда-то.

— Черт побери, ты все время молчишь, — воскликнул Аоз Рун добродушно, разрывая мясо своими крепкими зубами. — Поговори со мной.

Датка повернул голову к Аозу Руну:

— О чем ты говорил с Гойя Хином только что?

Губы Аоза Руна сжались.

— Это только наше дело.

— Значит, ты тоже не отвечаешь. — Датка отвернулся и стал смотреть на хоксни, которые были видны на горизонте.

Наконец, как бы почувствовав жесткий взгляд Аоза Руна своими лопатками, он сказал:

— Я думаю.

Аоз Рун швырнул обглоданную кость собаке и улегся навзничь в траву:

— Хорошо. Но неужели ты так и проведешь свою жизнь в размышлениях? О чем же ты думаешь?

— Как поймать живого хоксни.

— Ха! Зачем это тебе? Какая польза?

— Я думаю о пользе не больше, чем думал ты, когда позвал Нахкри на крышу башни.

Опустилась тяжелая тишина. Аоз Рун не сказал ни слова. Вдали слышались раскаты грома. Элин Тал принес еще бителя. Аоз Рун сердито крикнул, обращаясь ко всем:

— Где Лейнтал Эй? Опять где-то бродит. Почему он не с нами? Вы все стали слишком ленивы и непослушны. Некоторым из вас скоро придется удивиться.

Он встал и тяжело пошел прочь. В почтительном отдалении от него бежала его собака.

Лейнтал Эй не изучал хоксни, как его молчаливый друг. Он был занят другим.

С той ночи, четыре года назад, когда он стал свидетелем убийства Нахкри, он не находил покоя. Он должен был бы ненавидеть Аоза Руна за убийство, но он понимал, как мучается сам лорд Эмбруддока.

— Я думаю, что он считает себя под закланием, — однажды сказала Ойра Лейнталу Эй.

— Но ему многое можно простить за строительство моста, — ответил Лейнтал Эй. Однако он сам ощущал вину за то, что был замешан в убийстве.

Связь между ним и прекрасной Ойрой то усиливалась, то ослаблялась с той памятной ночи, когда Лейнтал Эй выпил слишком много рателя. С той поры он всегда был очень почтителен с нею.

Кроме того, его мучила еще одна мысль:

— Если я хочу править Олдорандо, как это положено мне по праву наследования, я должен убить отца девушки, которую я люблю. Но это невозможно.

Без сомнения Ойра тоже понимала его дилемму. И уже окончательно считала, что она принадлежит ему и только ему. Он должен был бы драться до смерти с любым мужчиной, который бы предъявил на нее свои права.

Его дикие инстинкты, врожденное чувство западни позволили видеть ему так же ясно, как и Шей Тал, что Олдорандо сейчас уязвим для атаки. Мягкая погода расслабила всех. Часовые спали на постах.

Он поднял этот вопрос перед Аозом Руном, который дал ему вполне разумный ответ.

Аоз Рун сказал, что сейчас никто, ни враги, ни друзья, не ездят далеко. Сейчас нет снега, по которому было легко передвигаться куда угодно. Сейчас все заросло деревьями и густым кустарником, через который трудно пробираться. Время набегов прошло.

А кроме того, добавил он, с тех пор, как Шей Тал совершила чудо в Рыбьем озере, фагоры тоже прекратили набег. Сейчас город в большей безопасности, чем когда-либо.

И он протянул Лейнталу Эй кружку с бителем.

Лейнтал Эй не удовлетворился ответом. Дядя Нахкри тоже чувствовал себя в безопасности вплоть до того часа, как упал с башни. Всего две минуты понадобилось для того, чтобы он улегся внизу со сломанной шеей.

Когда охотники в это утро поехали в долину, Лейнтал Эй сопровождал их только до моста. Затем он повернул назад, решив осмотреть деревню, чтобы понять, что же нужно сделать для ее защиты.

Когда он обошел деревню, первое, что бросилось ему в глаза, это пар над рекой Ворал. Стена пара находилась как раз на средней линии реки и, казалось, следовала за ее течением, хотя на самом деле пар оставался на месте. Что это означает, Лейнтал Эй не знал, но ему стало беспокойно.

Атмосфера сгушалась. Лейнтал Эй осмотрел то, что некогда было башнями, а сейчас зарастало кустами и травой. Аоз Рун был прав в одном отношении: действительно — разросшиеся кусты были труднопроходимы.

И все же тревога не покидала его. Он видел, как кайдавы фагоров легко перепрыгивают все препятствия, проникая в самое сердце укреплений. Он видел, как охотники, нагруженные шкурами хоксни, возвращаются, спешат домой. Головы их тяжелы от выпитого бителя. И они еще успевают увидеть свои горящие дома, своих жен и детей, убитых фагорами, прежде чем сами погибнут под копытами кайдавов. Вот какие мысли формировались в его мозгу.

Он пробрался через колючие кусты.

Как ездят фагоры! Что может быть более чудесным, чем скакать на кайдаве, управлять им? Однако, как утверждают легенды, эти животные подчиняются только фагорам. Во всяком случае, никто из людей не ездил на кайдаве. Люди всегда ходят пешком... Но человек верхом на кайдаве будет равен по силе фагору.

Из этих кустов он мог видеть северные ворота, открытые и никем не охраняемые. На верхней перекладине ворот весело чирикали две птицы. Он подумал, есть ли вообще пост у этих ворот или же часовой просто покинул его? Гнезущая тишина и тяжелый воздух давили на него.

Но вот в поле его зрения показалась чья-то фигура. И сразу же он узнал надсмотрщика рабов Гойю Хина. За ним на веревке шел Мик.

— Тебе понравится твоя работа здесь, — услышал Лейнтал Эй слова Гойи Хина. Тот остановился и привязал раба к дереву. Ноги фагора были уже в оковах. Гойя похлопал Мика по плечу.

Мик посмотрел на Гойю Хина:

— Мик некоторое время может просидеть здесь на солнце?

— Не просидеть. Простоять. Ты должен стоять, Мик, как тебе приказано, иначе ты знаешь, что будет с тобой. Ты должен делать то, что приказал Аоз Рун, иначе тебя ждут неприятности.

Старый фагор хмыкнул.

— Неприятности всегда вокруг нас. Вы, сыны Фреира, самая большая неприятность.

— Помолчи, а то я спущу с тебя шкуру, — беззлобно сказал Гойя Хин. — Ты будешь стоять здесь и делать то, что тебе приказано.

Он оставил фагора и потихоньку пошел обратно к башням. Мик тут же улегся на землю и скрылся с глаз Лейнтала Эй.

Все это усилило беспокойство юноши. Он стоял, выжидая, осматриваясь, прислушиваясь. Тишину нарушало только пение птиц, которое всего несколько лет назад он считал чем-то неестественным, пугающим. Немного погодя он пожал плечами и пошел дальше.

Олдорандо остался совсем без защиты. Нет, нужно что-то предпринять, чтобы пробудить в людях чувство опасности. Над вершинами раджабаралов клубился пар. Это явление он тоже не мог объяснить, и оно внушало ему тревогу. Где-то вдалеке прогремел гром.

Вскоре он подошел к ручью, пробирающемуся между камнями, и встал на колени, чтобы вымыть руки. Вода оказалась на удивление теплой. Он осмотрелся. Нет, здесь никогда не было горячего источника.

Земля ощутимо дрогнула. По воде прошла рябь. Птицы с криками поднялись над башнями, затем опустились снова.

Лейнтал Эй ожидал следующего подземного толчка, и в это время поблизости послышался рев Свистуна. Этот звук был знаком ему со дня рождения, но на этот раз ему показалось, что рев был дольше, чем всегда.

Лейнтал Эй поднялся и пошел вверх по течению теплого ручья. Продираясь сквозь густые кусты, доходившие ему до пояса, он слышал голоса. Женские голоса.

Юноша застыл на месте, огляделся, затем, пригнувшись, стал пробираться вперед. Осторожно выглянул из-за камня и... Он был готов ко всему, но реальность превзошла его ожидания. Перед ним открылась небольшая уютная долина, в центре которой находился небольшой бассейн. От воды поднимался пар, оседающий каплями влаги на листьях близлежащих кустов. На противоположной стороне бассейна в шкуры хоксни одевались две женщины. Одна из них была беременна. Лейнтал Эй сразу узнал Амин Лим и Ври. А на ближнем к нему берегу бассейна спиной к нему стояла совершенно голая его обожаемая Ойра.

И когда он узнал ее, он ахнул от восхищения и прижался к камню, пожирая глазами эти прекрасные плечи, волнующий изгиб спины, нежные округлые ягодицы, стройные крепкие ноги. Он не мог дышать — так сильно было его желание.

Беталикс вырвался из-за облака, закрывающего его, и залил всю землю золотом. Лучи солнца заиграли на перламутровой коже Ойры, зажгли на ней искры капель воды. Вода стекала по ее телу на камень, на котором стояла девушка. Она была похожа на каменное изваяние наяды, олицетворение души природы. Она стояла в расслабленной позе, слегка расставив ноги. Одной рукой она смахивала с ресниц воду, которая мешала ей видеть подруг, собиравшихся уходить. В Ойре была какая-то беззаботность животного, не чувствующего в данный момент взгляд хищника, но готового в любой момент к бегству.

Ее темные волосы намокли и спадали на нежные девичьи плечи.

С того места, где он был, юноша почти не видел ее лица. До этого он еще никогда не видел обнаженного тела —

ни мужского, ни женского. Давние обычаи Олдорандо, первопричиной которых был холод, запрещали смотреть на человеческое тело. Кровь хлынула в голову юноши. Он уткнулся лицом в траву. Жилы на висках вздулись.

Когда он снова поднял голову, то увидел движение округлых ягодич: это Ойра повернулась, чтобы помахать уходящим подругам. Теперь ему открылся совсем иной вид, который полностью околдовал его. Ойра стояла на берегу бассейна, глядя в его глубину. Теперь он видел ее гладкий плоский живот и чарующий треугольник внизу живота, покрытый нежными слегка выющимися волосами. А в следующее мгновение она подняла руки и прыгнула в воду.

Он остался один под палящим солнцем, слыша только шум ручья, протекающего поблизости.

И затем она со смехом вынырнула из воды почти рядом с ним. Нежные груди ее блестели от воды.

— Ойра, золотая Ойра! — вырвалось у него.

Он встал.

Девушка стояла перед ним. Под ее нежной кожей на шее билась жилка. Ее темные огромные блестящие глаза были устремлены на него без тени стыда, без тени смущения. Во взгляде ее светилась животная чувственность, порожденная теплом, оживившим всю природу, в том числе и чувства людей. Юноша как будто впервые увидел красоту ее лица, обрамленного темными кудрями, изгиб ее бровей. Она смотрела на него без удивления, без страха, губы ее были полуоткрыты. Она как будто ждала, каково же будет его следующее движение, как он поступит. А затем она медленно опустила руку, прикрыв ею темный треугольник внизу живота. Это движение скорее приглашало его к действию, чем играло защитную роль. Прекрасно понимая, какое она произвела впечатление на юношу, она подсознательно пользовалась этим, возбуждая его.

Над их головами с чириканьем пролетели четыре маленькие птицы.

Лейнтал Эй сделал несколько шагов вперед и грубо схватил ее руками, глядя ей в глаза и ощущая все ее тело. Затем он страстно прижался губами к ее губам.

Ойра освободилась из его рук, сделала шаг назад, слегка улыбнувшись и облизнув губы. Глаза ее сузились.

— Разденься. Пусть Беталикс посмотрит, как ты сделан, — сказала она.

Голос ее был наполовину насмешливым, наполовину приглашающим. Лейнтал Эй с яростью рванул тунику, так что затрещали все ремешки и шнурки. Она полетела в кусты. Так же быстро он скинул штаны и отшвырнул их прочь ногою. Сгорая от желания, он шагнул к девушке.

Однако та увернулась от его простертых рук и слегка подтолкнула его, так что он оказался в бассейне. Теплая вода сомкнулась над ним, и он торопливо вынырнул, чтобы вдохнуть воздуха.

Она наклонилась, упершись руками в колени, и смеялась над ним.

— Вымойся, прежде чем хватать меня, грязнуля-охотник!

Он плеснул водой в нее, одновременно и злясь на нее и смеясь.

Когда девушка помогла ему выбраться из воды, она была уже более податлива. Она уже сама льнула к нему. Когда они опустились на колени в траву, рука юноши сразу скользнула по животу девушки и нащупала самые интимные части ее тела. И сразу же он не выдержал напряжения и изверг семя прямо на траву.

— О, дурак, дурак! — выкрикнула она, ударяя его кулаком в грудь. Ее лицо было искажено разочарованием.

— Нет, нет, Ойра! Это ничего! Дай мне еще минутку, пожалуйста! Я люблю тебя, Ойра! Я хочу тебя, очень хочу! Иди ко мне, сейчас все снова будет в порядке.

Но Ойра уже поднялась на ноги. Горечь разочарования не оставляла ее. Несмотря на произнесенные мольбы, Лейнтал Эй был зол на нее и зол на себя. Он тоже вскочил на ноги.

— Черт бы тебя побрал, зачем ты такая соблазнительная!

Он обхватил ее руками, повернул и толкнул к бассейну. Она вцепилась в его волосы, шипя и царапаясь. Они вместе рухнули в воду.

Лейнтал Эй обхватил ее под водой руками, а когда она показалась над поверхностью, поцеловал ее, сжимая ее грудь левой рукой. Он закинул на нее ногу, и Ойра страстно поцеловала его, глубоко сунув язык в его рот, в то время как он слился с ней в любовном экстазе.

И они еще долго лежали тут, в этом месте, укрытом от всех любопытных взоров, и занимались любовью. Ложем им служил мягкий теплый ил на берегу бассейна, чавкающий под ними, как будто он был полон мелкими живыми существами, тоже занимающимися любовью, выражая свою радость жизни.

А потом она надела одежду из шкуры хоксни. Темно-голубые и светло-голубые полосы струились сверху вниз, то расширяясь, то сужаясь. Они подчеркивали плавные изгибы прекрасного тела девушки. Раскаты грома слышались уже ближе и чаще.

Лейнтал Эй лежал, глядя, как одевается девушка.

— Я всегда хотел тебя, — сказал он. — Все время. Твое тело — это горячий возбуждающий источник. Ты будешь моей женщиной. Мы будем приходить сюда каждый день.

Ойра не сказала ничего, но стала тихонько напевать.

*Вода ручья прочь утекает,
Как наши дни стрелой несутся...*

— Я хочу иметь тебя каждый день, Ойра. И ты ведь тоже хочешь этого?

Она взглянула на него и сказала:

— Да, да, Лейнтал Эй. Я хочу тебя, но не могу быть твоей женщиной.

Он почувствовал, что земля затряслась под его ногами:

— Что ты имеешь в виду?

После некоторого колебания, она наклонилась к нему. Когда он тут же потянулся к ней, она отпрыгнула, спрятав выпрыгнувшие груди под тунику.

— Я люблю тебя, Лейнтал Эй, но я не собираюсь стать твоей женщиной.

— Я всегда подозревал, что академия — это только прибежище глупых женщин, таких как Амин Лим.

— Теперь, когда погода стала хорошей, академия распалась. Только Ври и Шей Тал еще верны ей. И возможно, старый мастер Датнил Скар. Да, я ценю независимость Шей Тал и последую ее примеру. Шей Тал не подчинилась даже моему отцу, хотя страстно хотела его... И я буду такой, как она. Если я стану твоей собственностью, я стану ничем.

Он поднялся с земли и встал на колени.

— Нет, нет, Ойра. Ты будешь всем, всем. Ведь мы ничто друг без друга.

— На несколько недель — да.

— Чего ты ожидаешь?

— Чего я ожидаю... — Она посмотрела на него и вздохнула. Затем она пригладила свои мокрые волосы и отвернулась, глядя на молодой кустарник, на небо, на птиц. — Ты не подумай, что я так высоко ценю себя. Нет, я могу сделать так немного... Но оставшись независимой, как Шей Тал, я могу хоть чего-то добиться.

— Не говори так. Тебе нужен кто-то, кто будет защищать тебя, Ойра. Шей Тал, Ври — они не счастливы. Шей Тал хочет радости, разве не так? Кроме того, она стара. Я буду ухаживать за тобой и сделаю тебя счастливой. Мне больше ничего и не надо.

Она застегнула тунику на пряжки, которые, к изумлению портного, сделала сама.

— О, Лейнтал Эй, мне так трудно. Я сама точно не знаю, чего хочу. Мне хотелось бы раствориться в этой воде и уплыть прочь вместе с нею. Я... я люблю тебя, правда, по-своему. Слушай, давай договоримся.

Она прекратила возиться с одеждой и посмотрела прямо ему в глаза.

— Сделай что-нибудь великое и удивительное. Что-то грандиозное. Ты понимаешь меня, Лейнтал Эй? Грандиозное. И тогда я твоя. Я сделаю все, что ты пожелаешь.

Он поднялся и отошел в сторону, рассматривая ее.

— Что-то великое? О чем ты? Клянусь первородным камнем, ты странная девушка, Ойра. Я сделаю все, что ты скажешь.

Она снова пригладила волосы.

— Если я скажу тебе, то это уже не будет великим. Неужели ты не понимаешь этого? К тому же, я и сама точно не знаю...

Он стоял неподвижно. Лицо его ожесточилось.

— Я сказал тебе, что люблю тебя, а ты издеваешься надо мною?

— Ты сказал мне правду, надеюсь. Я тоже не солгала тебе. Но я не хотела обидеть тебя. Ты ведь только что пустил в меня свое семя... Этого я никому бы не позволила, кроме тебя. Но я правда не знаю, что можно сделать, чтобы стать великим. Сделай что-нибудь, Лейнтал Эй. Я прошу тебя, сделай что-нибудь, пока мы еще не состарились и можем наслаждаться друг другом.

— Убить фагоров?

Она расхохоталась, грубо, язвительно, сузив глаза. В этот момент она была удивительно похожа на Аоза Руна.

— Это все, что ты можешь придумать? Убей хоть миллион.

Он стоял в замешательстве.

— Значит, ты считаешь, что стоишь миллион фагоров?

Ойра с трудом удержалась от улыбки.

— Разве ты не понимаешь, что это не для меня. Это только для тебя. Тебе нужно стать великим ради тебя самого. Мы живем в мире, который, как сказала Шей Тал, только старый задний двор. Так хотя бы прославь его, сделай его легендарным.

Земля снова задрожала.

— Черт побери, — сказал он. — Земля действительно трясется.

Они стояли, слегка оглушенные, выбитые из своего спора. Бронзовый свет распространялся с небес. Облака были похожи на пурпурные сердца с золотыми краями. Жара становилась невыносимой. Они стояли в гнетущей тишине, повернувшись спиной друг к другу.

Снова раздался странный звук, и они оба повернулись к бассейну, на поверхности которого возникали и лопались желтые пузыри. Пузыри всплывали снизу и лопались, распространяя запах тухлых яиц. Пузырей становилось все больше, и вот уже поверхность бассейна покрылась черным туманом.

Вскоре из бассейна вырвался фонтан жидкой грязи, забрызгавшей все вокруг — листья, траву. Юноша и девушка в страхе кинулись прочь. Она — в одежде цвета летнего неба.

Через минуту после их побега весь бассейн стал лужей черной маслянистой жидкости.

Они не успели добежать до Олдорандо, как небеса разверзлись, и хлынул дождь. Оба мгновенно промокли до нитки.

Они вбежали в большую башню и услышали наверху голоса, громче которых был голос Аоза Руна. Он уже вернулся со своими друзьями: Тантом Эйном, Фаралином Фердом и Элином Талом — воинами, охотниками. С ними были их женщины, восторженно восклицающие над новыми шкурами хоксни, и Дол Сакиль, которая сидела возле окна, невзирая на хлещущий дождь. Кроме того, в комнате был и Райнил Лайан в сухой одежде. Он поглаживал свою бороду и нервно посматривал по сторонам. Он не говорил ни слова и к нему никто не обращался.

Аоз Рун бросил на свою дочь только один взгляд и тут же закричал Лейнталу Эй:

— Опять ты опаздываешь!

— Прошу прощения. Я осматривал укрепления и...

Аоз Рун посмотрел на пришедших и расхохотался:

— Если он пришел в дом в таком состоянии, а одежда Ойры в беспорядке, то я знаю наверняка, что он осматри-

вал нечто другое, а вовсе не укрепления. Не лги мне, сопляк.

Все рассмеялись. Лейнтал Эй покраснел.

— Я не лгу. Я действительно осматривал укрепления, вернее, выявлял то, чего у нас не хватает. Нет часовых, нет охраны. Пока мы, охотники, валяемся на траве в долине и устраиваем пьянки, Олдорандо может захватить один вооруженный борлиенец. Мы ведем слишком беззаботную жизнь, и ты показываешь дурной пример.

Он почувствовал, что Ойра положила руку ему на локоть, успокаивая его.

— Сейчас он совсем редко бывает здесь, — пожаловалась Дол, но ее никто не слушал.

Аоз Рун повернулся к товарищам:

— Видите, что мне приходится терпеть от моих так называемых заместителей. Олдорандо сейчас защищен густой непроходимой растительностью, и она становится гуще с каждым днем. Ты стараешься во всех вселить тревогу, Лейнтал Эй.

— Наоборот. Я стараюсь сделать так, чтобы не было оснований для тревоги.

Аоз Рун подошел и встал перед ним. Огромный, в черной шкуре, он буквально возвышался горой над юношей.

— Тогда веди себя смирнее. И не учи меня.

Сквозь шум дождя на улице послышались крики. Дол выглянула в окно и сказала, что кому-то плохо. Ойра подбежала к ней.

— Назад! — крикнул Аоз Рун. Однако три пожилые женщины тоже подошли к окну. В комнате стало еще темнее.

— Пойдем, посмотрим, что случилось, — сказал Тант Эйн. Он, а за ним Фаралин Ферд и Элин Тал стали спускаться вниз. Райнил Лайан остался в тени. Аоз Рун сначала хотел остановить их, затем замер в нерешительности посреди комнаты. Его видел только Лейнтал Эй.

Юноша шагнул вперед:

— Я не могу терпеть, что ты несправедливо называешь меня лжецом. Однако ты должен знать, что мы несем ответственность за охрану Олдорандо.

Аоз Рун прикусил губу и не слушал его.

— Ты почерпнул эти мысли от сумасшедшей Шей Тал? — проговорил он, но было видно, что он прислушивается к крикам с улицы. Вскоре послышались и голоса мужчин. Женщины у окна оживленно переговаривались между собою.

— Идите прочь! — крикнул Аоз Рун, отталкивая Дол от окна. Курд, его огромная желтая собака, поднял лай.

По крыше барабанил дождь. Фигуры внизу башни казались серыми из-за водяной пыли. Два охотника подняли с земли чье-то тело, а Фаралин Ферд обхватил двух пожилых женщин и повлек их под крышу. Эти женщины были настолько охвачены горем, что не обращали внимания, что уже совершенно промокли под дождем. Они воздевали головы к небу, и вода лилась им прямо в открытые рты. Это были женщина Датнила Скара и старая вдова, тетка Фаралина Ферда.

Женщины тащили тело от северных ворот и все вымазались в грязи. Когда охотники подняли тело, всем стало видно лицо, покрытое грязью и засохшей кровью. Когда охотники понесли его, голова трупа закинулась назад. Горло трупа было перекушено кем-то.

Дол закричала и забилась. Аоз Рун перегнулся через подоконник и крикнул охотникам:

— Не тащите его в башню.

Однако охотники не подчинились ему. Они направились к ближайшему убежищу. Вода заливала их, жидкая грязь хлупала под ногами.

Аоз Рун выругался и выбежал из комнаты, устремясь вниз по лестнице. Захваченный этой драмой, Лейнтал Эй бросился за ним. А следом — Ойра, Дол и остальные женщины. Райнил Лайан медленно пошел за ними.

Охотники и старухи притащили тело в башню и положили на пол. Мужчины отошли в сторону, вытирая мокрые

лица руками. Возле трупa немедленно образовалась лужа, в которой плавали солома и щепки. Старухи уткнулись лицами друг другу в плечи и безутешно рыдали. Хотя лицо трупa было покрыто кровью, можно было безошибочно узнать, кто это. Мастер Датнил Скар лежал мертвый перед людьми.

Жена Танта Эйна не выдержала и разразилась рыданиями, перешедшими в непрерывный вопль.

Никто не мог сомневаться в том, кто нанес эту смертельную рану. Все узнали укуc фагора. Этот жуткий обычай казни, который существовал в Панновале, ввел здесь еще Юлий Великий, хотя нужда в таком наказании возникала крайне редко. Где-то снаружи, в шуме дождя, ждал Вутра. Вутра, вечно воюющий. Лейнтал Эй вспомнил о том, что говорила Шей Тал: Вутра — фагор. Может, он действительно бог, бог-фагор. Лейнтал Эй вспомнил, как он сегодня видел Гойю Хина, ведущего Мика к северным воротам. У него уже не было сомнения, кто виновник этой ужасной смерти. У Шей Тал появятся новые причины для скорби.

Он посмотрел на искаженные горем лица вокруг него, на спокойное лицо Райнила Лайана — и набрался мужества. Он громко выкрикнул:

— Аоз Рун, я считаю тебя убийцей этого старика.

Все глаза обратились на лорда Эмбруддока, который стоял, прижавшись спиной к стене. Лицо его было бледным. Он хрипло сказал:

— Не вздумай выступать против меня, Лейнтал Эй! Еще одно слово — и я ударю тебя.

Но Лейнтал Эй не мог остановиться. Полный ярости, он выкрикнул:

— Это еще один твой удар против знания! Против Шей Тал!

Все вокруг зашептались. Аоз Рун сказал:

— Это всего лишь правосудие. У меня есть информация, что старик позволил непосвященным взглянуть в тайную книгу гильдии. Это запрещено. И наказание за это — смерть.

— Справедливо? Разве это справедливо? Это больше похоже на убийство. Это самое настоящее убийство...

Нападение Аоза Руна было неожиданным, но ярость юноши помогла ему выдержать удар. Он ударил в ответ в разневанное лицо Аозу Руна, заставшее прямо перед его глазами. И тут же кулак лорда со всей силой ударил его в челюсть так, что в глазах у юноши помутнело. Последнее, что Лейнтал Эй услышал перед тем, как потерять сознание, это крик Ойры.

Он почти сразу же пришел в себя и услышал крики, топот ног, почувствовал удары по ребрам. Он закрыл рукой голову, чтобы ее не разбили о стену. А затем его выбросили на улицу, под дождь, и раскат грома потряс землю.

Он лежал в грязи, дождь барабанил по его лицу, и он понял, что он уже не помощник Аоза Руна. С этого времени он изгой и ему остается только одно — уйти из города.

Дождь продолжался. Плотные тучи неслись над континентом. Грозные явления природы отодвинули в сторону все дела в Олдорандо.

Огромная армия молодого кзаххна Хрр-Брахл Йпрта была вынуждена временно прекратить свое продвижение и искать убежища в восточных горах.

Фагоры тоже ощущали сотрясения земли. Они были вызваны теми же причинами, что и землетрясения в Олдорандо. Далеко на севере земля испытывала громадные сейсмические давления. А когда огромные толщи льда были расплавлены горячим солнцем, грандиозные силы земли стали вырываться наружу. Земля затряслась, стала вздыбливаться.

К этому времени океан, окружающий континент, очистился ото льда на большой территории, простирающейся от экватора до тридцать пятого градуса широты к северу и югу. Циркуляция океанских вод создавала тайфуны, цунами, которые опустошали прибрежные области континентов по всей планете. Эти наводнения в сочетании с вул-

канической деятельностью изменяли ландшафт планеты, лицо мира.

Все эти глобальные явления изучались Земной Станцией Наблюдения, которую Ври называла Кайдав. Данные передавались на далекую Землю. Ни за одной другой планетой Галактики не наблюдали так внимательно, как за Гелликонией.

Подсчитывались стада йелков и бийелков, обитающих на северных долинах Кампаннлата. Их пастбища угрожающе уменьшались. Кайдавы же, напротив, увеличивались в числе, так как пищи для них становилось все больше.

На тропическом континенте жило две разновидности анципиталов: оседлые — без кайдавов, и кочевые группы с кайдавами. Причем кочевали они не только потому, что могли передвигаться на кайдавах, но и потому, что было необходимо искать пастбища для них. Армия молодого кзаххна состояла из кочевых воинственных племен. Их поход был частью великой миграции с востока континента на запад, которая будет длиться еще десятилетия.

Землетрясение, которое ощутили участвующие в походе, сбросило лавины с ледника Ххриггт, открывая новые долины, и по ним потекла новая река, образованная тающими льдами ледника. Эта река текла на запад.

Эта новая река вскоре сливала свои воды с рекой Такиссой, и те уносились далее на юг, в море Орла. Воды реки очень долгое время были черными, так как несли в себе многие тонны горной породы, раздробленной в пыль.

Эта река заставила отдельные отряды из армии кзаххна свернуть с прямого пути к Олдорандо и двинуться к северу, вместо того чтобы идти на восток. А предназначением их было последнее свидание с Аозом Руном. Хотя эта задержка во времени имела малое значение для самих фагоров, она вызовет изменение социальной истории этого региона.

На Аверне были люди, изучающие социальную структуру Гелликонии. Но самой нужной считали свою науку гелиографы. Ведь прежде всего изменяется свет.

Звезда В, которую на планете звали Беталикс, была звездой спектрального класса G4. Это означало, что она была немного меньше Солнца, температура фотосферы 5600 градусов по Кельвину, а светимость — 0.8 солнечной. Ей было уже пять миллиардов лет.

Более удаленная звезда — Фреир, — вокруг которой вращался Беталикс, была с точки зрения обитателей Аверна более интересным объектом. Супергигант класса А, с радиусом в сорок пять раз больше солнечного, массой в 14.8 солнечных масс и температурой поверхности 11000 градусов, почти в два раза выше солнечной (5780 К).

Хотя звезда В заслуживала внимания, звезда А была более интересна для наблюдения, особенно теперь, когда Аверн приближался к супергиганту.

Фреиру было десять или одиннадцать миллионов лет. Он уже сошел с «главной последовательности» и теперь стремительно приближался к старости.

Интенсивность его излучения была огромной, хотя он никогда не бывал к Гелликонии так близко, как Звезда В. Да, фагоры не зря боялись его — в то время как Ври и остальные люди радовались ему.

Ври стояла одна на вершине башни рядом с телескопом. Она ждала. Она наблюдала. Она ощущала, как ее личные чувства, жизнь, изливаются подобно реке в необозримое небо. За ее неподвижностью, пассивностью было невыраженное в словах ожидание чего-то большого, каких-то перспектив, которые были недоступны несовершенной человеческой натуре.

Когда на планету опустилась темнота, она взглянула на звезды — облачность расступилась в достаточной степени, чтобы видеть чистое небо и звезды на нем.

Теперь Олдорандо был окружен зелеными массивами лесов, разрастающихся с каждым днем, как будто природа задалась целью похоронить город в буйной растительности. Некоторые из башен были уже еле видны из-за высоких деревьев.

Ври заметила в небе большую белую птицу, парившую над землей. Она восхитилась тем, что птица летит без всяких видимых усилий.

Издали донеслось пение мужчин. Охотники возвращались в Олдорандо со шкурами хоксни, и Аоз Рун намеревался устроить празднество. Это было празднество в честь новых помощников — Танта Эйна, Фаралина Ферда и Элина Тала, заменивших Датку и Лейнтала Эй, которые были смещены и отосланы прочь.

Ври попыталась остаться равнодушной, но мысли ее постоянно возвращались к одному — к ее несбывшейся надежде, Датке. Однако в нем она не могла найти взаимопонимания. Ее настроение было созвучно опускающемуся вечеру. Беталикс уже скрылся за горизонтом, другое светило скоро последует за ним. Это было время, когда люди и животные готовятся к царствованию ночи. Это было время, когда люди готовят свечи к наступлению темноты или ложатся спать до света.

Отсюда Ври видела людей Олдорандо, возвращающихся домой. Среди них была и тощая сгорбленная фигура Шей Тал.

Она вернулась в башню вместе с Амин Лим, усталая и изможденная. Со времени убийства мастера Датнила она стала еще более одинокой. Проклятие молчания опустилось на нее. Она попыталась последовать совету мастера — проникнуть в пирамиду короля Денниса. Но несмотря на помощь рабов, это ей не удалось. Люди, которые приходили посмотреть на работу, тайно или открыто издевались над нею, над тщетностью ее попыток. И с каждым взмахом лопаты лицо Шей Тал становилось все угрюмее.

Движимая жалостью и собственным одиночеством, Ври решила поговорить с Шей Тал. Колдунья осталась единственной среди женщин Олдорандо, которая все еще оставалась в старой одежде, висящей бесформенным балахоном на ее тощей фигуре. Все остальные уже ходили в хоксни.

Пораженная несчастным видом старой женщины, Ври решила дать ей совет.

— Ты сама делаешь себя несчастной, Шей Тал. В земле находится только мрак и давнее прошлое. Не стремись туда.

Шей Тал ответила с неожиданным юмором:

— Каждый находит счастье там, где ищет.

— Все твои мысли направлены вниз, под землю, — продолжала Ври. Она показала на окно. — Видишь эту белую птицу в небе. Неужели тебе не хочется парить, как она? Неужели она не возвышает твой дух? Как мне хотелось бы подняться в небо и лететь к звездам!

К удивлению Ври, Шей Тал встала и подошла к окну, чтобы посмотреть на птицу. Затем она повернулась, откинула волосы со лба и спокойно сказала:

— Ты знаешь, что это за птица?

— Знаю. И что из того?

В комнате стали сгущаться тени.

— Ты помнишь Рыбье озеро и другие встречи с фагорами? Это же птица фагоров.

Она говорила спокойно, назидательным тоном. Ври испугалась, поняв, насколько она была поглощена своими размышлениями, что даже не обратила внимания на столь очевидный факт. Она закрыла рукой рот, переводя глаза с Шей Тал на Амин Лим и обратно.

— Снова нападение фагоров? Что же нам делать?

— Мы с лордом Эмбруддока не разговариваем друг с другом. Ври, ты должна пойти к нему и сказать, что враг у ворот, пока он пьянствует со своими приближенными. Скажи ему, что лично я не приму участия в битве, как это было когда-то. Иди и скажи ему.

Ври поспешила к Аозу Руну. Дождь начался снова. Подходя к башне, Ври услышала пение. Аоз Рун с друзьями расположились в нижней комнате башни. Лица их лоснились от жира, на столе стояли сосуды с бителем. Жареный гусь был гвоздем обеда. От него исходил такой запах, что у Ври потекли слюнки. За столом, кроме Аоза Руна, сидели три его новых помощника с женами, новый мастер гильдии Райнил Лайан, Дол и Ойра. Последние двое обрадовались появлению Ври. Ври уже знала — Рол Сакиль

гордо объявила об этом — Дол носила в своем чреве ребенка от Аоза Руна.

На столе уже горели свечи. В углах комнаты было темно, и там собрались собаки. Запахи пищи смешались с запахами собачьих испражнений.

Мужчины были потные, раскрасневшиеся, хотя в комнате было довольно прохладно. По грязным стенам сбегали струйки воды, с углов свисала паутина. Ври окинула это все одним взглядом, затем подошла к Аозу Руну и передала ему новости.

В этой комнате она знала каждый закоулок. Мать Ври была рабыней, и они жила в этой комнате — точнее, в ее углу.

Хотя Аоз Рун был пьян, он сразу же вскочил на ноги. Его пес яростно залаял. Дол пнула его ногой, чтобы он замолчал. Собутельники Аоза Руна недоуменно переглядывались, силясь понять что-либо.

Аоз Рун обошел вокруг стола, похлопывая всех по плечам.

— Тант Эйн, предупреди всех и верни охотников. Черт побери, почему у нас давно нет охраны? Поставь часовых на башни, пусть следят днем и ночью. Фаралин Ферд, займешься женщинами и детьми. Запри их всех в женской башне. Дол, Ойра, вы двое останетесь здесь. Элин Тал, у тебя громкий голос — ты будешь находиться на башне и передавать все донесения часовых. Райнил Лайан, ты будешь отвечать за людей из гильдий. Подготовь их.

Отдав распоряжения, он приказал приступить к выполнению, а сам стал нервно расхаживать по комнате. Затем повернулся к Ври:

— Хорошо, женщина. Я хочу сам посмотреть на свою землю. Ваша башня самая северная. Я посмотрю оттуда. Идем. Хотя будем надеяться, что это ложная тревога.

Он быстро пошел к двери, собака бросилась за ним. Бросив последний взгляд на жареного гуся, Ври пошла за Аозом Руном. Весь город уже был наполнен криками, бегом. Дождь продолжал лить. Растительность с благодарностью принимала живительную влагу.

Ойра побежала за Аозом Руном, счастливо улыбаясь, несмотря на грозное известие. Ее серо-голубая одежда из шкуры хоксни струилась вокруг ее стройного тела.

— Мне не часто приходится видеть тебя таким озабоченным и неподготовленным, отец.

Он бросил на нее угрюмый взгляд. Ойра ощутила, насколько он состарился.

Возле башни Ври он жестом приказал дочери остаться, а сам бегом бросился вверх. Шей Тал вышла из своей комнаты, но он прошел мимо, лишь кивком поздоровавшись с нею. Она последовала за ним по лестнице, ощущая исходящий от него запах.

Аоз Рун встал возле парапета, обозревая погружающиеся в темноту окрестности. Фреир уже садился, свет его отражался от облаков в западной стороне неба. Птица все еще кружила в воздухе. Однако в той стороне не было видно никакого движения.

Шей Тал, стоя сзади, сказала:

— Пока видна только одна птица.

Он не ответил.

— И, возможно, фагоров нет за нею.

Не повернувшись и не изменив своего положения, он заметил:

— Как все изменилось с того времени, как мы были детьми.

— Да. Иногда мне кажется, что это колдовство.

Когда он повернулся, на его лице явственно виднелась печаль. Он старался изо всех сил скрыть ее.

— Видимо все же есть опасность. Идем и посмотрим, если хочешь.

Он решительно пошел вниз, как бы уже сожалея о своем приглашении. Курд, его собака, жалась к его ногам. Они спустились вниз, где их ждали остальные.

Вызванный криками, появился Лейнтал Эй с копьём в руке. Он и Аоз Рун посмотрели друг на друга. Оба не проронили ни слова. Затем Аоз Рун вытащил меч и пошел туда, где в небе кружила белая птица.

Им пришлось пробираться сквозь густые кусты, которые сбрасывали на них накопленную воду. Женщинам пришлось хуже всего, так как они шли за мужчинами, и вся вода доставалась им.

Они свернули в рощу молодых деревьев, стволы у которых были еще тоньше человеческой руки. Здесь стояла старая башня, два верхних этажа которой уже обрушились. Ее вплотную обступили заросли. А за ней, на камне, они увидели фагора верхом на кайдаве.

Над их головами кружила птица, издавая хриплые предупреждающие звуки.

Люди остановились. Женщины инстинктивно сбились в кучу, собака с рычанием прижалась к земле.

Фагор сидел на кайдаве, положив руки на луку седла. Его копье было за спиной. Фагор не был готов к встрече с врагом. Глаза фагора расширились, уши встрепнулись. Это было его единственное движение.

Дождь намочил шкуру фагора, и она свисала мокрыми ключьями. Капля воды повисла на кончике рога. Кайдав тоже стоял неподвижно и только крутил головой со страшными рогами. Было видно, что он проделал тяжелый путь, так как под его кожей вырисовывались ребра, а из многочисленных царапин сочилась желтая кровь.

И вдруг внезапно все изменилось, пришло в движение. Шей Тал выскочила вперед и встала перед кайдавом. Она подняла правую руку в повелительном жесте. Фагор не шевельнулся. Но он не превратился в лед.

— Отойди, Шей Тал, — крикнула Ври, видя, что магия не сработала.

Но Шей Тал, как зачарованная, двинулась вперед, устремив свой взор на страшного врага. Спускались сумерки, тени сгущались. Это давало преимущество фагору, который прекрасно видел в темноте.

Шей Тал шаг за шагом двигалась вперед, не сводя глаз с фагора. Неподвижность чудовища была коварной. Подойдя еще ближе, Шей Тал поняла, что это гиллота. Тяже-

лые отвислые коричневые груди виднелись под свалявшейся шерстью.

— Назад, Шей Тал! — крикнул Аоз Рун. Он бросился вперед, держа наготове меч.

Наконец гиллота двинулась. Она подняла оружие с кривым лезвием и пришпорила кайдава.

Тот ринулся вперед с необычайной скоростью. Он несся по узкой тропе, выставив острые рога. Женщины с криками нырнули в густой кустарник. Собака с лаем пыталась ухватить кайдава сбоку.

Гиллота пригнулась в седле и попыталась поразить Аоза Руна. Тот отпрянул и почувствовал, как смертоносное оружие просвистело возле его носа. Лейнтал Эй упер свою копье в землю, направив его в грудь кайдава, и присел, готовясь к отражению атаки.

Однако Аоз Рун ухватился за кожаный ремень поводьев и вспрыгнул на кайдава позади седока. Сначала казалось, что он упадет с животного. Однако он перехватил левой рукой горло гиллоты и удержался за ней, оставаясь вне досягаемости ее рогов.

Гиллота попыталась ударить его головой, тяжелой, как дубина. Одного удара было бы достаточно, чтобы оглушить человека. Но Аоз Рун крепко держал ее за горло.

Кайдав остановился так же мгновенно, как ринулся вперед. Он остановился всего в нескольких дюймах от копья Лейнтала Эй. И бешено крутил головой, стараясь достать неугомонного пса рогами. И тут Аоз Рун нанес удар мечом изо всех сил. Меч вонзился между ребрами гиллоты.

Она резко выпрямилась и пронзительно вскрикнула. Ее кривой меч упал в кусты. Кайдав внезапно сел на задние ноги, и гиллота вместе с Аозом Руном упали на землю. Аоз Рун чудом сумел откатиться в сторону, а фагорша всей тяжестью упала на топкую землю.

В небе появилась белая птица. Она пронзительно кричала, видимо намереваясь защищать свою госпожу. Она спикировала на Аоза Руна. Пес высоко прыгнул и вцепился

в ее ногу. Птица била его кривым клювом, крыльями, но собака держала крепко, и вскоре птица оказалась на земле. Пес переменял хватку и схватил за горло. Через мгновение мертвая птица распласталась на земле.

Гиллота тоже была мертва. Аоз Рун со стоном поднялся с земли.

— Клянусь первородным камнем, я слишком разжирел для такой работы, — пробормотал он. Шей Тал стояла в отдалении и плакала. Ври и Ойра осмотрели мертвую гиллоту, заглянули в ее открытый рот, откуда сочилась желтая жидкость.

Они услышали вдали крики Танта Эйна и ответили ему. Аоз Рун пнул ногой гиллоту, и она перекатилась на спину. Люди с любопытством рассматривали мертвого врага, его свалывшуюся шерсть, которая местами вылезала, обнажая нездоровую серую морщинистую кожу.

— Она чем-то больна, — сказала Ойра. — Поэтому она так ослабела. Держитесь от нее подальше. Пусть рабы зароят ее труп.

Но Лейнтал Эй нагнулся над нею и снял веревку, обмотанную вокруг талии гиллоты. Он взглянул на Ойру:

— Ты хотела, чтобы я совершил что-то. Может, я смогу это сделать.

Веревка оказалась очень хорошей; крепкая, легкая. Гораздо лучше, чем веревки из жил стунжебага. Лейнтал Эй наматал ее на руку.

Собака уже утомила кайдава. Громадное животное стояло, закатив глаза, и не делало попыток к бегству.

Лейнтал Эй сделал петлю и набросил на шею кайдава. Затем он осторожно подошел к животному.

Аоз Рун уже оправился, вытер меч и сунул его в ножны. В это время прибыл и Тант Эй.

— Нужно следить, но эта фагорша была одна. Она уже была близка к смерти. Пожалуй, можно продолжить наше празднество.

Он похлопал Танта Эйна по плечу и, не обращая внимания на Лейнтала Эй, взглянул на Шей Тал и Ври.

— Я считаю, что мы не ссорились, что бы вы ни думали, — сказал он им. — Вы хорошо сделали, что подняли тревогу. Пойдемте с нами на празднество — мои помощники будут рады вам.

Шей Тал покачала головой:

— У нас с Ври другие дела.

Но Ври вспомнила запах жареного гуся. Он все еще стоял у нее в носу. Ради него она была готова даже оказаться в той гнусной грязной комнате. Она мучительно посмотрела на Шей Тал, но желудок победил. Искушение было слишком сильным.

— Я пойду, — сказала она, вспыхнув.

Лейнтал Эй положил руку на дрожащую спину кайдава. Ойра стояла рядом. Она повернулась к отцу и холодно сказала:

— Я не пойду, останусь с Лейнталом Эй.

— Делай, что хочешь, — ответил отец и зашагал с Тантом Эйном по тропинке, и Ври, чтобы не отстать, пришлось почти бежать за ними.

Кайдав стоял, покачивая головой и искоса поглядывая на Лейнтала Эй.

— Я приручу тебя, — сказал юноша. — Мы, я и Ойра, будем ездить на тебе по горам и долинам.

И они пошли обратно, протискиваясь через толпу соплеменников, собравшихся посмотреть на поверженного врага. Вместе они пришли в Эмбруддок, чьи башни, как изъеденные зубы, торчали вверх, освещаемые последними лучами Фрейра. Они шли рука об руку, таща упирающееся животное за собой. Они шли, чтобы начать новый этап истории.

Глава X ДОСТИЖЕНИЯ ЛЕЙНТАЛА ЭЙ

Весь вельдт был усеян цветами, насколько мог видеть глаз человека. И дальше, дальше, куда не мог добраться человек на двух ногах. Белые, желтые, голубые, оранжевые —

все они, как цветной океан, окружали необозримые пространства вокруг Олдорандо, бились волнами о его стены.

Дожди вызвали к жизни это бурное цветение. Но теперь дожди кончились, а цветы остались, простираясь до самого горизонта. И на этой цветущей равнине один участок был огорожен забором.

Лейнтал Эй и Датка закончили работу. И теперь они смотрели на то, что им удалось сделать.

Забор получился грубый — строители были неумелые, — но зато крепкий и высокий — без единой щели. Он окружал участок площадью в один гектар.

И в середине этого загона стоял кайдав, не предпринимая никаких попыток вырваться отсюда.

Убитую гиллоту, хозяйку кайдава, по обычаю бросили там, где убили. И только через три дня Мик и еще двое рабов пришли туда, чтобы закопать труп, уже начавший разлагаться.

Кайдав меланхолично жевал траву вместе с роскошными цветами. Они свисали из его рта. Казалось, животное совершенно не ощущает вкуса пищи. Иногда кайдав поднимал высоко голову и смотрел через забор на окружающие долины, забыв о еде. Иногда он передвигался на несколько ярдов, а затем снова останавливался, приняв то же положение.

Когда его рога запутывались в густой траве или кустарнике, он одним движением головы освобождался. Кайдав был достаточно силен, чтобы прорваться сквозь забор и умчаться галопом на свободу. Но воля покинула его. Он только смотрел на свободу, раздувая ноздри.

— Если фагоры ездили на кайдаве, я тоже поеду. Ездил же я на стунжебаге, — сказал Лейнтал Эй. Он принес таз с бителем и предложил его кайдаву. Но животное только понюхало его и отвернулось.

— Я, пожалуй, посплю, — сказал Датка. Это были его первые слова за несколько часов. Он растянулся возле забора, подтянул колени к животу и закрыл глаза. Мухи кружились над ним. В попытках приручить животное и он, и Лейнтал Эй заработали только ушибы и царапины.

Лейнтал Эй вытер лоб и сделал попытку снова приблизиться к пленнику.

Кайдав вытянул голову, направив свои рога к Лейнталу Эй. Он издал хриплый рев и отпрыгнул в сторону. Затем кайдав прижал свои уши к основаниям рогов и пошел прочь.

Лейнтал Эй перевел дыхание и снова двинулся вперед. С тех пор как Ойра отдалась ему в траве возле бассейна, юноша больше не мог думать ни о чем. Ее обнаженное тело постоянно стояло у него перед глазами, а обещание еще большей любви действовало на него возбуждающе. Он должен утвердить себя в ее глазах каким-либо великим поступком. Каждое утро он просыпался с мыслями об Ойре, о ее молодых крепких грудях, о том наслаждении, которое она подарила ему. Если он сумеет оседлать кайдава, Ойра будет навечно принадлежать ему.

Но кайдав продолжал сопротивляться всем его попыткам. Он стоял неподвижно, пока Лейнтал Эй приближался к нему, но в самый последний момент прыгал в сторону и уходил, показывая через плечо острые рога.

Лейнтал Эй предыдущую ночь проспал в загоне, вернее, не спал, а постоянно прислушивался, боясь попасть под копыта. Нет, пока кайдав не примет пищу из его рук, все будет бессмысленно. Можно будет пытаться хоть сотни раз.

Наконец Лейнтал Эй сдался. Он оставил Датку возле загона, а сам вернулся в Олдорандо. У него созрел новый план.

Через три часа к загону приблизилась любопытная фигура — нечто, похожее на фагора. Фигура неуклюже перелезла через забор, причем клочья желтой шерсти остались на колючках и повисли на ней, как мертвые птицы.

Затем этот квази-фагор пошел к кайдаву.

Внутри шкуры было жарко и ужасно воняло. Лейнтал Эй обмотал тряпкой лицо и закрыл нос. Он заставил двух рабов снять шкуру с трупа, уже пролежавшего три дня.

Райнил Лайан и его кожевники вымочили шкуру и слегка обработали ее, чтобы снять отвратительные остатки плоти фагора. Ойра пришла вместе с ним к забору и сейчас смотрела, что же будет дальше.

Кайдав низко опустил голову и шумно вдохнул воздух. На нем все еще находилось седло погибшей гиллоты вместе со стремянами. Как только Лейнтал Эй приблизился к кайдаву, он одним прыжком вскочил в седло и обеими руками ухватился за шерсть, ожидая дальнейшего движения кайдава. Фагоры ездят без поводьев, поэтому Лейнтал Эй из всех сил вцепился в шерсть. Уголкем глаза он видел стоящих у забора Датку, Ойру и других жителей Олдорандо. Всем было любопытно посмотреть, как будут развиваться события.

Кайдав стоял неподвижно, низко опустив голову, как бы оценивая тяжесть ноши. Затем медленно выгнул шею, запрокинул голову так, что его круглые выкатившиеся глаза смогли увидеть седока. Их взгляды встретились.

Животное долго оставалось в таком положении, затем его стала бить дрожь.

Эта дрожь как будто начиналась где-то внутри, у сердца, заполняла всего кайдава и выходила наружу. Это напоминало землетрясение. Землетрясение на маленькой планете. И он все время смотрел на Лейнтала Эй, сидевшего на нем. Лейнтал Эй сидел неподвижно, трясясь вместе с кайдавом. Он смотрел на искаженную морду кайдава, на которой, он мог бы поклясться в этом, он видел выражение мучительной боли.

И затем он наконец пришел в движение. Он прыгнул, как распрямленная пружина. Спина его выгнулась, ноги поджались к животу. Это был тот самый легендарный прыжок кайдава, о котором люди только слышали, а очень немногие и видели. Кайдав перенесся через высокий забор, даже не задев его.

Опускаясь на землю, кайдав наклонил голову, чтобы она опустилась между его ног. Удар о землю пришелся на шею кайдава, а один из его острых рогов пронзил сердце

животного. Он тяжело упал на бок и дважды лягнул ногами. Лейнтал Эй освободил ноги из стремян и растянулся в траве. И еще не поднявшись на дрожащие ноги, он уже знал, что кайдав мертв.

Юноша стянул с себя вонючую шкуру. Он раскрутил ее над головой и зашвырнул подальше. А затем он выругался и бросился в колючие кусты. Он бешено царапал себя. Все тело его нестерпимо жгло, голова горела. Еще никогда человек не понимал так ясно и неотвратно всю несовместимость человека и фагора. И самоубийство кайдава делало этот факт неоспоримым.

Лейнтал Эй сделал шаг к Ойре, которая уже бежала к нему. Он видел за нею жителей Олдорандо, цветущие долины. И все это росло в его глазах, расширялось, превращалось в небо. Он поплыл к ним, поплыл к небу.

Шесть дней Лейнтал Эй лежал в лихорадке. Тело его превратилось в раскаленный уголь. Старая Рол Сакиль втирала в него гусиный жир. Аоз Рун пришел и молча посмотрел на него. С ним была Дол, уже беременная, и он не позволил ей остаться у больного. Он вышел, задумчиво поглаживая бороду, как будто вызывая в памяти что-то.

На седьмой день Лейнтал Эй снова надел свою одежду из шкуры хоксни и вернулся в вельдт, полный новых планов.

Забор, который он построил, уже принял вполне натуральный вид — зеленые побеги обвили его, а на пастбищах кормились стада хоксни. Незабываемое зрелище!

— Я не собираюсь терпеть поражение, — сказал Лейнтал Эй Датке. — Если мы не можем ездить на кайдавах, будем ездить на хоксни. Они родственные нам души. У них ведь тоже красная кровь. Попробуем захватить хотя бы одного.

Они оба были в шкурах хоксни. Облюбовав животное, он стал подбираться к нему, продвигаясь на четвереньках. Хоксни отдышал, но, увидев людей, поднялся и пошел не спеша прочь.

Юноши попытались накинуть лассо на него. Они бежали за ним несколько часов. Они залезали на деревья и часами сидели на ветках, держа наготове лассо. Хоксни подходили близко, однако ни один из них не приблизился настолько, чтобы его можно было поймать.

К вечеру и Лейнтал Эй и Датка устали и потеряли терпение. Тушу кайдава, лежащую поблизости, облепили мелкие хищники — мыши и крысы. Их серая невзрачная шерсть находилась в странном контрасте с мясом золотистого цвета, которое они пожирали. Здесь же были и стервятники, рвущие мясо своими изогнутыми клювами. Затем на место пиршества прибыли и сабр-тонги, которые разогнали всех и перессорились между собой из-за лакомых кусков.

Лейнтал Эй и Датка вошли в свой загон, обеспечивающий им относительную безопасность, немного поели и легли спать.

Датка первым проснулся утром. Он приподнялся и не поверил своим глазам.

В холодном утреннем свете — все краски только-только вернулись в мир — в сером тумане, плотным покровом висящим над землей, даже эти хоксни казались безликосерыми. Хоксни, которые паслись внутри загона!

Он разбудил Лейнтала Эй легким пинком. Они оба поползли к изгороди и осторожно выбрались наружу. Тут они с радостью посмотрели друг на друга, похлопали друг друга по плечам, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

Видимо, хоксни решили укрыться здесь от сабр-тонгов. Но они не знали, что попали в еще большую опасность.

Оба юноши торопливо нарезали колючих веток, не обращая внимания на уколы, и переплели то место, сквозь которое хоксни проникли внутрь загона. Теперь в плену оказались четыре животных.

И тут Лейнтал Эй и Датка заспорили. Датка хотел морить их голодом и не давать им воды, пока животные не ослабеют и не будут готовы к подчинению. Лейнтал Эй уверял, что животных, напротив, нужно кормить и задабри-

вать, приучать к себе. И он победил в споре: все-таки его метод был позитивным.

Но перед ними еще лежал долгий путь, прежде чем им удалось оседлать животных. Десять дней они находились круглосуточно возле загона. Посмотреть на плененных хоксни приходили все. Аоз Рун со своими заместителями приходил почти каждый день. Ойра сначала смотрела, но затем потеряла интерес, увидев, что хоксни решительно отвергают все попытки оседлать их. Ври приходила часто, иногда в компании с Амин Лим, которая уже держала на руках новорожденного.

Битва за одомашнивание была выиграна, когда охотники поняли, что загон нужно разделить заборами на четыре части, чтобы разделить животных. И сразу хоксни погрузнели, опустили головы, стали отказываться от пищи.

Лейнтал Эй кормил животных хлебом, добавляя в него ратель. Сейчас рателя было избыточно много, так как люди предпочитали рателю сладкий битель. Традиционная выпивка Эмбруддока вышла из моды. И результатом этого было то, что многие женщины выбрались из туннелей брассимпсов, чтобы работать на новых хлебных полях. Так что рателя для этих четырех хоксни было предостаточно.

Даже небольшого количества, примешанного к хлебу, было достаточно, чтобы животные начинали сначала бегать, как безумные, а затем у них начиналась депрессия. И в момент депрессии Лейнтал Эй накинуд узду на шею хоксни, которого он назвал Золото. Лейнтал Эй сел на него верхом. На минутку. При второй попытке он просидел больше. Это была победа.

Датка смог сесть на Блеска.

— Черт побери, это приятнее, чем ездить на горящем стунжебаге, — крикнул Лейнтал Эй, когда они ехали по загону. — Мы сможем проехать куда угодно — в Панновал, на край земли, к самому морю!

Когда они спешили и подошли друг к другу, то оба от радости смеялись, хлопая друг друга по плечам.

— Если мы въедем в Олдорандо, Ойра не сможет сопротивляться мне!

— Удивительно, что некоторые женщины вообще могут сопротивляться, — заметил Датка.

Когда они освоили езду на хоксни в совершенстве, они поехали стремя к стремяни по мосту и далее, в город. Жители радостными криками приветствовали их, как будто понимали, что в их социальной истории открыта новая страница. С этого дня старое уже не вернется.

Приблизился Аоз Рун с Элином Талом и Фаралином Фердом. Он сказал, что хоксни по имени Серый будет его. Помощники стали ссориться из-за четвертого оставшегося животного.

— Простите, друзья, — сказал Лейнтал Эй, — но это для Ойры.

— Ойра не будет ездить верхом, — ответил Аоз Рун. — Забудь эту мысль. Хоксни для мужчин, а не для женщин. Они предоставят нам невиданные возможности. Верхом на хоксни мы будем равны фагорам и всем остальным, кто живет на этом свете.

Он сидел на Сером, глядя вдаль. Он предвидел время, когда поскачет впереди целой армии — не нескольких воинов, а сотни, двух сотен, тысячи воинов. И все будут верхом на хоксни. Они будут наводить страх на врагов. Каждое завоевание будет делать Олдорандо сильнее, богаче. Знамена Олдорандо будут развеваться над всем миром!

Он взглянул на Лейнтала Эй и Датку, которые сидели на хоксни, держа поводья в руках. Его лицо искривилось в улыбке.

— Вы неплохо поработали. Как лорд Эмбруддока, я назначаю вас лордами Западного Вельдта.

Он наклонился, чтобы пожать руку Лейнтала Эй.

— Прими свой новый титул. Ты и твой молчаливый друг теперь будете нести ответственность за хоксни. Они ваши — это мой подарок. Я дам вам помощников. У вас будут не только права, но и привилегии. Я человек спра-

ведливый, вы знаете это. Я хочу, чтобы все охотники как можно скорее получили хоксни для езды.

— Я хочу, чтобы твоя дочь стала моей женщиной, Аоз Рун.

Аоз Рун почесал бороду.

— Ты работай с хоксни. Я поработаю с дочерью.

Что-то в его взгляде говорило о том, что его гнетет беспокойство. Он понимал, что если есть у него соперник, то это не его три новых помощника, а юный Лейнтал Эй. Отдать ему Ойру значило увеличить потенциальную угрозу его положению. У него было достаточно коварства, чтобы отвлечь интересы дочери от Лейнтала Эя и в то же время задобрить юношу обещаниями. Сейчас он думал только об одном — о тысячах вооруженных воинов верхом на хоксни.

И хотя мечты его были грандиозны, все же время для них не пришло. Оно было еще впереди, когда другие правители смогут достигнуть того, о чем он мечтал, и намного превзойти его мечты. Эта эпоха только начиналась, когда Лейнтал Эй, Датка и Аоз Рун впервые сели верхом на хоксни.

Вдохновленный своими мечтами, Аоз Рун сбросил с себя лень, которая была вызвана теплой погодой и обилием пищи, и вновь стал человеком действия. Он заставил своих подданных делать загоны и корали, организовал мастерскую, где изготавливалась конская сбруя, седла. В качестве образца использовалась сбруя мертвой гиллоты.

Прирученные хоксни использовались в качестве приманки при охоте на оленей, и добычи стало еще больше. Несмотря на протесты, все охотники выучились ездить верхом, и вскоре у каждого был свой хоксни. Время пешей охоты миновало.

Главной проблемой теперь стало зерно. Его требовалось все больше и больше. Женщины засеивали новые поля, на которых работали все, даже старухи. Поля были огорожены заборами от потравы. Вскоре обнаружилось, что хоксни едят и плоды брассимпсов — плоды деревьев, питавших глосси в темные века, и это немного облегчило заботы об их прокорме.

Следующей проблемой оказалось повышение производительности механических средств. Главным событием в этом стало строительство мельницы, а вскоре хокси стали использоваться и для приведения в действие мельниц и жерновов, для перевозки грузов.

Хоксни всего за несколько недель коренным образом изменили жизнь людей. Олдорандо внезапно стал совсем другим городом.

Его население вскоре очень быстро удвоилось. В каждой башне, вместе со свиньями и козами, были хоксни. И у каждого мужчины был хоксни. Целые стада их паслись на ближайших лугах со спутанными ногами. Река Ворал служила им водопоем. Хоксни теперь были везде: на работе, на охоте, на прогулке, в беседах, во снах...

Прошло немного времени, и Аоз Рун решил превратить своих охотников в кавалерийский отряд. Все были в восторге. Забыты старые обычаи и запреты. Обилие мяса уничтожило страхи, а грабежи и нападения сулили еще больше мяса и еще большее благоприятие. Аоз Рун разрабатывал план первого набега.

В качестве объекта нападения он выбрал небольшой городок на юго-востоке под названием Ванлиан. Это уже была территория Борлиена. Ванлиан стоял на берегу реки Ворал. С востока он был защищен утесами, иссеченными пещерами. Жители города с помощью дамб создали несколько маленьких озер, где разводили рыбу — свою главную пищу. Иногда торговцы привозили сушеную рыбу в Олдорандо. Ванлиан, в котором было сотни две жителей, конечно, был больше Олдорандо, но его укрепления не шли ни в какое сравнение с каменными башнями Олдорандо. Этот городок был легкой целью для внезапной атаки.

Разбойничий отряд состоял из тридцати одного человека. Они напали на рассвете, когда жители Ванлиана только вышли из своих пещер, чтобы проверить, что попало в их сети. Хотя город и был окружен рвами, хоксни без труда перепрыгивали эти препятствия. Беззащитные мирные жители падали под ударами копий нападающих.

Через два часа Ванлиана не стало. Мужчины были перебиты, женщины изнасилованы, дома сожжены, дамбы разрушены, искусственные водохранилища пересохли. И здесь же, среди руин, было празднование этого события, и Аоз Рун произнес речь, в которой восхвалял своих воинов. Никто из олдорандцев не пострадал, хотя один хоксни получил смертельную рану, напоровшись на меч.

Победа над превосходящим в числе противником была очень легкой, так как защитники города впали в панику, увидев прекрасно вооруженных воинов верхом на невиданных животных. Они стояли раскрыв рты и легко принимали смерть. Были пощажены только молодые люди обоих полов. Их заставили собрать пожитки, скот и погнали по направлению к Олдорандо. Они преодолели этот путь за день, хотя Аоз Рун со своими помощниками прискакал в город за один час.

Это было провозглашено великой победой Олдорандо, и уже стали раздаваться призывы к новым нападениям. Аоз Рун усилил свою хватку, и все почувствовали, что завоевания требуют жертв. После очередного удачного набега он обратился к своим подданным с речью:

— Мы сделаем Олдорандо великим городом, каким он был когда-то, как говорят легенды.

Он стоял, широко расставив ноги, и раб, стоящий рядом, держал поводья его Серого.

— Сейчас мы подобны фагорам. Все нас боятся, и мы становимся богаче. У нас будет все больше земли и все больше рабов, чтобы служить нам. Вскоре мы завоюем и Борлиен. Но нас мало, нам нужны еще люди. Вы, женщины, должны рожать побольше детей, которые скоро сядут в седла, и тогда мы широким потоком ринемся на дальнейшие завоевания.

Он показал на толпу пленников, которых охраняли Гойя Хин, Мик и другие.

— Эти люди будут работать на нас, как сейчас работают хоксни. Но пройдет немного времени, и нам самим придется работать еще больше, есть меньше, но истинные ге-

рои не останавливаются перед трудностями, если хотят достигнуть своей цели. А будущее за нами!

Датка почесал ляжку и искоса посмотрел на Лейнтала Эй, приподняв одну бровь:

— Посмотрим, что будет дальше.

Но Лейнтал Эй был вне себя от возбуждения. Как бы он ни относился к лорду Эмбруддока, он верил, что все, что тот говорит — правда. Разумеется, это было совсем не то возбуждение, какое он испытывал в скачке на хоксни, чувствуя себя слившимся с этим быстроногим животным, когда ветер свистит в его ушах и земля грохочет под ногами хоксни. Ничего более чудесного он еще не испытывал никогда — за исключением одного раза, когда Ойра позволила ему оседлать себя...

Он сказал Ойре, стоящей рядом:

— Ты слышала, что сказал твой отец? Я совершил великое дело, самое великое в нашей истории. Я приручил хоксни. Ты же этого хотела? Теперь ты должна стать моей женщиной.

Но она оттолкнула его.

— От тебя пахнет хоксни, как и от моего отца. Последнее время ты говоришь только об этих глупых животных, которых можно ценить только за их шкуру. Отец говорит только о Сером, ты — только о Золоте. Если я стану твоей женщиной, то почти не буду видеть тебя. Ведь вы, мужчины, совсем чокнулись со своими хоксни — скачете на них дни и ночи. Сделай нашу жизнь лучше, а не хуже.

Женщины Олдорандо испытывали те же чувства, что и Ойра. Они испытали на себе, что несет им увлечение хоксни. Вынужденные работать на полях, они забыли радость легкого дневного сна после обеда и сладостную тяжесть мужчины на себе ночью.

И только Шей Тал проявила живой интерес к животным. Диких хоксни теперь стало гораздо меньше. Осознав опасность, их стада теперь откочевали на новые пастбища на запад, чтобы избежать плена или смерти. Первой, кто предложил устроить случку самца и самки хоксни, была

Шей Тал. И результатом было появление детенышей хоксни, с детства привыкших к человеку и легко поддающихся тренировке.

Шей Тал ухаживала за детенышами, но особенно тщательно за полюбившейся ей самочкой, которую она назвала Преданность. Теперь она знала, что поможет ей совершить далекое путешествие в Сиборнел.

Глава XI КОГДА УШЛА ШЕЙ ТАЛ

Время шло, солнце светило, дожди выпадали, Олдорандо расширялся. Еще до того, как его ошарашенные жители поняли, что случилось, город шагнул за реку Ворал, протянулся далеко на север, поглотил вельдт и плантации брассимпсов на низких холмах.

Было построено много мостов. Но ни один из них не потребовал столько героического энтузиазма при строительстве, как первый. Образовалась новая гильдия деревообработчиков, расширилась гильдия портных. И в них уже входили не только свободные люди, но и рабы, что подняло множество новых проблем.

Обрабатывались и обносились заборами все новые поля, устраивались стойла для свиней и загоны для гусей. Производство пищи катастрофически увеличивалось — ведь нужно было кормить целые стада хоксни, а также рабов, которые обрабатывали поля. Были построены две новые башни, в которых содержались рабы и жили их охранники. Башни были выстроены из глиняных блоков, а не из камня, в соответствии с рекомендациями, выработанными академией. Башни были высотой только в два этажа, а не в пять. Проливные дожди размывали глиняные стены. Жители Олдорандо не расстраивались по этому поводу, так как в этих башнях жили только рабы. Но сами рабы были обеспокоены и поэтому старались укрепить стены, подмешивая в глину солому.

За полями и новыми башнями пролежала граница, которую охраняли конные патрули Аоза Руна. Олдорандо геперь был не просто город, а военный лагерь. Никто не мог ни войти в город, ни выйти из него без соответствующего разрешения. Никто, кроме торговцев, живших в предместье под названием Пок на южной оконечности города.

Чтобы обеспечить пищей одного воина и его хоксни, шесть человек должны были трудиться на полях. Правда, урожай был хорошим. Земля родила в изобилии после долгого воздержания. Женщины и рабы много трудились, чтобы собрать урожай, а затем обмолотить его. Это была тяжелая работа. На ней были заняты все — и рабы, и женщины, и дети. Над током стояло густое облако пыли, золотистой на солнце. Было жарко, и женщины работали обнаженные до пояса. Пыль ровным слоем ложилась на их тела, лица, окрашивая их в золотистый цвет.

Мимо тока проезжал отряд воинов с Аозом Руном во главе. С ним ехали Тант Эйн, Фаралин Ферд, Элин Тал. Датка и молодые воины ехали чуть сзади. Они возвращались с охоты. Добыча оказалась совсем неплохой.

Остановившись на минутку возле работающих, они стали отпускать соленые шуточки относительно женщин. Здесь же работали и жены некоторых охотников, хотя сейчас их было трудно отличить от остальных женщин. Появилась Дол. Она уже была на последних месяцах беременности. За ней шел старый фагор Мик. Рядом с нею шла Шей Тал. Ее худобу особенно подчеркивали пышные формы Дол. Увидев лорда Эмбруддока и других охотников, обе женщины остановились, переглядываясь.

— Ничего не говори Аозу Руну, — предупредила Шей Тал.

— Сейчас он добрый, — ответила Дол. — Он надеется получить от меня сына.

Она прошла вперед и встала рядом с Серым. Аоз Рун посмотрел на нее, но не сказал ничего.

Дол похлопала его по колену.

— Когда-то у нас были жрецы, благословляя от имени Вутры урожай. Они благословляли новорожденных. Их призывали в случае необходимости все — и мужчины, и женщины, и богатые, и бедные, и высокопоставленные, и простой народ. Нам нужны жрецы. Ты можешь взять в плен хотя бы несколько жрецов?

— Вутра! — воскликнул Аоз Рун и сплюнул в пыль.

— Это не ответ.

Его темные брови и ресницы были припорошены золотистой пылью, когда Аоз Рун бросил тяжелый взгляд за Дол, туда, где стояла Шей Тал.

— Это она тебе говорит о жрецах? Какое тебе дело до Вутры? Великий Юлий изгнал его, как наши предки изгнали жрецов. Они просто нахлебники. Почему мы сильнее Борлиена? Потому что у нас нет жрецов. Забудь эту чепуху и не беспокой меня с ею.

— Шей Тал говорит, что призраки сердятся за то, что у нас нет жрецов. Правда, Шей Тал? — Она оглянулась на женщину, стоящую за нею, которая все еще стояла неподвижно.

— Призраки всегда сердятся, — равнодушно сказал Аоз Рун и отвернулся.

Элин Тал расхохотался. Это был большой краснолицый человек, и щеки его тряслись, когда он смеялся. Все больше и больше он сближался с Аозом Руном, и другие два помощника теперь уже играли незначительную роль.

Шагнув вперед, Шей Тал сказала:

— Аоз Рун, несмотря на процветание, мы, олдорандцы, все еще не едины. Великий Юлий не хотел этого. Жрецы могут помочь нам объединиться.

Он посмотрел на нее, затем спрыгнул с хоксни. Дол встала рядом.

— Если я заставлю тебя замолчать, будет молчать и Дол. Никто не хочет возврата жрецов. И ты их хочешь только потому, что они укрепят твои позиции в деле обучения. Но знания — это ненужная роскошь. Знания порождают нахлебников. Ты знаешь это, но ты слишком упряма,

чтобы открыто признать это. Голодай сама, если хочешь, но жители Олдорандо толстеют. Мы живем все лучше без жрецов и без твоих знаний.

Шей Тал нахмурилась. Она тихо сказала:

— Я не собираюсь спорить с тобой, Аоз Рун. Но то, что ты говоришь — неправда. Мы достигли процветания частично благодаря знаниям. Мосты, башни, новые поля — это все воплощенные в жизнь идеи академии.

— Не серди меня, женщина.

Глядя в землю, она сказала:

— Я знаю, ты ненавидишь меня. Я знаю, что именно поэтому убили мастера Датнила.

— Ненавижу ссоры, постоянные ссоры! — прорычал Аоз Рун. — Мы выжили только благодаря коллективным усилиям — и это залог нашего будущего процветания.

— Но наш интеллект развивается только вследствие развития личностей, индивидуумов, — возразила Шей Тал. Лицо ее стало еще бледнее, хотя кровь прилила к щекам.

Он махнул рукой:

— Оглянись вокруг! Вспомни, что здесь было, когда ты была ребенком! Попытайся понять, что мы не смогли бы этого построить, если бы не прикладывали объединенных усилий. Зачем ты всегда поступаешь не так, как все? Почему ты не работаешь с остальными женщинами, когда даже жены моих помощников трудятся вместе со всеми? Ты всегда в оппозиции, всегда чем-то недовольна.

— Ей стыдно обнажиться, как другим! — рассмеялся Элин Тал. — У нее же нет грудей!

Его замечание предназначалось для ушей Танта Эйна и Фаралина Ферда, но его слова услышали и молодые охотники, которые разразились смехом. Все, кроме Датки, который молча сидел в седле, наблюдая за разворачивающейся драмой.

Шей Тал тоже услышала слова Элин Тала. Ее глаза наполнились слезами и гневом.

— Ну хватит! Я больше не говорю с тобой и твоими подхалимами. С этих пор мне плевать на тебя, Аоз Рун. Ты

в последний раз видишь меня, тупоголовый идиот. Завтра на рассвете я покину Олдорандо. Я уеду одна на своей самке Преданность. И никто никогда не увидит меня больше.

Аоз Рун поднял руку.

— Никто не может покинуть Олдорандо без моего разрешения. Ты не уйдешь отсюда, пока не вымолишь у моих ног разрешения на уход.

— Посмотрим! — рявкнула Шей Тал. Она резко повернулась и, немного сгорбившись, пошла к северным воротам.

Дол покраснела.

— Отпусти ее, Аоз Рун, пусть идет. Она стала невозможна.

— Не вмешивайся. Я сам знаю, что мне делать.

— Ты собираешься убить ее, как остальных?

Он ударил ее по лицу — правда, не очень сильно, — все еще глядя в спину удаляющейся Шей Тал.

Это был тот период ночи, когда все ложились спать, хотя Беталикс все еще висел на небе, распространяя свой тусклый свет. В комнате на самом верху большой башни собрался полный совет, состоящий из мастеров семи старых гильдий и мастеров двух недавно образовавшихся гильдий. Здесь же присутствовали сам Аоз Рун, три его помощника и один из лордов Западного Вельдта — Датка. Лорд Эмбруддока председательствовал на совете, девушки обносили всех кружками с бителем.

После долгих споров Аоз Рун сказал:

— Ингсан Атрей, скажи свое мнение по этому вопросу.

Он обращался к старейшине мастеров, седобородому мастеру гильдии кузнецов, который все время молчал. Годы согнули его спину, а его редкие волосы были совсем белыми, подчеркивая ширину его лба. По этой причине этого старика считали мудрым. У него была привычка постоянно улыбаться, но глаза его, спрятанные под мохнатыми бровями, смотрели настороженно. Он и сейчас улыбнулся, сидя на расстеленных на полу шкурах, и сказал:

— Лорд, по традиции в Эмбруддоке гильдии всегда защищают женщин. Женщины — вот кто работает у нас, когда охотники уходят за добычей. Конечно, теперь времена изменились. Во время лорда Уолл Эйна все было по-другому. Но женщины всегда служили каналами для получения новых знаний. У нас нет книг, но женщины хранят в памяти легенды, сказания. Даже в дни празднеств, когда...

— К делу, Ингсан Атрей.

— Да, да, сейчас. Конечно, Шей Тал упряма, но она колдунья и ученая женщина. Она не делает зла никому. Если она уйдет, с нею уйдут и другие женщины. И это будет потеря. Мы, мастера, считаем, что ей нужно запретить уходить.

— Олдорандо не тюрьма! — крикнул Фаралин Ферд.

Аоз Рун кивнул и посмотрел вокруг.

— Я собрал совет, так как мои помощники не согласны со мной. Кто еще не согласен?

Он заметил взгляд Райнилы Лайана, нервно поглаживающего бороду.

— А ты, мастер? Ты всегда любишь высказываться. Что скажешь ты?

— Я полагаю... — Райнил Лайан махнул рукой. — Я думаю, что Шей Тал будет трудно удержать. Она легко сможет ускользнуть. И еще... Другие женщины подумают... Мы не можем вселять в них недовольство. У нас есть и другие женщины. Например, Ври. Умная, красивая. И от нее никаких неприятностей. Если ты сможешь отказаться от своего решения, многие тебе будут благодарны...

— Хватит! — прервал его Аоз Рун. — Ты теперь мастер гильдии, и тебе не к лицу словоблудие.

Больше никто не высказывался. Аоз Рун смотрел на них, но никто не хотел встречаться с ним взглядом. Все опускали лица к кружкам с битем.

Элин Тал сказал:

— А о чем ты беспокоишься? В чем дело? Пусть идет.

— Датка! — рывкнул лорд. — Неужели мы сегодня не услышим от тебя ни слова? Ведь сегодня нет Лейнтала Эй, и говорить за тебя некому.

Датка отложил кружку и посмотрел прямо на Аоза Руна.

— Все эти споры, разговоры о принципах... к чему это? Все знают, что между тобой и Шей Тал идет постоянная война. Поэтому ты решаешь, как поступить, а не мы. Сейчас у тебя есть шанс избавиться от нее. Зачем ты втягиваешь нас в это дело?

— Потому что это касается всех вас! — Аоз Рун стукнул ногой по полу. — Клянусь первородным камнем, эта женщина постоянно выступает против меня, против всех нас. Я не понимаю, зачем ей это? Какой бес вселился в нее? У нее есть академия. Она считает себя наследницей таких женщин, как Лойланнун, Лойл Бри, ставшей женщиной Малого Юлия... Куда она хочет идти? Что может там с ней случиться?

Речь его была эмоциональной и бессвязной.

Никто не ответил ему. Датка сказал все. Все, что было в мыслях остальных. Самому Аозу Руну уже было нечего сказать. Совет кончился.

Когда Датка выходил из комнаты, его за руку схватил Райнил Лайан и мягко сказал:

— А ты хитер. Ведь если Шей Тал уйдет, твоя пассия возглавит академию. И тогда ей понадобится твоя поддержка.

— Я оставляю хитрость тебе, Райнил Лайан. — Датка вырвал руку. — Не попадайся мне на дороге.

Он без труда нашел Лейнтала Эй. Датка прекрасно знал, где его найти, несмотря на поздний час. В башне Шей Тал. Она собиралась в дорогу. Многие друзья пришли попрощаться с нею. Амин Лим со своим младенцем, Ври, Лейнтал Эй с Ойрой, другие женщины.

— Ну, каков вердикт? — сразу же спросил Лейнтал Эй.

— Решение не принято.

— Но он не остановит Шей Тал, если та захочет уйти?

— Все зависит от того, сколько они выпьют сегодня ночью — он, Элин Тал и вся их свора вместе с этой лисой Райнилом Лайаном.

— Она стара, Датка. Можем ли мы отпустить ее?

Датка по своему обыкновению пожал плечами, посмотрел на Ври и Ойру, которые стояли рядом и слушали.

— Давай уйдем с нею, пока Аоз Рун не расправился с нами. Я с удовольствием уйду отсюда, если с нами пойдут эти две женщины. Мы все вместе пойдем в Сиборнел.

Ойра воскликнула:

— Мой отец никогда не убьет вас. Все это чепуха.

Датка снова пожал плечами:

— Ты уверена, что он останется таким же, когда уйдет Шей Тал? Можем мы доверять ему?

— Все давно в прошлом. Отец счастлив с Дол, и они уже не ссорятся с тех пор, как у них родился ребенок.

— Ойра, мир велик, — сказал Лейнтал Эй. — Уйдем с Шей Тал, как предлагает Датка, и начнем все сначала. Ври, ты пойдешь с нами? Ведь после ухода Шей Тал ты будешь в одиночестве.

Обычно Ври отмалчивалась, но сейчас она твердо сказала:

— Я не могу уйти отсюда. Я признательна тебе за твое предложение, но должна остаться, как бы ни поступила Шей Тал. Моя работа наконец-то движется к концу, и вскоре я, надеюсь, смогу объявить о результатах.

— Ты все еще не можешь выносить мое присутствие? — угрюмо спросил Датка.

— О, я почти все забыла, — небрежно ответила Ври.

Она отвернулась, избежав пытливого взгляда Датки, и подошла к Шей Тал.

— Ты должна измерить все расстояния, Шей Тал. Пусть раб отсчитывает, сколько шагов сделает хоксни за каждый день. Ночью описывай свой путь, все детали. Узнай, как далеко находится Сиборнел. Будь поточнее в измерениях и описаниях.

Шей Тал держалась величественно среди охання и плача, которые наполняли всю комнату. Было видно, что хотя она еще здесь, среди близких ей людей, дух ее уже далек отсюда. Она говорила мало, и то, что она говорила, звучало монотонно, невыразительно, без эмоций.

Датка, смотревший на стену, украшенную причудливым рисунком лишайника; перевел взгляд на Лейнтала Эй, махнул ему рукой, показав на дверь. Тот покачал головой. И тогда Датка сделал характерный жест и вышел, сказав:

— Жаль, что мы не умеем приручать женщин, как хокснн.

— Он всегда очень груб, — с возмущением сказала Ойра. Она и Ври заташили Лейнтала Эй в угол и стали шептаться с ним. Они уговаривали его, чтобы он заставил Шей Тал задержаться с уходом на день, это очень важно.

— Это невозможно. Если она решила уйти, она уйдет. Мы должны примириться с этим. Сначала вы сами не хотели уходить с нею, а теперь вы не хотите, чтобы уходила она. За стенами Олдорандо находится мир, о котором мы ничего не знаем.

— Да, да, это мир, который нужно завоевать. Я достаточно слышала о нем от отца. Дело в том, что завтра будет затмение.

— О, прошлое затмение было год назад!

— Завтра все будет по-другому, — мягко заметила Ври. — Поэтому мы хотим, чтобы Шей Тал отложила свой отъезд. Если она уедет в день затмения, люди свяжут воедино эти два события. Только мы будем знать, что никакой связи между ними нет.

Лейнтал Эй нахмурился:

— Ну и что?

Обе женщины тревожно переглянулись.

— Мы уверены, если она уйдет завтра, то может случиться самое худшее.

— Ха! Значит, вы сами верите, что связь есть. Женская логика. Если есть связь, значит, она будет в любом случае, разве не так?

Ойра поморщилась:

— Мужская логика! Любая отговорка, лишь бы ничего не делать!

— А вы постоянно вмешиваетесь в то, что вас не касается.

Обе женщины с презрением отошли от него и смешались с теми, кто окружал Шей Тал.

Старухи все еще говорили, вспоминая о чуде на Рыбьем озере, о других событиях, не обращая внимания, слышит ли их Шей Тал или нет.

Сама Шей Тал ничем не показывала, слышит ли она их.

— Ты уже по горло сыта жизнью, — говорила Рол Сакиль. — Когда ты будешь в Сиборнеле, ты можешь там выйти замуж и зажить своим домом, если, конечно, мужчины там устроены так же, как здесь.

— Может, они там устроены лучше, — со смехом сказал кто-то, и тут же все женщины, особенно молодые, стали оживленно обсуждать, какие усовершенствования по их мнению следовало бы внести в мужчин.

Шей Тал продолжала укладываться, даже не улыбнувшись ни разу.

Вещей у нее было немного, и она собрала их в два кожаных мешка. Затем она повернулась к собравшимся и попросила их уйти, так как она хочет отдохнуть перед дорогой. Она поблагодарила всех, благословила их и сказала, что никогда их не забудет. Поцеловала Ври в лоб. Затем подозвала Ойру и Лейнтала Эй.

Она стиснула руку юноши в своих тонких руках и с необыкновенной нежностью посмотрела в его глаза. Заговорила она только тогда, когда все, кроме них, покинули комнату.

— Будьте осторожны, потому что вы оба совершенно не заботитесь о себе. Ты понимаешь, Лейнтал Эй? Я рада, что ты не боролся за власть, которая принадлежит тебе по праву наследования, потому что это принесло бы тебе только горе.

Затем она повернулась к Ойре. Лицо ее было серьезно.

— Ты дорога мне, потому что я знаю, как ты дорога Лейнталу Эй. Советую тебе: стань его женщиной как можно быстрее. Не носи гордость, как носили я и твой отец в молодости. Это приведет только к горечи и страданиям. Мы оба поняли это слишком поздно.

Ойра сказала:

— Но тебя это не сломило. Ты и сейчас гордая и независимая женщина.

— Можно быть и гордым и несчастным одновременно. Сделай, как я сказала, послушай меня. Лейнтал Эй близок мне как сын. Я люблю тебя, Ойра. Люби его не только эмоционально, но и физически. Любовь должна гореть, а не тлеть.

Она вздохнула и окинула взглядом свое высохшее тело, не познавшее любви. Затем попрощалась с ними.

Беталикс опускался за горизонт. Наступала ночь.

Торговцы все чаще приходили в Олдорандо со всех стран света. С севера караваны привозили соль — очень важный и нужный продукт. С запада через вельдт регулярно приходили торговцы из Кэйса, которые привозили ценные украшения, цветное стекло, игрушки, серебряные музыкальные инструменты, а также фрукты, сахар, сладости. Они хотели получать деньги, но в Олдорандо не было денег, и торговцы принимали кожи, меха, зерно. Иногда торговцы из Кэйса использовали для перевозки товаров стунжебагов, но по мере того как на планете становилось теплее, этих животных становилось все меньше.

Иногда приходили торговцы и из Борлиена, хотя они давно научились бояться своих коварных северных соседей. Борлиенцы торговали металлической посудой.

С востока различными путями приходили отдельные торговцы и изредка целые караваны. Это были маленькие темнокожие люди, у которых рабами были люди мади или фагоры. Они приносили различные украшения, которые чрезвычайно нравились женщинам Олдорандо. Ходили слухи, что некоторые женщины убегали с этими темнокожими людьми, и уж всем было доподлинно известно, что они торгуют женщинами мади, весьма изобретательными в делах любви, чем они выгодно отличались от женщин Олдорандо. И несмотря на такую плохую репутацию, этих торговцев принимали — из-за украшений, великолепных ковров, накидок, гобеленов, каких никогда раньше не видали в Олдорандо.

И всем этим торговцам требовалось жилье. Рабы Олдорандо спешно воздвигли целый городок к югу от Олдорандо, который иронически называли Пок. Здесь для них было все — и жилье, и места, где готовить пищу, и торговые палатки. Им было запрещено входить в сам город, но со временем число торговцев увеличивалось, и некоторые из них поселились в самом городе, привнося сюда свои обычаи.

Олдорандцы тоже постигали искусство торговли. Новоявленные торговцы явились к Аозу Руну и потребовали специальных уступок, включая и право на изготовление монет. Эти вопросы занимали их умы в гораздо большей степени, чем любые проблемы академии, которую они считали лишь напрасной тратой времени.

Шестеро олдорандских торговцев верхом на хоксни вернулись в Олдорандо после удачной поездки. Они остановились на низких холмах, откуда им были видны башни Олдорандо. Воздух был таким спокойным, что до них доносились голоса людей из города.

— Смотрите! — воскликнул один из молодых торговцев: — Возле ворот какая-то суматоха. Может нам лучше пройти в другие ворота?

— Не фагоры ли там?

Все они всмотрелись в далекий город. Можно было разглядеть толпы мужчин и женщин, которые выбегали из города. Одни из них в нерешительности останавливались, другие продолжали бежать дальше.

— По-моему, там ничего страшного, — сказал молодой торговец и прищипорил своего хоксни. У него в городе была женщина, для которой он вез подарок. Что для него мог значить уход Шей Тал?

Вскоре на небе всплыл Беталикс, присоединяясь к своему компаньону.

Холод, промозглое утро, обещающее дождь, ощущение приключений притупило все ее чувства. Она не испытывала никаких эмоций, когда, прощаясь, похлопала Ври по

плечу. Ее служанка, рабыня Маиса Латра, помогла ей спуститься вниз с вещами. Возле башни стояла Амин Лим, держа за поводья хоксни и своего, и Шей Тал. Она прощалась со своим мужем и ребенком. Это, подумала Шей Тал, жертва гораздо более жуткая, чем моя. Ведь я сама хочу уйти и радуюсь этому. Но почему Амин Лим хочет идти со мной — этого я никогда не узнаю. И сердце ее потеплело, хотя она немного презирала Амин Лим.

С нею уходили четыре женщины: Маиса Латра, Амин Лим и две молодые женщины — самые примерные ее ученицы. Все они были на хоксни, и их сопровождал раб Хамадранабил, который шел пешком, ведя за собой двух хоксни, нагруженных пожитками, и двух злых собак.

Их провожала целая процессия — и мужчины, и женщины. Все они прощались, отпускали шутки и давали советы.

Лейнтал Эй и Ойра ожидали у ворот, где они могли в последний раз увидеться с Шей Тал. Они стояли совсем близко друг от друга, но избегали встречаться взглядами.

За воротами был сам Аоз Рун в своих черных мехах. Он сложил руки и опустил голову. Позади стоял Серый, которого держал Элин Тал. Вид у него был не более приветливый, чем у его лорда. За своим правителем стояло несколько угрюмых мужчин.

Когда Шей Тал приблизилась, Аоз Рун вскочил в седло и поехал, но не к ней, а параллельным курсом, так что они смогли бы сблизиться где-то далеко, возле роши.

Но прежде чем они достигли этой точки, Аоз Рун свернул и поехал между деревьями. Амин Лим и женщины ехали вперед, изредка всхлипывая. Ни Аоз Рун, ни Шей Тал не смотрели друг на друга и даже не пытались заговорить.

Фреир спрятался за облаками, и весь мир вдруг стал бесцветным.

Дорога пошла в гору, тропа сузилась, деревья плотнее обступили ее. Вскоре они выехали на болотистую поляну. Лягушки мгновенно попрыгали в воду, спрятавшись от лю-

дей. Хоксни пошли медленнее, брезгливо стряхивая с ног прилипшую мокрую траву. Мелкая вода окрасилась желтой грязью.

Когда поляна кончилась, лес стал более густым, и всадники были вынуждены сблизиться. Как будто впервые заметив Аоза Руна, Шей Тал сказала ему:

— Тебе нет нужды следовать с нами.

— Я обеспечиваю безопасность вашего пути из Олдоррандо. Тем самым я воздаю вам честь.

Больше ничего не было сказано. Они поехали дальше, все поднимаясь в гору. Вскоре деревья уступили место кустарнику. Отсюда уже вела ясно различимая дорога торговцев, ведущая к северо-востоку, в Чалц и дальше, в Сиборнел. Как далеко был Сиборнел — не знал никто. Они перевалили вершину холма и начали спускаться. Дорога снова пошла лесом. Здесь Аоз Рун остановился и пропустил небольшой караван. Шей Тал подъехала к нему. Лицо его было строгим и сосредоточенным.

— Я рада, что ты проводил нас так далеко.

— Пусть ваш путь будет безопасным, — формально-вежливо ответил он. Он выпрямился в седле, подтянул живот. — Ты заметила, что никто не сделал попытки остановить тебя?

Голос ее смягчился.

— Мы с тобой расстаемся навсегда и никогда не увидимся вновь. Мы разрушили жизни друг другу, Аоз Рун?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Понимаешь. С самого детства мы противостояли друг другу. Скажи мне слово, друг, и я уйду. Не будь таким гордецом хоть сейчас.

Он сжал губы и посмотрел на нее молча.

— Пожалуйста, Аоз Рун, одно правдивое слово на прощание. — Она тронула шпорами свою хоксни и подъехала совсем близко: — Мы расстаемся навсегда, так скажи хоть сейчас. Ведь твои чувства ко мне сейчас такие же, как были раньше, когда мы были молодыми.

Он рассмеялся презрительно.

— Ты сошла с ума. Ты никогда ничего не понимала. Ты всегда была поглощена собою. Ни я ничего не чувствую по отношению к тебе, ни ты ко мне.

Она протянула к нему руку, но Аоз Рун отпрянул назад.

— Ложь, Аоз Рун, все ложь. Поцелуй меня, хотя бы на прощание, будь ты проклят. Я столько страдала из-за тебя. Жесты иногда красноречивее слов.

— Ерунда. Остается только то, что сказано.

Слезы брызнули у нее из глаз и потекли по дряблым щекам.

— Будь ты проклят, пусть призраки пожрут тебя!

Она повернула хоксни и поскакала прочь, через лес, чтобы догнать свой маленький караван.

Он некоторое время оставался на месте, глядя ей вслед и сжимая поводья так, что побелели костяшки его пальцев. Наконец он повернул Серого и медленно поехал прочь от Олдорандо, не обращая внимания на Элин Тала, который ждал неподалеку.

Вскоре Серый мчался со страшной скоростью, подгоняемый хозяином. Деревья слились в одну сплошную стену, земля летела под ногами. Аоз Рун вскинул в воздух сжатый кулак.

— Доброго тебе путешествия, ведьма! — закричал он. Дикий смех вырвался из его горла и разнесся по окрестностям.

Земная Станция Наблюдения видела все, что происходило на планете. Все данные регистрировались и передавались на Землю. На Аверне все были заняты работой: наблюдениями и обработкой их — синтезом новых знаний.

Они отмечали не только миграцию людей, но и миграцию фагоров — черных и белых. Все полученные результаты трансформировались в импульсы, которые через световые годы передавались на Землю в Центральный Институт Гелликонии.

Люди со станции видели планету внизу, видели начавшееся затмение, видели распространение серого некроза по океану и тропическому континенту.

На многих экранах наблюдали и другое движение: продвижение армии кзаххна к Олдорандо. Рассчитав какими-то внутренними часами время, он сейчас был ровно в одном годе пути от своей цели — уничтожении старого города.

Все данные в кодированном виде передавались на Землю, и через много столетий ученые Земли смогут наблюдать последние акты этой трагедии.

Черные горы Мордриат с их извилистыми каньонами, каменными стенами, глубокими пещерами, остроконечными утесами, высокогорными долинами, по которым вечно несутся облака, остались позади.

Армия, разделенная на множество мелких отрядов, спустилась на равнины, населенные только мади с их стадами да огромными стаями птиц. Фагоры, не обращая внимания на окружающее, двигались непрерывно на юго-восток, к своей цели.

Кзаххн Храстйпрта, Хрр-Брахл Йпрт вел их. Месть, сжигающая их изнутри, вела их через затопленные долины на востоке от Олдорандо, хотя многие погибли при этом. Болезни и нападения беспощадных сынов Фрейра значительно сократили число фагоров.

К тому же, их плохо принимали отдельные племена оседлых фагоров, живших здесь. Эти фагоры не имели кайдавов, зато у них было много рабов — мади и людей. И они отчаянно сопротивлялись вторжению на их землю других фагоров.

Хрр-Брахл Йпрт побеждал везде. Только болезни не подчинялись ему. Как только вести о приближении его армии достигали ушей коренного населения, все разбегались прочь, как разбегаются волны от брошенного в спокойную воду камня. И эти волны распространялись почти на полконтинента.

Сейчас вожди племени стояли с Хрр-Брахл Йпртом на берегу бурной реки. Вода реки была холодной как лед, ибо река, как и армия фагоров, брала начало в ледниках Никтрикка, в тысяче миль отсюда.

— Здесь мы будем стоять, пока Беталикс дважды не пересечет небо, — сказал Хрр-Брахл Йпрт. — Разведчики разъедутся во все стороны, чтобы отыскать брод. Воздушные октавы поведут их.

Он свистнул, подзывая свою белую птицу. Сделал он это машинально, так как голова его была занята совсем другими заботами. Но то, что птица повиновалась не сразу, вызвало у него раздражением. Может, причиной тому была теплая погода, цветущая долина вокруг. Зеленые холмы окружали долину, как бы собирая в ней теплый воздух. Начиналось самое теплое время года. А потом снова начнутся холодные месяцы. Но насколько холодные?

Однако главная цель — месть!

Повелительным жестом плеча он отослал своего Ззхррка, который взмыл вверх и, слегка помахивая крыльями, повис в воздухе, чтобы кзаххн мог оглядеться и осмотреть окрестности.

Здесь нужно на какое-то время остановиться, решил кзаххн. Нужно дождаться отставших. За это время кайдавы откормятся на тучных пастбищах. Знамена свернули, распрягли кайдавов, отпустив их пастись, разбили лагерь. За этим последовало принятие пищи и ритуальные действия.

Беталикс и Фреир плыли над лагерем. Кзаххн Храстйпрта вошел в свой шатер, снял маску. Его длинная голова, сидящая на мощных плечах, опустилась. И все его огромное сильное тело обмякло. Путешествие утомило его.

Из-под опущенных ресниц вдоль линии носа он посмотрел на самок, четырех филлок. Они стояли в углу шатра, почесываясь и прихорашиваясь. Они ждали его.

В открытый проход залетел Ззхррк, но Хрр-Брахл Йпрт нетерпеливым жестом отослал его прочь, а затем поднял ковер и завесил входное отверстие в шатер. Затем стал снимать доспехи, ремни, не сводя взгляда с четырех

самок. Он переводил взгляд с одной на другую, вдыхая их запахи.

Самки беспокойно зашевелились, поправляя шерсть своей шкуры так, чтобы их груди были на виду. Орлиные перья, которыми были украшены их головы, склонились навстречу повелителю.

— Ты! — сказал он, указывая на ту самку, что стояла ближе всех к нему и источала наиболее соблазнительный запах. Остальные три самки подались назад, в самый угол шатра, а та, которую он выбрал, повернулась спиной к молодому кзаххну и наклонилась вперед. Он шагнул к ней и погрузил три пальца в предлагаемую ему теплую мягкую влажную плоть, а затем вытер их о свою шерсть. И без дальнейших церемоний оседлал самку, навалившись на нее всей тяжестью так, что она была вынуждена опуститься на колени и опереться руками в пол. Могучими толчками он вгонял свой член в податливую плоть, и самка с каждым толчком опускалась все ниже, пока не уперлась лбом в пол.

Когда все было закончено, другие самки приблизились, чтобы обласкать свою сестру. Хрр-Брахл Йпрт снова оделся и вышел из шатра. Теперь его сексуальный интерес проснется только через три недели.

Один из вождей, Йохл-Гхар Вирриджк, ожидал его. Они встали друг перед другом, и их взгляды встретились. Йохл-Гхар Вирриджк показал на небо.

— День приближается. Воздушные октавы напрягаются.

Кзаххн вскинул голову, несмотря на Фреир, который, как паук к своей жертве, подбирался к Беталиксу. Скоро, скоро Фреир спрячется в животе своего врага. И тогда армия выполнит свое предназначение. Она ударит и уничтожит всех потомков Фрейра, которые живут там, где был убит дед Хрр-Брахл Йпрта. Армия сожжет этот проклятый город и уничтожит память о нем. Эти мысли протекали в мозгу кзаххна, как капли воды стекают с сосулк и, падая на землю, пропитывают ее.

— Две расы сойдутся, — прорычал он.

Немного позже человек-раб протрубил в рог стунжебага, и маленькие фигуры его отца и прадеда предстали перед ним. Юный кзаххн заметил, что несмотря на все предосторожности фигуры заметно пострадали за годы путешествия. Окруженный воинами, собравшимися на берегу горной реки, Хрр-Брахл Йпрт впал в транс. Воины застыли в неподвижности, как бы превратившись в лед в воздушном море.

Его великий прадед, размером не больше снежного кролика, стоял перед ним на четвереньках — так ходили все фагоры в те далекие времена, когда Беталикс еще не был захвачен в сети паука-Фреира.

— Держи рога высоко, — сказал снежный кролик. — Помни старую вражду, обагри зелень травы красной кровью сынов Фреира, которые хотят всю землю сделать зеленой и уничтожить благородную белизну снега.

Затем появилась фигура его отца, который поклонился сыну и создал в его мозгу различные видения — своего рода руководство к действию.

Снова мир предстал перед его внутренним взором — три пульсирующие части. Желтые нити октав развевались как желтые ленты, обвивая и обожаемый Беталикс, и подобный пауку Фреир. По желтым нитям передвигалось что-то темное, похожее на лишайник.

Хрр-Брахл Йпрт поблагодарил отца за видение, хотя все это было ему давно известно. Он видел все это уже много раз. Все воины видели это. Но эти видения должны постоянно повторяться в их мозгу — ведь это краеугольный камень их великого похода. Но вот в мозгу кзаххна что-то ярко вспыхнуло, видение исчезло. Весь череп как будто наполнился медленно ворочающимися змеями, умирающими змеями.

И вдруг кзаххну стало предельно ясно, что то, что сейчас необходимо одному фагору — это необходимо всему Хрл-Ичор Йхару, всему миру. И то, что необходимо миру — крайне необходимо одному фагору. Но вот в мозгу поплыли другие видения: воздушные октавы стали ярче, и сыны Фреира падали на землю, умирая от болезней, от холода, от

голода. Это время уже было. Но оно скоро придет снова. Прошлое и будущее едины в настоящем. Скоро, скоро Фреир спрячется в Беталиксе, и это будет время фагоров, время гибели сынов Фрейра, время смерти тех, кто убил великого кзаххна Хрр-Трихк Храста.

Помни об этом. Будь отважен, будь беспощаден, не отступай ни на шаг от программы, которая задана тебе многими поколениями предшественников.

Видения далекого прошлого, славного, победоносного. По покрытым блестящим льдом равнинам двигались сонмы его предков.

Помни о нас. Будь готов к будущему. Держи рога высоко.

Юный кзаххн медленно вышел из транса. Его белая птица уселась на левое плечо. Она ласково провела своим изогнутым клювом по его волосам и по плечу и стала выбирать насекомых из шерсти. Снова прозвучал рог. Его траурные звуки разнеслись над черной, холодной как лед водой реки.

Этот меланхолический звук можно было услышать на далеком расстоянии, где находилась группа из восьми фагоров, отделившихся от главных сил. Среди них было шесть гиллот и два сталлуна. С ними был один старый кайдав, уже не годившийся для езды и поэтому нагруженный оружием и припасами. Несколькими днями раньше они захватили шесть мади — мужчин и женщин, — которые вместе со своими животными направлялись к отрогам Чалца. Животных тут же приготовили и съели.

Несчастных мади связали и потащили за собою. Однако из-за этого им пришлось двигаться медленнее, и они отстали от главных сил. При этом они взяли неправильный курс, а разразившаяся буря и разлив реки отрезали их.

После захода Беталикса фагоры остановились на отдых среди раджабаралов. Пленников привязали к одному из деревьев, и они сразу же уснули, свернувшись в один тесный клубок. Фагоры тоже улеглись на спину, их птицы уселись им на грудь, положив головы на теплые шеи своих хозяев.

Фагоры немедленно погрузились в сон, сон без видений и без движения, как будто они приготовились отправиться в иной мир.

Крики птиц и вопли мади разбудили их. Мадии рвались к тем, кто взял их в неволю, но не в ярости, а в надежде получить от них защиту. Они обращались к своим врагам, умоляя их защитить от еще более страшной угрозы.

Один из раджабаралов расщепился. Воздух со свистом выходил из трещин.

И в клубах пара из расщепившегося ствола появилось извивающееся тело.

— Червь Вутры! Червь Вутры! — кричали мади, а фагоры вскочили на ноги. Один из фагоров кинулся к кайдаву и схватил копьё.

Огромный раджабарал тридцати футов толщиной треснул с отвратительным звуком, сверху посыпались обломки сучьев, и из него появился червь Вутры. Он него распространялся зловонный запах — смесь запаха гниющей рыбы и разлагающегося сыра.

Жуткое существо подняло свою напоминающую змеиную голову, сверкающую на солнце. Оно дернулось, ствол раджабарала снова затрещал, осыпаясь и обнажая новые кольца тела червя. Чудовище выбиралось на поверхность, сбрасывая при этом линяющую кожу. Прорывая себе дорогу под землей, оно воспользовалось раджабаралом как прибежищем. Потепление стало причиной метаморфозы червя. Сейчас он переходил к другой стадии своего жизненного цикла.

Фагоры уже были вооружены. Их предводитель отдал приказ, и два воина швырнули свои копья в Червя Вутры.

Но червь извивался, и копья только скользнули по его коже, не причинив вреда. Он увидел внизу людей и нанес удар головой. И только тут фагоры оценили истинные размеры чудовища. Четыре огромных глаза, расположенные над ртом, вокруг которого шевелились щупальца, смотрели на них. Эти щупальца извивались, ища жертву. Огромная пасть была усеяна острыми, загнутыми назад зубами.

Голова некоторое время шевелилась вверх, на высоте верхушек деревьев, а затем внезапно оказалась внизу, на уровне фагоров. Полетели копья, птицы взмыли вверх.

Странная пасть, у которой не было челюстей, схватила одного их фагоров, но тот был слишком тяжел, чтобы поднять его в воздух. Фагор завопил, когда чудовище поволокло его по земле.

— Бейте его! — крикнула гиллота-предводитель, бросаясь вперед, высоко держа нож.

Но в темной слизи мозга чудовища созрело понимание опасности, и оно решило удовлетвориться тем, что уже находится в пасти, и перекусило фагора, а затем голова снова взмыла вверх. С щупальцев капала желтая кровь. То, что осталось от фагора, упало на землю и застыло в неподвижности.

Видимо это был момент метаморфозы червя, ибо кольца его продолжали появляться из расщепленного ствола и, извиваясь, обвивали соседние деревья. Фагоры были охвачены смертельным ужасом. Червь разделился на два. Окровавленная голова раскачивалась над деревьями вдалеке от фагоров. Мембраны лопнули с оглушительным треском, и как будто маска спала с головы: вместо одной головы появились две. Сначала одна лежала на другой, но затем новая, только что появившаяся голова поднялась. Вокруг страшной пасти зазмеились щупальца. Слизь, появившаяся после того как лопнула мембрана, мгновенно высохла и теперь старая голова оказалась мертвенно-зеленого цвета, а вторая грязно-голубого.

Обе головы поднялись и стали удаляться друг от друга с глухим ревом, как бы ненавидя друг друга.

По всему телу стали рваться мембраны, обнажая два тела — зеленоватое и тускло-голубое. Оба тела были длинные, тонкие и с крыльями. Еще одна конвульсия, подобная предсмертной судороге — и вот уже два тела отделились друг от друга и устремились в разные стороны, расправляя крылья. Они поднялись над деревьями, и белые птицы носились с хриплыми криками вокруг них.

Они уже летели, и свет Фреира отражался от их чешуи и блестящих крыльев. Одно чудовище — зеленое — было самцом, другое — тускло-голубого цвета с менее блестящими чешуйками — самкой.

Теперь крылья их били по воздуху более уверенно, поднимая их тела высоко в небо. Раскрытые рты втягивали воздух и со свистом выпускали его через задние отверстия. Чудовища сделали круг над поляной, глядя на изумленных фагоров, а затем полетели в противоположные стороны — самец полетел на далекий север, самка — на не менее далекий юг. Оба повиновались своим таинственным воздушным октавам, на которые они были настроены, оба даже своеобразно красивы в своем полете. Их длинные гибкие тела буквально ввинчивались в атмосферу. Змеи набирали высоту и вскоре исчезли из виду, растворясь в голубизне.

Они оба уже забыли свое прежнее существование, когда многие столетия находились во тьме земли, загнанные туда холодом.

Фагоры пришли в себя и вернулись к действительности. Они осмотрели поляну. Кайдав мирно жевал траву. Мади исчезли. Протогностики не упустили шанса и сбежали в лес.

Группа сбежавших мади состояла из трех мужчин и их женщин. Старшую пару звали Каткаарнит, так как по обычаю после того как пара соединялась, и он, и она носили одно имя. А если нужно было обратиться к кому-либо из них, то называли Каткаарнит-он и Каткаарнит-она.

Все шестеро были тощие и маленькие. И темнокожие. Мади по внешнему виду мало отличались от людей. Особая форма костей черепа придавала им задумчивый вид. На руках у них было по восемь пальцев — четыре вытянуты вперед, четыре — назад, что обуславливало чрезвычайно цепкий захват. На ногах у них было тоже по восемь пальцев.

Они передвигались по лесу ровным размеренным шагом, позволяющим им бежать без отдыха много часов, если потребуется. Впереди бежали Каткаарнит, за ними сле-

дующая пара, а затем самые молодые. Дикие животные, преимущественно лани, убегали с их пути.

Они бежали на запад. Восемь недель плена, память об этих жутких неделях придавала им силы. Однако долгий бег утомил их. Вскоре они перешли на размеренный шаг, тяжело дыша ртом и носом, иногда спотыкаясь о корни деревьев.

Наконец молодая пара не выдержала и со стоном рухнула на землю. Они лежали и стонали, держась за животы. Их четыре более старших товарища видели, что уже совсем немного осталось до перевала, после которого начнется спуск и бежать будет легче. И они пошли дальше, согнувшись вперед почти до земли. Легкие их усиленно работали.

И на перевале они остановились, вдыхая чистый воздух и глядя назад, туда, где лежали их выбившиеся из сил соплеменники.

Здесь неподалеку протекала река, шум которой наполнял воздух. Вдали виднелась раджабараловая роща, откуда они бежали и где остались ненавистные фагоры. За рощей виднелся лес, покрывающий склоны гор, образующих эту обширную долину, откуда они только что бежали. Деревья в лесу были в основном темно-зеленого цвета, но между ними были видны деревья с ярко-зеленой листвой. Эти деревья мади называли каспиран. Их горькие плоды можно было есть во времена сильного голода.

Однако пейзаж не заканчивался лесом. За лесом вздымались каменистые утесы. Прорезавшие их глубокие ущелья служили опасными проходами для людей и животных. Эти утесы были частью горного массива, который тянулся от горизонта к горизонту. Горные ущелья заросли густой растительностью, кое-где в них сверкала вода рек, пробирающих себе дорогу через горы в долины.

Зоркие глаза мади осматривали окрестности и то тут, то там между деревьями, в небе видели белые пятна. Птицы. Птицы фагоров. А там где эти птицы — там фагоры. С расстояния во многие мили можно было проследить путь армии Хрр-Брахл Йпрта по этим белым пятнам. Мади не видели ни одного фагора, но можно было не сомневаться,

что в густых зарослях скрывается громадное их количество. Может быть, десятки тысяч.

Мади отдыхали и смотрели. Но вот один из них, затем другой, стали почесываться все сильнее и сильнее. И чем больше они чесались, тем сильнее становился зуд. Вскоре они уже катались по земле, будучи не в силах выдержать сильное жжение по всему телу. Тела их покрылись потом и кровью из расцарапанного тела. Мади свернулись в клубочки и чесали, чесали себя руками и ногами.

Они царапали себя изо всех сил, но мучения их не кончались. И они не могли связать воедино причину и следствие. Они не могли понять, что бедствие, постигнувшее их, было вызвано паразитами, которые обычно кишели в шкуре фагоров, а теперь набросились на них.

Обычно эти паразиты безвредны. Правда, они вызывают у людей лихорадку и чесотку, которая может длиться не более нескольких дней. Но изменился тепловой баланс системы, и самки паразитов принесли свою дань Великому Фрейру: они отложили в людей миллионы яиц.

И в ближайшем будущем эти малозаметные паразиты, играющие ничтожную роль в жизни планеты, будут основными распространителями вируса, вызывающего костную лихорадку у людей, и весь мир изменится благодаря им.

Наиболее активен этот вирус весной, в период затмений Фрейра. Каждую весну люди заболевают костной лихорадкой, и выживает в лучшем случае половина заболевших.

Пока мади катались по земле, они не обращали внимания на то, что происходит вокруг.

Вокруг них были густые заросли кустов, и из них не скрываясь вышли легко одетые люди в высоких сапогах, с веревками в руках.

Они набросились на мади.

Та пара, что оставалась внизу, заметила все происходящее и убежала. Они побежали обратно к фагорам. А их все еще чешущиеся друзья были захвачены. Их короткий миг свободы закончился. На этот раз они стали собственностью людей, сами не зная, что приняли участие в незначи-

тельном эпизоде другого великого циклического события — вторжения сиборнельцев.

Итак, они присоединились к колонизаторской армии воина-жреца Фестибариаида. Маленькие спутники Катка-арнит не думали об этом. Согнувшись под тяжестью груза, наваленного им на спины, они пошли вперед, подгоняемые новыми хозяевами. Они, спотыкаясь, шли на юг, все еще яростно расчесывая кожу.

Пока они шли к выходу из долины, на небо выплыл Фреир. Рядом с людьми побежали вторые тени, понемногу укорачиваясь по мере того как светило приближалось к своему зениту.

Воздух дрожал от испарений. Температура поднималась. Невидимые паразиты разносились по планете, незаметно распространяя страшные недуги.

Глава XII ЛОРД ОСТРОВА

Элин Тал был большим добродушным человеком, верным, преданным, привязанным, и у него абсолютно отсутствовало воображение. Он был смелый, удачливый охотник, великолепно ездил на хоксни. У него даже были некоторые начатки интеллигентности, хотя он с недоверием относился к академии и не умел читать. Он был предан Аозу Руну и честно служил ему, не проявляя никаких амбиций.

Однако понять Аоза Руна он был неспособен. Он спешился и терпеливо ждал в отдалении, когда сможет понаблюдаться лорду Эмбруддока. Все, что он видел, это была спина Аоза Руна, который стоял молча, опустив голову. Лорд все еще был в своей старой медвежьей шкуре, но на плечи он накинул желтую шкуру хоксни, видимо таким странным способом он хотел высказать почтение своей уходящей колдунье. Его собака, Курд, сидела возле ног Сс-рого.

Итак, Элин Тал терпеливо ждал, ковыряя пальцем во рту и ничего больше не делая. Мозг его ничем не был занят.

Несколько раз выругавшись, Аоз Рун ударил шпорами Серого и поехал вперед. Он сдвинул брови, оглянулся через плечо, но обратил внимания на своего преданного помощника не больше, чем на собаку.

Аоз Рун резко осадил хоксни на вершине холма. Он дернул поводья так резко, что животное встало на задние ноги.

— Сука! — крикнул Аоз Рун свирепо. Его голос эхом вернулся к нему.

Словно бы ему понравилось слышать собственные проклятия, он присоединился к эхо, выкрикнул еще несколько раз, не заботясь о том, что хоксни в это время потихоньку уносит его все дальше от Олдорандо. Его желтый пес и преданный помощник следовали за ним.

Затем он резко дернул поводья и понесся вперед. Утро было в самом разгаре. Но тень уже упала на планету. Аоз Рун взглянул вверх и увидел, что тусклый диск Беталикса уже откусил кусок Фрейра. Надвигалась Слепота. Курд завыл и побежал, почти прижимаясь к хоксни.

Ночная сова взлетела неподалеку с поваленного дерева и заскользила почти над землей. У нее была пянистая окраска и размах крыльев больше, чем у человека размах рук. Она пронеслась прямо перед хоксни и взмыла в болезненно пожелтевшее небо.

Серый мчался вперед полным галопом, и Аоз Рун не останавливал его, не замедлял его бег. Он просто сопротивлялся хоксни, старающемуся сбросить его с себя. Затмение подействовало и на Серого тоже.

Обеспокоенный небесными явлениями, Элин Тал торопился за Аозом Руном, стараясь подчинить себе Вялого, его жеребца. Они скакали, стараясь не отстать от Аоза Руна и Серого.

Когда Аоз Рун наконец усмирил Серого, его настроение улучшилось. Он беззлобно рассмеялся, похлопал Серого по холке и заговорил с ним мягко, как не говорил ни с одним человеком.

Медленно, уверенно Беталикс пожирал Фреир. Укус фагора. Старые легенды вспомнились Аозу Руну — оба светила не друзья, а враги, обреченные сражаться друг с другом целую вечность.

Он отпустил поводья, предоставив животному самому выбирать свой путь. А почему нет? Он может вернуться в Олдорандо и править как прежде. Но разве будет этот город прежним, когда она ушла... ушла, сука... Дол — это глупое несчастное создание, которое не видит ничего дальше своего носа. Дома его ждет только опасность и разочарование.

Натянув поводья, Аоз Рун направил Серого в самые заросли кустов и поехал через них, не обращая внимания на то, что ветви хлещут его по лицу, а колючки впиваются в одежду. Весь мир пришел в полный разброд, и он был не в состоянии понять причины этого. На кустах висели высохшие водоросли, но сознание его было так далеко отсюда, что он игнорировал эти свидетельства недавнего наводнения.

Нижний ободок Беталикса был окрашен серебром, когда светило продолжало втягивать в себя своего врага и компаньона. Затем и сам Беталикс укрылся за облаком, которое ветер принес с запада. Начался сильный дождь. Аоз Рун наклонил голову и продолжал ехать вперед. Шум дождя усиливался. Вутра демонстрировал свою ненависть.

Аоз Рун направил хоксни из кустов на открытое пространство, заросшее густой травой. Элин Тал медленно поехал за ним. Дождь уже хлестал изо всех сил. Глядя из-под намокших бровей, лорд Эмбруддока заметил, что вдали виднеется убежище, сложенное из каменных плит. А за ним в долине протекала река, извиваясь между камнями. Дождь был таким сильным, что сквозь водяные струи очертания убежища были видны неотчетливо, однако можно было разглядеть возле входа чьи-то фигуры.

Фигуры были неподвижны. Они смотрели. Должно быть, они заметили Аоза Руна намного раньше, чем он их. Пес припал к земле и зарычал.

Не оглядываясь, Аоз Рун подозвал Элин Тала к себе.

— Чертовы фагоры, — с оттенком веселости сказал Элин Тал.

— Они ненавидят воду, — сказал Аоз Рун. — Может, из-за дождя они не вылезут наружу. Поехали.

И он медленно поехал вперед, приказав собаке держаться рядом.

Он не оглядывался и ничем не показывал, что боится. Низина, скорее всего, непроходима. Лучше подняться на холм. По верху холма, если, конечно, фагоры пропустят их, они могут скакать с большой скоростью. Он был не вооружен, если не считать кинжала за поясом.

Два человека двигались вперед плечом к плечу, и собака бежала сзади. Чтобы подняться на холм, им нужно было изменить курс и приблизиться к фагорам. Из-за сильного дождя было трудно разглядеть что-либо, но Аозу Руну показалось, что возле хижины стояло пять или шесть монстров. Чуть сзади лениво жевали жвачку два кайдава, которых держали за поводья рабы — скорее всего, люди. Эти несчастные апатично смотрели на Аоза Руна и Элин Тала.

На крыше, нахохлившись, сидели две белые птицы. Еще две на земле дрались из-за кучи навоза кайдава. Пятая птица сидела в отдалении на камне и рвала когтями какое-то мелкое животное, которое ей удалось поймать.

Фагоры не двигались.

Противники были на расстоянии броска камня, и хоксни медленным шагом уже начали взбираться на склон холма, когда Курд с яростным лаем бросился к фагорам.

Поведение собаки пробудило фагоров к действию. Они бросились вперед. Видимо, фагоры нуждались в каком-то внешнем толчке, чтобы перейти к активным действиям. Их нервная система не возбуждалась, пока раздражение не превышало некой пороговой величины. Увидев, что фагоры кинулись в атаку, Аоз Рун и Элин Тал пришпорили хоксни.

Это была опасная скачка. Деревья были молодые, их рост не превышал роста человека, а крона имела форму зонтика. Мимо них нужно было скакать, низко склонив голову. На земле тут и там валялись громадные камни, и

хоксни легко могли поломать здесь ноги. Нужно было внимательно следить за дорогой, чтобы хоксни были в относительной безопасности.

Позади слышались звуки погони. Мимо мелькнуло копье и воткнулось в землю рядом с беглецами. Но других копий не последовало. Однако позади слышался топот кайдавов и крики фагоров. На ровном месте кайдав мог догнать хоксни, но здесь, среди низкорослых деревьев, высокие животные были в невыгодном положении. И все же Аоз Рун и Элин Тал не могли далеко оторваться от преследователей. И он, и Элин Тал вскоре вспотели не менее своих хоксни.

Они доскакали до ручья, стекающего с холма. Аоз Рун выбрал момент, чтобы оглянуться. Два белых монстра мчались за ними, вытянув одну руку вперед, чтобы защищать лица от хлещущих веток. В свободной руке у них были копья. Пешие фагоры были далеко, и ими можно было пренебречь, они не представляли угрозы.

— Фаги не отстают, — сказал Аоз Рун. — Ну, Серый, давай!

Они снова помчались вперед.

Дождь сначала стих, затем хлынул с новой силой. Деревья окатывали всадников водой, когда те проезжали мимо. Почва стала тверже, но зато увеличилось количество камней.

Два всадника-фагора уже были на расстоянии броска копья.

Натянув поводья, Аоз Рун привстал в стремях. Теперь он мог видеть поверх кроны зонтиковых деревьев. Он крикнул Элин Талу, что нужно сворачивать влево. Фагоры скрылись из виду, их закрыли громадные камни.

Всадники теперь скакали по какому-то подобию тропы. Деревья стали реже. Твердая почва постепенно перешла в жидкую грязь.

У людей вспыхнули проблески надежды, и они еще сильнее подгоняли своих хоксни. Но тут из рощи снова выскочили преследователи, и Аоз Рун выругался, взмахнув кулаком. Собака мчалась рядом с ними.

Затем дорога пошла вниз. Впереди в долине росли раджабаралы. Весь ландшафт, окрашенный сеткой дождя, имел довольно унылый вид. Посреди долины текла бурная река, вышедшая из берегов. Еще дальше виднелась темная линия деревьев. Сетка дождя не давала возможности увидеть, что же находится еще дальше. Низкие тучи быстро неслись по небу, не позволяя появиться светилам.

Аоз Рун провел рукой по лицу, вытирая пот и дождь. Он увидел, где можно найти спасение. Посреди реки находился остров, покрытый камнями. На нем росли деревья с черными листьями. Если бы он и Элин Тал смогли перебраться туда — а до острова было совсем недалеко — они были бы спасены.

Аоз Рун хрипло крикнул Элину Талу.

И тут же он заметил, что скачет один. Он оглянулся и замер от ужаса.

Слева от него скакал Вялый, но без седока. Животное бесцельно несло к реке.

А позади, там, где кончались деревья с зонтичной кроной, лежал на земле Элин Тал. Два фагора уже стояли над ним. Один из них спешил. Элин Тал пнул его ногой, но фагор одним рывком поднял его на ноги. Кровавое пятно виднелось на плече Элин Тала. Видимо, рана от копья. Борьба была недолгой. Ослабевший от потери крови Элин Тал снова упал на землю и фагор наклонил голову, намереваясь нанести смертельный удар рогами.

Другой фагор не стал ждать этого удара и бросился догонять Аоза Руна с копьём наперевес.

Аоз Рун сразу же пустил Серого в галоп. Лорд Эмбруд-дока ничем не мог помочь своему заместителю. Он наклонился в седле и подгонял Серого, но животное уже выбивалось из сил.

Фагор догонял его. На открытом пространстве кайдав имел преимущество в скорости над хоксни. Аоз Рун мчался к берегу реки, и его желтый плащ развевался на ветру. Так близко! Так близко спасение! Бурлящая вода, белые камни, зеленая трава, черные листья деревьев — все это было со-

всем близко! Но он знал, что уже поздно. Его спина взмокла от пота. Он ждал удара копьём между лопаток.

Быстрый взгляд назад. Монстр уже совсем близко. Уже отчетливо видны напрягшиеся жилы на шее кайдава. Фагор, чертовое чудовище, уже готовился убить! Глаза его горели.

Хотя Аоз Рун был уже стар, все же реакция у него была лучше, чем у фагора.

Он внезапно натянул поводья и резко осадил Серого так, что тот повернулся вокруг оси и встал навстречу преследователю. Аоз Рун скатился с седла и бросился навстречу кайдаву.

На бегу он сорвал с себя плащ и захлестнул им руку фагора с копьём, приготовленным для удара. Затем резко дернул плащ.

Фагор скользнул вперед в седле. Свободной рукой он ухватился за гриву животного. Освободив плащ, Аоз Рун быстро накинул его в виде петли на шею кайдава. Один рывок — и фагор упал на землю, а его кайдав, вырвавшись, поскакал вперед.

Тошнотворный запах ударил в нос Аозу Руну. Он стоял, глядя на упавшего фагора в нерешительности. Другие фагоры приближались на помощь своим товарищам. Серый ускакал.

Аоз Рун позвал Курда, но собака, дрожа, спряталась в траву и не подбежала.

Пока фагор поднимался, Аоз Рун схватил копьё и побежал к реке. У него еще оставался шанс добраться до острова.

Но даже не добежав до реки, он понял, что бросаться в нее очень опасно: в черной воде плыли трупы затонувших животных, огромные коряги, сучья.

Аоз Рун замешкался, колеблясь, и тут фагор настиг его.

Аоз Рун вспомнил свою битву с фагором в те далекие времена. Тот его противник был ранен. Но этот уже совсем не молод. Аоз Рун понял это, когда стаскивал его с седла. Может, удастся столкнуть его в реку, пока не подросли остальные.

Но это было не просто. Чудовище все еще обладало громадной силой. Они схватились, не желая уступать друг

другу. Аоз Рун никак не мог воспользоваться копьем или ножом. Они отчаянно боролись, причем фагор все время старался ударить охотника рогами.

Аоз Рун вскрикнул от боли, когда фагор вывернул ему руку. Он выронил копье, но при этом освободилось его колено. И тогда Аоз Рун нанес сильнейший удар коленом в подбородок противника. Тот пошатнулся, отступил назад и увлек охотника в воду. Они стояли по колено в воде. В отчаянии Аоз Рун позвал собаку, но та в безумии лаяла на приближающихся фагоров. Их было трое, и все они бежали к месту боя.

Сильное течение несло ствол дерева, который крутился в воде. Огромная ветка высунулась из воды, как чья-то рука, и зацепила и фагора, и человека. Они оба упали и скрылись под водой. Из воды вынырнула другая ветка, на которой болтались чьи-то желтые внутренности, которые при следующем повороте дерева снова скрылись под водой.

На протяжении четырех часов Беталикс силился справиться с Фреиром, стараясь заглотить его. И наконец это ему удалось. Серый тусклый свет лег на землю. Все замерло, даже насекомые притихли.

На целых три часа Фреир исчез из мира, украденный с дневных небес.

И только к закату появился его краешек. Однако никто не мог гарантировать, что люди смогут снова увидеть его целым и невредимым. Темные тучи заполнили небо от горизонта до горизонта. И вот этот тревожный день завершился. Каждое человеческое существо в Олдорандо, будь это взрослый или ребенок, пошло спать в этот вечер в состоянии страха и тревоги.

Затем поднялся сильный ветер, принесший дождь и усиливший тревогу.

В старом городе этой ночью случились три смерти: одно самоубийство и два человека погибли в пожаре. Только сильный дождь спас город от еще больших разрушений.

Свет из одного из окон большой башни выхватывал серую пелену дождя. Он плясал на потолке комнаты, где без сна лежала на постели Ойра. За окном завывал ветер, раздувая огонь в камине. Ставни окна хлопали на ветру.

Ойра ожидала. Ее тревожили комары, которые появились недавно в Олдорандо. Вообще в мире появилось много такого, чего раньше никто никогда не видел.

Трепещущий огонь освещал потолок, трещины и грязные пятна на нем, похожие на изображение старика. Старика с длинными косматыми волосами, одетого в мантию. Она попыталась представить себе его лицо, которое было спрятано за приподнятым плечом. Человек двигался. Казалось, что он двигается, перемещается среди звезд.

Устав от игры, Ойра отвернулась и задумалась. Она думала о своем отце. Когда она снова посмотрела на потолок, то увидела, что старик смотрит на нее. Его лицо было изборозжено морщинами. Сейчас он двигался быстрее, в такт с хлопаньем ставен. Он шагал через миры к ней. Все тело его светилось огнем ядовитого цвета.

Ойра приподнялась и села. Возле уха жужжал комар. Почесав голову, она взглянула на тяжело дышащую Дол.

— Что с тобой?

— Очень больно.

Ойра, голая, соскочила с постели, накинула плащ и подбежала к подруге, чье лицо белело в полутьме.

— Может, послать за матушкой Скантиом?

— Пока не надо. Давай поговорим. — Дол протянула руку и Ойра взяла ее. — Ты хорошая подруга, Ойра. Я столько передумала, пока лежала здесь. Ты и Ври... Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы обе хорошие, но такие разные — Ври так не уверена в себе, а ты всегда уверена...

— В нашем мире иначе нельзя...

— Я всегда так мало знала. Люди испокон веку плохо относятся друг к другу. Надеюсь, что я всю жизнь буду понимать своего ребенка. Я не понимала твоего отца, я знаю. И теперь он отомстил мне. Его нет со мной в эту ночь...

Снова стукнул ставень. Дол сжалась. Ойра положила руку ей на живот.

— Я уверена, что он не ушел с Шей Тал, если ты боишься этого.

Дол приподнялась на локте, отвернула лицо в сторону.

— Мои мысли гораздо мучительнее для меня, чем боль. Я знаю, что совершенно не стою его. И все же я сказала *да*, а она сказала *нет*. Я всегда говорила ему *да*, и все же его сейчас нет здесь... Я думаю, что он никогда не любил меня.

Внезапно она разрыдалась, и слезы брызнули из ее глаз. Ойра заметила их, когда Дол повернулась к ней и спрятала лицо у нее на груди.

Снова стукнул ставень под завывание ветра.

— Давай пошлю рабыню за Скантиом, — предложила Ойра. Скантиом выполняла в городе обязанности повивальной бабки.

— Пока не надо, не надо, — сказала Дол. Постепенно слезы ее высохли, и она глубоко вздохнула. — Времени достаточно. Времени достаточно для всего.

Ойра поднялась, закуталась в плащ, подошла к окну и закрепила ставень. Сырой ветер с силой ударил ей в лицо. Она с благодарностью глубоко вдохнула его. С улицы до ее ушей донеслись крики гусей — с незапамятных времен типичный для Эмбруддока звук.

— Но почему я должна оставаться одна? — спросила она в темноту ночи.

Горький запах дыма дохнул ей в лицо. Догорающий дом находился совсем рядом — напоминая о дневном безумии.

Когда она вернулась, Дол сидела и вытирала мокрое лицо.

— Сходи за Скантиом, Ойра. Будущий лорд Эмбруддока хочет появиться на свет.

Ойра поцеловала ее в щеку. Обе женщины были бледны.

— Он скоро вернется. Мужчины — они такие... на них ни в чем нельзя положиться.

Она выбежала из комнаты, окликая рабыню.

* * *

Поток ветра, ударивший в лицо Ойры, проделал далекий путь. И еще более далекий путь предстоял ему. Он должен был просвистеть среди каменных утесов Кзинта. А родился он в пустынных просторах моря, которое будущие мореплаватели назовут Ардент. Ветер двигался вдоль экватора, набирая влагу и скорость, пока не наткнулся на Восточный Щит Кампаннлата, Никтрихк, где разделился на два ветра.

Северный воздушный поток прорычал над заливом Чалси и истощил себя на то, что ослабил весенние холода Сиборнела. Южный ветер пролетел над высокогорьем Валлгос, над морем Скимитар, над морем Орла, прорычал над громадной пустыней, которая некогда была великой страной Борлиен, вздохнул над Олдорандо, заставив стучать ставни в комнате Ойры. А затем продолжил свой путь, не задерживаясь тут и не услышав первых криков сына Аоза Руна.

Этот теплый ветер нес с собой птиц, насекомых, семена, споры, микроорганизмы. Он пролетел над Олдорандо за несколько минут и тут же был забыт всеми, и тем не менее он сыграл свою роль в том, что должно было здесь произойти.

Пролетая, он принес тепло человеку, сидящему на дереве в весьма неудобном положении. Дерево находилось на острове посреди бурного потока, который являлся частью реки Такисса. Человек повредил одну ногу и теперь мучился от боли.

Под деревом скорчился самец-фагор. Может быть, он ждал возможности для нападения. Но во всяком случае он был неподвижен, как каменная статуя. Лишь уши его двигались, засекая малейший звук. Его птица сидела на ветвях дерева, в достаточном отдалении от человека.

И человек, и фагор были выброшены на берег острова едва живыми. Человек сразу же нашел для себя место, где мог чувствовать себя в безопасности — ведь он был ранен. И сейчас, когда подул теплый ветер, он сидел на дереве.

Этот ветер был чересчур теплым для фагора. Он наконец шевельнулся и быстро пошел между камнями, которые составляли значительную часть острова.

Его птица некоторое время смотрела на хозяина, склонив голову, затем полетела за ним.

Человек задумался. Если бы убить эту птицу... это была хотя бы крохотная победа, да и еды хватило бы на некоторое время.

Но сейчас перед Аозом Руном стояла более важная проблема, чем голод. Во-первых, нужно победить фагора. Через густую листву он мог видеть из своего убежища берег реки. Там стояли четыре фагора. Их белые птицы либо сидели на плечах хозяев, либо медленно и лениво парили в воздухе над ними. Один из фагоров держал поводья кайдава. Они стояли уже несколько часов без движения, глядя на остров.

Держась в отдалении от них, сидел Курд, его собака. Иногда она жалобно подвывала, иногда заливалась злобным лаем.

Прикусив губу от боли, Аоз Рун попытался продвигаться по своей ветке так, чтобы увидеть уходящего врага. Тот шел медленно. Так как остров был мал, то Аоз Рун предположил, что фагор сделает круг и вернется обратно. Если бы Аоз Рун был в хорошей форме, он непременно устроил бы фагору неприятный сюрприз — западню.

Он посмотрел на небо. Фреир как бы продирался сквозь переплетения сучьев. Он, после вчерашнего, был снова цел и полон сил. Беталикс затерялся где-то в облаках. Аоз Рун хотел поспать немного, но не осмеливался. Вероятно, положение фагора было аналогичным.

Скорее всего, фагор сейчас устраивает ему западню. Аоз Рун едва удержался от искушения спрыгнуть с дерева и разведать обстановку. Но искушение все же оказалось сильнее его. Он некоторое время собирался с силами.

Двигаться было трудно. Его черная шуба намокла и была очень тяжелой. Но главная проблема — это левая нога. Она сильно распухла и ужасно болела. Колено не сгибалось совершенно. Тем не менее он с трудом скользнул вниз по дереву и тяжело упал на землю. Он лежал со стонами, будучи не в силах подняться, ожидая, что в любое мгновение на него может кинуться фагор и убить его.

Фагоры на противоположном берегу увидели его движение и теперь кричали что-то своему товарищу, но их голоса заглушались ревом бегущей воды. Курд тоже завывал, добавляя свою долю в этот шум.

Аоз Рун поднялся на ноги. У края воды он нашел сук, опершись на который, мог двигаться. Страх, боль, холод бурлили в нем, и он чуть не терял сознание. Он чувствовал, что его плоть тяжело обвисла на нем, однако жизнь еще теплилась в некогда могучем теле. Он осмотрелся вокруг в отчаянии, ожидая нападения фагора. Однако врага не было видно.

— Я убью тебя, монстр, чего бы мне это не стоило... Ведь я лорд Эмбруддока...

Он двигался вперед шаг за шагом, прячась за грудями камней, чтобы фагоры с другого берега не видели его. Над рекой, по которой неслись сучья, стволы деревьев, трупы животных, клубился туман. Весь остров был не более двенадцати метров шириной. Он был похож на спину огромного затонувшего чудовища.

Как раненый медведь, Аоз Рун брел вперед, прижимаясь к воде, чтобы оставить как можно большее пространство между собою и местом возможного нападения.

Из густых зарослей внезапно выскочил олень и бросился в воду. Вскоре из-под воды показалась его красно-коричневая голова с тремя рогами. Могучее животное, преодолевая мощь реки, описывающей вокруг острова широкую дугу, поплыло на другую сторону. Однако течение относило его все дальше и дальше, и вскоре Аоз Рун потерял его из виду.

Немного погодя, перебираясь через сваленное дерево, Аоз Рун снова увидел белую птицу.

Она наблюдала за ним, сидя на крыше грубой каменной хижины. Стены хижины, сложенные из камня, заросли лишайником, и это строение казалось творением природы, а не разума. Аоз Рун стал обходить хижину, предполагая, что фагор находится внутри.

Сразу за хижинной остров обрывался. Здесь бурлила вода, и через несколько метров водного пространства ост-

ров начинался снова, как корабль, несущий на своей спине бесполезный груз камней и плывущий неизвестно куда. Разделяющий два острова поток был не более чем полуметровой глубины. На втором острове Аоз Рун смог бы найти безопасное убежище. Ведь фагоры ненавидели воду, и вряд ли его противник сможет перебраться туда.

Холодная как лед вода стиснула ноги Аоза Руна, как зубы аллигатора. С трудом он перебрался на другой остров и тут же упал на землю. Затем, преодолевая боль, повернулся, чтобы посмотреть на хижину. Его враг был наверняка там, такой же больной и измученный, как и он сам.

Аоз Рун потащился по острову, осматривая его. По дороге он срезал ножом две толстые палки. Затем, держа их в руке, он снова переправился на первый остров. При этом он не спускал глаз с двери хижины.

Когда он приближался к хижине, он почувствовал, как птица фагора пикирует на него, стараясь ударить клювом в висок. Аоз Рун отбивался от птицы палками и ножом. Ему удалось ударить птицу ножом, и она отлетела в сторону, уселась на сук. Перья ее окрасились кровью.

Аоз Рун подошел к хижине и быстро запер дверь хижины, подперев ее палками. Дверь сразу же начала сотрясаться от ударов изнутри. Фагор старался вырваться наружу. Но палки держали хорошо.

Аоз Рун собирался уже переправляться через поток обратно, но тут его взгляд упал на птицу. Она переступала с ноги на ногу. Кровь лилась из раны на груди. Аоз Рун высоко поднял над головой свой импровизированный костыль и с силой опустил его на голову птицы. Та упала замертво.

Взяв ее подмышку, Аоз Рун снова переправился через поток.

Там он лег на землю и попытался с помощью растирания вернуть жизнь своей ноге. Боль истощала его силы. Фагор все еще рвался из хижины. Рано или поздно одна из палок не выдержит, но пока фагор был исключен из игры, и лорд Эмбруддока был доволен собой.

Волоча за собой птицу, Аоз Рун забрался в щель между двумя лежащими деревьями, чтобы обезопасить себя. Слабость накатывала на него волнами. Он уснул, спрятав лицо в еще теплые перья птицы.

Холод и онемение во всем теле разбудили его, вырвали из тяжелого сна. Фреир висел в нижней части западного неба, утопая в золотистом тумане. Повернувшись в своем укрытии, он смог увидеть берег реки. Фагоры все еще ждали там. А за ними, на склоне холма, было место, где погиб Элин Тал. А над этим холмом висел траурный Беталикс. Признаков Курда нигде не было. Собака либо убежала, либо фагоры убили ее.

Нога болела уже меньше. Он выбрался из своей щели, встал.

На другом берегу потока в нескольких метрах от Аоза Руна стоял фагор. За ним была хижина, дверь которой была все еще заперта. Он выбрался из хижины, разобрав камни на крыше.

Фыркнув, фагор повернул голову сначала в одну сторону, затем в другую. Кончики его рогов сверкнули на солнце, когда он сделал это загадочное движение. Вид у него был довольно жалкий, шерсть слиплась от недавнего пребывания в реке.

Как только Аоз Рун поднялся во весь рост, он стал представлять собой хорошую мишень. Фагор швырнул грубое копье. Аоз Рун был слишком удивлен, слишком скован, чтобы увернуться, но импровизированное копье пролетело мимо. Это была одна из палок, которыми Аоз Рун подпер дверь хижины. Видимо, у фагора болела рука, иначе бы он не промахнулся.

Аоз Рун сжал кулак. Скоро стемнеет. Инстинкт подсказывал ему, что необходимо разжечь костер. Он занялся сбором топлива, благодаря Вутру, что почувствовал себя лучше, сильнее, но тем не менее понимал, что болен. Может быть, это голод, сказал он себе. Но пища была рядом, только нужно разжечь костер.

Собрав сухие сучья, он нашел укромное место среди камней, начал быстро вращать сухую палочку между ладо-

нями. Дерево обуглилось. Чудо свершилось, появились язычки пламени. Морщины на грубом лице Аоза Руна разгладились, когда он смотрел на разгорающийся огонек. Фагор стоял неподвижно и смотрел, ждал.

— Сын Фреира, ты сотворил тепло! — крикнул он.

Аоз Рун видел только силуэт своего противника на фоне золота западного неба.

— Да, я сотворил тепло, и теперь намереваюсь поджарить и съесть твою птицу!

— Дай и мне немного!

— Через день или два наводнение кончится. Тогда мы оба сможем пойти по домам. А пока ты останешься там, где ты есть.

Фагор говорил с сильным акцентом, и Аоз Рун с трудом понимал его слова. Он присел возле костра и изредка поглядывал туда, где темный силуэт его противника постепенно размывался во тьме опускающегося вечера.

— Ты, Сын Фреира, болен и умрешь этой ночью.

— Болен? Да, я болен, но я все же лорд Эмбруддока.

Аоз Рун позвал Курда, но ответа не было. В наступившей темноте уже невозможно было разглядеть группу фагоров на том берегу. Весь мир погружался в ночь, все предметы превращались в свои тени.

Ему вдруг показалось, что фагор пригнулся, готовясь перепрыгнуть через водную преграду, разделявшую их.

Он погрозил кулаком:

— Ты живи в своем мире, я буду жить в своем.

Даже такая короткая фраза изнурила его. Он поднес руки к глазам и застонал от слабости.

Фагор долго не отвечал, как бы собираясь с мыслями. Наконец он произнес:

— Мы живем в одном и том же мире, мир только один. Поэтому мы должны сражаться.

Эти слова достигли ушей Аоза Руна, но он не мог понять их смысл. Он помнил только, что он кричал Шей Тал о том, что выжить они смогут только в том случае, если будут едины. Он искал ее глазами и не нашел. Это типично

для нее: отсутствовать в тот момент, когда она больше всего нужна ему.

Повернувшись к костру, он подбросил в него сучьев и занялся кровавым делом — начал разделывать птицу. Он отрезал одну ногу и насадил ее на острый сук. Затем он протянул сук к огню — и тут же почувствовал, как огонь, сжигающий его кожу, отозвался жгучей болью в костях. Весь его скелет, казалось, был охвачен огнем. Страшная боль пронизывала все его тело. От одной мысли о еде его начинало тошнить.

Он вскочил на ноги, побежал к воде, бросился в нее и начал бегать по мелководью, разбрасывая брызги. Он кричал от боли. Ему казалось, что река застыла, а остров превратился в лодку, плывущую по водной глади. Лодка плыла, и он не мог управлять ею. Лодка плыла, погружаясь в огромную пещеру тьмы.

Но вот жерло пещеры сомкнулось, поглотив его.

— У тебя костная лихорадка, — сказал фагор. Его звали Йхамм-Вхррмар. Он не был воином. Он и его друзья были мирными лесными жителями. Кто-то украл у них несколько кайдавов. Когда среди них появились два сына Фреира, они просто подчинились древнему долгу — и в результате этого Йхамм-Вхррмар оказался в таком затруднительном положении.

Лесные жители мигрировали на запад, повинувшись своим воздушным октавам. На пути они встретили соплеменников, которые сообщили им, что надвигается великая армия, которая уничтожает все и всех на своем пути. Встревоженные лесные жители продолжали свою миграцию в поисках более холодных мест, и в конце концов воздушные октавы привели их в эту долину, где их и застигло наводнение. Они были вынуждены повернуть обратно. Страх и смятение овладели ими.

Фагор стоял неподвижно у края воды, ожидая смерти своего смертельного врага Фреира. Его исчезновение во

тму принесло фагору облегчение. Он замерз и стал массировать раненую руку. Ночь он встречал с благодарностью.

В отдалении лежал в камнях его враг. Теперь от него можно не ждать неприятностей. Все-таки ему было жаль этих Сынов Фреира. Все они обязательно заболели в присутствии фагоров. Но это была справедливость, высшая справедливость. Йхамм-Вхррмар ждал, сидя неподвижно, физически ощущая текущее время.

— Ты болен и умрешь! — снова крикнул он. Однако он и сам был болен. Он поднялся, почесал голову здоровой рукой, осмотрелся. Наступила полная темнота. Где-то на востоке Беталикс, верный защитник Беталикс, отец расы анципиталов, уже пробивался в мир. Йхамм-Вхррмар пошел в хижину без крыши и лег, закрыв глаза. Он спал без снов и движения.

На восточном краю неба появились проблески, предвещающие восход Беталикса. Беталикс взойдет еще много раз до того, как спадет вода. Ведь это наводнение было вызвано интенсивным таянием гигантских ледников Никтрикка. Пройдет много времени, пока реки вернутся в свои естественные русла. А еще через много времени, когда Фреир достигнет вершины своего величия, вода рек испарится, и эти районы планеты превратятся в гигантские пустоши — пустыню Мадура... Но это будет еще не скоро.

Сейчас, когда человек и фагор спали, они оба не понимали, что пройдет очень много времени, прежде чем спадет вода. Это было временное явление — но оно будет длиться почти две сотни лет Беталикса.

Глава XIII

ВИД С ПОЛ-РУНА

На Земной Станции Наблюдения прекрасно понимали, что такое «костная лихорадка». Это была часть сложного комплекса воздействий, вызываемых вирусом, который

обитатели Аверна называли «вирус геллико», и воздействие этого вируса люди на Станции Наблюдения понимали лучше, чем те, кто страдал от него.

Исследования гелликониианской микробиологии показали, что этот вирус активизируется дважды за 1825 лет Великого Года Гелликонии. Эпидемии, вызываемые этим вирусом, начинаются совсем не случайно. Они обязательно начинаются во время двадцати затмений, происходящих в пору весны, а затем, еще раз, во время шести или семи осенних затмений. Климатические изменения вместе с затмениями служили как бы спусковым крючком для эпидемий, и людям казалось, что затмения-то и были их первопричиной.

Оба проявления вируса для жителей Гелликонии казались совершенно различными явлениями. Они были разделены более чем пятью гелликониианскими веками (более чем семью веками по земному летоисчислению) и имели различные наименования: костная лихорадка и смертоносное ожирение.

Стремительное распространение вируса и болезни влияло на историю тех стран, где он распространился. Вирус же сам по себе был совершенно незначителен, подобно капле воды.

Чтобы глаз человека мог увидеть «вирус геллико», его нужно увеличить в десять тысяч раз. Его размер девяносто семь миллимикрон. Выглядит он как многогранник, состоящий из липидов и протеинов и содержащий РНК. Очень часто, в своем слабейшем проявлении, он приводит к расстройству организма, именуемому хандра.

Ученые Аверна поняли функцию этого вируса. Подобно древнему индусскому богу Шиве, он осуществлял функции разрушения и сохранения. Он убивал, для того чтобы могло последовать возрождение. Без этого вируса на планете не могла бы существовать ни человеческая жизнь, ни фагорская.

Но именно из-за этого вируса ни один землянин не мог ступить на планету и остаться живым. На Гелликонии

правил вирус геллико. Он установил санитарный кордон вокруг планеты.

А пока костная лихорадка еще не вошла в Эмбруддок. Она приближалась к нему так же неотвратно, как приближалась армия великого кзахна Хрр-Брахл Йпрта. Сейчас ученые Аверна гадали, кто из них нанесет удар первым...

Умы жителей Эмбруддока были заняты совсем другими мыслями. Главный вопрос, волновавший тех, кто был близок к власти, заключался в том, как эту власть захватить, а потом как ее удержать.

К счастью для человечества, ответа на этот вопрос не существует. Но Тант Эйн и Фаралин Ферд, жизнерадостные и обеспеченные люди, не особенно интересовались абстрактными проблемами. Прошло уже более полугода со дня исчезновения Аоза Руна, и два его заместителя вели прежнюю жизнь.

Это их вполне устраивало. Но мало удовлетворяло Райнила Лайана. Он уже приобрел большой авторитет в Совете и хотел ввести совершенно новую систему жизни в Олдорандо. Она позволяла ему бескровным способом сосредоточить в своих руках власть.

Он решил ввести денежную систему и отменить древний обычай натурального обмена.

С этого времени в Олдорандо ничего нельзя было взять просто так.

За все, даже за хлеб, нужно было платить деньги.

Довольные тем, что они получают свою долю, Тант Эйн и Фаралин Ферд согласились с планом Райнила Лайана. Город расширялся ежедневно. Торговцев уже нельзя было держать в предместьях. Торговля стала центром жизни. И теперь торговля должна была приносить доходы, по замыслу Райнила Лайана.

— Покупать хлеб неправильно. Пища должна быть свободна, как воздух.

— Но мы же будем давать деньги, чтобы люди могли покупать пищу.

— Мне это не нравится. Райнил Лайан хочет стать слишком жирным, — сказал Датка.

Он и лорд Западного Вельдта направились к башне Ойры. Везде они видели новые лица. Ученые члены совета каким-то образом подсчитали, что всего лишь четверть нынешнего населения родилась здесь. Остальные были чужаки, из других земель. Многие были тут лишь проездом. Олдорандо оказался на перекрестии важных торговых путей.

То, что некогда было полем, стало площадкой для установки шатров, палаточных поселков. Появились и более глубокие перемены. Например, обычай ходить на охоту постепенно исчезал. Зверей стало совсем мало, стунжебаги пропали полностью. А купцы пригоняли целые стада животных, что делало охотничий промысел по меньшей мере ненужным. Жизнь стала более оседлой.

Базарная торговля изменила психологию людей, уничтожило само понятие содружества охотников, товарищей по трудному ремеслу. Те, кто некогда славился силой броска копья, меткостью, лихостью в скачке на хоксни, теперь находили удовольствие в том, что лениво слонялись по улицам, торговали в палатках, служили сторожами при складах.

Лорды Западного Вельдта теперь отвечали за порядок в тех кварталах города, которые находились за рекой Ворал. У них были и помощники. Рабы с юга, искусные в строительстве, возводили башни — жилые помещения. Они имитировали систему старых башен и были высотой в три этажа.

Оценив результаты дневной работы и перекинувшись шутками с надсмотрщиками, Лейнтал Эй и Датка направились к своей башне, протискиваясь сквозь толпу пилигримов. Невдалеке стояли шатры, готовые принять этих временных постояльцев. Каждый из этих шатров имел свой номер, который можно было прочесть на круге, закрепленном на шатре.

Внезапно толпа пилигримов рванулась вперед. Лейнтал Эй отошел в сторону, чтобы уступить им дорогу, но оступился и оперся спиной об один из шатров. Прикрывавшая вход ткань не задержала его, и он ввалился в шатер. Лейнтал Эй выхватил меч. Три бледных молодых человека в ужасе смотрели на него, когда он внезапно появился перед ними.

Яма была глубиной до пояса и размером с маленькую комнату.

У людей, которые стояли перед ним, на лбу был третий глаз, правда, нарисованный.

В яму заглянул Датка, ухмыляясь при виде замешательства своего приятеля.

— Что вы здесь делаете? — спросил Лейнтал Эй эту троицу.

Оправившись от неожиданности, эти трое выпрямились. Один из них сказал:

— Здесь будет святилище в честь великого Акха Нааба, и значит здесь святая земля. Мы требуем, чтобы ты немедленно удалился отсюда.

— Эта земля принадлежит мне. Покажите мне свою лицензию на аренду этой земли.

Пока молодые люди удивленно переглядывались, вокруг собралась толпа пилигримов. Они заглядывали в яму и перешептывались. Все они были в черно-белых одеждах.

— У нас нет лицензии. Мы не собираемся ничего продавать.

— Откуда вы?

Огромный человек с головой, обмотанной черной тканью, встал на краю ямы. Возле него стояли две старухи, держащие в руках какой-то предмет. Человек напыщенно произнес:

— Мы последователи великого Акха Нааба, и мы идем на юг, распространяя его учение. Мы хотим здесь воздвигнуть часовню и требуем, чтобы ты, недостойный, удалился отсюда.

— Это моя земля, каждая пядь ее. Почему вы копаете землю, делаете яму, если хотите воздвигнуть часовню? Вы не умеете различать землю и воздух?

Один из землекопов сказал:

— Акха — бог земли и ее глубин. Мы живем в его жилах. Мы будем распространять его учение по всему миру. Мы — Берущие из Панновала.

— Здесь вы ничего копать не будете без моего разрешения. Прочь отсюда!

Все возмущенно закричали, но Датка выхватил меч. Он резко ударил и поддел острием меча ткань, которой был закрыт предмет, находящийся в руках у женщин.

Ткань упала на землю, и взорам открылась уродливая скрюченная фигура, в которой не было ничего человеческого. Слепые лягушачьи глаза выделялись на сморщенном лице. Фигурка была высечена из черного камня.

— Ну и красotka! — рассмеялся Датка. — Такую уродину действительно нужно прятать под землю.

Пилигримы рассвирепели. Акху оскорбили. Его коснулся свет солнца, хотя это было строго запрещено. Несколько человек бросились на Датку, и Лейнтал Эй выскочил из ямы и стал раздавать удары мечом плашмя. На шум прибежали помощники Лейнтала Эй. Прошло немного времени, и пилигримов хорошенько проучили, преподав им основы хорошего поведения.

Лейнтал Эй и Датка продолжили свой путь в комнату Ойры, которая находилась в башне Ври. Ойра переселилась туда потому, что большая площадь возле ее башни стала слишком шумной, там было поставлено много палаток и торговых ларьков. Вместе с Ойрой переехали Дол и ее малолетний сын Растил Рун Ден, а также ее старуха мать Рол Сакиль.

Возле входа в башню Шей Тал, как ее все еще называли, Лейнтал Эй распорядился поставить часовых — четырех дюжих рабов-борлиенцев. Они отсалютовали, когда два лорда прошли в двери башни.

— Как Ойра? — спросил на ходу Лейнтал Эй.

— Выздоровливает.

Он нашел свою возлюбленную в постели. Рядом с нею находились Ври, Дол и Рол Сакиль. Лейнтал Эй подошел к Ойре, и девушка обняла его.

— О, Лейнтал Эй, это было так жутко. Я так боялась. — Она глядела прямо ему в глаза. Лейнтал Эй тоже смотрел на нее и видел в ее лице страшную усталость. Глубокие тени залегли у нее под глазами. Все, кто уходил в мир призраков, чтобы повидаться с ними, старел сразу же на несколько лет.

— Я думала, что мне уже не вернуться к тебе, моя любовь, — сказала Ойра. — Мир призраков становится все ужаснее и ужаснее.

Годы согнули Рол Сакиль почти пополам. Длинные седые волосы спадали на сморщенное лицо, и поэтому можно было видеть только ее нос. Она сидела над колыбелью внука, качая ее.

— Только старики не возвращаются оттуда, — заметила она.

Ойра села в постели и крепче обхватила Лейнтала Эй. Он чувствовал, как дрожит все ее тело.

— Это было так жутко... Мир без солнца. Мир призраков подобен нашему, только вместо солнца у них первородный камень, к которому они все стремятся. Этот камень черный, и там вместо света чернота. Там нет воздуха — там один камень... Все понемногу всасывается в черную дыру первородного камня. Они такие злобные... они ненавидят все живое.

— Да, это так, — сказала Дол. — Они ненавидят нас и пожрали бы все живое, если бы могли.

Они ругаются...

Глаза их полны дьявольской злобы...

Их челюсти...

— Но твой отец? — прервал ее Лейнтал Эй, возвращая ее к цели путешествия в нижний мир.

— Я встретила там свою мать... — Ойра замолчала, будучи не в силах продолжать. Хотя она прижималась к Лейнталу Эй, она все еще не могла поверить в реальность этого мира, все еще была там, внизу, дрожа от ужаса. Она все еще физически ощущала ту ненависть, которая обрушилась на нее там, внизу.

— Она сказала, что я обесчестила ее имя, заставила сгорать от стыда, что я убила ее, я ответственна за ее смерть. Она сказала, что возненавидела меня с того момента, как я шевельнулась в ее утробе... Она наговорила мне еще много такого, что...

Она снова задрожала, всхлипывая.

Ври подошла к Лейнталу Эй и подхватила девушку.

— Все это ложь, Ойра. Это только игра воображения. — Однако всхлипывающая девушка оттолкнула свою подругу.

Все в то или иное время совершили путешествие к призракам. И теперь все смотрели на девушку с сочувствием. Каждый вспоминал те тяжкие чувства, которые испытывал сам.

— Но твой отец, — наконец сказал Лейнтал Эй. — Ты встретишься с ним?

Она выпрямилась, отстранилась, глядя на него в упор своими воспаленными, покрасневшими от слез глазами. Лицо ее блестело от влаги.

— Его там не было, благодарение Вутре. Его не было там. Еще не пришло время, чтобы он смог погрузиться в нижний мир.

Все с изумлением переглянулись, услышав это. И чтобы никто не подумал, что Аоз Рун ушел с Шей Тал, Ойра быстро продолжала:

— Да, он конечно же не стал одним из этих злобных призраков. Он жил слишком полной жизнью, чтобы после своего ухода превратиться в это исчадие зла. Несомненно, он жив и сейчас. Но где он находится все эти долгие недели?

Дол тоже расплакалась, взяла своего сына от матери и стала приговаривать над ним:

— Жив ли он еще? Где он? Он был таким хорошим отцом и мужем... Ты уверена, что его там внизу нет?

— Я же сказала, что нет. Лейнтал Эй, Датка, он все еще где-то здесь, в этом мире. Только Вутра знает, где он сейчас.

Рол Сакиль снова начала всхлипывать, раскачиваясь с ребенком на руках.

— Мы все будем там рано или поздно. Дол, следующей туда пойдет твоя мать, бедная старая мать. Обещай, что ты придешь навестить меня. А я обещаю, что ничем тебя не буду укорять. Я не буду ругать тебя за то, что ты связала жизнь с этим ужасным человеком, который стал проклятием для всех нас.

Пока Дол успокаивала мать, Лейнтал Эй пытался успокоить Ойру, но та неожиданно оттолкнула его, вскочила с постели, вытирая слезы и тяжело дыша.

— Не касайся меня. От меня все еще пахнет нижним миром. Мне нужно вымыться.

Все это время Датка стоял возле двери. Лицо его было каменным и не выражало ничего. Теперь он шагнул вперед.

— Успокойтесь, замолчите и попытайтесь подумать. Мы в опасности и теперь должны обратить эти сведения в нашу пользу. Если Аоз Рун жив, мы должны составить план действий до тех пор, пока он не вернется, если он вернется. Может, фагоры захватили его. Предупреждаю вас, что Фаралин Ферд и Тант Эйн замышляют заговор, чтобы захватить власть в Олдорандо. Во-первых, они вошли в союз с этим слизняком Райнилом Лайаном. — Глаза его скользнули по лицу Ври, затем он отвел взгляд. — Райнил Лайан уже заставил кузнецов печатать монеты. Когда эти трое будут владеть всеми деньгами и платить своим людям, они будут всемогущи. Они, конечно же, убьют Аоза Руна, когда он вернется.

— Откуда тебе это известно? — спросила Ври. — Ведь Фаралин Ферд и Тант Эйн долго были его друзьями.

Датка рассмеялся:

— Лед тверд, пока не начнет таять.

Он стоял, переводя взгляд с одного лица на другое, пока не остановился на лице Лейнтала Эя.

— Теперь нам нужно сделать вот что. Мы никому не скажем, что Аоз Рун еще жив. Никому. Пусть они лучше пребывают в неуверенности. Если они узнают, что Аоз Рун еще жив, они постараются опередить его, будут действовать немедленно. Они сразу же узурпируют власть.

— Я не думаю... — начал Лейнтал Эй, но Датка оборвал его жестом.

— Кто будет лучшим правителем, если Аоз Рун погиб? Ты, Лейнтал Эй. И ты, Ойра. Сын Лойланнун и дочь Аоза Руна. Этот ребенок Дол — серьезный контраргумент, который совет может выставить. Лейнтал Эй и Ойра, вы должны немедленно объединиться. Хватит болтать. Мы вызовем десять жрецов из Борлиена для церемонии. И вы объявите, что старый лорд умер и вы будете править вместо него. Вас примут люди.

— А Фаралин Ферд и Тант Эйн?

— Мы будем присматривать за ними, — угрюмо сказал Датка. — И за Райнилом Лайаном. У них нет такой поддержки, как у вас.

Все переглянулись. Затем заговорил Лейнтал Эй.

— Я не хочу брать власть, пока жив Аоз Рун. Я согласен, что надо хитрить, но не хочу участвовать в твоём плане.

Датка упер руки в бедра и усмехнулся:

— Ясно. Значит, тебе все равно, что помощники хотят стать во главе Олдорандо? Они ведь сразу убьют тебя. И меня.

— Я не верю этому.

— Верь, не верь, а они убьют тебя. И Ойру. И Дол. И ее ребенка. Может, и Ври. Осознай реальность жизни. Они жестокие люди, и будут действовать без промедления. Они будут действовать, пока ты будешь сидеть и ждать неизвестно чего.

— Лучше было бы, если бы вернулся мой отец, — сказала Ойра. — Времена смутные, и нам нужен сильный правитель.

Датка усмехнулся ее замечанию и только посмотрел, как на это отреагировал Лейнтал Эй.

Тяжелая тишина легла в комнате. Наконец ее нарушил Лейнтал Эй:

— Что бы ни предпринимали помощники, я не буду бороться за власть. Борьба приведет к разделению народа.

— Разделение? — спросил Датка. — Оно уже произошло. Вокруг хаос из-за этих чужеземцев. Ты идиот, если веришь этой болтовне Аоза Руна относительно единства.

Во все время спора Ври стояла возле стены, облокачившись о нее. Теперь и она вышла вперед.

— Вы совершаете ошибку, думая только о земных делах.

Указав на ребенка, она сказала:

— Когда родился Растил Рун, его отец исчез. Это было не так давно. Время двойного заката позади. И время последнего затмения тоже позади. Я должна предупредить вас, что близится новое затмение. Мы с Ойрой сделали расчеты...

Мать Дол испустила вой.

— Раньше с нами никогда такого не было. Что сделали мы, чтобы заслужить такое наказание? Ведь скоро все мы погибнем.

— Я не могу объяснить причину, *почему* все это происходит. Я знаю только, *как* это происходит, — сказала Ври, с участием посмотрев на старуху. — И если мы не ошиблись, предстоящее затмение будет самым длинным — Фреир скроется на пять с половиной часов, почти на весь день. Представьте, какая возникнет паника.

Рол и Дол завывали, но Датка прикрикнул на них.

— Тихо. Почему ты так считаешь, Ври?

Она взглянула на него оценивающе и затем ответила в выражениях, которых он, как Ври знала, не воспримет:

— Потому, что во Вселенной все происходит вовсе не случайно. Это строгий механизм. И потому любой может увидеть и понять его работу.

Такого революционного заявления в Олдорандо не слышали уже целые столетия. Но Датка воспринял это по-своему.

— Если ты так уверена, мы можем защититься жертвами.

Не желая спорить, Ври повернулась к остальным и сказала:

— Затмения не будут продолжаться вечно. Оно длится двадцать лет, и через одиннадцать лет становятся с каждым годом короче. А после двадцатого затмения прекращаются.

Хотя слова ее должны были вселить уверенность, они возымели обратное действие.

— Двадцать лет! Кто из нас будет еще жив?

— Откуда ты знаешь о будущем, Ври? Даже Шей Тал не знала этого, — тяжело сказал Лейнтал Эй.

Она хотела прикоснуться к нему, но это выглядело бы нелепо.

— Все дело в наблюдении, собирании фактов и их взаимосвязи, чтобы возникла цельная картина. Главное понять, что видишь. Фреир и Беталикс далеки от нас, хотя кажутся совсем близкими. И они далеки друг от друга. Каждый из них ходит по краю большого блюда. Блюда наклонены друг относительно друга. Когда наш мир, Беталикс и Фреир оказываются на одной линии — мы видим затмение. Понятно?

Датка зашагал по комнате. Он сказал:

— Послушай, Ври, я запрещаю тебе говорить такие вещи на людях. Народ убьет тебя. Вот к чему ведет твоя академия. Я не хочу больше слушать тебя.

Он угрюмо взглянул на нее. Ври была поражена его внезапной вспышкой. Датка, не сказав ни слова, вышел из комнаты, оставив после себя тишину. Гнетущую, угрюмую.

Прошло совсем немного времени, и с улицы послышался шум. Лейнтал Эй сразу бросился вниз, чтобы узнать, что случилось. Он решил, что это затеял его друг, но Датки не было видно. На земле валялся человек — по одежде чужеземец, — и просил помощи. Вокруг него собралась толпа, но никто не пытался помочь бедняге.

— Это чума, — сказал стоявший рядом с Лейнталом Эй. — Каждый, кто поможет ему, заболеет сам.

Вскоре появились два раба и унесли больного.

Таково было первое проявление костной лихорадки в Олдорандо.

Когда Лейнтал Эй вернулся в комнату Ойры, она уже мылась за занавеской. Дол протянула ребенка своей матери и сказала Лейнталу Эй:

— Послушай. Ты должен действовать. Собери людей и объясни все. Поговори с ними. Не слушай Датку.

— Да, ты должен сделать это, — крикнула Ойра. — Напомни всем, как Аоз Рун сплотил Олдорандо и каким верным помощником ты был. Не делай то, что предлагает Датка. Убеди всех, что Аоз Рун жив и скоро вернется.

— Правильно, — сказала Дол. — Напомни всем, как они боялись отца и как он построил мост. Они будут слушать тебя.

— Вы хотите все наши тревоги вынести на люди, — сказал Лейнтал Эй. — Но вы не правы. Аоза Руна нет слишком долго. Половина людей даже не знает его имени. Они чужеземцы, торговцы. Выйди на улицу и спроси первого встречного, кто такой Аоз Рун. Вряд ли кто ответит тебе. Вот почему вопрос о власти открыт. — Он твердо стоял перед ними.

Дол замахнулась на него.

— И ты осмеливаешься говорить это! Это ложь. Когда он вернется, он будет править как прежде. И пинками выгонит и Фаралина Ферда, и Танта Эйна. И эту змею Райни-ла Лайана тоже не забудет.

— Может да, а может и нет. Но дело в том, что Аоза Руна нет. Вспомни Шей Тал. Она ушла, и кто говорит о ней сейчас? Может, ты помнишь ее, Ври, но больше никто.

Ври покачала головой. Она спокойно сказала:

— Если ты хочешь правду, то я помню и Шей Тал и Аоза Руна. Я думаю, они делали нашу жизнь богаче, светлее. Я во многом обязана Шей Тал. Ведь я была всего лишь дочерью рабыни. И я последовала за Шей Тал как рабыня.

— Это правда, — проговорила старая Рол Сакиль, укачивая младенца. — Она была для тебя плохим примером. Сама она осталась старой девой, и ты идешь по ее пути. Тебе уже пятнадцать лет. Средний возраст. И еще ни один мужчина не познал тебя. Опомнись, пока не поздно.

— Мать права, — сказала Дол. — Ты видела, как Датка ушел отсюда. Он очень рассердился на тебя. Он очень любит тебя. Будь более покорной, как подобает женщине. Обними его, и он даст тебе все, что ты хочешь. Я думаю, что он жаждет тебя.

— Обхвати его ногами, а не руками, — засмеялась Рол Сакиль, — вот мой совет. Сейчас в Олдорандо очень много привлекательных женщин, не то, что раньше. А что продается на базаре?! Не удивительно, что все они хотят денег. Я знаю, что они с удовольствием продадут себя мужчине, лишь бы...

— Ну хватит! — вспыхнула Ври. — Я сама разберусь в своей жизни без ваших дурацких советов. Я уважаю Датку, но не могу сказать, что без ума от него. Переменим тему.

Лейнтал Эй ласково взял Ври за руку, а из-за занавески вышла Ойра. Волосы ее были заколоты пучком на голове. Она накинула на себя шкуру хоксни, которая теперь уже казалась старой и вышедшей из моды. Затем сбросила ее и надела длинное платье из зеленой шерсти.

— Мы уговариваем Ври поскорее взять себе мужчину, — сказал Лейнтал Эй.

— Наконец-то Датка сможет стать настоящим мужчиной.

Лейнтал Эй поморщился при этих словах. Повернувшись к Ври, он сказал:

— Объясни мне подробнее об этих затмениях. Я ничего не понял. Разве действительно Вселенная — машина?

Ври нахмурилась.

— Ты все это слышал не раз, но не слушал. Ты должен понять, что мир гораздо более сложен, чем ты думаешь. Я попытаюсь объяснить.

Представь себе, что октавы распространяются как вверх, так и под землю. Представь, что наш мир, который фагоры называют Хрл-Ихор, движется, следуя своей октаве. Эта октава ведет его вокруг Беталикса, и он облетает его снова и снова, каждый год — четыреста восемьдесят дней. Беталикс не движется. Это наш мир движется.

— Но куда же Беталикс исчезает каждый вечер?

— Беталикс неподвижен. Двигаемся мы.

Лейнтал Эй рассмеялся.

— А праздник Двойного Заката? Что же тогда движется?

— Мы. Беталикс и Фреир неподвижны. Если ты этого не понимаешь, дальше говорить бессмысленно.

— Мы все видим, как движутся наши светила, Ври. Каждый день мы это видим. Ну хорошо, пусть ты права. Что дальше?

Ври поколебалась, затем сказала:

— На самом деле Беталикс и Фреир тоже двигаются...

— Ну вот, сначала ты уверяла, что они неподвижны, теперь говоришь обратное. Хватит, Ври. Я поверю в твои затмения не раньше, чем они произойдут на самом деле.

Ври вскинула руки над головой в отчаянии:

— О, идиоты! Пусть падет Эмбруддок! Какая разница?! Вы не можете понять самых простых вещей.

И она вышла из комнаты, еще более разъяренная, чем Датка.

— Но есть много других простых вещей, которых она сама понять не может, — проговорила старуха, укачивая внука.

В старой комнате Ври ощущались изменения, происшедшие в Олдорандо. Старые вещи, которые Ври унаследовала от Шей Тал и, следовательно, от Лойланнун, исчезли. Она продала их на базаре. Возле окна висела звездная карта, которую Ври нарисовала сама. На карте были изображены пути двух солнц.

На одной из стен висела огромная карта, подаренная ей новым поклонником. Это была древняя карта, нарисованная цветными красками на холсте. Карта изображала весь мир, и Ври не переставала восхищаться ею. На карте были изображены материки, омываемые океанами. Мир покоился на первородном камне, который когда-то извергнул из себя этот мир. На карте можно было видеть Сиборнел, под ним Кампаннлат и Геспагорат. Кое-где виднелись острова. В центре мира был изображен единственный город — Оттаасаал.

Ври подумала, с какого расстояния нужно смотреть на мир, чтобы увидеть его таким. Она понимала, что и Беталикс и Фреир такие же круглые, как и этот мир, но они не имеют

поддержки со стороны первородного камня. Они отделены от него. Почему же ее мир нуждается в такой опоре?

В стенной нише стояла маленькая статуэтка, которую принес ей Датка. Ври рассеянно взяла ее в руки и положила на ладонь. Статуэтка была вырезана из камня и изображала мужчину и женщину в акте совокупления. Их поза была довольно необычной. Статуэтка была очень древней, и она представляла собой не просто физический акт, а полное слияние двух людей. — Это единство, — пробормотала Ври, держа статуэтку перед глазами.

Ври отчаянно хотела того, что изображала статуэтка. Но она также знала из опыта Шей Тал, что путь познания — это путь одиночества.

Интересно, статуэтка изображает реальных людей, которые жили в далеком прошлом? Сейчас это невозможно узнать.

В прошлом лежали ответы на многие вопросы, встающие перед будущим. Ври безнадежно посмотрела на астрономические часы, которые она пыталась сделать из дерева и которые сейчас лежали на ее столе. У нее ничего не получается не потому, что дерево неподходящий материал. Просто она еще не постигла принцип, царящий в мире, связывающий воедино три небесных тела.

И вдруг она почувствовала, что ухватила главное. Единство во Вселенной обусловлено тем, что все небесные тела созданы из одного материала, как эти любовники из камня. И таинственная сила, такая же мощная, как сексуальная страсть, связывает их воедино, диктует им движение по небу.

Она села за стол и начала перемещать по-новому стержни и кольца часов.

Она так увлеклась, что не слышала стука в дверь и опомнилась только тогда, когда в комнату проскользнул Райнил Лайан. Он бросил взгляд вокруг, чтобы убедиться, что в комнате больше никого нет.

Он увидел лицо Ври на фоне бледно-голубого прямоугольника окна. В руке она держала деревянный шар. Увидев Райнилу, Ври удивилась. Райнил Лайан прекрасно знал

людей и сразу заметил, что она ненадолго потеряла свою обычную уверенность в себе. Она нервно улыбнулась и натянула шкуру хоксни на округлости своей груди. Райнил Лайан плотно притворил дверь за собой.

В последние дни он приобрел большой авторитет, даже величие. Его борода была подвязана лентой, как делали чужеземцы, и он был одет в шелковые брюки. С недавних пор он стал оказывать внимание Ври и даже подарил ей древнюю карту мира. Он внимательно и подолгу выслушивал ее теории. Все это льстило ей. И хотя она не доверяла Райнилу Лайану, ей нравилось, что он проявляет интерес ко всем ее делам.

— Ты слишком много работаешь, Ври, — сказал он, поднимая палец. — Прогулки по воздуху вернут румянец на твое лицо.

— Ты знаешь, что с тех пор, как Амин Лим ушла с Шей Тал, у меня много работы в академии. И мне еще нужно делать свою работу.

Академия процветала как никогда раньше. У нее теперь было свое здание и несколько служащих. В академию для проведения занятий приглашались многие, кто посещал Олдорандо. И многие идеи, родившиеся в академии, были претворены в жизнь. Сам Райнил Лайан внимательно следил за деятельностью академии.

Его глаз не пропускал ничего. И сейчас, заметив каменную скульптуру на столе, он внимательно посмотрел на нее. Ври вспыхнула и отвернулась.

— Она очень старая.

— И все еще пользуется вниманием.

Она хихикнула.

— Тема популярная.

Он сел к столу, устроившись так, чтобы ноги их соприкоснулись.

Ври прикусила губу и опустила глаза. У нее нередко возникали эротические фантазии относительно этого чело века, хотя она его не любила — и сейчас они все нахлынули на нее.

Но Райнил Лайан, как это было присуще ему, изменил тактику. Он откашлялся после минутного молчания, убрал ногу и заговорил серьезно.

— Ври, среди тех пилигримов, которые прибыли из Панновала, есть один не так ослепленный религией, как остальные. Он делает очень точные часы из металла. Дерево не подходит для твоей цели. Позволь мне привести этого человека, и ты расскажешь ему, что тебе нужно сделать.

— Мне нужны не просто часы, Райнил Лайан, — сказала она, глядя на него и думая, могли бы они оказаться в таком же положении, как те двое на скульптуре.

— Я понимаю. Но ты все расскажешь этому мастеру. Я заплачу ему за работу. Скоро я займу высокий пост и буду обладать большой властью.

Она поднялась. Так внушительнее будет ее ответ.

— Я слышала, что ты собираешься править Олдорандо.

Его глаза сузились. Он смотрел на нее, наполовину сердясь, наполовину улыбаясь.

— Кто сказал тебе это?

— Ты же знаешь, как разносятся новости.

— Вероятно, опять Фаралин Ферд проболтался.

— Ты невысокого мнения о нем и о Танте Эйне.

Он пренебрежительно махнул рукой. Затем взял ее за руки.

— Я думаю только о тебе. У меня будет власть, и я, в отличие от этих идиотов и от Аоза Руна, буду укреплять ее с помощью знаний. Будь моей женщиной — и у тебя будет все, что ты пожелаешь. Ты будешь хорошо жить. Мы будем развивать науку. Мы откроем пирамиду, которую мой предшественник, Датнил Скар, никогда бы не решился открыть.

Она спрятала лицо в ладони, удивляясь тому, что ее хрупкое тело, тонкие руки могли привлечь внимание мужчины, возбудить в нем желание.

Вывавшись от него, Ври отошла в сторону. Руки, как две легкие птицы, пытались закрыть лицо, спрятать возбуждение, которое владело ею.

— Не искушай меня, не играй со мною.

— Тебя не нужно искушать, моя любовь.

Он открыл свой кошелек и вынул оттуда несколько монет. Он положил их на ладонь и протянул ей — человек, пытающийся пищей приручить дикое животное. Ври осторожно приблизилась, чтобы рассмотреть монеты.

— Это новые монеты, Ври, возьми их. Они преобразуют Олдорандо.

Три монеты представляли собой неровные круги. Печать была грубой и нечеткой. На маленькой бронзовой монете было написано: «пол-руна». На большой медной — «один рун» и на маленькой золотой — «пять рунов». В центре каждой монеты было выбито:

ОЛД
ОР АН
ДО

Ври возбужденно рассмеялась, рассматривая монеты. Они олицетворяли для нее новую жизнь, власть, знания.

— Руны! — воскликнула она. — Это богатство!

— Ключи к богатству.

Она положила монеты на стол.

— Сейчас я проверю твой ум, Райнил Лайан, — сказала она.

Он рассмеялся, но по лицу Ври понял, что она серьезна.

— Пусть пол-руна будет наш мир, Хрл-Ихор. Большой один рун — Беталикс, а маленькая золотая монета — Фре-ир... — Она пальцем заставила пол-руна описать круг вокруг однорунной монеты. — Вот так мы двигаемся во внешнем пространстве. Один круг в год. И за это время пол-руна вращается как мячик вокруг своей оси, четыреста восемьдесят раз. Видишь? Мы думаем, что движется один рун, а на самом деле вращается пол-руна. Но все же рун не неподвижен. Это вообще общий принцип во Вселенной — что все вокруг чего-нибудь вращается. Как жизнь ребенка вращается вокруг его матери. Как пол-руна

вращается вокруг руна, так же, я думаю, рун вращается вокруг пяти рунов.

— Ты так думаешь? Это догадка?

— Нет, это не догадка, а выводы из наблюдений. Это все становится очевидным, если умеешь правильно делать наблюдения. Представь, что где-то далеко снаружи, дальше, чем пять рунов, есть еще много других, выглядящих неподвижными звезд. И представь, что ты стоишь на пол-руна. Можешь это представить?

— Даже более, могу представить, как ты стоишь рядом со мной.

Ври подумала, что он все очень быстро схватывает, и голос ее дрогнул, когда она продолжила:

— Вот здесь мы стоим, и пол-руна расположена вот так относительно руна, и движется вот сюда... Видишь, почему нам кажется, что пять рунов движутся по отношению к далеким звездам?

— Только кажется?

— По отношению к нам — да. Это движение показывает, что Фреир гораздо ближе к нам, чем далекие звезды, и что движемся на самом деле мы, а не светила.

Райнил Лайан задумчиво смотрел на монеты.

— Но ты сказала, что две меньших двигаются вокруг пяти рунов?

— Ты знаешь, что мы виновны в раскрытии некоторых секретов. Твой предшественник нарушил закон и показал Шей Тал книгу своей гильдии. Из нее мы узнали, что сейчас, по календарю короля Денниса, 466-й год после какого-то Надира...

— Моя дорогая, мне гораздо легче, чем тебе, разгадать эту загадку. Мне известно, что по календарю Денниса даты отсчитываются от самого холодного и темного года.

— Именно это я и подозревала. Сейчас 466-й год после того, как Фреир перестал бледнеть. Беталикс же светит всегда одинаково ярко. Фреир же — почему-то нет. Раньше я думала, что его свет изменяется просто сам по себе, произвольно. Но теперь мне кажется, что ничего произвольного в

этом нет. Для этого есть какая-то причина; Вселенная подобна механизму. Фреир становится ярче, потому что он приближается — или мы к нему приближаемся... Но у меня для всего этого не хватает понятий.

Райнил Лайан задумчиво смотрел на стол, зажав бороду в кулак.

— Но чем теория приближения лучше, чем угасания-разгорания?

— Это хороший вопрос. Но если Беталикс не становится то ярче, то светлее, почему это должен делать Фреир? А потемнения, я думаю, происходят из-за того, что в какой-то момент пол-руна, руна и пять рун оказываются на одной линии. Тогда одно светило закрывает другое. — Она расположила монеты так, чтобы проиллюстрировать это.

— Но почему тогда это не происходит каждый год? Что-то в твоей теории неправильно. Это как хоксни, который пытается бегать на трех ногах.

«Он умен, — подумала она. — Умнее, чем Датка или Лейнтал Эй. А мне нравятся умные люди, пусть даже они не всегда честны и шепетильны в вопросах совести».

— Ох, это все потому, что я не совсем правильно показываю. Потому-то мне и нужен мастер, чтобы изготовить правильную модель. И тогда я смогу тебе все правильно показать.

Он улыбнулся и снова взял ее тонкую руку. Ври задрожала так же, как тогда, внутри брассимпса.

— Мастер будет у тебя прямо завтра, будет делать из золота все, что ты скажешь, если ты согласишься быть моей и позволишь мне всем сообщить это. Я хочу, чтобы ты была в моей постели...

— О, давай подождем... пожалуйста... пожалуйста... — Она, дрожа, упала в его объятия, и Райнил Лайан крепко обнял ее. Руки его жадно шарили по ее шуплому телу. Он хочет меня, подумала она. Голова ее кружилась. Он хочет меня так, как никогда бы не осмелился Датка. Он более зрелый, более умный. Он совсем не такой плохой, как говорят о нем. Шей Тал ошибалась относительно его. Она во

многом ошибалась. А кроме того, он сейчас имеет власть в Олдорандо, и я все равно стану его, если он захочет...

— Постель, — выдохнула она, срывая с него одежду, — быстрее, пока я не передумала. Я в смятении... Быстрее... Я уже готова...

— О, мои брюки... осторожнее, — однако он был доволен ее нетерпеливости, с которой она разорвала его прекрасные шелковые брюки и, опустившись на кровать, рукой помогла ему попасть в себя. Она застонала от наслаждения, а он рассмеялся от радости. Ври видела себя и Райнила Лайана, слившихся воедино и кружащих среди звезд в объятиях могучей силы Вселенной...

Больница была новой и еще не совсем достроенной. Она находилась на окраине города вблизи башни Праста. Сюда приносили чужеземцев, которые больными прибыли в город. Рядом располагалась лечебница для больных животных.

И больница и лечебница пользовались дурной репутацией, но здесь уже работала молодая женщина-аптекарь и пожилая женщина, известная под именем Ма Скантиом.

Раб провел Лейнтала Эй к ней. Это была высокая крупная женщина с большой грудью и ласковым лицом. Одна из ее родственниц была женой Нахкри. И она и Лейнтал Эй всегда были в хороших отношениях.

— У меня в изоляторе двое больных, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты посмотрел на них.

Она выбрала нужный ключ из связки, накинула на себя длинный белый халат.

Они прошли в изолятор, который находился на верхнем этаже башни.

Откуда-то снизу доносился шум реки Ворал, которая непрерывно несла свои воды... Куда?.. Зачем?.. Совсем не ради любви или жизни.

Верхний этаж башни был разделен перегородками на маленькие комнаты с зарешеченными дверями. Молча, Ма

Скантиом сняла заслонку с одной решетки и позволила Лейнталу Эй заглянуть туда.

В комнате было две кровати, и на каждой из них лежал человек. Оба были почти голые. Человек на кровати, ближней к двери, с густой гривой черных волос, лежал, выгнувшись и сцепив руки за головой. Пальцы его были ободраны о каменную стену и были покрыты кровью. Голова его была повернута под неестественным углом. Он заметил лицо Лейнтала Эй в окне и попытался зафиксировать на нем взгляд, но это ему не удалось. Голова его еще больше вывернулась в сторону. На шее вздулись жилы.

Второй пациент лежал возле окна. Руки его судорожно прижимались к груди. Он то скручивался в комочек, то выпрямлялся, выгибаясь так, что кости его трещали. Лейнтал Эй узнал в нем человека, подобранного на улице.

Оба человека были смертельно бледны, лица их блестели от пота. Они как будто сражались с невидимыми врагами, наседавшими на них. Лейнтал Эй опустил заслонку.

— Костная лихорадка, — сказал он. Он пытался в полутьме угадать выражение ее лица.

Она просто кивнула и стала спускаться. Лейнтал Эй проследовал за нею. Снова он услышал журчание потока.

Ты куда течешь, река, широка и глубока?

Ты несешь меня к любимой, иль уносишь на века?

Ма Скантиом сказала через плечо:

— Первый из них прибыл два дня назад. Я должна была сообщить тебе раньше. Оба голодают. Их не удастся уговорить даже выпить воды. Эта болезнь похожа на длительные мышечные спазмы. Это действовало на их разум.

— Они умрут?

— Выздоровливает только половина заболевших. Они теряют до трети своего веса, но восстанавливают его после выздоровления. Остальные сходят с ума и умирают. Вероятно, если болезнь проникает в мозг.

У Лейнтала Эй пересохло в горле. Вернувшись в комнату Ма Скантиом, он тщательно прополоскал горло дезинфицирующим раствором и высунулся в окно, чтобы прочистить легкие. Комната была выкрашена в белый цвет.

— Кто они? Торговцы?

— Оба пришли с востока. Путешествовали с различными группами мади. Один торговец, другой бард. У обоих были рабы-фагоры, которые сейчас в лечебнице. Ты знаешь, что костная лихорадка распространяется быстро и может стать настоящей эпидемией. Я хочу, чтобы этих пациентов убрали из больницы. Нужно найти для таких больных изолированное место за городом. Ведь это не последние больные.

— Ты говорила Фаралину Ферду об этом?

Она нахмурилась.

— Бесполезно. И он и Тант Эйн заявили, что больные должны быть тут. Затем они предложили убить их и бросить тела в реку.

— Посмотрим, что я смогу сделать. В пяти милях отсюда есть старая разрушенная башня. Может, она подойдет.

— Я знала, что ты поможешь. — Она положила ему руку на плечо. — Откуда-то проникает зараза. При хороших условиях она распространится, как пожар. Половина народа вымрет. Мы не умеем лечить эту болезнь. Я уверена, что переносчики фагоры. У нас два фагора присматривают за животными. Сегодня ночью я убью их и сожгу их тела. Я хочу, чтобы об этом знал кто-нибудь из обладающих властью. Поэтому говорю тебе. Я знаю, что ты будешь на моей стороне.

— Ты думаешь, что они будут распространять костную лихорадку?

— Не знаю. Но не хочу рисковать. Может быть, Вутра шлет нам эту болезнь.

Она поджала губы. На лице ее ясно читалось беспокойство.

— Закопайте их поглубже, чтобы собаки не смогли выкопать. Я посмотрю, на что пригодна разрушенная башня. Ты считаешь, что скоро будут и другие больные?

Не изменив выражения лица, она ответила:

— Никаких сомнений.

Когда он уходил, поток все еще выводил свою мирную песню, струясь где-то в глубинах под башней.

Лейнтал Эй не забывал о просьбе Ма Скантиом, хотя у него были другие планы на эти два часа после захода Фрейра.

Слова Датки, которые он произнес утром, когда Ойра вернулась из своего путешествия в мир мертвых, очень тревожили его. Он понимал, что и он, и Ойра были главными кандидатами на правление в Олдорандо. Он понимал, что это его неотъемлемое право. Но хочет ли он править Олдорандо?

Но слова Датки слегка изменили его мнение. Похоже на то, что он может завоевать Ойру только взяв власть в свои руки.

Именно об этом размышлял он, когда шел по делу Ма Скантиом, хотя это было общественное дело. Костная лихорадка теперь стала реальностью, и эта реальность оказалась более страшной, чем легенды об этой болезни. Люди умирали. Остальных охватывал ужас.

Поэтому он работал без жалоб, помогая Гойя Хину. Они привели рабов в изолятор, и те завернули своих больных хозяев в циновки и понесли из больницы. Невинные циновки не могли вызвать любопытство и послужить причиной паники.

Маленькая группа вышла из города и направилась к разрушенной башне. С ними вместе шел и старый раб Мик, чтобы подменять фагоров, которые несли рабов. Это должно было увеличить скорость передвижения, однако Мик был настолько стар, что процессия пошла еще медленнее.

Гойя Хин, тоже очень старый, сгорбленный, с седыми волосами, спадающими на плечи, яростно хлестал Мика. Но ни кнут, ни ругань не могли заставить его идти быстрее.

Он шел вперед, спотыкаясь, еле волоча ноги, но без стонов и жалоб.

«У меня есть серьезный недостаток: я никогда не хотел бить кого-либо, и не бывал битым», — подумал Лейнтал Эй. Другие мысли всплыли в его мозгу, как туман тихим утром. Он ощущал, что ему кое-чего недостает, чтобы быть правителем. Но он и не хотел иметь эти качества. Он был доволен тем, что у него есть.

Не слишком ли доволен? Ему было достаточно знать, что Ойра любит его. Ему было достаточно того, что Аоз Рун когда-то заменил ему отца. Ему было достаточно, что климат изменился сам собой. Его вполне устраивало, что Вутра заставлял светила двигаться по небу.

А теперь светила стали скрываться. Аоз Рун исчез. Да еще и Ойра вдруг сказала, что Датка стал мужчиной — намекая, что он так и не стал?

В нем было слишком много от деда, Малого Юлия. И слишком мало от Юлия-Жреца. И впервые он вспомнил о том, как его дед был околдован Лойл Бри и как хорошо им было вместе в маленькой комнате. Тогда было другое время. Все тогда было проще. Тогда все они довольствовались малым.

Он не хотел умирать сейчас. Он не хотел, чтобы его убили помощники, если бы они заподозрили его в том, что он вошел в заговор с Даткой. Он не хотел умирать от костной лихорадки, заразившись от этих двоих, которых они сейчас несли из города. Оставалось еще три мили до старой башни.

Он остановился. Фагоры и Гойя Хин тоже остановились. Хватит! Хватит делать то, что просят от него другие. Хватит глупой покорности!

Он прикрикнул на фагоров. Те стояли там, где остановились, не двигаясь. Завернутые в циновки люди ворочались.

Все они стояли на узкой тропе среди густых кустов. Несколько дней назад здесь на ребенка напал сабр-тонг. Хищники теперь, когда хоксни стало совсем мало, приблизились к поселениям людей. Поэтому жители города редко

показывались в этих местах. Лейнтал Эй приказал фагорам тащить больных в кусты и там положить их на землю. Монстры сделали это без излишней осторожности, почти бросив их на землю.

Губы у больных стали совсем синими. Их скручивала невидимая сила так, что кости у них трещали. Они не могли сопротивляться этой безжалостной силе, и только глаза их бешено вращались в глазницах.

— Вы знаете, что с ними? — спросил Лейнтал Эй.

Гойя Хин кивнул и дьявольски ухмыльнулся, демонстрируя свое пренебрежение к этим людям.

— Они больны, — сказал он.

Лейнтал Эй помнил ту болезнь, которой когда-то заразился от фагоров.

— Убей их. Пусть фагоры побыстрее выкопают могилу.

— Понял, — надсмотрщик тяжелыми шагами пошел вперед.

Лейнтал Эй прислонился спиной к толстому стволу и смотрел, как происходит то, что должно произойти. Он чувствовал, что не может не смотреть. Гойя Хин вытащил меч и вонзил его по очереди в сердца двух больных. Фагоры быстро выкопали яму. Мик помогал им, хотя работал очень медленно.

У всех фагоров на ногах были цепи. Они столкнули мертвых людей в яму и присыпали их тела землей. Затем они встали, ожидая дальнейших указаний. Лейнтал Эй приказал им выкопать еще одну яму. Они немедленно принялись за работу. После Гойя Хин вонзил меч под ребра двух фагоров и вытер меч об их шкуру, чтобы очистить его от желтоватой слизи.

Мик столкнул их в яму и засыпал землей.

Затем он встал, выпрямился и посмотрел на Лейнтала Эй.

— Не убивай Мика, хозяин. Сними с меня оковы и отпусти на волю умирать.

— Что? Отпустить тебя, старый пес? — закричал Гойя Хин, подняв меч.

Лейнтал Эй остановил его. Он не сводил глаз со старого раба. Фагор возил его когда-то на себе. И сейчас он даже не напоминал об этом Лейнталу Эй. Он не просил о милости, снисхождения. Он стоял молча, неподвижно, ожидая удара судьбы.

— Сколько тебе лет, Мик? — спросил он. Опять сантименты. *Неужели ты не можешь отдать приказ убить его? Ведь это необходимо.*

— Я пленник и не считал лет, — ответил фагор. — Когда-то мы правили Эмбруддоком, и вы, Сыны Фрейра, были нашими рабами. Спроси Шей Тал, она знает.

— Она говорила мне. И вы убивали нас, как мы убиваем вас.

Красные глаза моргнули.

— Мы поступили глупо, оставив вас живыми. Но теперь, Сыны Фрейра, вы все умрете. Отпустите меня, дайте мне умереть на воле.

Лейнтал Эй махнул рукой, показав на вырытую яму.

— Убей его, — приказал он Гойя Хину.

Мик не сопротивлялся. Гойя Хин столкнул тело в яму и ногой спихнул туда комья земли. Затем посмотрел с беспокойством на Лейнтала Эй, нервно облизывая губы.

— Я знал тебя, когда ты был еще ребенком. Я всегда хорошо относился к тебе и всегда говорил, что ты должен быть лордом Эмбруддока. Спроси кого хочешь.

Он даже не делал попыток защититься. Напротив, он выронил меч и упал на колени, опустив голову и всхлипывая.

— Возможно, Мик прав, — сказал Лейнтал Эй. — На нас обрушилась страшная болезнь. Возможно, мы уже опоздали. — Отвернувшись от Гойя Хина, он пошел обратно в город, ругая себя за то, что сам не нанес смертельного удара.

Было уже поздно, когда он вошел в свою комнату. Он угрюмо посмотрел по сторонам. Косые лучи Фрейра освещали все углы, и вещи отбрасывали длинные тени.

Он вымыл лицо и руки над тазом, поеживаясь от холодной воды, текущей по его лбу, щекам и капающей с подбородка. Лейнтал Эй еще раз ополоснул лицо, чувствуя,

как тепло покидает его, но гнев на самого себя остается. Вытирая руки, он с удовлетворением заметил, что они перестали дрожать.

Лейнтал Эй прошелся по комнате, собирая вещи, которые ему могут понадобиться. Причем он не отдавал себе отчет, что собирается делать.

Послышался стук в дверь. Заглянула Ойра. Как будто ощутив напряжение в комнате, она задержалась на пороге.

— Лейнтал Эй, где ты был? Я ждала тебя.

— Мне нужно было кое-что сделать.

Она все еще стояла возле двери, держась за дверную ручку. Лейнтал Эй стоял спиной к окну, и девушка не могла видеть выражения его лица, но почувствовала холод в его словах.

— Что-нибудь случилось?

Он сунул в мешок старое одеяло.

— Я ухожу из Олдорандо.

— Уходишь? Но куда?

— О... я иду искать Аоза Руна, — голос его звучал горько. — Меня все здесь перестало интересовать.

— Не будь глупцом, — она сделала к нему шаг, думая, какой он большой в этой комнате с низким потолком. — Где ты будешь искать его?

Он повернулся к ней, закинув мешок за спину.

— Неужели искать его в реальном мире более глупо, чем искать его в мире призраков, как это сделала ты? Ты всегда говорила мне, что я должен сделать нечто великое. Ничто не удовлетворило тебя... Ну что же, теперь я ухожу, чтобы сделать это или умереть.

Она слабо улыбнулась.

— Я не хочу, чтобы ты уходил. Я хочу...

— Я знаю, что ты хочешь. Ты думаешь, что Датка мужчина, а я нет. Черт с ним. С меня хватит. Я ухожу. Попробуй свое счастье с Даткой.

— Я люблю тебя, Лейнтал Эй. Ты сейчас поступаешь, как Аоз Рун.

Он резко повернулся.

— Не нужно сравнивать меня с кем-то. Может, я и не такой умный, но ты всегда знаешь, куда ударить, чтобы сделать больно. Я тоже люблю тебя, но ухожу...

Она вскрикнула:

— Ну почему ты такой жестокий!

— Я долго жил среди жестоких. Не задавай глупых вопросов.

Он обнял ее, притянул к себе и впился губами в ее губы так, что зубы их встретились. По телу Ойры прошла сладострастная дрожь.

— Может, я и вернусь, — сказал Лейнтал Эй. Он рассмеялся, сам поняв глупость сказанного. Бросив на нее прощальный взгляд, он вышел, оставив ее в пустой комнате. Золотой свет Фрейра превратился в пепел. В комнате становилось темно.

— О, идиот, — простонала она. — Будь ты проклят... и будь проклята я.

Вскоре она пришла в себя, подбежала к двери, распахнула ее и стала звать Лейнтала Эй. Он был уже внизу и не отозвался. Она побежала за ним, догнала, схватила за рукав.

— Лейнтал Эй, ты идиот, куда ты идешь?

— Я иду седлать Золото.

Он сказал это с такой злостью, что она осталась на месте. И затем ей пришлось в голову, что обо всем нужно немедленно сказать Датке. Датка наверняка знает, как обуздать своего сумасшедшего друга.

С недавних пор Датка стал неуловим. Иногда он ночевал в недостроенной башне, иногда у друзей, иногда в одном из вновь выстроенных домов. Ойра сделала единственное, что смогла — побежала в башню Шей Тал, где жила Ври. К счастью, Датка оказался там. Он ссорился с Ври. Щека Ври горела, как будто она только что получила пощечину. Датка был бледен от гнева. Однако Ойра бросилась к ним и рассказала все. Датка сразу же забыл о своих неприятностях.

— Мы не можем позволить ему уйти именно сейчас. Если он уйдет, все рухнет.

Бросив злой взгляд на Ври, он выбежал из комнаты.

До конюшни он бежал, не останавливаясь, и успел заставить там Лейнтала Эй, выводящего Золото. Они встали друг против друга.

— Ты сошел с ума, друг. Приди в себя. Никто не хочет, чтобы ты ушел. Вспомни о своих интересах.

— Мне надоело делать то, что хотят от меня другие. Ты хочешь, чтобы я остался только потому, что играю определенную роль в твоём плане.

— Ты нужен нам, чтобы Тант Эйн, Фаралин Ферд и этот слизняк Райнил Лайан не захватили власть. — Лицо Датки было угрюмым.

— Не уговаривай меня. Я еду искать Аоза Руна.

Датка фыркнул.

— Ты сумасшедший. Кто знает, где он?

— Я уверен, что он уехал в Сиборнел с Шей Тал.

— Идиот! Забудь Аоза Руна. Его звезда закатилась. Он стар. Теперь наше время. Ты покидаешь Олдорандо, потому что боишься? Ну что же, у меня еще остались друзья, которые не предали меня. И один из них в больнице.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю все. Ты уезжаешь, потому что боишься болезни.

Впоследствии Лейнтал Эй много раз повторял про себя, вспоминая, те обидные слова, которыми обменялись они с Даткой. Но тогда он действовал, повинуюсь рефлексам. Он ударил Датку — своего друга — изо всех сил. Кулак правой руки угодил прямо в переносицу, и Лейнтал Эй услышал, как хрустнула кость.

Датка упал, закрыв лицо руками. Между пальцами текла кровь, расплываясь алым пятном по земле. Лейнтал Эй вскочил в седло, пришпорил Золото и поехал прямо сквозь толпу. Возбужденные люди собрались вокруг лежащего Датки, который отчаянно ругался, сплевывая кровь.

Гнев все еще кипел в Лейнтале Эй, когда он выехал из города. При нем было очень мало вещей. В нынешнем состоянии духа он был рад, что взял с собою только меч и одеяло.

В кармане он нащупал что-то и вытащил странную вещь. В полумраке он взгляделся в нее и узнал игрушку своего детства — это была вырезанная из кости собака, которая открывала пасть, когда хвост ее двигался вверх и вниз. Он не брал в руки эту собаку с того дня, как умер его дед.

Лейнтал Эй забросил игрушку в кусты.

Глава XIV СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Люди боялись укуса фагора, но укус вши фагора был более ужасным.

Укус вши совершенно не доставляет беспокойства фагору, да и человеку. Она прокусывает кожу совершенно безболезненно и высасывает кровь незаметно, так как это необходимо для продления рода.

У вши сложные половые органы и совершенно отсутствует голова. Она при укусе прокалывает кожу и впрыскивает в кровь сильное обезболивающее вещество. При этом насекомое впивается в кожу, комфортабельно устраиваясь на жертве.

В теле вши нашел надежное убежище вирус геллико. Отсюда он начинает свое триумфально-смертельное шествие по планете, дождавшись благоприятных условий. Такие условия для вируса возникают только дважды в большой гелликонианский год.

Целая цепь неотвратимых событий определяла судьбу человечества. Вутра, с философской точки зрения, был вирусом геллико.

Повинуясь внешнему сигналу, вирус устремляется из тела вши в кровь человека, которого кусает вошь. Как бы следуя своим октавам, вирус находит путь в человеческий мозг, в гипоталамус, и там он вызывает мучительное жжение и нередко смерть.

В гипоталамусе, этом центре гнева и вожделения, вирус воспроизводит себя в многочисленных копиях, с яростью, сопоставимой с бурями Никтрихка.

Жуткие мучения, которые испытывают жертвы, большей частью остаются неописанными, так как и жертвы, и свидетели в большинстве случаев погибают.

В результате же действия вируса заболевший человек превращается в иное существо, с другими свойствами, с другой генетической структурой клеток, подобно тому, как изменяется город, захваченный во время войны.

Все эти факты были установлены в результате терпеливого наблюдения и осторожной дедукции. Ученые Аверна были хорошими наблюдателями, имеющими прекрасную аппаратуру. Чтобы получить исчерпывающие данные, им не обязательно было спускаться на поверхность планеты.

Однако их вынужденное заключение на Аверне давило на них не только чисто психологически. Они понимали, что не имеют возможности непосредственно проверить свои гипотезы.

Их понимание природы так называемой костной лихорадки с некоторых пор стало предметом горячих споров. Новые знания и наблюдения породили новые гипотезы. Семья Пин обратила внимание, что во времена затмений, перед вторжением вируса, происходит ряд изменений в составе пищи людей. Ратель выходит из моды. Брассимпсы, богатые витаминами и целые столетия спасавшие людей от смерти, выходят из рациона. Не служит ли такое изменение питания причиной ослабления сопротивляемости людей вирусу? Дебаты разгорались все жарче, и некоторые горячие головы уже высказывались за то, чтобы совершить незаконную экспедицию на планету, несмотря на опасность.

Не все заболевшие костной лихорадкой погибали. К тому же, проявляла она себя по-разному, иногда принимая

легкую форму. Одни люди в страхе бежали от нее, другие меланхолично продолжали жить прежней жизнью, ожидая удара судьбы — ибо бежать было все равно бесполезно, заболели практически все. Из заболевших выживала примерно половина. Но из умерших только немногие получали свою могилу. Остальных убивали сами соплеменники, соседи, оставляя трупы стервятникам, целые тучи которых парили над селениями, ожидая следующей жертвы. Некоторые люди, боясь смерти, покидали селения, но лихорадка настигала их и в дороге.

Выжившие от болезни теряли треть своего веса и впоследствии они так и не восстанавливали нормальный вес — впрочем, понятие «нормальный» здесь было относительным. Не восстанавливали вес ни они, ни их дети, ни дети их детей. Эта структура передавалась в следующее поколение. Сама лихорадка служила для срабатывания эктоморфизма населения Гелликонии — для переключения биологического вида в разновидность, адаптированную для жаркого периода.

Такое положение сохранялось в продолжение всего лета Великого Года. А затем приходило «смертоносное ожирение».

Как бы в качестве компенсации за эти экстремальные сезонные диморфические изменения, оба пола на Гелликонии были примерно одинаковы по росту и весу. Их вес составлял приблизительно 12 стейнов в старых олдорандских мерах веса. Выжившие от костной лихорадки снижали свой вес до 8 стейнов. Следующие поколения приспособливали свой скелет к новому весу — и так было до тех пор, пока жуткое «смертносное ожирение» не вызывало противоположные драматические изменения.

Аоз Рун был одним из тех, кто пережил первый цикл этой трагедии. После него многие тысячи были обречены на страдания и смерть. Некоторые, жившие в отдаленных уголках планеты, не испытали этого удара, но их потомкам было суждено жить в изменившемся мире, и у них было мало шансов продолжить свой род. Две страшные болезни, возбуждае-

мые вирусом, на самом деле были одной болезнью, и эта болезнь, эта царица смерти, была в своем роде и спасителем. Она несла на своем окровавленном мече средство для выживания человечества в необычных условиях жизни на планете.

Дважды в две с половиной тысячи земных лет геллико-нианцам приходилось пролезать в игольное ушко, куда загоняла их вошь фагоров. Это была цена их выживания, их дальнейшего развития. Из смерти, из явной дисгармонии, из предсмертных хрипов и воплей рождалась чистая нота уверенности в том, что все происходит так, как надо, что все происходящее — к лучшему.

Но только те, кто смог сохранить веру, слышали эту ноту и верили ей.

Когда замер скрип костей, погрузившись в мягкую глубину странной музыки, жгучие пустыни боли оросились блаженной влагой. Это было первое, что ощутил Аоз Рун. Все, что предстало его глазам, когда к нему вернулась способность видеть, это скопление странных округлых предметов с размытыми очертаниями и неопределенными цветами. Для него они не имели смысла, да он и не искал смысла. Он просто лежал там же, где и был, с открытым ртом, неестественно прогнувшейся спиной, закатившимися глазами. Он ждал, пока сможет сфокусировать свой взгляд.

Живительная влага помогла ему обрести сознание. Хотя он еще не мог управлять своим телом, но ощутил, что руки ему пока не повинуются. Редкие мысли посещали его. Он видел бегущих оленей, себя, бегущего за ними, смеющихся женщин, солнце, виднеющееся сквозь кроны высоких деревьев. Мышцы его сводило судорогами, как у старого пса, лежащего возле костра и видящего сны.

Округлые предметы постепенно превратились в валуны. Он лежал между ними, как будто сам являлся частью неорганического мира. Он лежал с руками, закинутыми за голову.

Преодолевая боль, Аоз Рун двинул своими конечностями. Вскоре он смог сесть, упершись руками в колени, и

посмотрел на реку. Странное удовольствие ощутил он, слушая звуки жизни. Затем пополз на животе к берегу реки. С непонятным удовлетворением Аоз Рун смотрел на безмятежно несущуюся воду. Пришла ночь. Он лежал, уткнувшись лицом в гальку.

Пришло утро. Свет двух солнц согрел его. Он встал, держась за жиденький ствол ближайшего дерева.

Затем он повернул голову, удивляясь тому, что ему удалось совершить это несложное движение. В нескольких ярдах от него, отделенный узким потоком, стоял фагор и смотрел на него.

— Значит, ты все еще жив, — сказал он.

Через долгие годы, теперь затерянные в древности, во многих странах Гелликонии сохранился обычай убивать вождя племени, когда у него появляются первые признаки дряхлости. Способ убийства был разным для разных племен. Хотя короли и вожди были посланы на землю богом Акха, жизнь их была ограничена. Как только у правителя появлялись седые волосы, или он лишался сил и не мог отрубить голову человека одним ударом, или не мог удовлетворить сексуальные желания своих жен, его душили, подавали чашу с отравленным вином или убивали каким-нибудь другим способом, принятым в этом племени.

Аналогично этому убивали и тех членов племени, которые заболели смертельной болезнью. В те давние времена милосердие было неизвестно людям. Как правило, заболевшие подвергались целительной силе огня. Причем в костер вместе с больным шла и вся его семья. Однако даже такое свирепое лечение не спасало от эпидемий, и все чаще разгорались костры, все громче звучали предсмертные крики несчастных.

И несмотря на все это, человечество медленно, но неуклонно продвигалось к цивилизации, без которой люди не смогли бы жить вместе и на земле царила бы разрушительная анархия. Теперь уже появились больницы, доктора, жрецы. И все они должны были облегчать страдания больных, но не излечивать болезни полностью.

Аоз Руна выздоровел без этой помощи. Возможно, его сильный организм преодолел болезнь. Не обращая внимания на фагора, он подошел к воде, вошел в нее по колени, наклонился, зачерпнул воды в пригоршню и стал пить.

Струйка воды, пробежавшая между его пальцев, потекла по бороде и с легким звоном снова вернулась в бегущий поток. С Аверна заметили даже эти маленькие капли. Миллионы глаз наблюдали за этим. Наблюдательные мониторы Станции Наблюдения замечали все и передавали это на Землю. Миллионы людей наблюдали за каждым жестом лорда Эмбруддока, едва дышащего от изнеможения, на маленьком острове.

Приемная станция Гелликониианского Института располагалась на Хароне, луне Плутона, на самой окраине солнечной системы. Все события на Гелликонии затем обрабатывались и передавались в виде продолжительной саги всем людям Земли и на другие планеты солнечной системы. Огромные экраны стояли на больших площадях, способных вместить громадное количество зрителей. Временами эти аудитории были пусты, но когда в жизни планеты намечались большие события, в аудиторию стекались люди, как пилигримы. Гелликония была самым любимым зрелищем на Земле. Любой на Земле, от ее правителей до самых низших сословий, был знаком со всеми аспектами жизни на отдаленной планете. Имена Аоза Руна, Шей Тал, Ври, Лейнтала Эй были у всех на устах. С тех пор, как умерли земные боги, другие фигуры заняли их места.

Люди принимали Аоза Руна как своего современника, пусть и живущего в другом мире. Люди заполняли аудитории, шаркая обутыми в сандалии ногами. Слухи о страшной болезни, о затмениях распространялись по Земле, как они расползались вокруг Олдорандо.

Люди, наблюдавшие за Гелликонией на экранах больших телевизоров, забывали о том, что эта планета находится от них страшно далеко. И даже восемь семей уче-

ных на Аверне были полностью отрезаны от планеты, которую они изучали. Как были отрезаны и от родной Земли. Ведь они передавали сигналы на Землю в то время, когда эти аудитории еще даже не были построены, а нынешние зрители еще не родились. Сигналы долетали до Земли только через тысячу лет, а за это время менялась не только Гелликония.

И те, кто сейчас, затаив дыхание, смотрели на огромного Аоза Руна, пьющего воду, смотрели, как с его бороды стекают капли и падают в реку, даже не задумывались о том, что смотрят на человека, находящегося от них в тысяче лет времени и в тысячу световых лет расстояния.

Все, что они сейчас наблюдали, это было технологическое чудо, физическая конструкция. И только метафизики могли сказать, что существует в данный момент: Аоз Рун или те, кто смотрит на него. И все же не требовалось большого ума, чтобы сделать вывод о том, что макрокосмос и микрокосмос взаимосвязаны, объединены такими, например, явлениями, как вирус геллико. Такие явления объединяют макрокосмос и микрокосмос в одно целое, заставляя их проникать сквозь игольное ушко выживаемости. Понимание шкалы малого и великого может помочь разумным существам ощутить бесконечный порядок в бесконечной Вселенной.

Люди смотрели, и срабатывало их воображение, для них вирус геллико, несущий смерть людям на далекой планете, выполнял функцию поддержания воображения.

Два йелка неслись вперед, вытянув шеи почти горизонтально. Ноздри их раздувались, бока были покрыты пеной.

Их всадники были в высоких сапогах с завернутыми голенищами и длинных плащах из серой материи. Лица их были суровыми и серыми, окаймленные небольшими бородками. Каждый признал бы в них сиборнельцев.

Каменистая тропа, по которой они ехали, находилась в тени горного хребта. Стук копыт йелков гулко разносился по пустынной равнине.

Это были разведчики войска воина-жреца Фестибариатида. Они наслаждались скачкой, вдыхая свежий воздух, изредка обмениваясь замечаниями и зорко следя, нет ли поблизости врагов.

А за ними шли пешие сиборнельцы, ведя с собой группу пленных протогностиков.

Толпа привела их к реке, на другом берегу которой виднелась горная страна. Остроконечные утесы громоздились тут и там, на их склонах виднелись скрюченные низкорослые деревья. Это была граница страны, которой правил Фестибариатид.

Разведчики нашли брод и переправились через реку. Йелки здесь пошли осторожно, выбирая путь среди острых камней. Это были животные северных долин, и им не нравились горы. Это были предки тех животных, которых привели с собой переселенцы с севера. Именно поэтому северные животные находились так далеко на юге.

В арьергарде пешего отряда сиборнельцев шли пленные мади, среди которых находились и Каткаарнит-он и Каткаарнит-она. Оба они все еще чесались, хотя находились в плену несколько недель.

Подбадриваемые уколom копий, они перешли через реку и пошли по каменной тропе среди гор в селение, которое называлось Новый Аскитош, основанное Фестибариатидом.

Именно сюда, в это опасное место через несколько недель пришел и Лейнтал Эй. Но это был уже Лейнтал Эй, которого с трудом могли бы узнать даже его ближайшие друзья. Он потерял треть своего веса, кожа его посерела, в глазах было странное выражение. Он походил на ходячий скелет. Из-за изменения веса он и двигался теперь по-другому. Лейнтал Эй пережил костную лихорадку.

Покинув Олдорандо, он пошел на северо-восток, в направлении, куда ушла Шей Тал со своим кортежем. Он заблудился и потерял тропу. Страна, которую он знал с детских лет как снежную страну, белое безмолвие, теперь утопала в зелени.

То, что когда-то было пустыней, теперь было полно опасности. Он двигался вперед, скрываясь от всех и опасаясь всех — людей, полулюдей, фагоров, зверей. За каждым поворотом его мог ожидать враг, отовсюду за ним следили глаза врага, уши врага прислушивались к каждому его шагу.

Золото очень нервничал в лесу. Хоксни были животными открытых равнин. Он стал упрямым, и Лейнталу Эй пришлось спешиться и с ворчанием вести его за собою.

Наконец он выбрался к каменной башне, стоящей среди непроходимого леса. Он привязал Золото к дереву. Вокруг все было спокойно. Лейнтал Эй вошел в башню. Он чувствовал себя бесконечно усталым. Наконец, собравшись с силами, он поднялся на вершину башни — и тут он узнал окрестности. Он уже бывал здесь в своих одиноких скитаниях.

Он спустился с башни, вышел наружу. Чувствуя утомление, опустился на землю, потянулся и тут же понял, что не может опустить руки. Костная лихорадка нанесла свой удар внезапно, и Лейнтал Эй изогнулся так, будто хотел сломать себе спину.

Из кустов вышли маленькие темные мужчины и женщины. Они смотрели на него, понемногу приближаясь. Это были протогностики племени нондаг, волосатые существа, ростом до пояса Лейнтала Эй. На руках у них было по восемь пальцев, их было почти не видно из-за густой шерсти, покрывающей руки. Лица их напоминали морды асокинов. Видимо они находились в каком-то родстве с мади.

Их язык был смесью фыркья, свиста, прищелкивания и совершенно не похож на олонецкий, хотя несомненно в нем ощущалось его влияние. Они посовещались между собою и наконец решили взять с собой Сына Фрейра, так как его личные октавы были хорошими.

За башней возвышалась линия раджабаралов. Их толстые стволы были укрыты густыми зарослями. Возле основания одного из деревьев нондаги спустились под землю, волоча с собою Лейнтала Эй. Они фыркали, выражая свое недовольство тем, что человек оказался так тяжел. Золото тоже фыркал, видя, что его хозяин исчезает под землей.

Среди корней огромного дерева было жилище нондагов. Это место называлось Восемьдесят Мраков. Спали протогностики в гамаках, сплетенных из длинных нитей. Эти сетки предохранили их от rodents, которые тоже жили под землей.

Жизнь их была полностью регламентирована старыми обычаями. По обычаю с самого рождения выбирались короли, которым было суждено править, и воины, призванные защищать королей. Воины воспитывались в жестокости, и в Восемидесяти Мраках под землей нередко разыгрывались битвы и погибали слабейшие. Но короли служили символом любви и дружбы для остального племени. Они как бы сглаживали, смягчали жестокость. Они были хранителями жизни и, следовательно, должны были попытаться сохранить жизнь Лейнталу Эй. Поэтому его и притащили сюда, хотя он уже был при последнем издыхании.

Одна из женщин стала для Лейнтала Эй сноктруиксом. Она лежала рядом с ним, ласкала его, гладила, отгоняла от него болезнь. Теперь Лейнтала Эй терзали видения, маленькие, как мыши, большие, как горы. И когда он пришел в себя, то в темноте обнаружил рядом с собой незнакомое существо, близкое, как жизнь. Это существо делало все, чтобы спасти его, вернуть ему жизнь. Чувствуя себя призраком, он стал привыкать к новому образу жизни, в которой и ад и рай слились для него в одно целое.

Насколько он смог понять, сноктруикс означало и целитель, и врачеватель души, и тот, кто отгоняет злых духов.

Он лежал в темноте, скрюченный в объятиях болезни, и его естество покидало его тело с потом. Вирус сражался изо всех сил, стараясь протолкнуть юношу сквозь ужасный глаз Шивы. Лейнтал Эй превратился в долину перекрученных нервов, на которой сражались полчища боли. И все же таинственная сноктруикс была здесь, рядом, и Лейнтал Эй не чувствовал себя одиноким. Она дарила ему исцеление.

Со временем армии боли отступили. Он уже стал слышать голоса в темноте и понимать, что произошло с ним. В странном языке нондагов не было слов, означающих пищу,

воду, любовь, голод, холод, тепло, ненависть, надежду, отчаяние, боль. Члены племени, не занятые битвами, проводили долгие часы в беседах об Окончательном Совершенстве. Обыденная жизнь их не могла быть описана словами, потому что она была обыденная. Имело смысл говорить только о том, что важно — об Окончательном Совершенстве.

Лейнтал Эй, несмотря на все усилия, так и не смог постичь их язык до такой степени, чтобы понять суть их бесед об Окончательном Совершенстве. Но все же главную мысль он ухватил: многие поколения спорили о том, должен ли каждый растворить свое существо внутри великого бога темноты Витрама, или же нужно перейти в какое-либо другое состояние.

Диспуты о том, каким должно быть другое состояние, были бесконечными, они не прекращались даже за едой. О том, что они съели Золото, Лейнтал Эй так и не узнал. У него аппетита не было. Рассуждения о другом состоянии протекали сквозь него как вода.

Это другое состояние приравнивалось ко многим, часто неприятным, понятиям, например, свет, битва и тому подобное. Это было проявлением индивидуальности. Индивидуальность противостояла воле Витрама. Но каким-то образом в результате этих споров, переплетающихся между собою, как переплетаются корни раджабаралов в земле, оказывалось, что даже противостояние воле Витрама означает покорность его воле.

Все это было для Лейнтала Эй смутным и непонятным, особенно когда в его объятиях лежала маленькая волосатая сноктруикс.

Она умерла не первой. Нондаги умирали спокойно, без жалоб уходя в вечную тьму, растворяясь в ней. Лейнтал Эй даже не сразу заметил их уход. Он только обратил внимание, что все меньше голосов участвовали в спорах. А затем и сноктруикс застыла в неподвижности. Лейнтал Эй стиснул ее в объятиях, сам удивляясь тому, что способен испытывать к ней такую привязанность. Нахкри-нондаги по обычаю не сопротивлялись болезни, которую Лейнтал Эй

принес с собой под землю. Болезни и выздоровления не были в обычаях у них.

Сноктруикс умерла. Лейнтал Эй долго сидел и плакал. Он так ни разу и не увидел ее лица. Лишь руки его знали ее тело, подарившее ему свою жизнь.

Споры об Окончательном Совершенстве подошли к своему завершению. Последние фырканы, прищелкивания, свист затихли в темноте Восьмидесяти Мраков. Ничто так и не было решено. Даже смерть показала свою нерешительность. Обращаясь к каждому индивидуально, она тем не менее поразила всех. Только Витрам мог сказать, доволен он, или нет. Но Витрам, как присуще всем богам, хранил молчание.

Пораженный ужасом, Лейнтал Эй собрал все силы, чтобы прийти в себя. На четвереньках он пополз через трупы своих спасителей, чтобы найти путь наружу. Жуткая величественная тьма Восьмидесяти Мраков давила на него.

Он говорил себе, как бы стараясь поддержать угаснувшие споры: «У меня есть своя индивидуальность, что бы там ни говорили мои друзья нондаги. Я знаю, что я — это я, и я не смогу выбраться отсюда, если не буду самим собой. Значит, мне нужно быть в мире с самим собой. Я не собираюсь вмешиваться в их бесплодный спор, но по крайней мере узнаю, что произойдет со мной. Я принадлежу только себе, и останусь ли я жив или умру, я буду вести себя в соответствии со своими принципами и желаниями. Мне не стоит искать Аоза Руна. Он мне не хозяин. Я сам себе господин. И вовсе не из-за Ойры я ушел из города, стал изгнанником. Такие решения не могут принимать рабские натуры...»

Так он говорил себе, убеждая себя, пока эти слова не потеряли для него всяческий смысл. Путаясь в лабиринте корней, он не находил выхода. Много раз он бросался вперед в надежде увидеть свет, но каждый раз натыкался на новое, еще более плотное сплетение корней, на все новые и новые трупы нондагов, возле которых уже копошились роденты, пожирая их внутренности.

Пробираясь через одну из широких пещер, Лейнтал Эй наткнулся на короля. В темноте различие их размеров не

играло никакой роли. Король бросился на Лейнтала Эй, растопырив когти и рыча. Юноша покатился по земле, отбрыкиваясь ногами. Он пытался достать свой кинжал, но это существо рвалось вперед, стараясь добраться до горла. Лейнтал Эй навалился на него всей тяжестью, но безрезультатно. Удар локтем прямо в лицо слегка умерил ярость короля, но через мгновение тот снова бросился на Лейнтала Эй. Две фигуры, сплетаясь в одну, катались по земле в крошечной тьме в смертельной схватке.

Только что оправившийся после смертельной болезни, Лейнтал Эй понемногу стал слабеть. Когти царапали его, конец приближался. И вдруг что-то вторглось в это сражение. Дикий крик и шелканье заполнили пещеру. Сознание Лейнтала Эй уже мутилось, и он не сразу понял, что в битву вмешался третий. Один из воинов нондагов. Он вдруг решил выместить свою злобу на короле. Человек получил неожиданную передышку.

Лейнтал Эй, отчаянно брыкаясь, откатился в сторону и, выхватив кинжал, прижался к стене в темном углу. Выставив вперед ноги, чтобы защититься от фронтальной атаки, он стал ощупывать землю вокруг себя — и к счастью обнаружил узкую дыру. Лейнтал Эй буквально ввинтил свое тело в щель. До болезни он ни за что не смог бы пролезть туда. Через некоторое время он очутился в небольшой впадине. Разгребя руками сухие листья, он растянулся на земле, тяжело дыша. Со страхом он прислушивался к звукам битвы, продолжающейся позади.

— Свет, ради Вутры! — выдохнул он. Впереди что-то смутно серело. Кажется, он был на самой окраине царства тьмы.

Страх погнал его вперед, к свету. Извиваясь, как червяк, он выбрался из ямы на воздух и, дрожа всем телом, встал возле толстого ствола раджабарала. Свет струями обливал его, низвергаясь из неба-озера.

Еще долго он стоял, стирая кровь и грязь со своего тела. Взглянув на землю, он увидел свирепое мохнатое лицо, выглянувшее из коры и мгновенно скрывшееся из вида. Да,

он только что выбрался из государства нондагов, и его визит не принес им счастья.

Он вспомнил о сноктруикс. И ощутил жалость и бесконечную благодарность.

По небу плыло одно из светил. Беталикс висел над самым горизонтом. Его лучи были направлены почти параллельно земле. Они пронизывали молчаливый лес, создавая зловеще красивую картину из океана листьев.

Кожа Лейнтала Эй висела складками. Из многочисленных царапин и ссадин сочилась кровь. Кошмарная схватка в темноте не прошла для него даром. Он осмотрелся, позвал Золото, но без особой надежды. Он не ждал, что снова увидит своего хоксни.

Охотничий инстинкт подсказал ему, что не следует оставаться здесь. Он может оказаться жертвой нападения, и сейчас слишком слаб, чтобы выдержать новую схватку.

Он прислушался к раджабаралу. Внутри что-то копошилось и шелестело. Витрам приказал своим подданным жить внутри дерева и изредка выплескивать свою ярость на внешний мир, столь несправедливый к протогностикам. Что же будет делать Витрам, подумал Лейнтал Эй, когда умрут все нондаги? Ведь ему придется тогда поменять свою индивидуальность.

— Приди в себя! — приказал он себе, чувствуя, что его мысли разбегаются в стороны. Сейчас он не видел той старой разрушенной башни, с помощью которой смог бы ориентироваться. Поэтому, повернувшись спиной к Беталиксу, он побрел по лесу, совершенно не чувствуя ног.

Шли дни. Он прятался от отрядов фагоров и других врагов. Голода он не ощущал. Болезнь лишила его аппетита, и сознание его не было затуманено ничем. Он размышлял о том, что говорили ему Ври, Шей Тал, его мать и бабушка. Скольким же он обязан женщинам? А сноктруикс? Он чувствовал, что мир, в котором он живет, добр к нему, что ему все время будет везти, и воздух благословенным потоком наполнял его легкие.

И так, в легком полусне, он шел вперед, туда, где было расположено селение сиборнельцев, известное под названием Новый Аскитош.

Для Нового Аскитоша было характерно постоянное состояние возбуждения. Колонисты любили его за это.

Селение занимало большую площадь. Вдоль периметра были выстроены хижины и забор с редкими сторожевыми башнями. Фермы и поля располагались внутри огороженного пространства, а в центре находилось скопление домов, магазинов, складов, помещений, где содержались пленные. А венцом всего являлась круглая башня — храм Церкви Всеобщего Мира.

Везде деловито сновали мужчины и женщины. Бездельничать не приходилось никому. Везде могли быть враги — Сиборнел всегда имел врагов, — и снаружи, и внутри.

Внешними врагами были все не-сиборнельцы. И это не потому, что сиборнельцы были враждебны всем, просто их религия учила их быть осторожными. В частности, по отношению к людям из Панновала и к фагорам.

Вокруг селения постоянно патрулировали разведчики верхом на йелках. Они приносили в селение вести об отрядах фагоров, спускающихся с гор.

Это были тревожные вести. Все были настороже. Но паники не было. Хотя сиборнельские колонисты враждебно относились к фагорам, как и фагоры к ним, между ними возник некоторого рода альянс, чтобы свести конфликт к минимуму. В отличие от жителей Эмбруддока, сиборнельцы неохотно воевали с фагорами.

Вместо этого они торговали. Колонисты понимали шаткость своего положения: их возвращение в Сиборнел было невозможно — ведь все они повстанцы, еретики. А предметом их торговли были жизни людей и полулюдей.

Колонисты существовали на грани голода даже в лучшие годы. Они были вегетарианцами и прекрасными фермерами. Однако большую часть урожая им приходилось

скармливать тем животным, которые помогали им обрабатывать землю и существовать. У них были большие стада йелков, хоксни, лошадей, кайдавов.

Разведчики объезжали все окрестности, чтобы знать обо всем, и захватывали все, что попадало им под руку. Тюрьмы были полны пленников.

Их отдавали фагорам как выкуп. Взамен фагоры не трогали селение. А почему нет? — Хитрый воин-жрец Фестибариатид основал селение на фальшивой октаве, и у фагоров не было мотива для нападения на Аскитош.

Но оставались враги внутри изгороди. Внутренние враги. Двое пленных протогностиков, которых звали Каткаарнит-он и Каткаарнит-она, заболели и умерли в тюрьме. Надсмотрщик вызвал врача, который идентифицировал кожную лихорадку. Болезнь быстро распространялась. Этим утром уже нашли несколько человек, которые неестественно выгнулись, закатив глаза и истекая потом.

К несчастью, это случилось в то время, когда колонистам было нужно собрать много пленников, чтобы откупиться от приближающейся армии фагоров. Они уже знали имя вождя. Это был не кто иной, как сам кзаххн Хрр-Брахл Йпрт. Выкуп должен быть грандиозным. Иначе всех ждала жуткая судьба. Жрец Фестибариатид объявил дополнительные службы для моления.

Лейнтал Эй слышал эти службы, когда вступил в поселение, и ему было приятно их слышать. Он с интересом осматривал все вокруг, не обращая внимания на двух воинов, сопровождавших его в центральную казарму, возле которой пленники убирали грязь.

Капитан был удивлен тем, что видит человека несиборнельца, который сам пришел в лагерь. Поговорив с ним немного, он послал воина за жрецом.

К этому времени Лейнтал Эй уже привык к тому, что для его глаз все те, кто не болел лихорадкой, выглядят толстяками. Жрец тоже казался ему на удивление толстым. Он с вызовом посмотрел на Лейнтала Эя и задал, как ему казалось, очень хитрые вопросы.

— Мне пришлось довольно трудно, — ответил Лейнтал Эй. — Я пришел сюда искать убежища. Мне нужна одежда. Леса слишком густы для меня. Мне нужна верховая лошадь, лучше хоксни. Я готов отработать за нее. А потом я уеду.

— Откуда ты? Из Геспагората? Почему ты такой худой?

— Я болел костной лихорадкой.

Жрец поджал губы.

— Ты воин?

— Недавно я убил целое племя нондагов.

— Значит, ты не боишься протогностиков?

— Нисколько.

Ему было поручено присматривать за тюрьмой и пленниками. За это его снабдили серой шерстяной одеждой. Мысли жреца были просты: человек, переболевший костной лихорадкой, будет без боязни ухаживать за пленными, и болезнь не будет распространяться.

И все же все больше и больше колонистов становились жертвами жуткой болезни. Лейнтал Эй заметил, что моления в храме Церкви Всеобщего Мира стали криками отчаявшихся людей. Люди полностью ушли в себя. Лейнтал Эй мог ходить где угодно, и никто не останавливал его. Он чувствовал, что жизнь стала для него приятной. Каждый день он воспринимал как подарок.

Территория всего поселения была обнесена изгородью. Лейнтал Эй работал с рабами, заготавливающими сено для животных. Проблема пропитания животных была крайне важна для Аскитоша. Один акр пастбища способен прокормить десять животных в день. В поселении было пятьдесят верховых животных, необходимых для того, чтобы контролировать большую территорию. Соответственно, для них требовалось 24 000 акров пастбища — а на самом деле меньше, потому что во время поездок животные питались по дороге. Для решения проблемы с пастбищем Церкви Всеобщего Мира пришлось создать фермеров — самых первых фермеров в этом Великом Году.

Лейнтал Эй не кричал и не подгонял пленников. Они и так работали достаточно хорошо, если принять во внима-

ние обстоятельства их жизни. Охранники оставались в некотором отдалении от работающих. Шел дождь, и все они укутались в плащи. Лейнтал Эй подошел к лошадям и хоксни, которые стояли небольшим табуном, тревожно нюхая воздух, как бы ожидая опасности. Приближалось время, когда Лейнтал Эй сможет украсть хоксни и бежать отсюда. Все шло к тому, что дисциплина среди воинов будет падать. Паника коснулась и их.

Он взглянул на одну из самок хоксни. С куском хлеба в руке он приблизился к ней. Желто-оранжевые полосы тянулись по всему телу от головы до хвоста, перемежаясь с темно-голубыми.

— Преданность!

Хоксни подошла к нему, взяла хлеб и сунула нос в его руку. Он почесал ее за ушами.

— А где же Шей Тал? — спросил он.

Но ответ был ясен и так. Сиборнельцы схватили ее и продали фагорам. Шей Тал уже никогда не попадет в Сиборнел. Она уже превратилась в призрак. Она и все ее сопровождающие.

Капитана охранников звали Скитошерил. Между ним и Лейнталом Эй завязалась осторожная дружба. Лейнтал Эй видел, что доблестный капитан страшно боится — боится заболеть. Поэтому он не дотрагивался ни до чего и постоянно прятал длинный нос в ворота плаща.

— Вы в Олдорандо поклоняетесь богу? — спросил он.

— Нет. Мы сами заботимся о себе. Мы уважаем Вутру, но выгнали из города всех его жрецов. Вы здесь должны сделать то же самое, и тогда жить вам будет легче.

— Вы варвары. Именно поэтому чума и напала на вас.

— Сегодня умерло девять пленников и шесть ваших. Хотя вы много молитесь, это не помогает вам.

Скитошерил разозлился. Они стояли на открытом месте. Легкий ветер играл их плащами. Песнопения из церквы доносились до них.

— Разве тебе не нравится наш храм? Мы простые фермеры, и тем не менее у нас такой красивый храм. Думаю, у вас нет такого в Олдорандо.

— Это тюрьма.

Он говорил — и слышал в это время торжественное песнопение из храма, казавшееся ему каким-то мистическим обрядом. К звучанию инструментов присоединились голоса людей.

— Не говори так, если не хочешь, чтобы тебя побили. Церковь — это жизнь. Великое Колесо Харнабхара — основа нашего существования. Если бы не Великое Колесо, мы до сих пор были бы в снежных тисках, в объятиях льда. — Он описал пальцем круг возле лба.

— Как это?

— Это колесо вращалось и приблизило нас к Фрейру. Разве ты не знаешь этого? В детстве я совершил паломничество в горы Шивенинк. Тот не настоящий сиборнелец, кто не совершил паломничество.

На следующий день умерло еще семеро. Скитошерил сопровождал похоронную команду, состоявшую из мади, которые были искусны в копании могил.

Лейнтал Эй сказал:

— У меня был хороший друг, которого вы захватили в плен. Она хотела совершить паломничество в Сиборнел, чтобы поговорить со жрецами о вашем Великом Колесе. Она думала найти источник мудрости. А вместо этого ваши люди схватили ее и продали вонючим фагорам. Вот так вы обращаетесь с людьми.

Скитошерил пожал плечами.

— Причем тут я? Может, ее приняли за панновальского шпиона.

— Как это могло быть? Она ехала на хоксни. Разве панновальцы ездят верхом? Я никогда не слышал такого. А ваши бандиты схватили эту чудесную женщину и продали ее.

— Мы не бандиты. Мы просто хотим жить в мире и работать на земле.

— Да, прекрасный обычай — покупать свою безопасность за жизнь женщин.

Сиборнелец беспокойно улыбнулся и сказал:

— Вы, варвары, не цените своих женщин.

— Мы высоко ценим их.

— Они правят вами?

— Женщины не правят.

— А в некоторых областях Сиборнела правят женщины.

А мы очень заботимся о них. У нас есть женщины-жрицы.

— Я не видел ни одной.

— Потому что мы прячем их. — Он наклонился вперед. — Послушай, Лейнтал Эй, я знаю, ты неплохой парень. Я хочу довериться тебе. Ты знаешь состояние дел здесь. Я знаю, как много разведчиков уехало и не вернулось. Они умерли где-нибудь в лесу, и никто их даже не похоронил. Может, их тела давно сожрали птицы и звери. И пока мы сидим, здесь все будет хуже и хуже. Я религиозный человек и верю в молитвы, но болезнь так сильна, что даже молитва не может совладать с нею. У меня есть жена, которую я очень люблю, и поэтому я хочу договориться с тобой.

Лейнтал Эй слушал Скитошерила, стоя на низком холме и наблюдая за тропинкой, спускающейся вниз к потоку. Неподалеку копошились рабы, копая могилы среди камней. Рядом лежало семь трупов, завернутых по обычаю сиборнельцев в простыни. Он подумал: я могу понять, почему этот толстяк хочет бежать отсюда, но что он для меня? Он для меня не больше, чем Шей Тал, Амин Лим и другие для него.

— Что же ты предлагаешь?

— Четыре йелка и хорошую еду. Я, моя жена, ее служанка и ты. Мы уйдем вместе. Со мной это будет просто. Мы поедем с тобой в Олдорандо. Я знаю дорогу, буду защищать тебя и дам тебе хорошего йелка. Одному тебе ни за что не выбраться отсюда. Ты слишком ценен для нас. Ты согласен со мною?

— Когда ты думаешь бежать?

Скитошерил нахмурился и искоса взглянул на Лейнтала Эй.

— Если ты скажешь кому-нибудь хоть слово, я убью тебя. Послушай, по сведениям наших разведчиков, кзаххн Хрр-Брахл Йпрт двинет сюда свою армию перед закатом Фрейра. Мы четверо выйдем в тыл армии — фагоры не нападают на тех, кто сзади, — и сможем идти в Олдорандо.

— Неужели ты хочешь жить в таком варварском городе? — спросил Лейнтал Эй.

— Я должен сначала увидеть город, прежде чем ответить тебе. Не пытайся быть саркастичным. Ты согласен идти?

— Вместо йелка я лучше возьму хоксни, и выберу его сам. Я никогда не ездил на йелках. И кроме того, мне нужен меч. Не из бронзы, а из белого металла.

— Отлично. Значит, ты согласен?

— Тогда пожмем друг другу руки.

— Я не прикасаюсь к рукам других людей. Достаточно слова. Я человек богобоязненный и не предам тебя. Проследи, чтобы эти трупы захоронили, а я пойду скажу жене, чтобы готовилась к отъезду.

Как только сиборнелец скрылся из виду, Лейнтал Эй приказал пленным прекратить работу.

— Я не ваш хозяин. Я пленник, как и вы. Я ненавижу сиборнелцев. Бросьте трупы в воду, а яму присыпьте камнями. А затем вымойте руки.

Они хмуро и с подозрением смотрели на него. Ведь он был одет как сиборнелцы и только что как равный разговаривал с охранником. Он почувствовал их ненависть, но эта ненависть не тронула его. Наконец рабы двинулись с места, подняли одно тело и швырнули его в воду. Затем полетели и все остальные. Вода кровожадно принимала их.

Река эта омывала Аскитош. На другом берегу ее простиралась безлюдная равнина.

Закончив свое дело, мади стали обсуждать перспективу бегства через реку. Некоторые из них были за такой план действий. Они стояли на самом берегу и убеждали остальных. Более осторожные указывали на неизвестные опасности, которые могут встретиться им. И все они тревожно оглядывались на Лейнтала Эй, который оставался на месте,

стоя со сложенными на груди руками. Мади ожесточенно спорили, но так и не могли придти ни к какому решению: то ли им броситься в воду и переправиться на другой берег, то ли остаться тут и вернуться в тюрьму.

Их колебания имели верезные основания. Равнина на другом берегу кишела движущимися фигурами, которые шли на запад. Птицы взмывали в небо при их приближении, тревожно крича.

Вдали виднелись толстые стволы раджабаралов, над которыми клубился пар. И в просветах между клубами пара были видны высокие холмы, зловещие в туманном свете. По равнине тут и там стояли причудливо украшенные резьбой каменные мегалиты, обозначающие земные и воздушные октавы.

Беженцы стремились на запад, отворачивая взгляды от Нового Аскитоша: всем была известна его репутация. Некоторые шли поодиночке, но большинство группами. Кто-то гнал перед собой животных. Кое-где виднелись фагоры.

Одна большая группа остановилась на отдых на склоне пологого холма. Острые глаза Лейнтала Эй заметили скрюченных болезнью людей. Значит, болезнь путешествовала с этими беженцами.

Он посмотрел туда, куда шли все эти несчастные. Ему показалось, что между двумя высокими холмами он видит белый пик, окраска которого постоянно менялась. Суеверные страхи охватили его, пока он не понял, что видит не далекую гору, а стаю белых птиц фагоров.

Наконец он пришел в себя, отвернулся от протогностиков, которые все еще ссорились, и пошел обратно, к дому охранников.

Ему было ясно, что все эти беженцы направляются в Олдорандо. Он должен вернуться туда побыстрее, чтобы предупредить Датку и остальных. Иначе Олдорандо погибнет под нашествием такого количества больных людей и нелюдей. Тревога за Ойру охватила его. Он так мало думал о ней с того времени, как жизнь свела его с волосатой снок-труикс.

Солнца грели его спину. Он чувствовал себя одиноким, но сейчас никто не мог помочь ему в этом.

Лейнтал Эй толкнул дверь дома охранников, стараясь услышать пение из церкви, но кругом царила тишина. Он не знал, где живут Скитошерил с женой, поэтому ему оставалось только ждать, пока они придут сами. Ожидание только усилило его тревогу.

В селение вошли три пеших разведчика, ведя с собой двух пленников. Один из пленников тут же рухнул на землю. Разведчики были вымотаны и истощены до предела. Они шатаясь вошли в дом, даже не взглянув на Лейнтала Эй. Тот безразлично посмотрел на пленника, который стоял на ногах. Пленники больше не заботили его. Но затем он снова посмотрел на приведенного человека, более внимательно.

Тот твердо стоял на ногах, хотя голова его была опущена, так как он очень устал. Он был высок и тощ. Несомненно, он тоже перенес болезнь. На нем была черная медвежья шкура, свободно свисающая с плеч.

Лейнтал Эй заглянул в дом, где возле стола сидели только что прибывшие разведчики и пили пиво.

— Я возьму пленника на работу. Мне нужно кое-что сделать.

Он ушел, так и не дождавшись ответа.

Кивком приказав пленнику следовать за собой, Лейнтал Эй повел его к Храму. Жрецы были возле главного алтаря, но Лейнтал Эй провел пленника в темный угол и усадил его. Тот с благодарностью опустился на скамью, как живой мешок костей.

Это был Аоз Рун. Лицо его было изборождено морщинами, борода поседела, кожа висела складками на шее. Но все же это был он, лорд Эмбруддока. Сначала он не узнал Лейнтала Эй, худого, в одежде сиборнельцев, а когда узнал, то обнял его, трясаясь всем телом.

Немного погодя он рассказал все, что случилось с ним, о том, как он оказался на маленьком острове, как справился с болезнью, как часто после этого общался через поток с фагором, которого звали Йхамм-Вхррмар и который не был

воином. Как два извечных врага заключили союз, и он перебрался к фагору, и как фагор не мог или боялся есть рыбу.

Иногда они видели на противоположном берегу людей или фагоров, кричали им, но никто не осмелился перебраться через бурный поток, чтобы помочь им.

Вместе они построили лодку, что потребовало несколько недель.

Первые попытки их были неудачны. Но наконец они сплели из корней лодку, которая могла плавать. Йхамм-Вхррмар влез в нее, но затем со страхом выскочил. После долгих угловоров, Аоз Рун оставил его. Посреди реки глина размылась и лодка затонула. Аоз Рун выбрался на берег ниже по течению.

Он пытался найти веревку, чтобы освободить фагора, но все те, кто ему встречался, были либо враждебны ему, либо просто убегали от него. После долгих скитаний его схватили разведчики Аскитоша и притащили сюда.

— Мы вместе вернемся в Эмбруддок, — сказал Лейнтал Эй. — Ойра будет рада.

Аоз Рун сначала ничего не ответил.

— Я не могу вернуться... Не могу... Я не могу оставить Йхамм-Вхррмара... Тебе не понять... — Он сжал пальцы.

— Ты же лорд Эмбруддока.

Аоз Рун опустил голову, вздохнул. Он потерпел поражение, проиграл. Все, что ему сейчас хотелось, это удалиться с миром. Снова руки на коленях неуверенно шевельнулись.

— Теперь это уже невозможно, — сказал Лейнтал Эй. — Все изменилось. Мы вместе вернемся в Эмбруддок. И как можно скорее.

Раз воля Аоза Руна покинула его, Лейнтал Эй должен сам принимать за него решения. Нужно из дома охранников взять одежду сиборнельцев и переодеть Аоза Руна, чтобы тот мог присоединиться к отряду беглецов Скитошерила. Разочарованный, он оставил Аоза Руна. Это было совсем не то, что он ожидал.

На улице его ждал другой сюрприз. Тут собрались жители селения. Все одинаковые в своих серых одеждах, они смотрели в одну сторону.

Армия юного кзахна была совсем близко.

Фагоры шли вперед, казалось, беспорядочными группами, но на самом деле они шли, строго подчиняясь направлению воздушных октав. Они шли неторопливо и неотвратно, как судьба. Шаг их был тверд и неестественен. Спешка не была свойственна им.

Их путь от горных долин, лежащих почти на высоте стратосферы, в долины Олдорандо составлял три с половиной тысячи миль. Так как большинство из них были пешими, фагоры преодолевали в среднем одиннадцать миль в день.

Много времени отнимали у них и обычные заботы больших армий: добывание пищи и отдых.

Фагоры по пути захватили и разграбили несколько маленьких городков, уничтожили несколько кочевых племен, уже находящихся на грани оседлости, так как уже научились возделывать злаки. Они страдали от болезней, стихийных бедствий, нападений племен, через земли которых они проходили.

Шел год 446 по новому календарю. А по календарю фагоров это был год 367 после малого апофеоза Великого Года 5 634 000 После Катастрофы. Тринадцать поворотов воздуха прошло с тех пор, как рог стунжебага впервые протрубил среди ледяных утесов родных гор. Беталикс и Фрейр совсем сблизились на небе, близился конец великого похода.

Эта земля была мягкой, как грудь женщины по сравнению с каменными равнинами гор, на ней росло множество деревьев, но растительность еще не успела залечить раны, нанесенные столетиями морозов. Это была еще одна глава из ненаписанной книги Вутры, согласно которой армия фагоров должна была врезаться в эти цветущие долины и уничтожить здесь жизнь, как нож анатома уничтожает болезнь.

Одетые в серое жители селения стояли как призрачные тени, глядя на могучую армию.

Лейнтал Эй пошел по городу, стараясь подыскать одежду для Аоза Руна. Он думал, почему жители селения собрались посмотреть на проходящую армию. Может, они боятся, что выкуп слишком мал, чтобы обеспечить их безопасность?

Молчаливый поток белых чудовищ обтекал селение с двух сторон. Они шли только вперед, даже не поворачивая головы. Все фагоры были тощие, со свалывшимися шкурами. Головы их казались огромными. Над отрядами парили белые птицы. Изредка они пикировали на землю за добычей.

Когда Лейнтал Эй вышел из церкви, он услышал пение фагоров. Это был не олонецкий язык. Это была грубая, но вместе с тем лирическая мелодия, полная зловещей мощи. Она вынуждала преклоняться и подчиняться. Их женские голоса взмывали над рокочущими мужскими басами, и все вместе это составляло медленный неудержимый марш.

И среди всей этой армии чудовищ, обносившихся, потрепанных, измученных дальним походом, и тем не менее внушающей ужас, во главе фаланги самых старых фагоров верхом на Рукк-Гтрле ехал молодой кзаххн. За ним ехали его генералы, а затем его личные филлоки, из которых выжили только две, но теперь они стали гиллотами и были очень горды своим высоким положением. В центре строя шла толпа людей-пленников, которые несли грузы. Хрр-Брахл Йпрт нес высоко свою голову. Рога сверкали в боллезненном свете. Ззхррк парил над ним, как знамя.

Кзаххн даже взглядом не удостоил селение людей, которое заплатило выкуп. И, несмотря на это, людей, жителей селения, охватил страх, когда они увидели, как Хрр-Брахл Йпрт, поравнявшись с Храмом, выхватил меч, взмахнул им и что-то прокричал. Была ли это угроза, либо предупреждение, либо приветствие, никто не мог сказать с уверенностью. Не задержавшись ни на мгновение, кзаххн продолжил путь дальше.

Увидев рядом с собой Аоза Руна, Лейнтал Эй повел его к дому охранников. Там они ждали прибытия Скитошерила, который пришел с женой и ее служанкой, которая несла пожитки.

— Кто это? — спросил Скитошерил, указывая на Аоза Руна. — Ты уже нарушил нашу договоренность, варвар?

— Это мой друг. Пусть он будет с нами. Куда направляются твои друзья-фагоры?

Скитошерил презрительно пожал плечами.

— Останови их и спроси, если тебе так любопытно.

— Они идут в Олдорандо. Ты не знаешь этого? Вы — разбойники, которые так дружны с чудовищами-фагорами?

— Если бы я знал, где находится хотя бы один варварский город, вряд ли я попросил бы у тебя помощи, чтобы ты отвел меня туда.

Они стояли друг против друга и сверлили друг друга злобными взглядами. Жена Скитошерила вышла вперед.

— Почему вы спорите? Давайте следовать разработанному плану. Если этот человек может отвести нас в Олдорандо, пусть ведет.

— Конечно, дорогая. — Скитошерил улыбнулся ей. Покосившись на Лейнтала Эй, он ушел куда-то и скоро вернулся, ведя в поводу нескольких йелков. Жена его в это время занималась тем, что с холодным презрением рассматривала Лейнтала Эй и Аоза Руна.

Это была крепко сбитая женщина, почти такая же высокая, как и ее муж. Фигура ее была скрыта бесформенной серой одеждой. Лейнталу Эй показались красивыми ее светлые волосы и голубые глаза. Несмотря на выражение презрения на ее лице, оно было довольно привлекательным. Лейнтал Эй сердечно сказал ей:

— Я отведу вас в Олдорандо. Там безопасно. Наш город очень красив и заменит своими гейзерами и горячими ключами. Свистун произведет на тебя впечатление. Ты будешь восхищена всем, что увидишь.

— Я не собираюсь ничем восхищаться, — грубо ответила она и тут же, как бы сожалея о своей грубости, примирительным тоном поинтересовалась, как его зовут.

— Пошли быстрее, скоро закат, — поторопил их Скитошерил. — Вы оба поедете на йелках. Хоксни я не достал. А этот разведчик поедет с нами. Он получил приказ быть безжалостным в случае чего.

— Да, в случае чего, — заметил разведчик из-под капюшона.

Когда Фрейр опустился за горизонт, они тронулись в путь. Их было шестеро и семь йелков — один вез груз. Они

проехали мимо часовых через западные ворота без неприятностей. Часовые просто не обратили на них внимания.

Отряд поехал по следам армии кзахна, по земле, истоптанной тысячами ног и копыт.

Лейнтал Эй ехал впереди. Он не обращал внимания на неудобное седло. Тяжесть лежала на его сердце. Он все время думал о том, что дикая армия фагоров едет впереди, и несомненно чудовища направляются в Эмбруддок. Хотя неизвестно, какова их цель. Ему хотелось скакать вперед как можно быстрее, обогнать армию фагоров, предупредить город. Он машинально прищипывал своего йелка.

Ойра и ее добрые глаза символизировали для него самое дорогое в этом городе. Теперь он уже не сожалел о своем долгом отсутствии, так как именно оно помогло ему понять себя, понять ее. Он понял теперь, что она правильно говорила о его незрелости, о его зависимости от других людей. Она хотела сделать его лучше, сильнее, мужественнее. Когда он вернется, Ойра увидит, что он сумел стать мужчиной. Если, конечно, он прибудет не поздно.

Они въехали в сумрачный лес, погруженный в золотистый туман. Деревья в лесу были еще совсем молодыми. Их кроны были не выше голов всадников. Тени двигались рядом. Узкая тропа протогностиков вела на восток, повинаясь каким-то своим таинственным октавам.

Лейнтал Эй выпрямился в седле и оглянулся на спутников. Разведчик и Аоз Рун ехали сразу следом за ним. Они были едва различимы в полумраке. Голова Аоза Руна была наклонена на грудь. Он казался сломленным и безжизненным. За ними ехала служанка и йелк с грузом. Замыкали Скитошерил и его жена. Лица их были в тени серых капюшонов. Взгляд Лейнтала Эй скользнул по бледному лицу женщины. Глаза ее блестели, но были какими-то застывшими, и это испугало Лейнтала Эй. Может, смерть заглянула в ее глаза?

Снова он прищипорил своего ленивого йелка, заставляя его быстрее двигаться вперед, навстречу опасности.

Глава XV ВОНЬ СОЖЖЕНИЯ

В Олдорандо царила тишина. На улицах было совсем немного народа. А те, кто ходил по городу, были в масках. Для этой цели лучше всего подходили маски из трав. Они отгоняли болезнь, мух, дыхание зараженных.

Высоко в небе висели два светила, почти касаясь друг друга. Они смотрели вниз как два горящих глаза. Люди города ждали. Все, что можно было сделать, было сделано. Теперь оставалось только ждать.

Вирус перемещался от одного городского квартала к другому. Когда он косил людей в одном квартале, люди остальных кварталов могли вздохнуть спокойно. Однако никто не мог гарантировать, что в следующее мгновение болезнь если не поразит его самого, то не поразит его близких, соседей, знакомых.

Тант Эйн, Фаралин Ферд — помощники правителя Эмбруддока, Райнил Лайан, мастер гильдии, Датка — лорд Западного Вельдта, сформировали Чрезвычайный Комитет, который управлял совместно с наиболее уважаемыми гражданами, такими, как Ма Скантиом. С помощью дополнительного отряда, сформированного из пилигримов, оставшихся в городе, Берущих, проповедующих твердые моральные устои, были выработаны законы борьбы с болезнью и защиты от ее распространения. Эти законы неуклонно проводились в жизнь с помощью специального полицейского отряда.

На каждой улице были вывешены объявления, предупреждающие о строгих мерах наказания за укрытие трупов, за грабежи в домах умерших. Приговор был один — укус фагора — самое строгое и страшное наказание, какое мог придумать примитивный ум человека той эпохи. За городом тоже были вывешены объявления для вновь прибывающих, что в городе болезнь. Однако те немногие, которые прибывали сюда, были настолько вымотаны и истощены, что не обращали внимания на это и входили в город.

А тех, кто приходил в город с враждебными намерениями, эти объявления вряд ли могли остановить.

В Олдорандо появились первые телеги — грубые сооружения, в которые была запряжена пара хоксни. Они регулярно ездили по улицам, перевозя скорбный груз — многочисленные трупы. Их забирали из домов, подбирали на улицах. Некоторых выбрасывали из верхних этажей башен. Даже те, кого при жизни любили, обожали, после смерти внушали страх и омерзение. Поэтому отношение к трупам было самое непочтительное.

Хотя причина лихорадки так и не была понятна, существовало множество теорий на этот счет. Однако все знали, что болезнь заразна, а некоторые полагали, что даже взгляд на труп может вызвать болезнь у здорового. Те же, кто прислушивался к учению Акха Нааба, — а сторонников его становилось все больше, — верили, что болезнь настигает тех, кто недостаточно благочестив.

Но все сходились в одном: единственная очистительная сила — это огонь. Трупы надо сжигать. Их на телегах вывозили за город и бросали в костер, который не угасал ни днем, ни ночью. Вонь сожжения и черный дым, струившийся по улицам, постоянно напоминали жителям города о бренности их существования. Люди были в постоянном напряжении, и некоторые не выдерживали, кончали жизнь самоубийством.

Однако многие уже верили, что пик болезни прошел, худшее позади. И это была надежда. Ведь на улицах появилось много людей, неестественно тощих, слабых, которые пережили болезнь. Среди них была и Ойра.

Она упала на улице. Рол Сакиль подобрала ее и стала заботиться о ней. Ойра корчилась от боли. Болезнь выгибала все ее тело. Дол со слезами смотрела на это, боясь, что заболит сама. Но несмотря на все ожидания, она не заболела. Она осталась жива и своими глазами видела, как мучительно пробирается Ойра сквозь игольное ушко, становясь тощей, похожей на скелет. Единственная предосторожность со стороны Дол Сакиль была в том, что она

отослала своего сына Растил Руна к мужу Амин Лим. Сейчас мальчик уже вернулся.

Обе женщины и ребенок проводили время дома. Ощущение ожидания — ожидания конца — было неприятным. Однако скуку и однообразие жизни всегда можно обмануть. Они играли с мальчиком в игры своего детства. Иногда и Ври присоединялась к ним, но она была слишком задумчива в эти дни. Она рассказывала женщинам о своей работе и что она хочет сделать. А однажды она разразилась страстной речью, в которой сообщила о своей связи с Райнилом Лайаном, о котором никто до сих пор не мог сказать ничего хорошего. Эта связь была мучительной для нее. Когда Райнил Лайан отсутствовал, Ври ненавидела его, но когда он появлялся, ее неотвратимо тянуло к нему.

— Мы все прошли через это, Ври, — сказала Дол. — Только ты занялась этим слишком поздно, поэтому ощущения у тебя сильнее.

— А у меня больше нет желаний, — спокойно сказала Ойра. — Они ушли от меня. Я очень хочу, чтобы они вернулись. Может, они вернуться, когда вернется Лейнтал Эй. — Она посмотрела в окно на голубое небо.

— Но я так подавлена, — сказала Ври, не желая отклоняться от своей печальной цели. — Я не могу быть спокойной, как раньше. Я больше не понимаю себя.

Ври ничего не сказала о Датке, и остальные женщины не стали ее спрашивать. Может, ее любовь протекала бы более спокойно, если бы не чувство вины перед Даткой. Он ведь не только мучил ее совесть, он постоянно следил за нею. Она боялась, что это может плохо кончиться, и легко убедила нервничающего Райнила Лайана, что им нужно иметь тайную комнату для свиданий. Там она и ее любовник предавались любви, когда весь город пребывал в ужасе, и в открытые окна доносился только скрип колес погребальной телеги.

Райнил Лайан хотел закрыть окно, потому что насекомые могли разносить болезнь, но Ври не позволила.

— Пусть, — умоляла она. — Пусть оно будет открыто. Забудь обо всем, забудь о городе, о болезни, обо всем, что тревожит тебя.

— Но как я могу — ведь это же наш город. Наша судьба зависит от него.

Он беспокойно улыбнулся ей.

— А если мы заразим друг друга?

Ври выгнулась в постели. Розовые груди с темно-коричневыми сосками бесстыдно торчали вверх.

— Тогда мы умрем вместе, в тесных объятиях, во время соития! Наберись мужества, Райнил Лайан, займи его у меня! Приди ко мне! — Она обхватила ладонями его поясницу и обвила ногами низ его спины.

— Ах ты, распутница, — с восхищением сказал он и, будучи не в силах сопротивляться ей, отдался страсти.

Датка сидел на краю постели, обхватив голову руками. Так как он ничего не говорил, девушка в его постели тоже молчала. Она отвернулась от него и подтянула колени к груди.

И только когда он внезапно встал и начал одеваться, как человек, принявший решение, она сказала сдавленным голосом:

— Ты же знаешь, я не заразная.

Он бросил на нее горький взгляд, но ничего не ответил и продолжал одеваться.

Тогда она повернулась к нему, отбросив волосы с лица.

— В чем дело, Датка?

— Ни в чем.

— Ты плохой мужчина.

Он сунул ноги в сапоги, больше заботясь о них, чем о девушке.

— Заткнись, ты не та, которую я хочу. Вбей это себе в голову и убирайся отсюда.

Из стенного шкафа он достал прекрасно отделанный кривой кинжал. Его блестящее лезвие контрастировало с

серым цветом стены. Датка сунул кинжал за пояс. Девушка спросила, куда он идет. Датка не обратил на нее внимания, захлопнул за собой дверь, и вскоре послышался стук его сапог по лестнице.

Он не терял зря времени в те горькие недели с того момента, как ушел Лейнтал Эй и как он узнал о предательстве Ври. Ибо ее поступок он расценивал только как предательство. Большую часть времени он сколачивал себе поддержку среди молодежи Олдорандо, упрочивал свое положение, заключая союзы с теми чужестранцами, которые прибыли и обосновались в городе. Мастер гильдии Райнил Лайан был основным предметом его критики.

Когда он вышел на улицу, все было спокойно и на улице не было никого, кроме человека, которого он нанял охранять его дом. На рынок люди ходили теперь только в случае острой необходимости. Маленькая аптека в эти дни делала хороший бизнес. Кое-где виднелись люди с пожитками за спиной. Некоторые хотели покинуть город пока дела не стали совсем плохи.

Датка не видел ничего вокруг. Он шел как автомат, глядя пустыми глазами только вперед. Напряжение, царившее в городе, было его личным напряжением. Он уже достиг точки, когда нельзя терпеть это напряжение. Он должен убить Райнилу Лайана... И Ври, если потребуется. Губы его поджались, когда он еще и еще раз проигрывал в уме смертельные удары кинжалом. Люди шарахались от него, видя его застывший взгляд и думая, что он заболел.

Он знал, где находится секретная комната, шпионы донесли ему это. Если бы я был правителем, подумал он, я бы закрыл академию. Ни у кого не хватает мужества принять такое решение. Сейчас самое время нанести удар под предлогом того, что занятия в классах способствуют распространению болезни. Это было бы для нее тяжким ударом.

— Подумай, брат, подумай, брат! Молись вместе с Берущими, слушай слово великого Акха Нааба...

Датка оттолкнул уличного проповедника. Если бы он был правителем, он изгнал бы с улиц города этих идиотов.

Возле стойл хоксни к нему приблизился человек, его наемник.

— Ну?

— Он сейчас здесь, господин.

Человек показал кивком на одно из окон деревянного дома. Это был район гостиниц, таверн, сомнительных заведений, которые скрывались под респектабельными вывесками.

Датка кивнул.

Он толкнул дверь таверны и вошел в нее. Здесь было полно народа. На стенах, скалясь, висели черепа животных. За стойкой стоял владелец, сложив руки на груди и глядя в пространство. Завидев Датку, он просто слегка опустил голову в приветствии, так что его несколько подбородков легли на грудь. Это был сигнал Датке, что он может делать, что хочет. Датка прошел мимо него и стал подниматься по ступеням.

Спертые запахи ударили ему в нос. Он пробирался вдоль стены, но доски все равно скрипели. Он прислушался возле двери. Были слышны голоса. Райнил Лайан довольно труслив, и он наверняка запер дверь на засов. Датка постучал в дверь.

— Послание для вас, сэр, — сказал он, изменив голос. — Срочно. Из гильдии.

Сардонически усмехаясь, он придвинулся к двери, слыша, как скрипит отодвигаемый засов. Как только дверь приоткрылась, он ударом ноги распахнул ее, опрокинув Райнилу Лайана. Тот заверещал от ужаса и бросился к окну, крича о помощи. Датка, захлопнув дверь ударом ноги, схватил его за шею и швырнул на постель.

— Датка! — Ври села в постели, прикрывая наготу простыней. — Пошел вон отсюда, крысиное отродье.

Вместо ответа он наклонился над Райнилом Лайаном, который барахтался, отчаянно крича.

— Я знаю, что ты хочешь убить меня, — наконец дрожащим голосом сказал Райнил Лайан, подняв руку. — Пощади, я не враг тебе. Я могу оказать тебе помощь.

— Я убью тебя с такой же радостью, с какой ты убил старого мастера Датнила.

Райнил Лайан осторожно поднялся, пряча свою наготу и тревожно глядя на Датку.

— Я этого не делал. Аоз Рун приказал убить. Это было по закону. Датнил нарушил закон. А убивать меня противозаконно. Скажи ему, Ври. Послушай, старый мастер нарушил закон, он показал книгу гильдии Шей Тал. Ты должен знать об этом.

Датка приостановился.

— Тот мир мертв, как и все эти гильдии. Ты знаешь, что я думаю о гильдиях. К черту прошлое. Оно умерло, как умрешь ты.

Ври заметила его колебания. Она взяла себя в руки.

— Послушай, Датка. Позволь мне объяснить ситуацию. Мы можем тебе помочь. В этой книге есть нечто, что Датнил не раскрыл даже Шей Тал. Это случилось много лет назад, но прошлое всегда с нами, хотим мы этого или нет.

— Если бы это было так, ты была бы со мной. Я так долго хочу обладать тобой.

Райнил Лайан уже оделся и сел, стараясь взять себя в руки.

— Твой гнев обращен на меня, а не на Ври. В разных книгах гильдий мы храним прошлое Эмбруддока. Из этих записей ясно, что когда-то этот город принадлежал фагорам. Может, они и построили его, это неизвестно. Но они владели городом — и всеми людьми в нем. Люди были их рабами.

Датка стоял, сумрачно глядя на него. Все, о чем он мог сейчас думать, это то, что люди были рабами.

— Если они владели Эмбруддоком, то кто прогнал их? Король Деннис?

— Это случилось позже. В книгах об этом говорится мало. Записи велись от случая к случаю. Мы только знаем, что фагоры решили покинуть город.

— Значит, их не прогнали?

— Ты знаешь, как плохо мы понимаем поведение фагоров. Может, изменились их воздушные октавы, и они

ушли прочь. Но теперь они могут вернуться снова. Если бы ты изучал изображение Вутры в старом храме, ты и сам понял бы это. Вутра — это бог фагоров.

Датка провел рукой по лбу.

— Вутра — фагор? Не может быть. Ты зашла слишком далеко. Эта проклятая наука — она делает черное белым и наоборот. Вся эта чепуха исходит из академии. Я уничтожу ее. Как только получу власть.

— Если ты хочешь власти, я буду на твоей стороне, — сказал Райнил Лайан.

— Ты не нужен мне.

— Да... конечно, — он безнадежно махнул рукой, провел пальцами по бороде. — Видишь ли, скоро загадка разрешится. Потому что фагоры возвращаются. Возможно, они хотят захватить свой старый город. Так я думаю.

— Что ты имеешь в виду?

— Все очень просто. Ты знаешь последние слухи? Ведь Олдорандо живет слухами. Приближается армия фагоров. Сходи и поговори с людьми, которые были за городом. Самое плохое в том, что Тант Эйн и Фаралин Ферд заняты своими личными делами, и им некогда думать о городе, о его защите. Они твои враги, а не я. Если сильный человек убьет заместителей и захватит власть, он спасет город. Таково мое мнение.

Он пристально смотрел на Датку, замечая смену выражений на его лице, скрытую игру чувств. Он довольно улыбнулся, понимая, что выиграл, спасся от смерти.

— Я помогу тебе, — повторил он, — я буду на твоей стороне.

— Я тоже буду за тебя, — сказала Ври.

Он бросил на них пристальный взгляд.

— Вы никогда не будете на моей стороне. Если только я не завоюю Эмбруддок для вас.

Фаралин Ферд и Тант Эйн пили в таверне «Полная кружка». Женщины и друзья были с ними, наслаждаясь вечером.

Таверна «Полная кружка» была одним из немногих мест, где сейчас можно было услышать смех и песни. Эта таверна была расположена в новом здании, где находилось правление гильдии и где снимали лавки самые богатые торговцы. Некоторые из них со своими женами и сейчас были здесь. В таверне была мебель, о какой раньше в Олдорандо никто и не слышал: овальные столы, диваны, богатые ковры на стенах.

Привозные вина лились рекой, а четыре чужеземца музыканта играли на лютнях.

На окнах висели тяжелые шторы, чтобы в комнату не проникал холодный воздух и запах дыма и горящего человеческого мяса. На центральном столе горела лампа. На столах лежала пища, к которой никто не притрагивался. Один из торговцев рассказывал длинную историю о своем путешествии. Его повествование изобиловало предательствами, убийствами, кровью.

На Фаралине Ферде был шерстяной жакет с незастегнутым воротом, так что была видна нижняя рубашка. Он облокотился на стол, слушая рассказ в пол-уха, а его взгляд бродил по комнате.

Женщина Танта Эйна следила за тем, чтобы слуги делали все, как положено в культурных домах и у культурных народов. Фараил Муск находилась в дальнем родстве как с Тантом Эйном, так и с Фаралином Фердом, так как она происходила из рода Уолл Эйн Дена. Хотя она и не была красива, ум и природная хитрость позволяли ей пользоваться расположением многих людей. Она прошла по комнате, прикрывая свечу, которую несла в руке, от движения воздуха.

Свет, падавший на ее лицо, изменчивый, постоянно меняющий выражение лица, наполнял ее очарованием тайны. Она почувствовала на себе взгляд Фаралина Ферда, но не посмотрела на него, понимая, насколько сильнее действует четко рассчитанное безразличие.

Он почувствовал, как это чувствовал уже не раз, что Фараил Муск привлекает его гораздо сильнее, чем собственная жена, которая ему давно наскучила. Несмотря на

опасность, связанную с этим, он уже не раз занимался с нею любовью. Сейчас времени у них оставалось совсем мало. Скоро они все умрут. Выпитое вино не утопило в себе понимание этого. Он снова жаждал эту женщину.

Поднявшись, он вышел из комнаты, бросив в ее сторону многозначительный взгляд. Длинная история продолжалась, и теперь рассказчик излагал один смешной эпизод так, что все в комнате покатывались со смеху. Тем не менее внимательные глаза отметили уход помощника и то, что жена другого помощника вышла вслед за ним через некоторое время.

— Я думал, что ты не осмелишься выйти за мной.

— Любопытство сильнее, чем трусость. У нас совсем мало времени.

— Давай здесь, под лестницей. Вон там темный угол.

— У тебя уже стоит, Фаралин Ферд?

— Пощупай его, женщина, стоит он или нет.

Вздохнув, женщина приникла к нему и обхватила обеими ладонями то, что он предложил ей.

— Восхитительное орудие, — прошептала она, сладострастно лаская его. Он вспомнил, какое сладкое дыхание у этой женщины.

— Идем быстрее туда.

Она поставила свечу на пол, расстегнула платье и обнажила перед ним свою божественную грудь. Обеими руками он сжал эти упругие груди и, целуя их, поволок ее в угол.

Там их и захватил отряд в двенадцать человек, с Даткой во главе, которые явились сюда с факелами и обнаженными мечами.

Несмотря на протесты, Фаралина Ферда и Фараил Муск вытащили на свет. Затем их поволокли в комнату, и там они предстали перед всеми, даже не успев привести в порядок одежду.

— Таковы ваши законы, — сказал Датка, глядя на помощников горящими глазами, какими волк смотрит на козленка. — Я беру власть в Эмбруддоке в свои руки, по-

ка не вернется настоящий лорд, Аоз Рун. Я один из самых первых его помощников, и буду защищать город от нашествия.

За ним стоял Райнил Лайан с мечом в ножнах. Он громко сказал:

— Я поддерживаю Датку Дена. Да здравствует лорд Датка Ден.

Датка нашел глазами Танта Эйна, укрытого в тени. Помощник не поднялся со всеми. Он сидел, положив руки на стол.

— Ты осмеливаешься не подчиняться мне? — рявкнул Датка, приближаясь к нему с обнаженным мечом. — Встань, вонючка!

Тант Эйн не двинулся с места. Но вдруг все его тело выгнулось, голова запрокинулась назад. Grimаса боли искажала его лицо. Глаза закатились. Когда Датка пнул ногой кресло, Тант Эйн упал на пол, даже не делая попытки удержаться от падения.

— Это костная лихорадка! — крикнул кто-то. — Болельщики среди нас!

Фараил Муск пронзительно закричала.

К утру умерло еще двое, и запах смерти наполнил воздух Олдорандо. Тант Эйн лежал в больнице под присмотром доброй Ма Скантиом.

Несмотря на страх, много людей собралось на площади, чтобы услышать заявление Датки. Когда-то такие собрания проводились в большой башне, но с тех пор народу в Олдорандо прибавилось, и пришлось на площади выстроить специальный помост для выступления.

На платформе стоял Райнил Лайан, переминаясь с ноги на ногу. Рядом стоял Фаралин Ферд, заложив руки за спину. Шестеро молодых воинов из охраны Датки стояли тут же с обнаженными мечами и копьями наготове. В толпе шныряли торговцы, предлагая людям повязки на лицо. Здесь же бродили и проповедники-Берущие в своих бес-

форменных черно-белых мантиях. Неподалеку играли дети, по сути передразнивая странное поведение взрослых.

Прозвучал Свистун, и по этому знаку на платформу поднялся Датка и начал речь.

— Я взял на себя бремя власти, чтобы помочь городу. — Вся его молчаливость пропала куда-то, слова лились легко и складно. Они звучали убедительно, хотя Датка не делал никаких жестов и все его тело было неподвижно. — Я не собираюсь занимать место истинного правителя Аоза Руна. Когда он вернется, он по праву займет свое место. Я просто его временный заместитель. Те, кого он оставил вместо себя, забыли о том, что они в первую очередь должны заботиться о людях, о городе. Они погрязли в пороках. Я не мог оставаться в стороне и смотреть на это. В эти трудные времена мы все должны быть честными.

— Тогда почему же Райнил Лайан за тебя? — раздался чей-то голос. Тут же в толпе послышались крики, и Датка попытался перекричать их.

— Я знаю все ваши жалобы. Я выслушаю вас. Послушайте сначала вы меня. Судите помощников Аоза Руна. Элин Тал пропал на просторах вместе со своим лордом. Эти двое остались дома. Тант Эйн в наказание заболел костной лихорадкой. Так что остался только один, самый худший из них. Фаралин Ферд. Посмотрите, как он дрожит. Когда-нибудь он говорил с вами? Он был слишком занят своими грязными делишками.

Я охотник, как вы знаете. Вместе с Лейнталом Эй я приручил Западный Вельдт. Фаралин Ферд умрет от болезни, как и его сообщник Тант Эйн. Вы хотите, чтобы вами правили трупы? Я не заражусь болезнью. Она меня обойдет.

Первое, что я хочу, — выставить посты вокруг Эмбруддока и собрать армию. Мы можем подвергнуться нападению и должны быть готовы отразить любого врага, чело-века или фагора. Лучше умереть в бою, чем в постели.

Это последнее замечание вызвало шум недовольства. Датка помолчал, глядя на толпу. Ойра и Дол с ребенком в руках стояли в толпе. Ойра крикнула:

— Ты сам узурпатор власти. Чем ты лучше этих, Танга Эйна и Райнила Лайана?

Датка подошел к краю платформы.

— Я ничего не украл. Я только подобрал то, что упало. — Он показал на Ойру. — Ты, Ойра, лучше остальных должна знать, что я верну власть твоему отцу, когда он вернется.

— Ты не можешь говорить за него, пока его нет.

— Я могу и буду.

— Значит, ты говоришь неправду.

Остальные, для которых этот разговор ничего не значил и которые уже забыли Аоза Руна, тоже закричали. Кто-то бросил тухлый помидор. Охранники попытались оттеснить толпу, но безрезультатно.

Датка побледнел. Он сжал кулаки.

— Хорошо! Тогда я скажу вам публично то, о чем вы всегда молчали. Я не боюсь. Все вы превозносите Аоза Руна, восхищаетесь им. А я скажу, что он за человек. Он убийца. Более того, двойной убийца.

Все замолчали. Бледные лица были обращены к Датке. Датка вздрогнул, внезапно осознав, что он сказал.

— Как Аоз Рун завоевал власть? Благодаря убийству, двойному убийству ночью. Среди вас есть те, кто помнит Нахкри и Клилса, которые правили Эмбруддоком в те давние времена, когда Эмбруддок был маленькой деревней. Однажды ночью Аоз Рун, тогда еще совсем молодой, сбросил двух братьев с башни, когда те были пьяны. Грязное убийство. А кто свидетели? Кто видел это? Я был там. И она, дочь. — Он указал на Ойру, которая в ужасе прикинула к Дол.

— Он сошел с ума, — крикнул кто-то. — Датка сумасшедший! — В толпе возникла сумятица. Все беспорядочно задвигались, закричали.

Райнил Лайан закричал, пытаясь успокоить толпу:

— Поддержите нас, и мы будем защищать вас. Мы будем защищать Олдорандо

Все это время Фаралин Ферд молча стоял сзади, и теперь он увидел благоприятный момент.

— Гоните Датку! — закричал он. — Он никогда не пользовался благосклонностью Аоза Руна.

Датка резко повернулся и выхватил кривой кинжал. Он медленно двинулся к помощнику. Послышался пронзительный крик из толпы. Это кричала Фараил Муск, к которой присоединились и другие.

— Гоните Датку!

И вдруг все стихло, как будто резкое движение Датки заткнуло им рты. Датка стоял спиной к толпе. Фараил Ферд некоторое время тоже стоял, но затем рухнул на землю, издав вопль. Кровь хлынула из перерезанного горла.

Это спровоцировало беспорядки. Кровь воспламенила толпу.

Когда толпа двинулась вперед, охранники разбежались, не слушая команд Датки. Фараил Муск требовала ареста убийцы.

— Они убьют нас! — закричал Райнил Лайан. Он спрыгнул с платформы и побежал. Прежде чем кто-либо успел задержать его, он скрылся в боковой улице.

Датка видел, что все потеряно, что ему уже не овладеть толпой, которая настроена к нему более чем враждебно. Он видел, что его ждет смерть. Значит, ему ничего не остается, кроме постыдного бегства, если он хочет сохранить свою жизнь. И он побежал по пустынным улицам, задыхаясь, слыша крики преследователей. Все в голове у него перепуталось. Он пытался понять, почему же он потерпел поражение?

Мимо него прошли странники. Старик, державший на руках ребенка, сказал:

— Идут фагоры.

Снова слышались крики преследователей. Толпа жаждала крови, мести. Оставалось только одно место, где он мог спрятаться, один человек, который мог помочь ему. Выругавшись, он побежал к Ври.

Она уже вернулась в свою башню и сидела, задумавшись. Все происшедшее напугало ее. Она видела, что в Эмбруддоке все идет к кризису. Когда Датка постучал в ее дверь, она впустила его почти с радостью. Ври смотрела на

него без симпатии, но и без отвращения, когда Датка со стоном опустил на ее постель.

— Это чудовищно, — сказала она. — Где Райнил Лайан? — Он продолжал стонать, ударяя кулаком по постели в бессильном бешенстве.

— Прекрати, — сказала она. Она прошла по комнате, глядя на потрескавшийся потолок. — Мы живем в жуткое время. Как мне бы хотелось освободиться от эмоций. Люди такие грязные существа. Мы были лучше, когда жили в снегу, в холоде, без всякой надежды. Как бы мне хотелось, чтобы осталась только наука, чистая наука, лишенная всяких эмоций.

Он выпрямился.

— Ври...

— Не говори со мной. Ты для меня ничто. И всегда был таким. Я не хочу слышать, что ты скажешь. Я не хочу знать, что ты делаешь.

Он широко зевнул.

— Ты женщина только наполовину. Ты холодная. Я всегда знал это, и все же не мог не любить тебя...

— Холодная?.. Я такая, что об меня можно обжечься.

Шум на улице стал сильнее. Уже были слышны даже отдельные выкрики. Датка подошел к окну.

Где же его люди сейчас? Люди, которые бежали по улице, были ему незнакомы. Он не видел ни одного знакомого лица, ни одного человека, которого бы мог назвать по имени. А когда-то он знал каждого. Чужие люди хотят его крови! И тут настоящий страх проник в его сердце. Теперь он хотел только одного — погибнуть от руки друга. Быть ненавидимым чужеземцами — это невыносимо. Он отошел от окна и прижал ладони к лицу, ругаясь в бессильной злобе.

Шум на улице становился все сильнее. Датка прижался к стене и стал рассматривать руки, на которых были следы крови.

И только когда он услышал внизу голос Ври, он понял, что она вышла из комнаты. Теперь она стояла в дверях башни и говорила с людьми. Толпа медленно надвигалась впе-

ред, так как задние давили на передних. Кто-то крикнул что-то неприличное, но остальные заставили хулигана замолчать. Голос Ври, чистый и резкий, прозвучал над толпой.

— Остановитесь и подумайте, что вы делаете. Вы не животные. Попробуйте стать людьми. Если нам суждено умереть, так умрем с достоинством, но не стискивая руки на горле друг друга.

Все вы страдаете. Но ощущение страдания свойственно только людям. Гордитесь тем, что вы люди, и умирая, не забывайте, что вы люди. Помните, что внизу вас ждет мир призраков, где нет ничего, кроме слепой ненависти ко всему живому. Разве это не ужасно? Разве не ужасно и то, что вы, живые, испытываете ненависть к другим людям, живым? Не обращайте внимания на внешние факторы жизни, на тепло, холод, дождь, снег — перестраивайте себя внутри, сотворите покой в своих душах. Думайте. Неужели Датка, совершив убийство, смог превратить вас в зверей, заставить забыть свое предназначение?

Вы думаете, что все сейчас плохо. Я должна предупредить, что худшее только приближается. Я говорю это со всей ответственностью. Завтра в полдень наступит самое худшее из затмений. Ничто не сможет остановить его. Люди не имеют власти над небесами. Что же вы будете делать? Обезумеете и побежите по улице, громя все на своем пути, убивая, поджигая дома, как будто вы фагоры? Решайте сейчас, до какой степени низости вы опуститесь завтра.

Все переглядывались и перешептывались. Никто не кричал. Ври выжидала момент, когда ей лучше снова начать говорить.

— Много лет назад колдунья Шей Тал обратилась к жителям Олдорандо, и я до сих пор ясно помню ее слова, так как всегда почитала ее. Она предложила нам сокровище знаний. Оно может быть вашим, если только вы не поленились и осмелитесь протянуть руки к нему.

Поймите, что я говорю вам. Завтрашнее затмение — это не сверхъестественное явление. Что же это? Просто одно светило заходит за другое. Это те два светила, которые

вы знаете с детства. Наш мир круглый, и они тоже круглые. Посмотрите, как велик наш мир, но светила еще больше. Они кажутся маленькими только потому, что далеки от нас.

Шей Тал говорила, что такое происходило и в прошлом. С тех пор мы узнали многое. Вутра устроил мир так, что наш дом движется по кругу вокруг Беталикса. И вместе с ним в небе вращаются другие миры. И в тоже время Беталикс по большому кругу движется вокруг Фреира. Вы должны понять, что наш маленький мир вовсе не центр Вселенной.

Гул протеста становился все громче. Ври повысила голос.

— Вы понимаете это? Понять труднее, чем драть глотки. Чтобы понять меня, вам придется заставить потрудиться ваши мозги, напрячь воображение. Наш год длится 480 дней. Это вы знаете. Это как раз то время, за которое наш мир делает оборот вокруг Беталикса. Но есть еще один круг, это когда Беталикс делает оборот вокруг Фреира. Этот оборот длится 1825 малых лет. Представьте себе, какой длинный год!

Все, разинув рты, стояли молча и глядели на новую колдунью.

— До сих пор лишь немногие могли представить это. Ведь каждый из нас живет не более сорока лет. Большой год занимает целых сорок пять поколений людей. Вот почему это трудно осознать людям, хотя они могут предсказать все, что ждет их.

Теперь она чувствовала, что захватила власть над этими людьми, и голос ее звучал свободно и страстно.

— Теперь мы знаем, почему столько лет мы жили в холоде, почему вся земля была под снегом. Потому что Фреир был далеко от нас и давал мало тепла и света. А завтра мы будем свидетелями затмения, когда Фреир скользнет за Беталикс. А это значит, что он приближается, что начинается весна нового большого года. Очнитесь люди! Станьте друзьями друг другу. Для нас наступают лучшие времена!

Шоатапракси не давал двигаться по прямой. Густой кустарник преграждал дорогу, цеплялся за одежду, препятство-

вал продвижению. Армия фагоров прошла другим путем, а им приходилось пробираться извилистыми звериными тропами. Йелкам не нравилось идти по густой траве. Их раздражал ее запах. Ветви кустов зацеплялись за рога, колючки вонзались в ноги. Поэтому люди спешили и повели животных на поводу.

— Еще далеко идти, варвар? — спросил Скитошерил.

— Не далеко, — ответил Лейнтал Эй. Это был типичный ответ на типичный вопрос.

Они переночевали в лесу, и когда утром поднялись, то еле отодрали примерзшую одежду. Лейнтал Эй чувствовал себя отдохнувшим, легким, но он видел, как устали остальные. Аоз Рун превратился в настоящую тень. Ночью он бредил на каком-то незнакомом языке.

Вскоре, к их облегчению, кустарник стал менее густым. Убедившись, что все вокруг спокойно, они пошли дальше. Из-под ног выпархивали стайки птиц. Впереди показалась узкая долина, зажатая между двумя длинными холмами. Они пошли в долину, из-за усталости не решившись подниматься на холм.

Как только они спустились в долину, на них обрушился холодный ветер, пронизывающий до самых костей. Идти стало очень трудно, так как ветер дул в лицо. Он принес с собой густой туман, который обволакивал их тела. Только головы людей виднелись над облаками тумана. Лейнтал Эй понял, что чем быстрее они минуют это жуткое место, тем лучше.

Жена Скитошерила вскрикнула и остановилась, закрывая лицо рукой. Скитошерил вернулся к ней и обнял ее, пытаясь согреть. Ледяной ветер облепил плащом его ноги.

Скитошерил тревожно посмотрел на Лейнтала Эй.

— Она не может идти.

— Если мы останемся здесь, то погибнем.

Лейнтал Эй стряхнул слезы с глаз и посмотрел вперед. Через несколько часов, подумал он, в долине будет тепло. А сейчас это смертельная ловушка. Они были в тени. Склоны холмов заслонили свет солнц, которые висели низко над горизонтом. Кое-где в долине виднелись толстые стволы раджабаралов, от которых вверх поднимались столбы пара.

Он узнал эту долину. Он бывал здесь еще тогда, когда все было покрыто снегом. Это была самая обычная долина на краю Олдорандо. Лейнтал Эй так замерз, что не мог даже дрожать. Остальные тоже были не в лучшем состоянии. Нет, так идти они не смогут.

— Пойдем к раджабаралам! — крикнул Лейнтал Эй в ухо Скитошерилу. Тот, все еще занятый женой, кивнул. Он попытался усадить жену в седло.

— Садитесь в седла! — крикнул Лейнтал Эй.

И тут он заметил, как над склоном холма взмыли вверх белые точки — птицы фагоров. А затем появились и фагоры. Воины с копьями наготове. Они встали на краю обрыва неподвижные, как камни. Фагоры смотрели вниз на людей, стоящих в клубах тумана и дрожащих от пронизывающего ветра.

— Быстрее, быстрее, пока они не напали на нас! — Лейнтал Эй увидел Аоза Руна, который стоял не двигаясь и смотрел на фагоров.

Лейнтал Эй подбежал к нему, потащил за собою.

— Идем. Нам нужно убраться отсюда.

Аоз Рун что-то прохрипел.

— Ты околдован. Ты выучил несколько слов на их проклятом языке, и это лишило тебя силы.

Он силой затащил Аоза Руна в седло. Скитошерил усадил в седло женщин, всхлипывающих и дрожащих.

— Быстрее к раджабаралам! — прокричал Лейнтал Эй. Он ударил йелка Аоза Руна и сам вскочил на своего йелка. Животные неохотно двинулись вперед. Они совсем не реагировали на понукание. Хоксни все же были послушнее, проворнее и легче.

— Они не нападут на нас, — сказал сиборнелец. — В случае чего откупимся от них служанкой.

— Им нужны наши йелки. Они убьют нас из-за йелков. Им нужны йелки для еды или для езды. Ты можешь остаться и поговорить с ними, если хочешь.

Скитошерил покачал головой и тоже сел в седло.

Он поехал первым, ведя за собой йелка, на котором ехала его жена. Разведчик и служанка замыкали шествие.

Аоз Рун часто отклонялся в сторону, хотя Лейнтал Эй кричал, чтобы все держались вместе. Он часто оглядывался.

Фагоры не двигались. Разумеется, не холодный ветер тревожил их. Они ведь были жителями севера. Их неподвижность пугала. Невозможно было понять, какие намерения имеют эти чудовища.

Путники продолжали подниматься по склону. Вскоре они вышли из зоны действия холодного ветра. Это воодушевило их, и они стали подгонять йелков.

Когда они поднялись на вершину холма, свет солнца ударил им в глаза. Оба солнца светили им, хорошо видимые между стволами деревьев. Люди со вздохом облегчения припали к толстым стволам раджабаралов. Здесь было тепло и уютно, как в Храме Бога. Из этой рощи раджабаралов открывался прямой путь в Олдорандо.

Отряд фагоров двинулся. От полной неподвижности фагоры перешли в состояние движения. Этот переход был мгновенным. Чудовища один за другим скатывались с вершины холма, где они стояли только что, неподвижные, как изваяния. Только один из их отряда был на кайдаве, он и был впереди, а белые птицы с клетотом кружили над ними.

Лейнтал Эй в отчаянии огляделся, ища путь к спасению. Спасения не было. Кроме того пути, что могли предложить раджабаралы. Он выхватил меч и поскакал к тому месту, где остановились сиборнелец с женой.

— Мы останемся и будем драться. Ты готов к этому? Фагоры будут здесь через пару минут.

Скитошерил посмотрел на него. На его лице были отчаяние и боль.

— Она заболела костной лихорадкой и умрет, — сказал он. Глаза его жены остекленели, тело выгнулось назад.

Махнув рукой, Лейнтал Эй подозвал разведчика.

— Тогда останемся мы с тобой. Быстрее, они идут.

Вместо ответа разведчик ухмыльнулся и показал на раджабаралы. Лейнтал Эй бросился к толстым стволам, ища нору, через которую подземные жители спускались в свой мир. Он надеялся найти там внизу убежище... убежи-

ще и сноктруикс... Только той сноктруикс он уже не встретит никогда.

Но хода под землю нигде не было. Значит, оставалось только драться. Без сомнения, им придется умереть. Но он будет драться до тех пор, пока жизнь не покинет его.

Вместе с разведчиком Лейнтал Эй подошел к краю обрыва и посмотрел вниз.

Шум внутри раджабаралов, исходивший уже много месяцев, вдруг стал громче. Огромные деревья внезапно перестали испускать пар, и раздался грохот, подобный грому. Первые косые лучи солнца, проникшие в долину, высветили отряд фагоров, бредущих через густой туман навстречу холодному порывистому ветру. Они посмотрели вверх и издали торжествующий вопль, от которого кровь застыла в жилах, когда они увидели двоих врагов. Передняя шеренга уже начала взбираться по склону холма.

С Земной Станции Наблюдения внимательно следили за этим инцидентом. И вместе с ними это видели и те, кто много тысячелетий спустя, шаркая сандалиями, собирался перед большими экранами на Земле. Аудитория впервые за много лет собрала столько зрителей. Люди от всей души сочувствовали далеким братьям, которые для них были всего лишь творениями электронной аппаратуры. Они желали жителям далекой планеты выжить. Это свойственно людям — сочувствовать тем, кому грозит опасность гибели, пусть даже эти события произошли в невообразимо далеком прошлом.

На своих экранах люди видели все, происходящее в той самой долине, где некогда Рыбье озеро превратило фагоров в ледяные статуи.

Сейчас все окрестности Олдорандо были заняты фагорами. Юный кзаххн готовился к тому, чтобы отомстить презренным Сынам Фреира за смерть своего великого родственника. Он ждал только сигнала. Хотя его армия не придерживалась воинских порядков, а скорее напоминала многочисленные стада, раскинутые по долине, одно только количество воинов делало ее устрашающей. Эта лавина должна была перекатиться через древний Эмбруддок и по-

катиться дальше по континенту Кампаннат вплоть до восточного края Океана Климента, и если удастся — переклестнуть дальше, в Геспагорат, где была древняя родина фагоров — полуостров Пеговин.

Из-за неравномерного занятия армией фагоров территории многие путники могли просачиваться сквозь ее ряды и поспешно уходить туда, откуда пришла армия. Очень часто этих беженцев вели мади, чувствительные к воздушным октавам фагоров, что помогало им избежать встречи с воинами Хрр-Брахл Йпрта. Один из отрядов беженцев, который прошел почти рядом с отрядом кзаххна, вел тощий маленький мади. В этом отряде беженцев шел и Райнил Лайан.

Юному кзаххну не было никакого дела до проходящих. Он стоял рядом с отошавшим Рукк-Гтрлом и общался с предками. Он слышал голос своего отца и великого предка, дающих ему советы и наставления. За ним стояли его генералы и две выживших из гиллот. Теперь он редко пользовал своих гиллот, но скоро настанут лучшие времена, и эти престелстные самки не будут иметь причин обижаться на его невнимание. Сначала ему нужно выбрать, по какой из октав двинуться. Одна из них — победа, а другая — смерть. И если он пойдет по октаве победы, тогда у него будет достаточно времени, чтобы полностью удовлетворить обеих гиллот.

Он ждал молча, не двигаясь. Только изредка шевелились его усы. Знак придет с небес. Октавы переплетутся в тугой узел, и тогда он со своей армией бросится вперед, чтобы сжечь, разрушить, стереть с лица земли этот проклятый город, который когда-то назывался Хррм-Бхрд Идохк.

И на этом древнем поле битвы, где люди и фагоры сражались уже много раз, гораздо больше, чем подозревали нынешние противоборствующие стороны, с мечами в руках стояли Лейнтал Эй и разведчик-сиборнелец, готовые вступить в последний бой с лезущими наверх фагорами. Раджабаралы за их спинами выпускали звуки, подобные грому. Аоз Рун и служанка прислонились к одному из толстых стволов, покорно ожидая решения судьбы. Скитошерил ласково и осторожно уложил на землю тело больной жены, прикрыл ей

глаза, чтобы их не слепили свет двух солнц, уже приближающихся к зениту. А затем он, выхватив меч, побежал к своим товарищам, чтобы присоединиться к ним.

Подъем расстроил ряды фагоров, и как только над обрывом показался первый из них, Лейнтал Эй бросился вперед. Убивать их по одному, по мере их появления — вот их единственная надежда. Он насчитал примерно тридцать пять чудовищ и не хотел сознавать, что их битва обречена на поражение.

Рука фагора с копьем взметнулась вверх. Лейнтал Эй уклонился от удара и нанес укол мечом. Меч с глухим звуком ударил о ребра. Желтая кровь хлынула из раны, и Лейнтал Эй вспомнил, что старые охотники говорили — жизненные органы фагоров находятся в верхней части грудной клетки. Он понял, что это правда, так как фагор рухнул с кайдава.

Фагор откинул назад костистую голову, поджавшиеся в гримасе боли губы обнажили желтые зубы. Он рухнул вниз и покотился по склону в клубы тумана.

Но наверх поднялись уже и другие фагоры. Сиборнельский разведчик дрался умело, выкрикивая время от времени ругательства на своем языке. Лейнтал Эй бросился ему на помощь.

И тут мир взорвался.

Звук взрыва был таким резким, таким близким, что сражение прекратилось. Раздался второй взрыв. Черные камни летели над головами. Многие из них падали на другой стороне долины. Началось что-то невообразимое.

Каждой сражающейся стороной управляли их инстинкты. Фагоры застыли в неподвижности, люди распластались на земле.

Это произошло как нельзя вовремя. Взрывы продолжались. Черные камни летели, как снаряды. Некоторые из них поражали тела фагоров. В воздух летели клочья тел, желтые брызги. Фагоры повернулись и бросились бежать вниз по склону. Они падали, спотыкались, катились вниз в спасительный туман, где избавление от опасности тоже было сомнительным. Белые птицы кружили в небе.

Лейнтал Эй, лежа на земле и закрывая уши, в ужасе смотрел вверх. Раджабаралы растрескивались со страшным грохотом и выбрасывали вверх черные массы вещества, будто чудовищные орудия. Они действовали как паровые пушки. Это вырывалось наверх накопившееся под землей тепло. Изменившиеся условия на поверхности нарушили веками сложившийся баланс.

Дерево возле Лейнтала Эй взорвалось с оглушительным грохотом. Черные камни были его семенами, разбрасываемыми с такой силой, что казались настоящими снарядами, летящими с громадной скоростью и на большое расстояние — почти на полмили. Везде клубился горячий пар.

Когда стало тихо, оказалось, что взорвалось одиннадцать деревьев. И из развороченных стволов уже поднималась молодая поросль, украшенная зеленой кроной.

Эта новая крона была предназначена чтобы защищать корни деревьев от свирепого излучения Фреира. Ведь пройдут годы, и Гелликония приблизится к Фреиру настолько близко, что жизнь станет мучительной для всех — и для людей, и для растений. Раджабаралы разработали свою собственную систему выживания.

Эти изменившиеся раджабаралы были новым видом растительности, который будет царить на Гелликонии, когда в ее небе будет величественно плыть Фреир. Вместе с новыми видами животных они создадут экологическую среду, отличающуюся от той среды, которая была на планете, когда та согревалась одним Беталиксом. Двойная звездная система создала двойную биологическую среду.

Семена, черные и выглядящие как камни, были размерами с человеческую голову. В течение следующих шестисот тысяч дней некоторые из них превратятся во взрослые растения.

Лейнтал Эй поднялся и пошел к разведчику, посмотреть, что с ним случилось. Тот был ранен копьем фагора. Скитошерил и Лейнтал Эй отвели его туда, где оставались Аоз Рун и служанка. Разведчик был в плохом состоянии. Он истекал кровью. Его усадили возле дерева, и жизнь медленно покидала его.

Скитошерил занялся каким-то религиозным ритуалом, но Лейнтал Эй сердито сказал:

— Нам нужно идти в Эмбруддок как можно быстрее. Неужели ты не понимаешь? Оставь тело здесь. Оставь служанку с женой, и поехали. Время не терпит.

Скитошерил показал на тело.

— Это займет немного времени. И я, во имя веры, все же должен совершить ритуал.

— Фагоры могут вернуться. Их не так просто испугать, и нам уже трудно надеяться на следующий подарок судьбы. Я уезжаю с Аозом Руном.

— Удачного тебе пути, варвар. Надеюсь еще встретиться с тобой.

Лейнтал Эй сделал несколько шагов к Аозу Руноу, затем повернулся и сказал:

— Мне очень жаль, что твоя жена заболела.

Аоз Рун сохранил присутствие духа, когда взрывались деревья, и сумел удержать двух йелков. Остальные разбежались.

— Ты можешь ехать?

— Да. Помоги мне, Лейнтал Эй. Не надо списывать меня со счета — я свое еще наверстаю. Тот, кто выучил язык фагоров, видит мир совсем по-другому.

— Садись в седло, и поехали. Я боюсь, что мы и так опаздываем предупредить Эмбруддок об опасности.

Они быстро понеслись по равнине, оставляя позади рошу раджабаралов и сиборнельца, молящегося стоя на коленях.

Два йелка шли вперед, низко опустив головы. Их глаза смотрели только на землю перед собой. Когда они роняли на землю свои испражнения, мухи и другие насекомые густым роем облепляли неожиданное сокровище.

Обзор был плохим, так как долина была пересечена рядами холмов. Кое-где виднелись древние каменные мегалиты. Их кольцевой орнамент пострадал от долгой эрозии. Лейнтал Эй ехал впереди, готовый встретить опасность. Он изредка оглядывался, чтобы не потерять из вида Аоза Руна.

В долине виднелись отдельные разрозненные группы беженцев. Лейнтал Эй старался объезжать их как можно дальше. Кое-где валялись трупы, изъеденные хищниками и стервятниками. В одном месте они спугнули сабр-тонга.

Холодный фронт уже возник, как занавес, позади них на востоке и севере. Там, где небо оставалось ясным, были видны Фреир и Беталикс, почти сомкнувшиеся между собой. Они проехали мимо Рыбьего озера, где некогда Шей Тал сотворила чудо. И тут поднялся ветер. На землю опустилась тьма.

Лейнтал Эй спешился и ласково погладил морду йелка. Аоз Рун оставался в седле.

Началось затмение. Снова, как и предсказывала Ври, Беталикс откусил кусок Фрейра. Процесс заглатывания был медленным и неотвратимым. И Фреир должен был исчезнуть на целых пять с половиной часов. В нескольких милях отсюда кзаххн ждал сигнала.

Оба солнца слились в одно. Жуткий страх охватил Лейнтала Эй. На небе засияли звезды. Лейнтал Эй закрыл глаза и зарылся лицом в шерсть йелка. Снова наступило затмение, и Лейнтал Эй молил Вутру, чтобы тот выиграл свою битву в небесах.

А Аоз Рун с благоговейным трепетом смотрел на небо. Он воскликнул:

— Теперь Хрм-Бххрд Идохк умрет!

Время, казалось, прекратило свой бег. Бледный свет Беталикса полностью поглотил яркий свет своего соперника, и мир окутала серая мертвенная мгла.

Лейнтал Эй с усилием взял себя в руки и обратился к Аозу Руну, тряся его худые костлявые плечи:

— Что ты сказал?

Аоз Рун ответил:

— Я буду здоровым. Я снова стану самим собой.

— Я спросил, что ты сейчас сказал?

— Видишь ли, ты знаешь запах фагоров. Он такой едкий, привязчивый. И язык такой же. Он делает все совсем иным, заставляет взглянуть на мир по-другому. Я был с Йхамм-Вхррмаром полгода. Мы много говорили с ним обо

всем. Даже о таких вещах, которые для нашего разума, разума людей, кажутся не имеющими смысла.

— Я не об этом. Что ты сказал об Эмбруддоке?

— Я сказал то, что для Йхамм-Вхррмара было очевидно, как будто это случилось в прошлом, а не предполагается быть в будущем. Фагоры должны уничтожить Эмбруддок...

— Я должен идти. Иди за мной, если хочешь. Я должен вернуться и предупредить всех — Датку, Ойру...

Аоз Рун неожиданно сильно схватил его руки.

— Подожди, Лейнтал Эй. Еще немного — и я буду сам собой. Я перенес костную лихорадку. Холод стиснул мое сердце.

— Никогда не оправдывайся перед другими. Оправдывайся только перед самим собой.

На Лейнтала Эй смотрел уже почти прежний Аоз Рун.

— Ты один из лучших людей. Я был твоим лордом. Слушай. Я сказал то, о чем никогда не думал, пока не провел полгода на острове. Люди рождаются, живут в этом мире, затем уходят в мир призраков. От этого не уйти никому. Каждый ушедший заслуживает доброго слова.

— Я скажу доброе слово о тебе, когда ты уйдешь. Но ты еще жив.

— Фагоры знают, что их время ушло. Наступило время людей. Солнца, цветов. И так будет до тех пор, пока мы все не забудем.

Лейнтал Эй выругался, не понимая, о чем говорит Аоз Рун.

— Зачем думать о завтрашнем дне? Нас должны волновать сегодняшние заботы и дела. Я еду в Эмбруддок.

Он вскочил на йелка и пришпорил его. Как человек, только что очнувшийся от летаргии, Аоз Рун последовал за ним.

Серая мгла все сгущалась, становилась плотнее, непроницаемее. Лейнтал Эй и Аоз Рун проезжали мимо групп беженцев, застывших в смертельном страхе.

Позже они увидели человека, который шел пешком. Он шел медленно, но упорно, хотя эти движения доставляли ему большие мучения, как физические, так и моральные.

Он остановился на вершине холма и посмотрел на них, будучи готовым в любую минуту пуститься в бегство. Лейнтал Эй положил руку на рукоять меча.

Даже в этом сером свете он не мог ошибиться, не мог не узнать этого человека с бородой, в которой уже виднелась седина. Лейнтал Эй окликнул его по имени и поехал к нему.

Райнилу Лайану потребовалось время, чтобы узнать Лейнтала Эй, и еще больше времени, чтобы узнать во втором худом как скелет человеке могучего Аоза Руна. Он осторожно приблизился к Лейнталу Эй и схватил его руку своей влажной ладонью.

— Я уйду к праотцам, если сделаю еще хоть один шаг. Оба вы пережили костную лихорадку и остались живыми. Может, я не буду столь счастлив. Говорят, что развратная жизнь делает человека менее устойчивым к болезни. — Он прижал руку к груди и вздохнул. — Олдорандо умирает от болезни. Я не успел бежать вовремя, идиот. Я грешник, хотя ничем не хуже тебя, Аоз Рун. Эти пилигримы говорят правду. Призраки ждут меня.

Он тяжело опустился на землю, обхватив голову, и оперевшись локтем на мешок.

— Скажи мне, что в городе, — нетерпеливо произнес Лейнтал Эй.

— Не спрашивай меня ни о чем. Дай мне умереть.

Лейнтал Эй спрыгнул на землю и пнул ногой мастера в задницу.

— Что в городе... кроме болезни?

Райнил Лайан повернулся к нему.

— Враги внутри... Будто недостаточно одной болезни... твой лучший друг, лорд Западного Вельдта, пытался захватить власть. Человеческая натура приводит меня в отчаяние.

Он сунул руку в кошелек, висевший на поясе, и достал горсть золотых монет, только что отчеканенных в городе.

— Продай мне йелка, Лейнтал Эй. Тебе всего час пути до дому. Ты обойдешься и без йелка. Но мне он нужен...

— Расскажи мне все, черт бы тебя побрал. Что с Даткой? Он убит?

— Кто знает? Возможно. Я бежал прошлой ночью.

— А отряды фагоров? Как ты прошел через них? Откупился?

Райнил Лайан сделал рукой жест, показывая, что дает кому-то монеты.

— Их очень много между нами и городом. Но мади провели меня. Интересно, как это они делают, грязные твари. — И внезапно, как будто вспомнив, он добавил. — Пойми, я бежал не ради своего спасения, а ради спасения тех, о ком должен заботиться. Остальные еще сзади. У нас украли хоксни, поэтому движемся мы медленно.

Зарывав, как зверь, Лейнтал Эй схватил его за шиворот и рывком поднял на ноги.

— Другие? Другие? Кто с тобой? Кого ты бросил, мочевой пузырь? Ври здесь?

Ехидная улыбка.

— Прости меня. Она предпочла астрономию. Она все еще в городе. Послушай, Аоз Рун, я спас друзей, твоих и Аоза Руна. Отдай мне йелка.

— Поговорим потом, — он оттолкнул Райнилу Лайана и вспрыгнул в седло. Ожесточенно прищипывая йелка, он помчался вперед, что-то выкрикивая.

И вскоре он нашел троих людей и маленького мальчика. Мади лежал, зарывшись лицом в землю, насмерть перепуганный теми зловещими явлениями, которые происходили на небе. Рядом с ним были Дол с мальчиком и Ойра. Мальчик плакал.

Две женщины в ужасе смотрели, как Лейнтал Эй спрыгнул с седла и направился к ним. И только когда он окликнул их, они узнали его.

Ойра тоже прошла сквозь игольное ушко болезни. И теперь они стояли и улыбались, рассматривая новые тощие как скелеты тела друг друга. Затем она рассмеялась и заплакала одновременно, бросилась к нему в объятия.

Они стояли, крепко обняв друг друга, прижавшись лицами друг к другу. Аоз Рун подошел сзади, взял руку сына, обнял Дол. Слезы текли по его лицу.

Женщины рассказали о неудавшейся попытке Датки захватить власть. Датка все еще в городе вместе со многими другими. Когда Райнил Лайан пришел к Ойре и Дол и предложил им уйти из города в более безопасное место, они согласились. Они согласились только потому, что боялись за жизнь маленького Ратила Руна, прекрасно понимая, что Райнил Лайан стремится бежать в основном чтобы спасти свою жизнь. Как только они выехали из города, все их пожитки и хоксни были украдены разбойниками из Борлиена.

— А фагоры? Они собираются напасть на город?

Но женщины могли сказать только то, что город стоит, несмотря на хаос в нем. И город окружен громадным количеством фагоров.

— Я должен попасть в город.

— Тогда я пойду с тобой — я не покину тебя больше, любимый, — сказала Ойра. — Райнил Лайан может делать, что хочет. Дол и мальчик останутся с отцом.

Пока они разговаривали, с запада потянуло дымом, который окутал всю долину. Однако они были слишком увлечены, слишком счастливы, чтобы заметить это.

— Вид моего сына вернул мне жизнь, — сказал Аоз Рун, прижимая к себе ребенка и вытирая рукавом слезы. — Дол, если ты забудешь прошлое, я буду для тебя хорошим мужем.

— Ты испытываешь сожаление, отец, — сказала Ойра, — но я первая должна покаяться. Я знаю, что я плохо относилась к Лейнталу Эй и потому едва не потеряла его.

Увидев слезы в ее глазах, Лейнтал Эй невольно подумал о волосатой сноктруикс, вспомнил, что только благодаря ей он и Ойра смогли встретиться вновь. Лейнтал Эй обнял девушку, которая в это время говорила сквозь слезы:

— Прости меня, я всегда буду твоей, клянусь!

Он обнял ее, улыбаясь:

— Не теряй мужества. Оно тебе понадобится. Нам нужно еще многому научиться. Время меняется, должны измениться и мы. Спасибо, что ты дала мне шанс понять это.

Они снова прижались друг к другу, целуя истончившиеся губы.

Мади стал приходить в чувство. Он поднялся, позвал Райнилу Лайана, но мастер гильдии уже сбежал. Дым стал совсем густым, с неба сыпались хлопья пепла.

Аоз Рун начал рассказывать Дол о своих мытарствах на острове, но его прервал Лейнтал Эй.

— Теперь мы все снова вместе, и это настоящее чудо. Но мы с Ойрой должны как можно быстрее вернуться в Эмбруддок. Мы там нужны.

Два солнца потерялись в дыму. Поднялся ветер. Это был ветер, дующий со стороны Эмбруддока. Он принес собой вести о пожаре. Дым стал еще гуще. Он превратился в облако, где скрылось все — и друзья и враги. Все было окутано дымом. Ветер принес и вонь сожжения. Над головами летела на восток стая гусей.

Человеческие фигуры сгрудились вокруг двух йелков, олицетворяя собою три поколения. Они двинулись по долине. Их предназначением было выжить, несмотря на то, что все остальные погибли, несмотря на то, что юный кзаххн торжествовал победу, выполнение своего долга.

И в пламени, охватившем Эмбруддок, уже рождались черты нового мира. Прикрываясь маской бога-фагора Вутры, Шива — бог разрушения и возрождения — начал свою яростную работу на Гелликонии.

Затмение теперь стало полным.

Или же, напротив, можно предположить, что все такие вещи существовали ранее, но люди уничтожили все следы этого, что все это было уничтожено пожарами и стихийные бедствия не оставили ни следа от древних людских поселений. Это даже более правдоподобно, поскольку, по моему глубокому убеждению, ничто не вечно под луной. В мире существует много опасностей и напастей, и какой-нибудь сильный катаклизм вполне способен уничтожить даже руины.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей. 55 г. до н. э.

Благодарности

Хочется поблагодарить за полезные предварительные дискуссии профессора Тома Шиппи (филология), д-ра Дж.М. Робертса (история) и м-ра Десмонда Морриса (антропология).

Я также весьма благодарен д-ру Б.Е. Джуэль-Дженсену (патология) и профессору Джеку Козну (биология) за крайне полезные подсказки. Все, что хоть сколько-то созвучно темам филологии, принадлежит профессору Тому Шипли; его живой энтузиазм оказал мне немалую поддержку. Самую же большую благодарность хотелось бы высказать профессору Изну Николсону (космология и астрономия) и д-ру Питеру Каттермоулу (геология, климат) — описанный здесь мир появился и оказался обитаемым исключительно благодаря им.

Д-р Мик Келли и д-р Норман Майер давали мне советы в отношении нового типа зимы, отличающегося от обычного холодного сезона. Конструкция Великого Колеса по большей части принадлежит д-ру Джоерну Бамбеку. Джеймс Лавлок великодушно позволил мне использовать его концепцию Гайя, облачив ее в художественную форму. Герр Гольфгенг Гешке с самого начала выражал большой интерес и уделял пристальное внимание моему проекту.

Я многим обязан, и это, надеюсь, здесь заметно, дружескому отношению и работам д-ра Дж. Т. Фрэзера.

Также огромное спасибо Дженифер Элтон (за то, что безропотно все это набирала), Дэвиду Вингрову (за то, что был при необходимости подобен Протею; специалисту во всем) и моей жене Маргарет (за то, что была самой собой).

Приложения

Приложение 1

Космология

Звезда А (позднее известная как Фрейр) когда-то была двойной (имела парой Звезду С).

За восемь миллионов лет до описываемых событий Звезда В (позже известная как Беталикс) вошла в гравитационное поле Звезды А. В результате последовавших орбитальных возмущений Звезда С полностью покинула систему, в то время как Звезда В была захвачена. Тем самым Звезда В образовала с Звездой А устойчивую бинарную систему. Характеристики вновь образовавшейся бинарной системы следующие:

Звезда А

Масса: 14,8 массы звезды Сол (Земного светила/Солнца)

Яркость: $60\,000 \times$ яркость Солнца

Температура: 11 000 градусов по Кельвину

Радиус: $65 \times$ радиус Солнца, или 28 112 500 миль

Спектральный класс: Тип А, супергигант

Цвет: Белый

Возраст Звезды А: от 10 до 11 миллионов лет. Звезда в развитии вышла уже из главной последовательности и по возрасту приближается к старости.

В момент захвата Звезды В Звезда А была менее яркой, но более горячей. Таким образом в течение первого миллиона лет после захвата планеты системы Звезды В были подвержены воздействию ультрафиолетового излучения большей интенсивности, чем в настоящее время. В результате рентгеновского и ультрафиолетового облучения произошло ускоренное развитие существующих видов.

У Звезды А не было планетной системы. Обращающиеся вокруг Звезды А останки процесса образования были притянуты к звезде и поглощены ею.

Звезда В

Масса: 0,96 массы Солнца

Яркость: 0,8 яркости Солнца

Температура: 5 600 градусов Кельвина

Радиус: 0,94 радиуса Солнца, или 406 550 миль

Спектральный Класс: G4

Цвет: Желтый

Вокруг Звезды В обращаются четыре планеты. Это, ведя отсчет от самой отдаленной к ближайшей: Копайс, Аганип, Гелликония и Ипокрен.

В период, предшествующий захвату Звездой А, Гелликония имела луну, сошедшую с орбиты и утерянную в процессе захвата супергигантом.

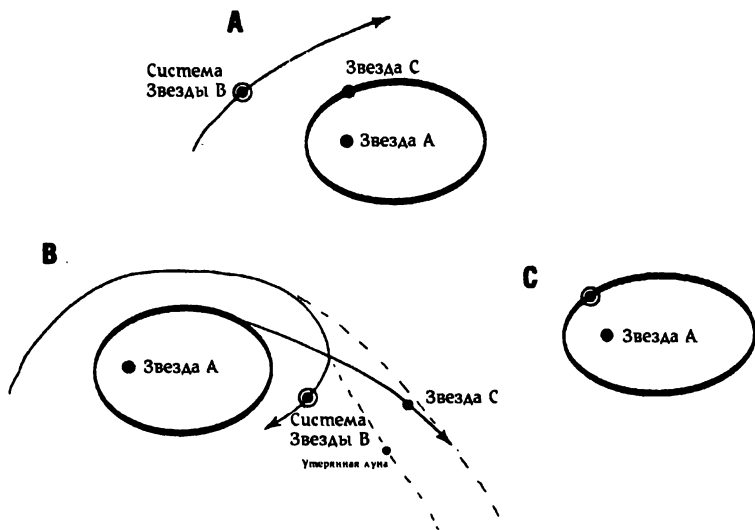

Рис 1. Рождение новой бинарной системы.

Как показано на рис. А, в начале процесса система Звезды В, или Беталикса, проходит поблизости от Звезды А (Фрейра), в ту пору сопровождаемого звездой класса G, Звездой С. Начало орбитальных возмущений.

На рис В. показано, что в результате появления Звезды В и изменения орбит и гравитационных сил Звезда С покидает систему, а Звезда В остается в паре со Звездой А, оказавшись под влиянием ее притяжения. Спутник одной из планет системы Звезды В, а именно Гелликонии, также сходит с орбиты и покидает систему, улетая в направлении Звезды С.

На рис. С показана схема новой бинарной системы. Теперь Звезда В вместе со своей планетной системой обращается вокруг звезды А.

Местоположение

Относительно Земли бинарная система Звезд А и В расположена в созвездии Змееносца. Основная часть темного пылевого облака находится поблизости от соседствующего созвездия Скорпиона, на расстоянии 700 световых лет от Земли. Облако включает в себя группу относительно молодых звезд, среди которых находится и Звезда С.

Звезда А расположена к северу от Антареса. Координаты: прямое восхождение $16^{\text{h}} 25^{\text{m}}$; склонение: $-24^{\circ} 30'$.

Первое обозначение Гелликонии на земных картах: Планета G4PBX/4582-4-3.

Описание Гелликонии

Гелликония — планета приблизительно земных характеристик.

Радиус: 4800 миль.

Диаметр окружности: 30 159 миль.

Удельная плотность: 4,09.

Наклон оси к плоскости вращения орбиты: 55 градусов.

Сравните с 23 градусами наклона земной оси.

Подобная величина наклона оси Гелликонии увеличивает разницу температур между климатическими зонами.

Состав атмосферы немного различается в состоянии перед захватом относительно состояния после захвата Фрейром. В состоянии перед захватом большое количество двуокиси углерода в атмосфере давало среднее значение годичной температуры -7 градусов. После захвата в точке периастра (в точке самого близкого нахождения Звезды В и планет ее системы к Звезде А) некоторая часть атмосферной двуокиси углерода соединилась с водой, образовав углеродные скалы.

В результате этого содержание двуокиси углерода в атмосфере уменьшилось, блага «парникового эффекта» сошли на нет и средняя температура поднялась до $+10$ градусов.

Другими словами, условия до захвата были лучше, чем могло ожидать, в то время как условия после захвата стали более жесткими.

Орбитальное движение

Малый год Гелликонии, иными словами период ее обращения вокруг материнской Звезды В, равен 1,42 земного года (г.З.).

Движение звезды А и В таковы, что обращение звезды В вокруг звезды А происходит за 2592 земных года. Звезда В, в соответствии с законами Кепплера, движется по своей орбите с изменяющейся скоростью, замедляя свое движение в наибольшем отдалении от звезды А (апоастр), и разгоняясь более всего в ближайшей точке (периастр). В соответствии с этим, планеты звезды В, включая Гелликонию, получают повышенное количество энергии в течение более короткого интервала времени по сравнению со временем, в течение которого количество получаемой планетами энергии минимально.

На рис. 2 показан Большой Год Гелликонии, период наибольшего обращения, где t = время в земных годах с момента апоастра.

Именно Большой Год определяет фундаментальные изменения климата Гелликонии и именно Звезда А обеспечивает большую часть тепла и энергии, получаемые Гелликонией.

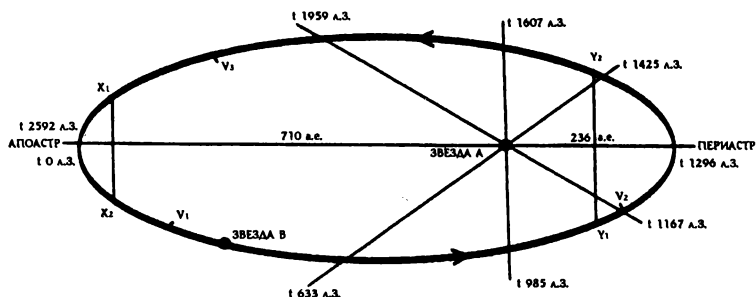

Рис. 2. Орбита

X1 и X2 отмечают 500 лет Земли с обеих сторон от апоастра.

Y1 и Y2 отмечают периоды вблизи периастра, когда звезда А светит в небе Гелликонии ярче звезды В.

Точки V1, V2 и V3 отмечают моменты времени, которым примерно посвящены три книги трилогии.

Время от 311 по 633 г.З. обозначает период сравнительно быстрого улучшения климатических условий. После этого наступает относительно медленный процесс потепления по мере приближения к периастру. Начиная с 1929 г.З. начнется довольно быстрое похолодание. По обе стороны от апоастра существует период в пять земных веков, в течение которых климат очень суров и неустойчив; в это время краткий ледниковый период либо набирает силу, либо медленно отступает. Это составляет контраст с гораздо более краткими 238 г.З. высшей точки лета, вблизи периастра.

Орбиты четырех планет Звезды В расположены на следующих расстояниях от материнского светила:

Капаис — 0,31 астрономической единицы

Аганип — 0,82 астрономических единиц

Гелликония — 1,26 астрономических единиц

Ипокрен 1,53 астрономических единиц

На Аганипе выстроена часовня Аганипа (Книга 2, Глава 10), отмечающая место, где во время строительства земной Наблюдательной Станции проживали 512 будущих жителей спутника Аверн.

Спутник Гелликонии

Спутник Гелликонии, утерянный во время захвата Беталикса Фреиром, известен под данным ему фагорами названием *Т'Сехн-Хрр*. Утерянный спутник есть ключ к появлению людей на Гелликонии. (Истина так и не была раскрыта СарториЙрврашем, пострадавшим за оглашение своего открытия).

Жители Гелликонии разделяют малый год, состоящий из 480 дней, на недели и теннеры. В одной неделе содержится восемь дней. Один теннер состоит из 6 недель (т.е. из 48 дней). Таким образом год оказывается разделенным на десять равных частей.

Спутник Аверн

Аверн — спутник, помещенный на орбиту Гелликонии земной экспедицией. Спутник является земной Наблюдательной Станцией. Назначение спутника — передача наблюдательных данных из различных районов Гелликонии на Землю. Население Гелликонии называют ЗНС *Кайдау*, по причине чрезвычайно стремительного движения спутника на фоне звезд.

Аверн имеет почти круговую полярную орбиту, параметры спутника следующие:

Орбитальный радиус, измеренный от центра планеты:
5731 миля

Орбитальный период: 2 часа 9 минут 30 секунд

Форма: сфера диаметром 0,62 мили

Масса: 18000000 тонн

В зависимости от широты нахождения наблюдателя время прохождения Аверна через небосвод составляет от 20 до 24 минут, от восхода до заката. С поверхности Гелликонии максимальный угловой диаметр Аверна в самой высшей точке составляет 137,5 секунды дуги. Население Гелликонии, наблюдая Аверн в небе, видит довольно сложную череду прохождения его через фазы.

Факты из истории Аверна

Когда земной звездолет вышел на орбиту вокруг звезды В, на его борту находилось 512 колонистов, достигших зрелости и полностью развитых. ДНК оплодотворенных человеческих яйцеклеток были своевременно помещены в наноутробы под наблюдение компьютеров. Колонисты были разделены на шесть «семей», или кланов, каждый из которых выполнял свои специфические обязанности.

Как только колонисты высадились на базе Аганипа, автоматические механизмы начали строительство ЗНС, используя для этого местный материал, доставляемый из межпланетного пространства. Из-за различных осложнений и проволочек строительство заняло восемь г.З. После завершения постройки спутника колонисты были доставлены на его борт для того, чтобы немедленно приступить к изучению Гелликонии.

Передаваемая на Землю информация достигала своей цели только по прошествии тысячи лет. Таким образом первый сигнал, посланный на Землю, достиг ее лишь в 6344 н.э.

К моменту «Лета Гелликонии» Аверн находился на орбите уже тридцать два века Земли. Население Аверна достигло 6000 человек. Половая жизнь начиналась с восьми лет, однако процесс детопроизводства происходил только при помощи искусственных утроб.

Из шести кланов, назначением семьи *Пин*, или «семьи продолжительного наблюдения», было следить за развитием нескольких определенных семейств обитателей Гелликонии в течение всех циклов Большого Года (занимающего 60 поколений).

Семья *Го* занималась вопросами теологии, философии, онтогенеза, филогенеза и т.д.

Семья *Тан* изучала происхождение и развитие наиболее продолжительных конфликтов, от личностных до национальных и особого рода.

В качестве выпускного клапана от болезненности замкнутого пространства, авернцы могли участвовать в лотерее «Отпуск на Гелликонии»; победителю разрешалось посетить поверхность планеты. Но этот был билет в один конец.

Гелликония и Земля: Смежные даты

Звездолет колонистов покинул землю в 2100 году н.э. и прибыл в окрестности Звезды В в 3600 н.э. Перелет в 1000 световых лет занял 1500 лет. Аверн был полностью готов к использованию в 3608 году н.э. По времени Гелликонии это соответствовало году 500 После Афелия.

В Книге 1 Аверн существует более 1 Великого Года, т.е. около $2592 + 134 \text{ г.З.} = 2726$ земных лет.

В Книге 2 Аверн существует еще 543 года = 3269 г.З.

Таким образом даты соотносятся следующим образом:

На Земле	6877 н.э.
На Гелликонии	1177 г.З. после апоаэтра
На Аверне	3269

В Книге 3 Аверн существует еще 696 лет = 3965 г.З.
Даты соотносятся следующим образом:

На Земле	7573 н.э.
На Гелликонии	1873 г.З. после апоастра
На Аверне	3965

Мирквир, зловещий день в 1873 г.:

За полярным кругом Фрейр уходит за горизонт, чтобы не подниматься в течение примерно восемнадцати поколений.

Перевод единиц времени Гелликонии в Земные единицы времени

Единица Гелликонии	Эквивалент в единицах Земли
1 малый год или 10 теннеров	480 дней
1 день	25,92 часа
1 час	1,04 часа (62,4 минуты)
1 минута	1,56 минут
1 секунда	0,936 секунд

Обитатели Гелликонии доживают до преклонного возраста 70 лет, что составляет 99,4 г.З.

Метод исчисления времени Земли-Аверна сводится к нумерации лет после апоастра (п.а.). Что касается самой Гелликонии, то в различные времена у разных народов существовало свое летоисчисление и различное построение календарей. Как правило, все подобные календари начинались со дня прихода к власти местного деспота. Например, в «Лете» упоминается четыре различных календаря. Принимая это во внимание, Книга 2 начинается в момент:

Земное время	6877 н.э.
Земных лет п.а.	1177
Лет Гелликонии п.а.	
Календарь Денниса	828 *
Олдорандо-Борлиен	
после объединения	381 (по некоторым утверждениям 408)
Год анципиталов	748 **

*) Легендарный Король Деннис правил в год 249 после апоастра и предвидел катастрофу. Его календарь был забыт.

**) Полное и точное наименование этого года в календаре анципиталов, порожденное их вневременным разумом, следующее:

«Год 748-й после Малого Апофеоза Великого Года 5 634 000 После Катастрофы».

Иными словами, после того, как Фреир захватил Беталикс, что по земному времени случилось 8 000 280 лет назад.

Сопоставление возраста человеческого населения

Ввиду того, что Малый Год на Гелликонии длится дольше земного года, имеет место разница в возрасте.

Нижеследующая таблица (в годах) дает сопоставление возраста людей на двух планетах.

Земля	Гелликония
5	3,5
10	7
12	8,45
15	10,56
18	12,67
20	14
22	15,49

25	17,6
30	21
35	24,7
40	28
50	35,21
60	42
70	49
75	52,8
80	56

Во время лета Великого Года средняя продолжительность жизни на Гелликонии увеличивается.

Приложение 2

Фагоры

Основная схватка за главенство на Гелликонии происходит между людьми и фагорами. Фагоры, двурогие и мохнатые существа, первоначально составляли доминирующую расу на планете, пока Беталикс (Звезда В) не оказался захваченным Фреиром, светилом-супергигантом (Звезда А). Фагоры также именуются анципиталы (с двумя выростами на голове), из-за наличия рогов.

Эта отчасти напоминающая коров раса вероятнее всего эволюционировала из *фламбергов*, огромные стада которых бродят по северным просторам Сиборнела. Фламберги родственники более древних разновидностей рогатых, таких как *кайдау*.

Кайдау крупные рогатые животные, несколько напоминающие лошадей, поэтому фагоры обычно пользуются кайдау для езды. Все старые разновидности животных Гелликонии имеют одну общую черту, а именно шаровое соединение суставов, что позволяет конечностям гнуться в обе стороны. Необычайное проворство «уравновешивается» спорадическими замыканиями нервной системы, что в результате дает способность оставаться полностью неподвижными.

Фагоры ходят прямо и имеют на каждой руке по три пальца.

МОЗГ

Основное различие между людьми и фагорами заключено в структуре мозга. Мозг фагоров имеет одно полушарие и этим уже отличается от мозга людей, состоящего из двух полушарий. Аналога коры не существует. В той сте-

пени, в которой мозг фагоров может быть представлен аналогично человеческому мозгу, можно сказать, что мозг фагоров состоит преимущественно из гипоталамуса, покрытого нечто вроде мозжечка, контролирующего двигательные функции.

Фагоры существуют в своем собственном умелте. Сознание фагоров именуется эотемпоральным (Эос богиня рассвета, сестра Селены), и в нем начало и окончание действия неотличимы друг от друга. Для фагоров время не является индикатором развития, в том смысле, как время регистрируется сознанием человека. События отслеживаются в виде серии коренных моментов, среди которых исключено понятие направления; таким образом запоминается последовательность событий, но ничего напоминающего стрелку от прошлого к будущему здесь не присутствует. Рудиментарная нервная система делает возможным только действия и ответную реакцию. Однако наличие *привязи* (см. Приложение 4) существенно расширяет сознание анципиталов.

Анципиталы были повелителями молодого мира льда и холода, до того как в небе Гелликонии появился Фреир.

Вместе с их белыми птицами, крылатыми существами, питающимися паразитами, опасными для их хозяев, фагоры главенствовали в мире, от низовий Пеговина до вершины Эстахадок в Верхнем Нктрихке. В те далекие годы фагоры держали *других* в виде домашних животных.

КРОВЬ

Кровь анципиталов золотистого цвета, поскольку в состав ее входит антифризовый компонент, который (совместно с густым мехом) позволяет им переживать самые трескучие морозы. Птицы фагоров, кайдау и другие животные древнего мира имеют похожий состав крови. Кровь красного цвета, в которой отсутствует антифризовый компонент, присуща существам, появившимся на более поздней ступени развития.

В течение периодов холодов мхи и им подобная растительность составляют бóльшую часть рациона фагоров. Во мхах содержится очень много арахидоновых кислот, весьма полинасыщенных. Концентрация этих жирowych кислот в фосфолипидах клеточных мембран делает мембраны более текучими. Это существенно снижает температуру, при которой липиды мембран претерпевают фазный сдвиг из жидко-кристаллического состояния в более твердое или полутгелевое. Таким образом кислоты из мхов защищают клетки от низких температур и позволяют клеткам функционировать при холодах. Само собой, что у людей нет такого защитного свойства.

ПОЛ

Определяемый спорадическим действием нервной системы, у самок фагоров гон отмечается десять раз в году (*теннеров* по эотемпоральному определению, что эквивалентно земному понятию «месячные»). Спаривание у фагоров происходит бурно. Как и у земных горилл, пенис фагоров невелик. Среди фагоров никогда не отмечаются акты насилия; насилие фагоров — это часть людской мифологии, связанной с ними. Самки живородящие, и вскармливание происходит молоком; вынашивание плода после зачатия занимает один малый год (или год Беталикса). И у самок и у самцов в митохондриях клеток имеется вирус гелико.

сталлун — взрослых самец

креахт — молодой самец

гиллота — взрослая самка

филлота — молодая самка

рунт — дитя любого пола

ЯЗЫК

Фагоры пользуются двумя смежными языками: *родным* анципиталом и повседневным языком, в которых имеется только одно время, постоянное продолженное. *Эотемпорал* — это священная языковая форма, также используемая для счета на основе троичной системы счисления. Предположительно это язык, на котором анципиталы общаются при погружении в *привязь*.

Обычно общение от фагора к фагору происходит с применением большого числа жестов. Так, к примеру, церемония прощания сопровождается жестом «Держи рога высоко», в котором обе стороны наклоняются вперед, прижав руки к бокам, и соприкасаются лбами, переплетая рога. Затем прощающиеся быстро расходятся.

Приложение 3

Другие виды

Сразу же после захвата Беталикса Фреиром на поверхность планет первого обрушилось сильнейшее излучение со стороны супергиганта, относящегося к типу А.

Изменения, которые в результате произошли в атмосфере Гелликонии, свелись к увеличению уровня кислорода, по причине фотолиза CO_2 , H_2O и т.д. Воздействие на океаны также было существенным. Огромный рост концентрации макромолекул привел к росту активности во всех звеньях пищевой цепочки.

В течение первого миллиона лет сразу после захвата мощность рентгеновского и ультрафиолетового облучения, которому подверглась поверхность Гелликонии, была максимальной. Результатом было стремительное эволюционирование видов. Раса людей эволюционировала из маленькой геспагоратской обезьянки. Некоторые расы почти полностью исчезли — например, *чилдримы*.

В процессе эволюционирования Другие стали самостоятельными от фагоров, но тем не менее оставались жить вблизи двурогих, имея с ними близкие связи, в том числе пищевые. Это продолжалось в течение развития Других до протогностической (предразумной) стадии. Этим объясняется наличие многих слов из языка фагоров в олонецком языке (главное — бог Акха). Постепенно произошло расселение племен из Геспагората и Пеговина через перешеек на территорию Кампаннлата. Расселение было возможно благодаря наличию в древние времена проходимого перешейка между двумя континентами.

Миграционные пути фагоров Восток-Запад установились как раз во времена распространения людей по Кампаннлату или немного позже.

Племена, первыми ступившие на Кампаннлат, именовались *олле онец*. Название племя получило по имени жирной рыбы, в изобилии водившейся на мелководе по обе стороны перешейка. От названия племени получил свое наименование главный язык Кампаннлата, олонецкий язык.

Многочисленные «зимние» племена были оттеснены на восток наседавшими новыми пришельцами. Клань, впоследствии населившие Нижний Никтрихк, такие как морд-риатцы, являются потомками племен, побежденных и изгнанных со своих мест.

Рис. 3. Древний мост-перешеек

Перешеек выделен жирными линиями. Очертания суши в настоящее время отмечены тонкими линиями. Перешеек разделял океан Климент и море Нармоссет. Суша в обоих окончаниях перешейка, разрушенного вслед за таянием ледниковых шапок на полюсах, постепенно превратилась в области Зрасса и Рададо, в настоящее время разделенные проливом Кадмира.

МАДИ

Переходная раса полулюдей, так и не достигших полностью человеческого развития сознания. Мади относятся к протогностическим племенам. Странствие — это основа их существования, вне зависимости от сезона и времени года, будь в небесах одно солнце или два. Жесткий образ поведения мади свидетельствует о том, что они существовали до захвата Фреиром, и многое из их жизни в ту пору, осталось и по сей день.

Будучи не очень многочисленными, мади тем не менее сумели оставить свой след на поверхности планеты, а именно, на территории Кампаннлата. Бесчисленные поколения мади, многие века проходя одними и теми же путями, оставляли за собой след из спор и семян, за счет чего образовались длинные полосы растительности, называемые *укт*. Укт дает убежище птицам, грызунам и змеям, а в некоторых местах обозначает границы территорий разных народов. Мади почти не понимают ход времени; прохождение времени для них измеряется лишь дистанциями пройденного пути.

Мади чрезвычайно миролюбивы и беззащитны, их легко пленить и эксплуатировать. Мади часто содержатся в своем хозяйстве людьми, при этом женские особи используются в качестве сексуальных рабынь. Несмотря на свой маленький рост, мади во многом напоминают людей, и кровосмешение встречается не так редко.

Племена мади называют свой язык *xp'Madu'x*, что свидетельствует о раннем влиянии фагоров. Язык настолько несо-

вершенен, что нет ничего, чтобы можно было точно описать при его помощи. Самое основное понятие в языке, как и в жизни мади — *Ахд*. В языке отсутствуют письменные формы.

Из других языков иногда заимствуются некоторые слова и выражения, но отношение племен к этим формам обычно враждебное или, по меньшей мере, боязливое.

хр'Мади'х — язык

Ахд — жизнь, странствие

укт — полоса земли, засеянная в результате миграционных странствий

ла'храп — плоские бездрожжевые лепешки

флебихт — аранг, пастбищное стадное животное

Из других рас или полурас можно назвать малорослых протогностиков, рост которых не достигает человеку до пояса, нондадов. Нондады предпочитают жить и проводят большую часть жизни под землей. В большинстве своем мирные, нондады каким-либо образом назначают своих правителей, и пока основная часть нондадов выясняет главные вопросы существования на языке «щелканья, свиста и рычания», их короли-воины ведут свои сражения в Восьмидесяти Тьмах.

Ускуты охотятся на нондадов и употребляют их в пищу; кушанье из жаренного нондада известно как *трибри*.

Нондады проживают на Кампаннлате, Африке Гелликонии.

Родственная нондадам разновидность, ондоды, обитают на северном континенте, Сиборнеле, в более суровом климате.

НЕКРОГЕНЕЗ

По эволюционной шкале некрогенез представляет собой не развившуюся далее (тупиковую) ветвь развития животного мира периода до Фрейра. Эти разновидности рыб и

животных производят наследство только через собственную гибель. Примером является ассатасси (рыба, или, точнее, рыбо-ящерица), йелки, бийелки и гуннаду.

Некрогены являются гермафродитами без органов вынашивания плода и деторождения, таких как матка и яичники.

Например, ассатасси, клювоносовая рыба, взрослая особь которой имеет полуразвитые крылья, во время великого лета в определенную часть года вылетают на сушу многими миллионами вдоль побережья моря Орла. Место спаривания ассатасси лежит далеко от берегов, в море Ардент. Спарившись, ассатасси плывут на восток против океанского течения, минуя пролив Кадмира, и, совершая предсмертный полет, развивают приличную скорость.

Рыбы выбрасываются на берег Геспагоррата, при этом некоторым удастся пролететь над сушей приличное расстояние. Там, где они падают на землю, они умирают. В своих животах взрослые рыбы несут молодняк. Молодняк живет в виде червей в разлагающихся останках своих родителей, постепенно претерпевая метаморфозу, превращаясь в существа, обладающие лапами и хвостом, которые ползут обратно к морю. (Впервые ассатасси появились на страницах земной литературы в рассказе «Звездный век», в сборнике «Галактики как песчинки».)

Сухопутные формы некрогенеза, большие по размерам, тем не менее следуют той же схеме. После спаривания, сперма внутри йелка развивается в зародышевые существа, напоминающие червей, первое время обитающие в двойных желудках родителей. Развившись, черви проникают в артерии и в конце концов вырываются из них в родительское тело, вызывая быструю смерть родителей. После этого зародыши пожирают трупы родителей, а также и друг друга, до тех пор пока не происходит очередная метаморфоза, в результате которой они выходят в мир уже в виде молодых вполне развитых йелков, готовых бороться за свое существование.

ВУТРА

В великом круговороте жизни Гелликонии одна из форм жизни заслуживает особого упоминания. В течение многих веков Великой Зимы Червь Вутры существует в виде гигантского червя, позлающего под землей и поедающего все, что ему попадется. С наступлением Весны червь превращается в прожорливого дракона. Обладая отличными летными качествами, дракон Вутра пожирает все, что попадает ему на пути. Для воинственных человеческих племен — в Панновале, да и в других местах — Вутра являет собой самого Бога Небес. Отсюда и произошло понятие Божества.

С началом Великого Лета происходит новая трансформация в жизненном цикле червя. Червь уходит в потеплевшие воды океана, вступая в стадию морской жизни. Позади остается период продолжительных полетов в небесах на головокружительных высотах, где происходило активное ухаживание и спаривание; теперь Вутра обитатель моря. Океаны кишат кормом. В этой питательной среде появляется новое потомство.

Это только что произведенное на свет рыбообразное потомство, столько же многочисленное, сколько и беззащитное, известно прибрежному населению под названием рыба-скаппер. Рыба-скаппер питательна, и из нее готовится очень вкусное блюдо.

По прошествии нескольких веков, с приходом Великой Осени, рыба-скаппер выбирается на сушу (очень напоминающая земного мад-скиппера) и отращивает крылья. Еще через несколько лет Червь Вутра снова парит в тускнеющих небесах.

И даже в течение этого периода, когда его поедают тысячами и сотнями тысяч, Червь Вутра сохраняет за собой нишу в ночном небе.

Большинство народов Сиборнела и Кампаннлата различают десять знаков Зодиака, созвездий в плоскости эклиптики, пересекаемых парой солнц и другими планетами.

Один из этих знаков Зодиака, Червь Вутра, иногда называемый Ночным Червем. Где-то в глубине этого созвездия находится неяркая звезда, именуемая Сол.

Знаки Зодиака:

Летучая Мышь

Дьявольский Бык (также известный как Вутра-Буйвол)

Валун

Червь Вутра (Ночной Червь)

Шрам Королевы (Рана Акха)

Старый Всадник

Фонтан

Золотой Корабль

Два Пса

Меч

Приложение 4

Люди Гелликони

Особый интерес землян к Гелликони связан с тем, что после многих веков межзвездных экспедиций наконец была открыта планета, на которой развилась человеческая форма жизни, составляющая существенную часть биомассы. При этом довольно скоро после начала исследования со станции Аверн было обнаружено, что люди Гелликони отличаются от землян в малой степени физически, но в огромной степени психологически.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ

Одно из отличий чрезвычайно значительно и необыкновенно с точки зрения землян, и должно быть отнесено к психологическим или даже скорее к психогенетическим свойствам обитателей Гелликони. В связи с этим земляне за многие века споров так и не смогли решить, возможно ли отнести обитателей Гелликони к людям вообще или это некий особый вид существ.

Расхождение (как некоторые осторожно называли эту великую разницу) связано с тем, что у обитателей Гелликони более плавная и размытая граница между жизнью и смертью, в отличие от четко разграниченных состояний у земных людей. У людей Земли ты либо жив, либо умер. На Гелликони же вслед за физической смертью следуют несколько переходных состояний.

Покинув тело душа усопшего опускается в обидную реальность энтропии. В этой реальности, противоположной жизни, имеется два уровня психологического распада: *духи*, то, что остается от недавно умершего, и нечто находящееся гораздо ниже по лестнице распада, *остан-*

ки. Духи легко доступны для мысленного общения, начиная от взаимных обвинений до сладчайшего успокоения, что возможно имеет связь с текущим климатическим сезоном. Останки, значительно менее разговорчивые, находятся по глубине залегания существенно ниже, практически на пути к окончательному распаду и объединению с Изначальной Прародительницей — насколько возможно объяснить суть этого понятия.

(Позже термин «Изначальная Прародительница» был проанализирован более глубоко. В результате было установлено, что это аналог земной Гайя, бессознательной воли биомассы — начала, порождающего усилия, поддерживающие неустойчивое равновесие жизненных сил на планете).

Живые способны общаться с духами, для этого необходимо войти в состояние транса, очень напоминающее смерть и называющееся *пáук*.

После физической смерти фагоры претерпевают аналогичное нисхождение к состоянию полного распада. Этот переход называется *привязь*.

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Между мужчинами и женщинами не отмечается слишком большой разницы в очертаниях тела. Но зато оба пола претерпевают существенные трансформации веса и формы тела перед началом и перед окончанием Великой Зимы. Изменения связаны со значительными колебаниями притока энергии на поверхность планеты. Эти изменения по сути представляют собой особый механизм выживания, выработанный эволюцией.

Гелико-вирус

Причиной трансформация веса и формы тела является плеоморфный гелико-вирус, нечто похожее на земной скрытый патоген. Тело вируса представляет собой икосаэдр, со-

стоящий из липидов и белков, и содержит в себе нуклеокислоты РНК. Диаметр вируса 97 миллимикрон. На Аверне нет фильтров, способных задержать этот вирус. По этой причине авернианцы не могут посетить поверхность планеты, по орбите вокруг которой вращается их станция (за исключением редких — и со смертельным исходом — случаев).

Гелико-вирус проявляет свою активность дважды в течение Великого Года, первый раз приблизительно через 600 г.З. после апоастра. В эту пору вирус свирепствует в течение нескольких малых лет, постепенно теряя свою силу по мере улучшения климатических условий и роста солнечного тепла. Второе проявление вируса происходит во время охлаждения планеты и наступления Великой Зимы, примерно около 1800 г.З. после апоастра.

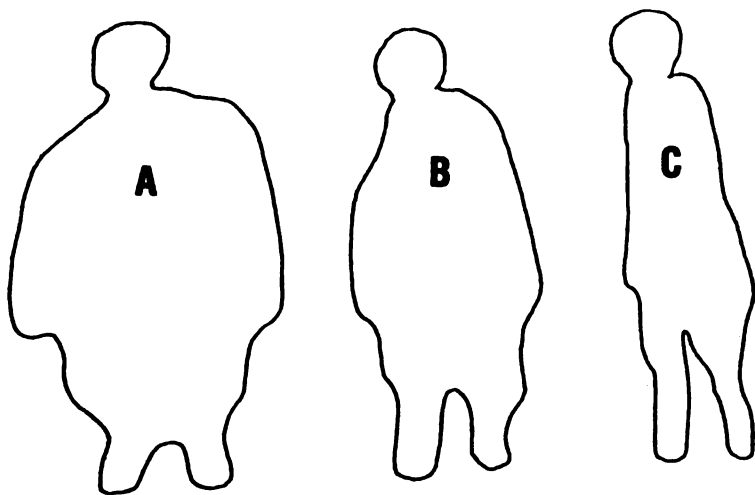

Рис. 4. Диаграмма изменения формы человеческого тела в течение Великого Года.

а — Выжившие после Смертельного Ожирения перед началом Зимы

б — Фигура среднего периода

в — Выжившие после Костной Лихорадки перед началом Весны

При каждой вспышке эпидемии вирус несет многочисленные смерти. Вирус поражает гипоталамус, следствием чего является энцефалит (воспаление мозга) и безумие. Проявления болезни на этой стадии напоминают менингит. Как правило, население от эпидемии сокращается в два раза. У выживших изменяется форма тела, при этом в случае осенней болезни масса тела увеличивается в полтора раза от среднего веса, по мере прогрессирования Смертельного Ожирения. Эта стадия сопровождается неудержимыми приступами булемии: больные пожирают все, домашних животных, собственные фекалии, своих детей — все живое, что может быть поймано и съедено. Выжившие от Костной Лихорадки соответственным образом теряют в весе, что сопровождается приступом анорексии и добровольного голодания.

В течение нескольких последующих поколений выжившее население постепенно возвращается к обычной форме тела, жировые наслоения исчезают или наоборот набирается немного веса. В процессе обретения обычного вида люди также снова теряют иммунитет к вирусу.

Все эти ужасы имеют вместе с тем и позитивное значение. Являясь частью естественного процесса, болезнь призвана обеспечить выживание человеческого населения, что является защитной реакцией на космические пертурбации, вызывающие сильнейшие изменения климата.

В более примитивные времена две формы заболевания, вызываемые вирусом, считались не связанными друг с другом. Осенью болезнь именовалась Смертельным Ожирением, весной — Костной Лихорадкой. В период, покрываемой Книгой 3 («Зима»), врач Торес Лахл полностью понимает смысл Смертельного Ожирения — включая соотношение выживших и умерших. В этот период произошло несколько великих затмений, в результате чего всплески Костной Лихорадки стали еще более свирепыми, чем прежде. Всего между годами 630 и 658 ПА произошло двадцать затмений.

Затмения происходят по следующей схеме. Орбита Гелликони и планет-сестер наклонена к орбите вращения

Беталикса вокруг Фрейра под углом в 10 градусов. Орбита Гелликонии пересекает плоскость большой орбиты в двух точках. Прямая, соединяющая эти две точки, представляет собой линию узлов. Когда Фрейр проходит через линию узлов и Гелликония, Беталикс и Фрейр оказываются на одной прямой, происходит затмение великого света.

Меньший цикл затмений происходит с другой стороны периастра и продолжается в течение 9,45 лет. В соответствии с законом Кепплера, скорость Беталикса вблизи Фрейра увеличивается. Таким образом, продвижение из области затмений Смертельного Ожирения до положения пост-периастра происходит за меньшее время, чем перемещение от момента пост-периастра до момента Смертельного Ожирения в год 630 ПА. Вторая серия затмений происходит в год 1424 ПА.

НОСИТЕЛИ ВИРУСА

Носителями гелико-вируса являются артроподы, или вши. Эти создания быстро переносят вирус от фагоров к людям. Фагоры иммунны к гелико-вирусу. Людской обычае́й содержать фагоров в виде рабов и солдат в течение Великого Лета и после него приводит к тому, что вши и вирус все это время существуют в непосредственной близости к людям, (хотя и вирус в этот период пребывает в неактивном состоянии).

Гелико-вирус является свидетельством (для тех, кто понимает) как враждебности настоящего времени между фагорами и людьми, и так и древнего союза, когда обе расы жили в тесном соседстве.

Болезнь, сама по себе ужасная, является основой выживания человеческой расы на планете, поскольку выживание в большой степени зависит от изменения массы/формы тела. Таким образом, достигнув полного истребления своих недругов, фагоров, люди тем самым вынесут и себе смертельный приговор.

По крайней мере, такой представляется ситуация. Если в какое-нибудь Лето людские нации прекратят междоусобные войны, если они объединятся и решительно уничтожат легионы фагоров, но при этом если смогут сохранить небольшое число анципиталов в подобию зоологических садов, только тогда человечество Гелликоники сумеет вырваться из оков его сегодняшних ограничений. Но только в том случае, если удастся соблюсти эти сложные «если»...

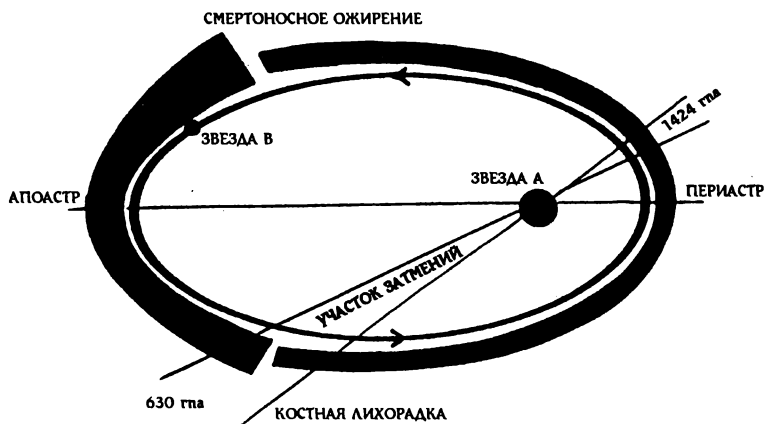

Рис. 5. Диаграмма изменения человеческой биомассы под влиянием гелико-вируса.

Приложение 5

Харнабхар

Харнабхар — это небольшой городок в отдаленном районе Сиборнела. Город знаменит своим великим каменным сооружением, Великим Колесом Харнабхара. Первоначально священное место поклонения, постепенно Колесо стало местом заключения для преступников.

Известность Колеса всеобщая. Когда СарториИрвраш прибывает в Аскитош (Кн. 2, гл. 11), он видит вымпелы, штандарты и гобелен, на которых значится символическое изображение Колеса. «На алом фоне было изображено Великое Колесо, влекомое по небесам гребцами, с блаженными улыбками на лицах и в лазурного цвета одеждах, по направлению к колоссальной фигуре Матери, из чьих ноздрей, рта и грудей на алый небосклон изливались потоки звезд».

Главный и возможно единственный путь в Харнабхар лежит из порта Ривеник, что на берегу моря Климента, на север через горы Шивенинского хребта. Длина этого пути составляет около 2400 миль, равное пути из Гибралтара на север Норвегии.

Великое Колесо

Колесо представляет собой кольцо, вырубленное из гранита одной из скал Шивенинского хребта. Колесо вращается внутри горы Харнабхар, и снаружи горы находится лишь малая часть колеса. Архитекторы, создавшие в далекие времена Колесо, закодировали в него элементы окружающего мира, в смысле сохранения астрологической симметрии. «То, что Наверху, подобно тому, что Внизу». Жрецы, которые первыми поселились в Колесе, применяли его в качестве инструмента, назначение которого есть про-

движение мира по небосклону, из Зимы к гостеприимному свету и теплу Фрейра.

Первоначально Колесо было посвящено Богу Азоиакику (означающее «нечто, что вращается за пределами жизни» — впоследствии получившее смысл как «нечто, что существовало до жизни и вокруг чего происходит колдовращение жизни»).

Скрытое большей частью внутри горы, Колесо наклонено к плоскости горизонта под углом 5 градусов. В то же время основание, на котором происходит вращение колеса, наклонено на 4 градуса. Эта небольшая разница позволяет реке, текущей вдоль основания Колеса, заносить в угловой зазор ил, действующий в качестве смазки.

Трехстенные камеры вроде альковов проходят вдоль наружной поверхности Колеса. Колесо находится в непрерывном движении, день за днем. Неподвижная четвертая стена не является частью Колеса, хотя и служит для закрытия доступа в камеры; четвертая стена является частью цельной неподвижной скалы — это сама гора Харнабхар. В скалу вмурованы несколько сотен колец, к которым прикреплены отрезки цепей. Цепи висят через интервалы 125 сантиметров. При помощи этих цепей заключенные в одной тысяче восьмидесяти пяти камерах могут тянуть самих себя через тьму и ночь гранитного заключения. По сигналу труб священников, заключенные все одновременно тянут за свои цепи. Таким образом Колесо совершает свой путь сквозь скалу или же — как до сих пор продолжают некоторые уверять — по небесам.

Некоторые технические данные

Диаметр Колеса — 1825 метров (Число Малых Лет в Великом Годе)

Толщина Колеса — 13,19 м (1319 год заката Фрейра или год Мриквир на широте Харнабхара, считая с момента апоастра).

Высота Колеса — 6,60 м (12 раз 55, географическая широта Колеса)

Высота камер — 240 см (= 6 недель в одном теннере × 40 минут в одном часе)

Ширина камер — 250 см (+ 10 теннеров в одном годе × число часов в году)

Длина камер — 480 см (= число дней в Малом Году)

Толщина стен между камерами — 0,64159 м
(+ ширина камеры дает число π)

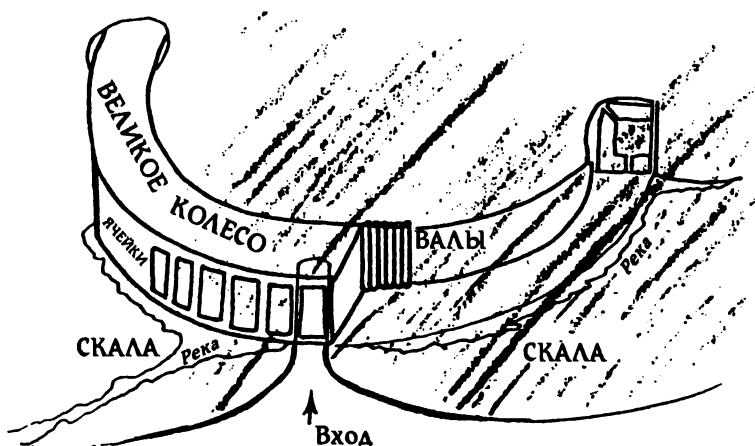

Рис. 6. Схема Великого Колеса в граните горы Харнабхар.
(Проекция Бамбека)

По прошествии десяти лет заключенный продвигает Колесо до того места, от которого он начал свой срок заключения. Таким образом завершается обращение. В этот последний день заключенный видит свет вместо камня на месте четвертой стены своей камеры и может выйти наконец на свободу; в камеру, находящуюся перед его камерой в тот же день входит новый заключенный, чтобы начать свой десятилетний путь сквозь скалу. Это безостановочное вращение некоторые понимают как эхо неустанного орбитального вращения над Гелликонией Аверна, несущегося высоко над Харнабхаром.

Приложение 6

Население

Гелликония населена очень неравномерно, по крайней мере в том, что касается изменения численности населения людей и фагоров. В таблице ниже показано, каким образом количество этого населения изменяется в течение времен Великого Года, от столетий крайнего холода к наибольшей жаре.

	Апоастр		Периастр	
	люди	фагоры	люди	фагоры
		<i>миллионы</i>		
Сиборнел	3,5?	10	25	14
Кампаннлат	8	23	64	35
Геспагорат	4	11	9	19
Под-итог	15,5	44	98	68
Итог		59,5		166

Вес планетарной биомассы прямо пропорционален солнечной энергии, поглощаемой планетной поверхностью. В период апоастра общая масса равна одной трети массы периастра.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Прелюдия: Юлий	15
Эмбруддок	120
Глава I. Смерть патриарха	121
Глава II. Прошлое подобно сновидениям	133
Глава III. Прыжок с башни	153
Глава IV. Положительный температурный градиент	165
Глава V. Двойной закат	179
Глава VI. “Когда я был весь Беффудок...”	204
Глава VII. Фагоры предпочитают холод	227
Глава VII. В обсидиане	248
Глава IX. В шкуре хоксни и без нее	292
Глава X. Достижения Лейнтала Эй	332
Глава XI. Когда ушла Шей Тал	344
Глава XII. Лорд острова	369
Глава XII. Вид с пол-руна	386
Глава XIV. Сквозь игольное ушко	417
Глава XV. Вонь сожжения	445
 Благодарности	 476
Приложения	477
1. Космология	479
2. Фагоры	490
3. Другие виды	494
4. Люди Гелликонии	501
5. Харнабхар	507
6. Население	510

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Олдисс Брайан
Весна Гелликонии
Романы

Редактор А. Синицын
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор Н. Белова
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство “Самарский Дом печати”»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Брайан Олдисс.

Мастер «золотого века» мировой фантастики — и один из немногих англичан, которых «считали за своих» американские фантасты.

Писатель, ТРИЖДЫ резко менявший творческий «стиль и почерк» — от добротной «традиционной» научной фантастики к «Новой волне», а после того как «Новая волна» «схлынула» — назад, к традиции.

Обладатель огромного количества премий и наград — от «Хьюго» и «Небьюлы» до итальянской «Кометы д'Ардженто» и французского «приза Жюль Верна».

Перед вами — одно из лучших творений Олдисса. «Космическая сага», сравнимая по масштабу, увлекательности и эпизму лишь с «Дюной» Фрэнка Герберта.

Сага о планете Гелликония, на которой каждый «великий год» — это время жизни сотен поколений. О планете, солнце которой снова и снова оборачивается вокруг более яркой звезды, неся с каждым оборотом коренные перемены климата и экологии.

Это мир, прописанный до мельчайшей детали — от военного искусства до дипломатии, от науки — до философии.

Добро пожаловать на Гелликонию!

Весна Гелликонии
Лето Гелликонии
Зима Гелликонии

ISBN 5-17-020157-5

9 785170 201570